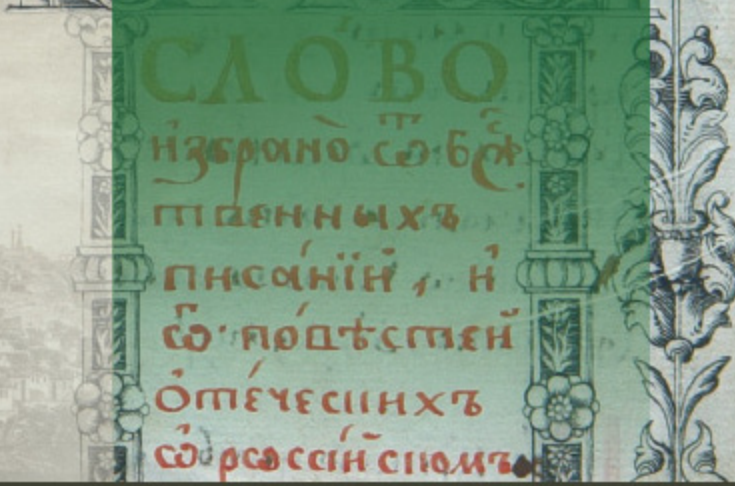
священник И. А. Никулин

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ИГНАТИЙ (РИМСКИЙ-КОРСАКОВ), МИТРОПОЛИТ СИБИРСКИЙ И ТОБОЛЬСКИЙ

Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский
свящ. И.А. Никулин

Православная религиозная организация — учреждение высшего профессионального религиозного образования Русской Православной Церкви
«ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ»

священник И. А. Никулин

Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский

Екатеринбург
Екатеринбургская духовная семинария
2015

УДК 929/271.2
ББК 63.3(2)4/86.37
Н 65

По благословению Высокопреосвященного Кирилла,
митрополита Екатеринбургского и Верхотурского

Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р15-507-0401

Ответственный редактор:
канд. ист. наук, доцент И. Л. Манькова
Рецензент:
канд. ист. наук, доцент, протоиерей Петр Мангилев

Никулин И. А., священник
Н 65 Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский. Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2015. 313 с.

ISBN 978-5-8295-0354-3

В монографии на основании широкого круга источников, в том числе неопубликованных, сделана попытка реконструировать биографию, список трудов и мировоззрение известного церковного деятеля, писателя и мыслителя последней трети XVII в. преосвященного Игнатия (Римского-Корсакова), митрополита Сибирского и Тобольского. Владыка Игнатий оставил значительный след в церковной жизни Московского государства в 80-х — начале 90-х гг. XVII в., а также проявил себя как один из видных архипастырей Тобольской епархии XVII в.

УДК 929/271.2
ББК 63.3(2)4/86.37

© священник И. А. Никулин, 2015
© Екатеринбургская духовная семинария, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ **5**

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ **8**

1.1. История изучения жизни и творчества митрополита Игнатия **8**

1.2. Обзор источников . . . . . **.25**

ГЛАВА 2. МИТРОПОЛИТ ИГНАТИЙ (РИМСКИЙ-КОРСАКОВ): ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ . . . **.35**

2.1. Жизнь и деятельность преосвященного Игнатия (Римского-Корсакова) до 1692 г. . . . . . **.35**

2.2. Митрополит Игнатий на Тобольской кафедре . . . **.61**

Тобольский архиерейский дом в конце XVII в. *66*

Борьба с расколом и «путное шествие» *85*

Внутренняя и внешняя миссия при митрополите Игнатии *114*

Взаимоотношения владыки Игнатия с монастырями и приходами *124*

Отъезд в Москву и удаление на покой *135*

2.3. Круг общения преосвященного Игнатия (Римского-Корсакова) . . . . . **.148**

2.4. Келейная библиотека владыки Игнатия . . . . . **.155**

ГЛАВА 3. ПИСЬМЕННЫЕ ТРУДЫ ТОБОЛЬСКОГО МИТРОПОЛИТА ИГНАТИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ЕГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ . . **161**

3.1. Письменные труды: атрибуция, содержание, литературные особенности **161**

Богословско-учительные и панегирические сочинения. *163*

Жития и исторические сочинения *182*
Архиерейские послания *191*
Эпистолярное наследие *206*

3.2. Реконструкция мировоззрения митрополита Игнатия **211**
Концепция «византийского (константинопольского) наследия» *211*
Отношения «священства» и «царства» *217*
Образы царей Петра и Иоанна *225*
Отношение к грекам *227*
Взгляд на историю старообрядческого раскола . . . *232*
Восприятие преосвященным Игнатием своего архипастырского служения *244*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ **254**

СОКРАЩЕНИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ **260**

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА **261**

I. Источники **261**
Опубликованные источники *261*
Неопубликованные источники *267*

II. Литература **268**

III. Диссертации и авторефераты диссертаций **289**

IV. Электронные ресурсы **290**

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ **292**

SUMMARY **303**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Личность преосвященного Игнатия (Римского-Корсакова), митрополита Сибирского и Тобольского, несомненно, представляет интерес с самых различных сторон, и как главы крупнейшей территориально епархии в Русской Церкви XVII в., и как положившего начало почитанию святого праведного Симеона Верхотурского, и как книжника уходящей эпохи, и как одного из видных представителей грекофильской партии. Наверноое этот список можно было бы продолжать, однако сам факт, что он носил высокий сан архиерея, уже достаточен, чтобы привлечь внимание историка. Впрочем, и это в контексте современного интереса к личности человека, к истории личности, истории повседневности и быта теряет свой смысл.

Время перехода от XVII столетия к веку восемнадцатому, по-своему очень интересное, и во многом еще ожидает своего кропотливого историка. Нашей небольшой работой хотелось хоть немного двинуться в этом направлении. К началу XXI в., когда были нами сделаны первые робкие попытки подойти к данной теме, в историографии сложился уже некоторый образ пресвященного Игнатия. И в начале своего пути мы невольно следовали за сложившимися представлениями. Однако со временем стал получаться совершенно иной Игнатий. По мере сил хотелось стремиться следовать за фактами, но об этом судить читателю. Мы не претендуем на то, что наш образ верный или даже более верный, просто он совершенно иной, и поэтому в работе, дискуссия с предшественниками касается только конкретных фактов биографии, но не личности в целом, не образа митрополита Игнатия.

К сожалению, следование фактам, в нашем случае, не означает полной объективности исследования, где-то, увы, мы поддаемся ощущению, где-то увлекаемся, где-то наши представления смешиваются с представлениями исследуемой личности. Не удалась нам и детальная прорисовка контекста жизни, деятельности

и мировоззрения митрополита, которая могла бы привести созданию более широкой и интересной исторической картины. Однако некоторый путь пройден, образ епископа-книжника, человека со сложным и противоречивым характером, создан, и хотелось бы поделиться им, прежде всего, со специалистами, заинтересованными в данной проблематике; с другой стороны, хочется верить, что данное исследование послужит стимулом для дальнейшего изучения реалий жизни Русской Церкви в предпетровское время.

Надеемся, что книга о личности митрополита Игнатия, церковного деятеля и писателя, положившего начало почитанию святого праведного Симеона Верхотурского, вызовет симпатии и у более широкого круга читателей.

Главное, что хотелось бы сказать в предисловии — это слова благодарности всем людям, без которых бы это исследование не состоялось. Прежде всего, моей семье — горячо любимым жене Монике и сыновьям Федору и новорожденному Михаилу, родителям протоиерею Александру и Галине Игоревне Никулиным — за терпеливое понимание и всемерную поддержку. Огромная сердечная благодарность моим научным руководителям протоиерею Петру Мангилеву, Алексею Константиновичу Светозарскому и Ирине Леонидовне Маньковой за вдумчивое и кропотливое руководство моей работой в Екатеринбургской духовной семинарии и на историческом факультете Уральского государственного университета, в Московской духовной академии, в аспирантуре Института истории и археологии УрО РАН. Без них исследование так и осталось бы на стадии курсовой работы. Искреннюю благодарность приношу моим рецензентам и оппонентам, высказавшим ценные замечания на защитах различного уровня: А.Т. Шашкову, В.М. Кириллину, Г.В. Бежанидзе, иеромонаху Петру (Гайденко), Е.М. Главацкой, Н.Д. Зольниковой, О.Д. Журавель, А.Г. Мосину, свящ. К. Костромину, Е.А. Полетаевой. Теплые слова хочется сказать новосибирским и уральским археографам, работникам архивных учреждений и библиотек, коллегам по Екатеринбургской духовной семинарии, Московской духовной академии и Институту истории и археологии Уральского отделения РАН, а именно:

Н. С. Каримовой, А. В. Разину, С. Ю. Акишину, И. Е. Кожевникову и многим другим, поддерживавшим мои скромные труды и дававшим ценные замечания и советы в течение многих лет.

Слова сыновней благодарности хочется принести и трем архипастырям, заботами которых создана данная книга: митрополиту Ташкентскому Викентию, митрополиту Екатеринбургскому Кириллу, архиепископу Верейскому Евгению.

Священник И. Никулин

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

1.1. История изучения жизни и творчества митрополита Игнатия

Историю изучения жизни и деятельности митрополита Игнатия можно разделить на два основных периода — дореволюционный и современный.

Если не считать летописных известий о преосвященном Игнатии (о них см. ниже), то интерес к его жизни и деятельности возник уже во второй половине XVIII в. Первый шаг в изучении творчества Сибирского архипастыря сделал Н.И. Новиков. В своем «Опыте исторического словаря о российских писателях» он кратко сообщил, что архимандриту Игнатию принадлежит два произведения — «Известие об увещании раскольников» и «Слово о Российском царствии»[1]. Более подробные сведения привел в 1827 г. в своем словаре митрополит Евгений (Болховитинов). Он уже упоминает основные вехи из жизни преосвященного — стольник при Алексее Михайловиче, экклесиарх на Соловках, архимандрит Новоспасского монастыря и Тобольский митрополит. Расширился и список произведений — к упомянутым уже митрополит Евгений добавил Житие праведного Симеона Верхотурского и три сибирских послания[2]. В 1846 г. В.М. Ундольский опубликовал предисловие к Соловецкому ирмологию, написанное от лица Соловецкого архимандрита Макария[3], без каких-либо указаний на авторство.

[1] *Новиков Н.И.* Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. С. 69. Книга переиздана: *Новиков Н.И.* Опыт исторического словаря о российских писателях. Факсимильное воспроизведение книги изданной в 1772 г. М., 1987.

[2] *Евгений (Болховитинов), митр.* Игнатий // Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-российской Церкви. М., 1995. С. 114–115.

[3] Предисловие к Ирмологу Соловецкого монастыря, составленному в 1678 г. при архимандрите Макарии // *Ундольский В.* Замечания для истории церков-

Во второй половине XIX в. интерес к Сибирскому архипастырю начал возрастать. Так, в 1855 г. в Казани были опубликованы «Сибирские послания» против раскольников, по рукописи Соловецкого собрания. В своеобразном введении были указаны те же биографические данные. Перед каждым посланием было приведено его содержание[4].

Тобольскому периоду жизни владыки посвятил свою статью Н.А. Абрамов, которая не содержала принципиально новых сведений о преосвященном Игнатии, а в вопросе его деятельности уделяла внимание событиям происшедшим в Сибири в период его архипастырства[5].

П.М. Строев, публикуя Библиологический словарь, включил туда и краткую заметку о преосвященном. В частности, он отметил местонахождение наиболее исправных списков окружных посланий, «Слова перед Крымским походом» и «Сказания о Софии Премудрости Слова Божия». В статье об иеродиаконе Кариане Истомине он упомянул о совместной поездке с архимандритом в Смоленск по делу владыки Симеона[6]. В своих «Списках иерархов и настоятелей монастырей» П.М. Строев упоминает иеромонаха Игнатия как строителя Крестомаровской пустыни (впрочем, не соотнося его с личностью митрополита Сибирского)[7].

Вскоре ученым стали известны еще два произведения архимандрита Новоспасского монастыря. А. Лебедев опубликовал «Возобличение на лютеранский катехизис» и «Слово на латин и лютеров». Принадлежность иеромонаху Игнатию первого указывалась в заглавии, а второе было приписано исследователем

ного пения в России. М., 1846. С. 34–39.

[4] Послания блаженнаго Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского. Казань, 1855.

[5] *Абрамов Н.А.* Игнатий (Римский-Корсаков), митр. Сибирский и Тобольский // Странник. 1862. Апрель. С. 157–167; статья переиздана: *Абрамов Н.А.* Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 165–173.

[6] *Строев П.М.* Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882. С. 112–113, 165, 392.

[7] *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския Церкви. СПб., 1877. С. 338.

неизвестному автору[8]. Но в 1886 г. Д. Цветаев подробно обосновал принадлежность «Слова на латин и лютеров» архимандриту Новоспасского монастыря, а также широко его процитировал в своем исследовании об инославных исповеданиях в России в XVII в.[9]

Обобщить накопленные данные о митрополите Игнатии попытался И.А. Шляпкин в своем труде о святителе Димитрии Ростовском. Вначале он упоминает лишь о части вышедшей к тому времени литературы, а затем переходит к кратким биографическим сведениям, упоминая о службе будущего митрополита на Соловецком подворье в Москве и о составлении им совместно с Тихоном Макарьевским описи одной из московских церквей. Последнее стало своеобразным историографическим мифом, встречающимся в большинстве работ о митрополите Игнатии. В остальном И.А. Шляпкин приводит уже известные сведения. Отдельно от биографических данных он составил список известных литературных трудов митрополита, упоминая о публикациях и местах хранения рукописей. К упомянутым уже произведениям он добавил житие Анны Кашинской, житие и завещание патриарха Иоакима. Всего в его список вошло десять трудов. В конце автор пытается проанализировать деятельность митрополита Игнатия. Однако, выводы, к которым он приходит, сомнительны. Он считал, что будущий митрополит Игнатий выслуживался перед властями, меняя взгляды при изменении политической ситуации, полагая, что не брезговал Новоспасский архимандрит и доносами. Упоминает исследователь об участии архимандрита Игнатия в церковно-политических процессах конца XVII в.: в допросе дьякона Иакова, в увещании Сильвестра Медведева[10].

Интересные сведения привел Н.Н. Оглоблин, описывая домашнюю библиотеку преосвященного Игнатия. Помимо частичной

---

[8] *Лебедев А.* Полемические сочинения XVII века против латинян // ЧОИДР. 1884. Кн. 3. С. I–IV, 1–32.

[9] *Цветаев Д.* Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. М., 1886. С. 212–236.

[10] *Шляпкин И.А.* Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709 г.). СПб., 1891. С. 168–170.

публикации самих описей, он проследил судьбу имущества митрополита и указал официальную причину удаления архипастыря в Симонов монастырь[11]. В другой небольшой заметке он сообщил о том, что митрополит в Москве в 1700 г. брал у Алексея Коробовского две книги для переписывания или же для покупки[12].

Авторы Русского Биографического словаря повторяют, в основном, сведения, приведенные И.А. Шляпкиным, но добавляют и новые, о том, что иеромонах Игнатий, живя на Соловецком подворье, управлял Моргуловской пустынью, а также и о столкновении митрополита Игнатия в Тобольске с местными властями[13].

Ценные сведения об участии будущего Тобольского архипастыря в деле Смоленского митрополита Симеона привел в двух статьях Н.П. Попов[14].

Ряд попыток рассмотреть деятельность митрополита Игнатия в Сибири был предпринят в конце XIX в. В основном в работах повторяются сведения, приведенные Н.А. Абрамовым, в них деятельность митрополита оценивается весьма положительно[15].

Известный историк и краевед священник А. Сулоцкий постарался собрать воедино известные сведения. Он отмечал большую образованность митрополита, усердную борьбу с расколом в Сибири, приводил некоторые подробности конфликта с тобольскими воеводами, оценивая его как борьбу церковной власти

---

[11] *Оглоблин Н.Н.* Библиотека сибирского митрополита Игнатия, 1700 г. // Библиограф. 1892. № 8–9. Отд. 1. С. 286–291.

[12] *Оглоблин Н.Н.* Бытовые черты начала XVIII века. XIV. Дело об «Истории Скифийской» // ЧОИДР. 1904. Кн. 1. Отд. III. С. 11–14.

[13] Игнатий // Русский библиографический словарь. Т: Ибак–Ключарев. М., 1994. С. 47.

[14] *Попов Н.П.* 3. О поездке в Смоленск к митроп. Симеону «для великих духовных дел» // ЧОИДР. 1907. Кн. 2. Отд. V. С. 38–44; *Он же.* Соборы патриарха Иоакима на митрополита Смоленского Симеона // Смоленская старина. 1909. Вып. 1. С. 313–343.

[15] *Зауральский.* Игнатий митрополит Сибирский и Тобольский // Монастырь. 1908. № 11. С. 72–76, № 12. С. 86–90; *Попов Е., прот.* Великопермская и Пермская епархия (1379–1879). Пятистолетие проповеди св. Стефана Пермскаго, почти столетие Перми и почти трехстолетие покорения Сибири. Пермь, 1879. С. 80–81.

против злоупотреблений и безнравственности воевод. Сообщил автор и о замене десятильников, однако совершенно не связывая ее с их злоупотреблениями, а также о начале пекинской миссии[16].

Интересно оценивает деятельность владыки известный историк И. Покровский. Описывая обширность Сибирской епархии и подчеркивая обреченность Тобольского архиерея в данной ситуации, он пишет: «При таких условиях нравственно тяжелой службы Сибирского архиерея мудрено было не сойти с ума». Таким образом, он видел причину душевного расстройства митрополита в сложных условиях Сибири, невозможности ее обозреть и подобрать хоть как-то образованных священников[17].

В начале XX в. Н.П. Лихачев начал изучение и частично опубликовал «Генеалогию» дворян Корсаковых, а также установил по позднейшим родословным имя митрополита в миру — Иван Степанович. Но приписать «генеалогию» преосвященному Игнатию исследователь не мог, в виду того, что ветвь Ивана Степановича в ней не отражена. Ученый также упомянул о сборнике житий, внесенном в 1667 г. в Крестомаровскую пустынь монахом Игнатием (Корсаковым). Н.П. Лихачев предположил, что сей монах и есть будущий сибирский митрополит[18].

До революции были изданы и другие статьи о преосвященном Игнатии, большинство из которых лишь повторяют уже известные сведения[19].

[16] Архипастыри Тобольской епархии // Религия и Церковь в Сибири. Сб. научн. ст. и док. мат-лов. Вып. 4. Тюмень, 1992. С. 76–89.

[17] *Покровский И.* Русския епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Т. I (в XVI – XVII вв.) Казань, 1897. С. 534.

[18] *Лихачев Н.П.* «Генеалогия» дворян Корсаковых // Сборник статей в честь Дмитрия Фомича Кобеко от сослуживцев по императорской публичной библиотеке. СПб., 1913. С. 91–114.

[19] *Сулоцкий А.И.* Сочинения в 3 т. Т. 2. О сибирском духовенстве. Тюмень, 2000. С. 89; *Боцяновский В.Ф.* Игнатий // Энциклопедический словарь. Т. 24. Б. м., 1991. С. 783; Пермская летопись 1263–1881 гг. Т. 5. Пятый период. Ч. 1. с 1682–1694 г. / *сост. В. Шишонко.* Пермь, 1885. С. 563–564; *Венгеров С.* Источники словаря русских писателей Т. II. Гогоцкая — Карамзин. СПб, 1908. С. 473; *Он же.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала

Ряд интересных сведений о Тобольском архипастыре был приведен в исследованиях о его современниках. Известный дореволюционный историк В. Верюжский приводит сведения о дружбе митрополита с преосвященным Афанасием (Любимовым), архиепископом Холмогорским[20]. В другой работе об архиепископе Афанасии приводятся данные об обмене письмами в 1700 г.[21] В работе М.Н. Сменцовского, посвященной братьям Лихудам, будущий сибирский митрополит рассматривается как сторонник последних в споре о времени Преосуществления Святых Даров. Упоминается его участие и в суде над Сильвестром Медведевым[22]. Автор представляет архимандрита Игнатия строгим поборником православной веры. Немного с другой стороны рассматривается его участие в упомянутых спорах в работе А. Прозоровского «Сильвестр Медведев»: он считал Новоспасского архимандрита противником Сильвестра Медведева и, естественно, сторонником партии патриарха Иоакима и братьев Лихудов[23]. В работе, посвященной Кариону Истомину, без оценочных суждений тобольскому митрополиту отводятся лишь сюжеты, связанные с расследованием дела смоленского владыки Симеона и конфликта с патриархом Адрианом[24].

Один из авторов классических трудов по истории Русской Церкви, архиепископ Филарет (Гумилевский), приводит краткие

русской образованности до наших дней). Т. I. Вып. 1–3. Предварительный список русских писателей и ученых и первыя о них справки (Аарон — Куликов). 2-е перераб. СПб., 1915. С. 317.

[20] *Верюжский В.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ея существования и вообще Русской Церкви в конце XVII века: церковно-исторический очерк. СПб., 1908. С. 668–669.

[21] *Постников С.* Афанасий, первый архиепископ Холмогорский и Важеский // Странник. 1866. Октябрь. С. 21. Прим. 1.

[22] *Сменцовский М.Н.* Братья Лихуды. Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII — начала XVIII веков. СПб., 1899. С. 146, 181, 226–227, 248.

[23] *Прозоровский А.* Сильвестр Медведев (его жизнь и деятельность). Опыт церковно-исторического исследования. М., 1896. С. 220, 352.

[24] *Брайловский С.Н.* Один из «пестрых» XVII столетия. СПб., 1902. С. 82–83, 189–190.

сведения о митрополите и о посылке им миссии в Китай[25]. Наследником дореволюционной исторической школы был известный эмигрант И.К. Смолич, поэтому естественно будет упомянуть о нем в дореволюционной историографии. В своем классическом труде по истории Синодальной эпохи он приводит сведения о доносительстве архимандрита Игнатия, заимствуя их, вероятно, у И.А. Шляпкина[26]. Он также предположил, что «царица Наталия помогла Игнатию получить Тобольскую митрополию»[27].

Рассматривая в целом дореволюционную историографию, можно выделить два основных направления: первое (немногочисленное) — критическое, полагавшее, что будущий митрополит заискивал перед властями, второе же, напротив, весьма положительно оценивавшее его как человека и церковного деятеля. Однако второе направление во многом поверхностно относилось к критике источников, отчасти идеализируя его деятельность.

В целом в XIX — начале XX в. историками и краеведами был сделан значительный вклад в изучение жизни и деятельности митрополита Игнатия. В этот период были опубликованы многие источники, намечены подходы к дальнейшему изучению его биографии. Можно сказать, что о нем не успели написать обстоятельной монографии, в отличии от его современников: иеродиакона Кариона Истомина, архиепископа Афанасия (Любимова), братьев Лихудов, Сильвестра Медведева и др. Конечно, возникли и некоторые историографические мифы — такие, как участие владыки Игнатия в написании жития Анны Кашинской и др.

После революции и вплоть до середины 70-х гг. XX в. жизнь Сибирского архиерея внимание исследователей не привлекала.

Новый всплеск интереса к нашей теме начался в 1970–80-х гг. с публикаций Н.А. Дворецкой и А.П. Богданова, который внес большой вклад в комплексное изучение литературного наследия и деятельности митрополита Игнатия. Первоначально он

---

[25] *Филарет, архиеп.* История Русской Церкви в пяти периодах. М., 2001. С. 519–520, 655.

[26] *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Т. 8. Ч. 2. М., 1996. С. 222.

[27] *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Т. 8. Ч. 1. М., 1996. С. 504.

прокомментировал и издал два Слова перед войском 1687 г. и «Свидетельство ко образу... Софии Премудрости Слова Божия». В предисловии к изданию автор указал еще несколько ранее неизвестных трудов преосвященного Игнатия: «Слово перед запорожскими казаками» 1673 г.; «Чиновник патриарших выходов и служб», составленный при участии митрополита обширный летописный свод. Издание памятников позволило исследователю рассмотреть политические взгляды иеромонаха Игнатия и прийти к заключению о независимых, самостоятельных и почти неизменных позициях преосвященного[28]. Следующей работой А.П. Богданова стало специальное исследование летописного свода, якобы составленного преосвященным Игнатием. В статье автор обосновал принадлежность этого памятника владыке и проследил основные вехи работы над сводом[29]. Попытку подытожить собранный материал историк предпринял совместно с О.А. Белобровой в «Словаре книжников и книжности Древней Руси»[30]. Особенно А.П. Богданова заинтересовала «Генеалогия... Корсаков-Римских». Он доказал принадлежность труда перу митрополита Игнатия[31] и издал рукопись[32]. Позднее А.П. Богданов попытался полностью проанализировать жизнь и литературное творчество Сибирского архипастыря, отдавая предпочтение его общественно-политическим взглядам. В двух обширных статьях, первая из которых охватывает период до поставления на сибирскую кафедру[33], а вторая —

---

[28] Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики. М., 1983. № 15, 16, 32.

[29] *Богданов А.П.* Общерусский летописный свод конца XVII в. в собрании И.Е. Забелина // Русская книжность в XV–XIX вв. М., 1989. С. 183–209.

[30] *Белоброва О.А.*, *Богданов А.П.* Игнатий // Словарь книжников и книжности Древней Руси (далее — СККДР). Вып. 3 (XVII в.) Ч. 2. И–О. СПб., 1993. С. 26–31.

[31] *Богданов А.П.* «Генеалогия» и ее автор (Игнатий Римский-Корсаков) // Чистякова Е.В., Богданов А.П. «Да будет потомкам явлено...». Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М., 1988. С. 86–102.

[32] *Игнатий (Римский-Корсаков), митр.* Генеалогия явленной от сотворения мира фамилии... Корсаков-Римских. М., 1994.

[33] *Богданов А.П.* Творческое наследие Игнатия Римского-Корсакова // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 6. Ч. 1. М. 1993. С. 165–248.

всю жизнь митрополита[34], он подробно обосновал свое мнение касательно нового имени владыки в миру (Илья Александрович), изложил биографию преосвященного Игнатия с анализом некоторых произведений (в первую очередь тех, в которых излагаются общественно-политические взгляды Тобольского архипастыря). Произведения церковного характера только лишь упоминаются. В целом А.П. Богданов написал относительно цельную биографию Сибирского архиерея. Дополнительную ценность работе придает попытка вписать деятельность архимандрита Игнатия в Москве в контекст исторических событий и проследить его взаимосвязи с видными книжниками второй половины XVII в. Недостатком работы является оставленный в стороне целый пласт церковной деятельности митрополита. По сути, владыка интересует А.П. Богданова только как писатель-публицист и историк. Нельзя согласиться с некоторой идеализацией исследователем допетровского времени и своеобразным делением «героев» того времени на положительных и «не очень»[35].

В последнее время появился ряд статей А.П. Богданова научно-публицистического характера, в которых он приводит и излагает материал, ранее введенный им в научный оборот[36]. Одна из последних энциклопедических статей А.П. Богданова подтверждает эти тенденции. Три четверти статьи посвящено литературной деятельности будущего сибирского владыки до поставления на Сибирскую кафедру[37]. В целом труды исследователя напоминают скорее хронологический обзор литературных трудов, чем научную биографию.

Значительных успехов достигли исследователи отдельных эпизодов жизни и деятельности митрополита Игнатия

[34] *Богданов А.П.* От летописания к исследованию. Русские историки последней четверти XVII века. Ч. I. М., 1995.

[35] *Лобачев С.В.* От переводчика // Хьюз Л. Царевна Софья. СПб., 2001. С. 8.

[36] *Богданов А.П.* Начало исторической науки в России: Неизвестный труд Игнатия Римского-Корсакова // Вестник РАН, 1999. Т. 69. № 3. С. 256–267; *Богданов А.П.* Европейский историк в России XVII века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000. С. 69–86.

[37] *Богданов А.П.* Игнатий (Илья Александрович Корсаков) // Большая Российская энциклопедия. Т. 10. М., 2008. С. 677–678.

(Римского-Корсакова). Так, с критикой выводов Н.П. Лихачева и А.П. Богданова о мирском имени сибирского владыки выступил крупнейший специалист в области боярских книг М.П. Лукичев. Он наглядно показал, что ни Иван Степанович Корсаков, ни Илья Александрович Римский-Корсаков не могли принять монашеский постриг[38].

О деятельности иеромонаха Игнатия на Соловках и о его участии в работе над Соловецким ирмологием упоминает И.А. Чудинова[39]. Она на основании рукописи Соловецкого ирмология установила основные этапы работы иеромонаха Игнатия над рукописью, отметила его автографы.

Значительный вклад в изучение московского периода жизни архимандрита Игнатия внесла В.Г. Брюсова. Она подробно изучила историю росписи Преображенского собора Новоспасского монастыря, организованную архимандритом Игнатием. Исследовательница особо подчеркивает идейное участие будущего сибирского владыки в создании фресок главного храма обители[40]. Относительно внимательно, но, увы, весьма компилятивно, свящ. А. Круглик представил деятельность архимандрита Игнатия в Новоспасском монастыре. Автор во многом придерживается точки зрения А.П. Богданова[41].

В последние десятилетия значительные успехи были достигнуты в изучении отдельных аспектов деятельности владыки

[38] *Лукичев М.П.* К вопросу о происхождении митрополита Игнатия — историка и публициста XVII века // Лукичев М.П. Боярские книги XVII века: труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 333–335.

[39] *Чудинова И.А.* День соловецкого клирошанина («клиросское житие» и «житие монашеское» по архивным документам и рукописям Соловецкого монастыря XVII–XVIII вв.) // Наследие монастырское культуры: ремесло, художество, искусство: статьи, рефераты, публикации. СПб., 1998. Вып. 3. С. 123–131. URL: http://www.solovki-monastyr.ru/biblioteka015.htm (дата обращения: 30.09.2010).

[40] *Брюсова В.Г.* София Премудрость Божия в Древнерусской литературе и искусстве. М., 2006; *Она же.* Гурий Никитин. М., 1982; *Она же.* Федор Зубов. М., 1985.

[41] *Круглик А., свящ.* История Московского Новоспасского монастыря. Канд. дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 1999. С. 45–50, 215–220.

Игнатия, в основном сибирского периода его жизни. К этой теме обращались академик Н.Н. Покровский, А.Т. Шашков, протоиерей П. Мангилев. Литературное творчество владыки привлекло внимание Л.Б. Вороновой, Н.А. Дворецкой, О.Д. Журавель, Т.В. Панич и других.

Так, академик Н.Н. Покровский обстоятельно проанализировал причины, обстоятельства и результаты судебно-следственного дела о злоупотреблениях десятильников в Сибири[42]. Основную ответственность за «дело десятильников» исследователь возлагает на сибирского архипастыря. Также в фонде Сибирского приказа (РГАДА) Н.Н. Покровскому удалось найти уникальные документы о посылке книг в Сибирь при митрополите Игнатии. В небольшой статье, посвященной этой находке, он высказал ряд ценных замечаний по истории бытования книги в Сибири в конце XVII в.[43]

А.Т. Шашков рассмотрел антираскольническую деятельность архиерея, связанную с «делом» Иосифа Астомена, посланиями «против арменоподражателей раскольников», с «путным шествием» митрополита в «верховые города» и планами на поездку в «низовые города» Сибири. Отдельное внимание в своих работах А.Т. Шашков уделил взаимоотношениям Москвы и тобольских воевод с владыкой Игнатием[44]. Поставление его митрополитом в Сибирь он понимал как почетную ссылку, связанную

[42] *Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 146–189. Статья переиздана: *Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках // Покровский Н.Н. Российская власть и общество: XVII–XVIII вв. Новосибирск, 2005. С. 375–413.

[43] *Покровский Н.Н.* Новые материалы из истории сибирской культуры конца XVII в. Проблемы изучения культурного наследия / отв. ред. Г.В. Степанов. М., 1985. С. 241–242.

[44] *Шашков А.Т.* Сибирский митрополит Игнатий и «дело» Иосифа Астомена // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма: сб. науч. тр. Свердловск, 1991. С. 36–49; *Он же.* «Путное шествие» митрополита Игнатия Римского-Корсакова по Сибирской епархии в конце XVII в.: планы и реальность // Русские старожилы: мат-лы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2000. С. 337–339.

с тем, что архимандрит Игнатий был сторонником царевны Софьи, а в 1700 г. отозван из Тобольска в связи с утратой доверия (дело десятильников). Исследователь считал, что Москва всячески тормозила развитие деятельности митрополита в Сибири, в первую очередь связанной с поездками по епархии. Одной из причин, по его мнению, была позиция тобольских воевод, которые препятствовали этим поездкам. Исследователь изучал и историю возобновления Воскресенского монастыря г. Березова при митрополите Игнатии, в частности участие в этом ссыльного иеромонаха Михаила (Харзеева), вероятно, знакомого владыке Игнатию еще по Соловкам и Москве[45].

Уточнению хронологии поездки тобольского архиерея по епархии посвятил свою статью протоиерей П. Мангилев[46]. Он привел убедительные доказательства в пользу датировки «путного шествия» зимой 1694/95 гг. и указал маршрут следования митрополичьего поезда. В своей работе он подчеркивает, что проповедь, в том числе антистарообрядческая, была одной из главных задач объезда Сибирской епархии.

Сюжет, связанный с арестом приказчика Федора Томилова и участием митрополита в этом деле, представил в своей диссертации В.Е. Борисов[47]. На сложные взаимоотношения главы Сибирского приказа А. Виниуса и тобольского владыки обратил внимание И.Н. Юркин. Он попытался оправдать действия главного героя своей книги А. Виниуса[48], объясняя их государственными интересами.

---

[45] *Шашков А.Т.* К истории Воскресенского монастыря и церквей города Березова // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 33. С. 187–203.

[46] *Мангилев П.И., прот.* К истории текста жития Симеона Верхотурского // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2001. С. 293–301.

[47] *Борисов В.Е.* Ирбитская слобода в XVII веке: социальная структура и повседневные отношения в локальном сообществе: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 154–155.

[48] *Юркин И.Н.* Андрей Андреевич Виниус 1641–1716 / отв. ред. В.Н. Захаров. М., 2007. С. 261–266.

В ряде работ автора настоящего исследования уделено внимание церковной деятельности митрополита Игнатия, малоизученным страницам его биографии[49].

В церковной публицистике последнего времени имя митрополита Игнатия упоминается лишь изредка, в основном в связи с повествованием о святом праведном Симеоне, встречаются и небезынтересные статьи[50].

В 1970–80-е гг. интерес ученых был направлен и на письменные труды сибирского архипастыря. Впервые полный список трудов, с археографическим описанием всех известных списков, удалось создать новосибирской исследовательнице Л.Б. Вороновой. Она также высказала несколько замечаний касательно литературных особенностей его сочинений. Л.Б. Воронова учла только литературные

---

[49] *Никулин И.А.* Игнатий (Римский-Корсаков), митр. // Православная энциклопедия / под. ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. XXI. Иверская икона Божией Матери — Икиматарий. М., 2009. С. 125–127; *Он же.* Обзор жизни и деятельности митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) до поставления на Тобольскую кафедру // Сб. студ. науч. раб. / под ред. А.К. Светозарского; кафедра Церковной истории МПДА. Сергиев Посад, 2010. С. 23–59; *Он же.* Обзор жизни и деятельности митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) // Компакт-диск серии «Памятники богословской мысли». Вып. 3. Русское богословие. XVII век. Ч. II. Богословие в лицах. СПб.: Аксион эстин, 2011. 53 с.; *Он же.* Последние годы жизни митрополита Игнатия (Римского-Корсакова): личная драма в контексте эпохи // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2011. Вып. 1. С. 102–114; *Он же.* К вопросу о круге общения митрополита Сибирского и Тобольского Игнатия (Римского-Корсакова) // Личность в истории: теоретико-методологические и методические аспекты: сб. науч. ст. / ГОУ «Урал. гос. пед. ун-т», Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2011. Ч. I. С. 247–252; *Он же.* «Путное шествие» по «верховым городам» Сибирской епархии в контексте деятельности митрополита Игнатия // Православие на Урале: вехи истории: Мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. / Уральское церковно-историческое общество. Екатеринбург, 2012. С. 125–130; *Он же.* К вопросу о направлениях православной миссии в Сибири в конце XVII — начале XVIII в. // Современная православная миссия: мат-лы докл. и сообщ. Всеросс. науч. конф. / отв. ред. Н.А. Дьячкова. Екатеринбург, 2012. С. 213–221.

[50] *Софонов В.* Митрополит Сибирский и Тобольский Игнатий (Римский-Корсаков) и Симеон Верхотурский // Сибирская православная газета. 2002. Март–апрель. №2(54). С. 5.

памятники, не касаясь эпистолярного наследия владыки. Отдельно исследовательница описала известные ей автографы тобольского архипастыря. Она поставила под сомнение принадлежность Жития патриарха Иоакима перу архимандрита Игнатия[51].

Проведены исследования и отдельных сочинений владыки Игнатия. Так, Н.А. Дворецкая опубликовала послание митрополита в Красноярск. В предисловии к изданию памятника она перечислила основные факты биографии Тобольского архиерея, схожие в основном с приведенными у И.А. Шляпкина, добавив вычисленный ею год рождения (1639), а также и светское имя Сибирского митрополита (по Н.П. Лихачеву). Отъезд преосвященного Игнатия на Сибирскую митрополию она истолковала как почетную ссылку[52]. В целом исследовательница дает его трудам невысокую оценку: «Как деятель и писатель Игнатий значительно уступал своим знаменитым современникам»[53].

О.Д. Журавель рассмотрела как литературное сочинение Житие праведного Симеона Верхотурского, автором первоначальной редакции которого является митрополит Игнатий[54]. На основе анализа этого сочинения она первая высказала мысль о том, что преосвященный «Игнатий соотносил собственную деятельность в Сибири с апостольским служением»[55]. В доказательство этого тезиса она привела целый ряд аргументов, основываясь, в первую очередь, на Житии праведного Симеона. О.Д. Журавель также является автором раздела, посвященного этому памятнику в обещающем труде «История литературы Урала»[56]. При всей

[51] *Воронова Л.Б.* Археографический обзор списков сочинений Игнатия Римского-Корсакова // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 185–201.

[52] *Дворецкая Н.А.* Послание митрополита Игнатия в Красноярск 1697 г. // Археография и источниковедение в Сибири. Новосибирск, 1975. С. 167–173.

[53] Там же. С. 168–169.

[54] *Журавель О.Д.* Житие Симеона Верхотурского (к изучению литературного творчества Игнатия Римского-Корсакова // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2000. С. 73–93.

[55] *Журавель О.Д.* Житие Симеона Верхотурского... С. 89.

[56] История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в. / *глав. ред. В.В. Блажес, Е.К. Созина.* М., 2012. С. 191–197.

тщательности анализа Жития исследовательница в некоторых моментах описания биографии Игнатия следует за А.П. Богдановым, воспроизводя его ошибочные умозаключения. Например, отмечается, что «В 1700 г. он [владыка Игнатий. — *свящ. И. Н.*] был отозван с митрополичьей кафедры, что было обусловлено политическими причинами, арестован и скончался в застенках в 1701 г.»[57]. Важным для дальнейших исследований Жития праведного Симеона стало издание его первоначальной версии, выполненное Е.К. Ромодановской и О.Д. Журавель в «Литературных памятника Тобольского архиерейского дома»[58].

Ведущий специалист по творчеству Афанасия, архиепископа Холмогорского, Т.В. Панич доказала принадлежность «Послания к боголюбивому Афанасию...» авторству Игнатия, изучила историю текста памятника и издала его по неопубликованной рукописи, указав его литературные особенности[59].

Н.В. Синицына проанализировала взгляды владыки Игнатия на Российское царство в рамках концепции «константинопольского наследия», основываясь на сочинении «Слово перед Крымским походом»[60]. Она первой отметила Игнатия как сторонника данной концепции, тогда как А.П. Богданов полагает, что Игнатий развивал старую идею «Москва — Третий Рим»[61].

---

[57] История литературы Урала. С. 192. Прим. 45.

[58] Житие Симеона Верхотурского. Ранняя редакция. // Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. Новосибирск, 2001. С. 196–231. (История Сибири. Первоисточники. Вып. 10).

[59] *Панич Т.В.* Житие патриарха Иоакима (вопросы атрибуции, истории текста и литературной специфики памятника) // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV–XXI вв. / отв. ред. Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 2010. С. 41–94.

[60] *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. С. 306–312.

[61] *Богданов А.П.* Россия накануне империи: политические концепции и реальность последней четверти XVII в. // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика: Мат-лы IX Междунар. семинара ист. исслед. «От Рима к Третьему Риму». Москва, 29–31 мая 1989 г. М., 1995. С. 333–352.

Изучение литературного наследия и идейной направленности трудов сибирского митрополита предпринималось и нами[62]. В научный оборот было введено «Слово о Российском царствии»[63].

Обстоятельная оценка Игнатия как писателя дана авторами статьи О.А. Белобровой и А.П. Богдановым в Словаре книжников и книжности Древней Руси: «Сочинения Игнатия не отличаются особой оригинальностью, они следуют традиционным жанровым нормам прений, проповеди, панегирика, послания, летописи и жития. Однако они примечательны живым, эмоциональным языком, яркими и убедительными образами, публицистической остротой, склонностью автора к сильным

[62] *Никулин И.А.* К вопросу о времени создания «Посланий на арменов и полуарменов» митрополита Сибирского Игнатия (Римского-Корсакова) // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы V Межрегион. науч.-практ. конф. / Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 2011. С. 99–103; *Он же.* «Первое послание» «на армен и полуармен» сибирского митрополита Игнатия как памятник вероучительной литературы конца XVII в. // Историк, текст, эпоха: тез. IV междунар. науч.-практ. конф. Уральского отделения Российского общества интеллектуальной истории, 16–18 марта 2012 г. Екатеринбург, 2012. С. 143–145. *Он же.* К вопросу о жанровых особенностях архиерейских посланий митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) // Проблемы истории и культуры средневекового общества: Тез. докл. XXXI всеросс. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». СПб., 2012. С. 100–102. *Он же.* Грамота в Пекин священнику Максиму Леонтиеву митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) как памятник литературы конца XVII в. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2011. Вып. 2. С. 206–221; *Он же.* Вопрос о «священстве» и «царстве» в мировоззрении митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) // Церковь и общество в России на переломных этапах истории: сб. тез. всеросс. науч. конф. Московской духовной академии. Сергиев Посад, 2012. С. 77–82; *Он же.* Образ царей-соправителей Петра I и Иоанна V в Слове о Российском царстве Сибирского митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) // Православие на Урале: вехи истории: мат-лы II межрегион. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.В. Печерин. Екатеринбург, 2013. С. 173–176; *Он же.* Сибирский митрополит Игнатий (Римский-Корсаков) и его отношение к грекам // Elpis. 2013. Rocznik XV (XXVI). Zeszyt 27 (40). S. 153–157.

[63] *Никулин И.А.* «Слово о Российском царствии» митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2012. № 2 (4). С. 185–214.

выразительным средствам в ущерб орнаментальности классического барокко»[64].

Некоторые итоги изучения литературной деятельности Игнатия в Сибири подведены в коллективном труде «История литературы Урала»[65]. Собственно Игнатию посвящен небольшой сюжет, автором которого является Е.К. Ромодановская. Исследовательница во многом придерживается точек зрения А.П. Богданова. Она же высказала предположение, что Игнатий мог участвовать «в создании Сибирского летописного свода, в некоторых редакциях которого читается» Послание в Красноярск[66]. Е.К. Ромодановская поддержала позицию авторов статьи из Словаря книжников и книжности Древней Руси, также отметив, что «его творчество не отличается особой оригинальностью, оно традиционно по жанрам, но примечательно живым, эмоциональным языком, публицистической остротой, начитанностью автора»[67]. Вместе с тем, она отмечает, что Игнатий (Римский-Корсаков) является «самым знаменитым» церковным писателем среди всех иерархов, занимавших Тобольскую кафедру в XVII в.[68]

В постсоветское время вышел ряд заметок, словарных статей и т.п. о митрополите Игнатии. Все они в большей части повторяют издания XIX в.[69], и лишь изредка авторы приводят новые данные[70].

Таким образом, все исследования последней трети XX — начала XXI в., посвященные Игнатию (Римскому-Корсакову) можно разделить на две группы. Первая — работы, стремящиеся охватить всю жизнь и деятельность Игнатия (труды А.П. Богданова).

---

[64] *Белоброва О.А.*, *Богданов А.П.* Игнатий // СККДР. Вып. 3. Ч. 2. С. 29.

[65] История литературы Урала. С. 191–197, 220 и др.

[66] Там же. С. 220.

[67] История литературы Урала. С. 220.

[68] Там же. С. 215.

[69] *Коновалов В.В.* Игнатий // Большая тюменская энциклопедия. Т. II: И–П. Тюмень, 2004. С. 10–11; Игнатий // Христианство: энциклопедический словарь в 2-х тт. Т. I. М., 1993. С. 568.

[70] *Шашков А.Т.* Игнатий // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 222–223; *Софонов В.* Светочи земли Сибирской: биографии архипастырей Тобольских и Сибирских (1620–1918 гг.). Екатеринбург, 1998. С. 71–75.

Вторая — работы, в которых на основе новых источников и новой интерпретации уже известных сочитений и документов углубленно исследованы отдельные аспекты его деятельности и творчества (работы представителей и последователей научной школы академика Н.Н. Покровского).

Таким образом, анализ степени изученности выбранной нами темы показывает, что в целом высоко оценивая вклад А.П. Богданова в ее разработку, мы вынуждены констатировать, что его работы, претендующие на всеохватность темы, выполнены на ограниченном круге источников, а именно — в основном на сочинениях самого преосвященного Игнатия, неравномерно освещают разные периоды жизни владыки, в ряде случаев выводы делаются лишь на основе собственных умозаключений исследователя и являются спорными. Появившиеся в последние десятилетия работы других исследователей не компенсируют в полной мере имеющиеся лакуны в изучении жизни и творчества преосвященного Игнатия (Римского-Корсакова). Ряд фактов его биографии требуют уточнения. Необходима тщательная проверка его авторства ряда сочинений, приписываемых ему. Также вне поля исследовательского внимания осталось цельное осмысление мировоззрения владыки Игнатия, мотиваций его поступков и поведенческих стратегий. Без изучения этих аспектов невозможно в полной мере оценить его вклад в историю и культуру России второй половины XVII в.

1.2. Обзор источников

В исследовании использовались как опубликованные материалы, так и находящиеся на хранении в архивах и библиотеках Москвы (РГАДА, ГИМ, РГБ), Санкт-Петербурга (БАН, РНБ) и Тобольска (ТГИАМЗ).

По видовой классификации они делятся на следующие группы: литературные произведения, летописи, источники личного происхождения, акты, делопроизводственные документы.

Литературные произведения преосвященного Игнатия (Римского-Корсакова), написанные в разные годы его жизни, имеют значение как памятники литературы. В них содержится много сведений, важных для реконструкции биографии их автора. Обзору сочинений и спорным вопросам их атрибуции, уделяется во второй главе настоящего исследования, поэтому здесь мы приведем лишь общие сведения.

Ряд сочинений, написанных им до поставления на Тобольскую кафедру, содержит мало сведений об авторе: «Соловецкий ирмологий», «Слово на латин и лютеров»[71], «Возобличение на лютеранский катехизис»[72], «Слово воинству перед Крымским походом»[73], «Слово к православному воинству о помощи Пресвятой Богородицы»[74], «Сказание о Софии Премудрости Слова Божия»[75]. Все они свидетельствуют об активной церковно-политической деятельности будущего сибирского архипастыря, отражают формирование его взглядов, его начитанность и книжный кругозор.

Другие же сочинения, напротив, во многом являются подробными рассказами о произошедших событиях, в которых автор принимал самое активное участие. Одним из первых сочинений такового рода — «Отчет о поездке в Смоленск»[76]. В нем автор повествует о своей поездке в Смоленск совместно с иеродиаконом

---

[71] *Лебедев А.* Полемические сочинения XVII века против латинян. С. 10–32.

[72] Там же. С. 1–9.

[73] «Слово благочестивому и христолюбивому воинству» // Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: литературные панегирики. М., 1983. Ч. 1. С. 135–173.

[74] «Слово к православному воинству о помощи Пресвятой Богородицы»// Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: литературные панегирики. Ч. 1. С. 174–182.

[75] «Свидетельство... о Российском благословенном царствии» // Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: литературные панегирики. М., 1983. Ч. 2. С. 233–241; Изъяснение иконы св. Софии Премудрости Божии, поднесенное государыне царевне Софии Алексеевне Игнатием, архимандритом Новоспасского монастыря // *Брюсова В. Г.* София Премудрость Божия ... С. 157–159.

[76] *Попов Н. П.* О поездке в Смоленск к митроп. Симеону «для великих духовных дел» // ЧОИДР. 1907. Кн. 2. Отд. V. С. 43.

Карионом Истоминым по указу патриарха Иоакима. Подобным же памятником является «Книга о посылке в Костромской и Кинешемский уезды»[77]. Целью поездки стал диспут со старообрядцами. Архимандрит Игнатий ездил вместе с протопопом Иоанном Иоанновым. Автор подробно описывает не только события, но и сам диспут, передавая даже слова. Ясно, что памятник начал складываться в форме путевых заметок и был написан сразу после приезда. В особом ряду исторических источников находится житие патриарха Иоакима[78]. Памятник четко делится на три части: собственно «житие патриарха Иоакима», «послание к боголюбивому Афанасию...», завещание почившего патриарха, записка о его погребении и стихи надгробные. С полной уверенностью можно говорить о принадлежности, будущему Тобольскому архипастырю лишь второй части. Поводом к написанию послания стала смерть патриарха Иоакима и выборы нового предстоятеля Русской Церкви. Обстоятельное письмо обращено к архиепископу Холмогорскому Афанасию. В нем подробно описываются события смерти и погребения святейшего владыки и участия в последнем автора, а также кратко сообщается об избрании нового патриарха.

За период пребывания на Тобольской кафедре почти все написанные митрополитом литературные сочинения стали ценными источниками не только по его архипастырской деятельности, но и по истории Сибири. Первым в этом ряду необходимо назвать Житие праведного Симеона Верхотурского[79]. Оно первоначально сложилось как заметки о путешествии по епархии, в котором и был прославлен Сибирский чудотворец. Житие представляет собой повествование о прославлении святого, главным участником которого был сам автор. Житие передает многочисленные

[77] *Смирнов П.С.* Из истории противораскольнической миссии XVII века // Христианское чтение. 1903. Т. 216. Ч. 2. С. 865–880.

[78] Житие и завещание святейшего патриарха Московского Иоакима / с предисл. Н. Барсукова. СПб., 1879.

[79] Житие Симеона Верхотурского. Ранняя редакция // Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. Новосибирск, 2001. С. 196–231. (История Сибири. Первоисточники. Вып. 10); Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (ТГИАМЗ). Кп. 12865, 12866.

подробности поездки, без которых остаются непонятными многие поступки Тобольского архипастыря. Например, видна масштабность предпринятого путешествия в целях катехизации паствы — и становится понятна упорная решимость митрополита в стремлении посетить восточные части епархии. Впрочем, не имея возможности их посетить, владыка написал книгу из трех посланий[80]. Так называемые «Сибирские послания» содержат много сведений об антираскольнической деятельности автора. Рассказывает он и об истории раскола, а в связи с ним и о своих трудах на Соловках, описывает и спор о вере в Грановитой палате (1682 г.) Послания митрополита в Красноярск и Пекин свидетельствует об активном участии автора в жизни его паствы[81].

Нельзя подходить к реконструкции биографии Сибирского архипастыря без должной источниковедческой критики его сочинений. Очень скептически к трудам преосвященного Игнатия как историческому источнику относится А. Т. Шашков. Он указывает на многочисленные искажения, подтасовки и откровенную ложь в «сибирских посланиях» владыки[82]. Впрочем, все они касаются в первую очередь событий, о которых митрополит мог узнать только по «слухам» или через «третьих» лиц. Важно отметить, что в своих трудах митрополит, конечно, старался показать свои действия в выгодном свете. Однако не стоит сомневаться в историчности событий, участником которых был он сам. Увы, многие сведения нельзя проверить — ввиду несохранности источников.

В качестве источника были привлечены и летописи — в исследовании использовался целый ряд летописей. Сибирский летописец, изданный Е. В. Кузнецовым, летописи группы Есиповской

[80] Послания блаженнаго Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского. Казань, 1855; Сибирские послания (1696 г.) Тобольского митрополита Игнатия Римского-Корсакова. Извлечения // Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья. Т. I. Вып. 2 / *сост. А. Т. Шашков, В. И. Байдин.* Екатеринбург, 1991. С. 22–31.

[81] *Дворецкая Н. А.* Послание митрополита Игнатия в Красноярск 1697 г. С. 167–173; Послание в Красноярск // Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. С. 322–329.

[82] *Шашков А. Т.* Сибирский митрополит Игнатий... С. 45. Прим. 37.

летописи (Сибирский летописный свод: Нарышкинская, Шлецеровская и другие редакции) содержат сведения о деятельности преосвященного Игнатия на Тобольской кафедре и упоминают о том, что он был стольником при царе Алексее Михайловиче и архимандритом Новоспасского монастыря. Все они повествуют о поездке владыки по его митрополии и прославлении праведного Симеона[83]. Значительный интерес для изучения биографии преосвященного Игнатия (Римского-Корсакова) представляет до сих пор не изданная Черепановская летопись, содержащая ряд уникальных сведений, источник происхождения которых не известен. Так, сочинение, в частности, повествует о конфликте, произошедшем в крестовой палате патриарха 16 марта 1700 г.[84]

Прочие используемые нами летописи не упоминают Тобольского архипастыря, зато повествуют о событиях, в которых он активно участвовал[85]. Большинство указанных летописей изучены, имеют обширную историографию (Н.А. Дворецкая, Е.И. Дергачева-Скоп, Е.К. Ромодановская и др.), где дан основательный источниковедческий анализ, потому мы на этом и не останавливаемся[86].

Из источников личного происхождения отметим дневник Патрика Гордона, в котором говорится о конфликте, произошедшем в связи с избранием нового первосвятителя после смерти патриарха Иоакима в 1690 г. Среди участников этой

---

[83] Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 36. Ч. 1. Сибирские летописи: Группа Есиповской летописи. М., 1987; *Кузнецов Е.В.* Сибирский летописец. Тюмень, 1999.

[84] Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 196 (рукописное собрание Ф.Ф. Мазурина). Оп. 1. Д. 1543.

[85] Летописец Соловецкий на четыре столетия, от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени с 1429 по 1833 г. Изд. 3-е. М., 1833; ПСРЛ. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968.

[86] См.: *Дворецкая Н.А.* Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск, 1984; *Дергачева-Скоп Е.И.* Сибирское летописание в общерусском литературном контексте конца XVI — середины XVIII вв. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2000; *Ромодановская Е.К.* Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002 и др.

церковно-политической борьбы упоминается и будущий сибирский митрополит[87].

Своеобразные сведения о владыке Игнатии содержатся в воспоминаниях Е.П. Яньковой (род. 1768 г.), урожденной Римской-Корсаковой, записанных в середине XIX в. ее внуком[88]. В основном она передает сведения, по-видимому, почерпнутые из доступной ей исторической литературы. Отчасти свидетельствует об этом тот факт, что она помнит ни мирского имени, не сообщает ничего нового и о его карьере до принятия монашества. Уникальными выглядят только два сообщения. Первое — «что он был одно время при архиерее в Вологде, и, присланный от него в Москву за сбором с письмом от царицы, отправился в Соловецкий монастырь»[89], выглядит маловероятным, так как известно, что он пребывал в Крестомаровской пустыни. Второе — попытка объяснить удаление тобольского архипастыря на покой, причем она сама замечает, что это предположение: «тут виновен последний патриарх (Адриан). Тогда уже старый и хилый, он желал видеть своим преемником которого-то из митрополитов, и, опасаясь, чтобы митрополит Сибирский, и знатный родом, и очень известный своими пастырскими поучениями, не попрепятствовал ему в этом намерении, он и старался оттереть его»[90]. Так что этот источник скорее следует отнести не к биографии митрополита, а к восприятию митрополита его далекими потомками.

К этой группе источников близка одна из позднейших генеалогий рода Римских-Корсаковых, где впервые (однако, ошибочно) было указано имя преосвященного Игнатия в миру[91].

---

[87] *Gordon P.* Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, wahrend seiner Knegsdienste unter den Schweden und Polen vom Jahre 1655 bis 1661 und seines Ausenthaltes in Rufiland vom Jahre 1661 bis 1699. Zu ersten Male vollstandig veroffentlichtdurch M.A. Obolenski und M.G. Posselt. Bd. 2. Th. 3 [1684-1692]-4 [1693-1695]. St. Petersburg, 1851. S. 309–311.

[88] Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово / изд. подг. Т.И. Орнатская. Л., 1989. С. 136.

[89] Там же.

[90] Там же.

[91] Список лиц рода Корсаковых, Римских-Корсаковых и князей Дондуковых-Корсаковых с краткими биографическими сведениями. СПб., 1893. С. 9. №77.

Для исследования были также привлечены актовые источники. Это публично-правовые акты: царские указы, касающиеся как митрополита Игнатия лично, так и организации духовной и церковной жизни в Сибири в целом. Важными являются царские грамоты архимандриту Спасо-Ярославского монастыря, позволяющие охарактеризовать деятельность будущего Тобольского архипастыря в Ярославле[92]. Несколько опубликованных указов касаются дела о десятильниках[93]. Целый ряд царских указов, отложившихся в Сибирском приказе, характеризует непростые отношения, сложившиеся у митрополита с центральной властью[94].

Документов патриаршей канцелярии, касающихся митрополита Игнатия, сохранилось немного. В основном это официальная переписка. Так, в грамоте с сообщением о поставлении архимандрита Феодосия на Черниговскую кафедру упоминается митрополит Игнатий как участник его избрания и посвящения[95]. Наиболее интересные сведения содержит переписка патриарха Адриана с царем Петром и его приближенными весной 1700 г. Красной нитью через все эпистолы первосвятителя проходит сообщение о произошедшем умопомешательстве преосвященного Игнатия и о дальнейшей его судьбе[96].

---

[92] Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Т. I: Княжеские и царские грамоты / сост. И. А. Вахрамеев. М., 1896. С. 196–198.

[93] Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссиею (далее — ДАИ). Т. XII. СПб., 1872. №86. С. 391–393.; Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (далее — ПСЗ). Т. I. 1649–1675. СПб., 1830. С. 69. Там же. Т. III. 168–1699. СПб., 1830. №1601. С. 404; *Туманский Ф.* Собрание разных записок и сочинений, служащий к доставлению полнаго сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. Ч. 2. СПб, 1787. С. 101–105.

[94] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1363.

[95] Архив Юго-западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов высочайше утвержденною при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Ч. I. Т. V: Акты, относящиеся к делу о подчинении Киевской митрополии Московскому патриархату (1620–1694 г.). Киев, 1872. С. 356–358.

[96] *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. Т. III. Путешествие и разрыв с Швециею. СПб., 1858. Прил. VII. №61. С. 534–539.

Важнейший источник — грамоты самого митрополита. Многие из них написаны лишь по его указанию, но, тем не менее, отражают его повседневное служение. Другие написаны или самим митрополитом, или при его активном участии[97]. К последним принадлежит грамота, отправленная в Пекин на освящение первого православного храма на территории Китая[98]. Основная

[97] Грамоты преосвященного Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского (1693–1701) // Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726) и сведения о Даурской миссии / *сост. архим. Мелетий (Якимов)*. Казань, 1875. С. 44–113; Две грамоты Игнатия, митрополита Тобольского, о построении церкви на Савватиевой, или на Секирной горе, и о прочем // *Досифей, архим.* Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1853. Ч. 3. С. 227–231; Архиерейская граммата [Игнатия (Римского-Корсакова)] в Енисейск о первом Азовском походе // *Туманский Ф.* Собрание разных записок и сочинений, служащий к доставлению полнаго сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. Ч. 2. СПб., 1787. С. 81–82; [Грамота преосвященного Игнатия (Римского-Корсакова), митрополита Сибирского и Тобольского, о построении в Киренском монастыре привратной церкви во имя Св. Пророка и Предтечи Крестителя Иоанна] // *Лаврентий (Мордовский), игум.* Историческое описание Киренского Свято-Троицкого монастыря, Иркутской епархии. М., 1806. Прил. № 3. С. 40–42; Грамота Сибирского митрополита Игнатия Селенгинского монастыря игумену Мисаилу, о денежной выдаче диакону Лаврентию, отправленному в Китай с церковными потребами и утварями // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссиею (далее — АИ). Т. V: 1676–1700. СПб., 1842. № 243. С. 445; Грамота Сибирского митрополита Игнатия илимскому воеводе Богдану Челищеву и Киренского Троицкого монастыря строителю Иосифу, о непризыве к гражданскому суду и не верстании в тягло и оброки монастырских людей и вкладчиков // Там же. № 247. С. 456; Грамота Сибирского митрополита Игнатия десятиннику Василию Саминскому, об освобождении впредь до указа Киренского Троицкого монастыря от платежа данных, праздничных и других указных денег // Там же. № 248. С. 457; Грамота Сибирского митрополита Игнатия о пошлинах с венечных знамен новоявленных духовных и похоронных памятей и пр. // Там же. № 290. С. 532–533.

[98] Грамота, данная в 7203 (1695) году, от бывшаго Преосвященного Игнатия, архиепископа Тобольского, находящемуся тогда в Пекине православному священнику Максиму Леонтиеву, на освящение данного от тамошнего Богдыхана храма и на отправление в нем священнослужения // История Российской иерархии. Ч. 2. М., 1810. С. 491–500; повторно опубликована: Древние церковные грамоты... С. 66–71.

часть грамот владыки Игнатия, сохранилась лишь благодаря изданию их архимандритом Мелетием[99].

Заметную роль в наших исследованиях играют делопроизводственные документы. Отдельно необходимо рассмотреть комплексы документов, отложившихся в Сибирском приказе. В первую очередь это ряд судебных дел касающихся экономической жизни Софийского дома[100]. В одном из дел отложилась переписка, касающаяся возможности совершения митрополитом поездки в восточную часть его епархии[101]. Большой комплекс документов связан с конфликтом между духовными и светскими властями в Тобольске в 1697 г., причиной которого стало так называемое «дело о десятильниках»[102]. В фонде Сибирского приказа хранятся разнообразные документы: челобитные самого митрополита и других должностных лиц, материалы судебно-следственных дел, выписи, описи и т.п.[103] Очень мало сохранилось челобитных, написанных будущим Тобольским владыкой в московский период жизни. Все они связаны с организацией росписей главного собора Новоспасского монастыря[104].

Ценные сведения о жизни митрополита дают разного рода учетные документы, а именно описи имущества митрополита, составленные после его ареста и смерти в Симоновом монастыре[105]. Необходимо отметить описи келейной библиотеки митрополита[106] и библиотеки Софийского дома[107], а также вкладные книги

[99] Древние церковные грамоты... С. 44–113.

[100] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 596; 1277.

[101] Там же. Ст. 1058. Частично опубл. в прил. 1.

[102] Там же. Ст. 1363.

[103] Часть челобитных митрополита Игнатия и переписки Сибирского приказа связанной с деятельностью митрополита Игнатия опубл. в прил. 1.

[104] Челобитная Спаса Нового монастыря архимандрита Игнатия и с братиею о высылке в тот монастырь из города Суздаля иконописцев Гурья Никитина с товарищами для писания в том монастыре стенного письма. 1689 г. // Брюсова В.Г. Гурий Никитин. С. 257–260.

[105] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1559.

[106] *Оглоблин Н.Н.* Библиотека сибирского митрополита Игнатия, 1700 г. // Библиограф. 1892. №8–9. Отд. 1. С. 286–291.

[107] От Вятки до Тобольска: церковно-монастырские библиотеки Российской провинции XVI–XVIII веков. Екатеринбург, 1994. С. 129–131.

Далматовского монастыря[108]. Копия поименного списка чинов Тобольского архиерейского дома, отосланная в 1701 г. в Сибирский приказ[109], и «роспись по указу царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета штата и жалования Тобольского архиерейского дома», написанная в 1620 г.[110], являются важнейшими документами по истории внутреннего устройства Тобольского архиерейского дома. «Список строителей приписной Новосоловецкой Марчуговской пустыни...» содержит упоминание о сибирском архиерее как о строителе данной обители[111].

В целом, использование всех выявленных источников, на наш взгляд, позволяет при их комплексном анализе изучить жизнь и деятельность митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) с некоторой полнотой.

[108] Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря (последняя четверть XVII — начала XVIII в.). Свердловск, 1992.

[109] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 561. Л. 75 – 79 об. Опубл. в прил. 2. Опись была осуществлена в связи приездом из Москвы приказного А. Городецкого. Список чинов был только частью описи всего имущества Софийского дома. Опись библиотеки была опубликована: От Вятки до Тобольска... С. 128–130.

[110] Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994. С. 137–139.

[111] Российская национальная библиотека (РНБ). Соловецкое собр. № 1055/1164.

ГЛАВА 2. МИТРОПОЛИТ ИГНАТИЙ (РИМСКИЙ-КОРСАКОВ): ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

2.1. Жизнь и деятельность преосвященного Игнатия (Римского-Корсакова) до 1692 г.

До сих пор еще не утихли споры о мирском имени сибирского архипастыря и времени его рождения. А.П. Богданов, полагая, что его звали Ильей Александровичем, считает, что он родился в конце 1610-х — начале 1620-х гг. Однако это утверждение не выдерживает критики, поскольку в этом случае митрополит прожил бы как минимум 80 лет, а возможно — и того больше. Странно было бы, наверное избирать на Сибирскую кафедру старца, которому было уже за 70 лет, учитывая, что только само путешествие в Сибирь требовало немало физических сил. Однако митрополит не только достиг Сибири, но и совершил почти трехмесячное путешествие по Тобольскому и Верхотурскому уездам. Еще более невероятным становится намерение митрополита почти в 80 лет совершить путешествие в восточную часть своей митрополии. К тому же ни в одном из источников в 1700 или 1701 г. не упоминается о физической старости или болезнях Тобольского архипастыря. Надо учитывать, что продолжительность жизни в XVII в. была короче, например, все патриархи XVII в., годы рождения которых известны, не дожили до 80-ти лет, а многие не достигли и семидесятилетнего рубежа. Следовательно, точка зрения А.П. Богданова не может быть принята. Более приемлемо мнение Н.А. Дворецкой, которая, основываясь на послании преосвященного Игнатия в Красноярск, считает, что сибирский архипастырь родился в 1639 г.[1] Таким образом, относительно точно можно утверждать, что будущий Тобольский архипастырь родился в 30-х гг. XVII в., вполне возможно — в 1639 г.

---

[1] *Дворецкая Н.А.* Послание митрополита Игнатия в Красноярск 1697 г. С. 168.

Не ясными остаются и его мирское имя, и, соответственно, жизнь до принятия монашества. В одном из поздних родословий (XIX в.) Иван Степанович Корсаков назван митрополитом Игнатием[2]. Этой версии придерживался и Н.П. Лихачев[3]. А.П. Богданов выдвинул предположение, что его звали Ильей Александровичем, и исходя из этого изложил его биографию до принятия им монашества[4]. Но крупнейший специалист в области боярских книг М.П. Лукичев наглядно доказал, что никто из вышеперечисленных служилых людей Корсаковых и Римских-Корсаковых не мог принять монашеский постриг[5].

На основе фактов можно лишь схематично реконструировать мирской этап жизни будущего митрополита. Он происходил из известного рода детей боярских Корсаковых (позднее ставших именоваться Римскими-Корсаковыми). Остается неясным, состоял ли он на военной службе и имел ли семью. В Сибирском летописном своде сохранилось упоминание о том, что поставленный в Сибирь митрополит был из стольников Алексея Михайловича[6]. Однако это свидетельство невозможно принять без подтверждения другими источниками, к тому же маловероятным кажется сам факт, что Игнатий, будучи молодым, мог дослужиться до высокого чина стольника. Впервые монах Игнатий (Корсаков) упомянут в 1667 г. Однако православная монастырская традиция предполагает наличие «монашеского искуса», который мог быть сокращен, но избежать его в обычных условиях было невозможно. Поэтому можно предположить, что пришел в монашеское общежитие светским человеком будущий монах Игнатий не позднее 1665–1666 г. Если принять 1639 г. годом его рождения, то ему было 25–26 лет.

---

[2] Список лиц рода Корсаковых, Римских-Корсаковых и князей Дондуковых-Корсаковых... С. 9.

[3] *Лихачев Н.П.* «Генеалогия» дворян Корсаковых... С. 113.

[4] *Богданов А.П.* Творческое наследие Игнатия Римского-Корсакова... С. 177–178.

[5] *Лукичев М.П.* К вопросу о происхождении митрополита Игнатия... С. 333–335.

[6] Сибирский летописный свод: Академическая редакция // ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 376.

Неизвестными остаются место и путь получения образования будущего церковного писателя. Его сочинения и библиотека показывают его знакомство с греческим и, возможно, латинским языками, прекрасное знание восточно-христианской письменности и т. д. Однако соотнести его с какой-либо школой или учителем не представляется возможным, остается лишь предполагать, что Игнатий большое внимание уделял самообразованию. Неясными остаются и причины, побудившие будущего монаха Игнатия покинуть мир и принять постриг.

Так или иначе, к 1667 г. монах Игнатий уже подвизался в Крестомаровской пустыни, о чем свидетельствуют его труды. Так, монахом Игнатием был переписан и тщательно отредактирован к 5 июлю 1667 г. сборник житий святых. Этот первый известный нам его книжный опыт показывает глубокие познания в Священном Писании, отличный стиль письма и редакционные навыки. В этом же году им была скопирована еще одна книга — Скитской патерик[7]. Монахи обители отличались образованностью и занимались литературной деятельностью под руководством игумена Павла Маровского[8]. Здесь он был рукоположен во иеродиакона и иеромонаха, а в 1672 г.[9] стал строителем Крестомаровской обители[10]. По мнению А.П. Богданова, в 1673 г. по просьбе правительства иеромонах Игнатий ездил в Запорожье, где при вручении запорожским казакам иконы святителя Алексия, митрополита Московского, произнес «Слово к православному и христоименитому запорожскому воинству, внегда принесенней быти всечестней иконе <...> в благочестивыя полки их, противу нечестивым

[7] *Воронова Л.Б.* Археографический обзор... С. 199–200.

[8] Игумен Павел Маровский (ум. 05.09.1686), будущий митрополит Рязанский, был одним из весьма почтенных и образованных людей своего времени (*Зиборов В.К.* Павел (Маровский) // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3: П–С. СПб., 1998. С. 4.)

[9] Строитель Игнатий упоминается только в 1675 г. как действующий настоятель, а 1672 г. игумен Павел Маровский был переведен в Желтоводский монастырь, и маловероятно, что за это время мог смениться настоятель обители, посему нам кажется, что иеромонах Игнатий стал преемником своего учителя в 1672 г.

[10] *Строев П.* Списки иерархов... Стб. 622.

турком и татаром»[11], однако, по нашему мнению, этого путешествия иеромонах Игнатий не совершал, и атрибуцию ему «Слова» также стоит поставить под сомнение (об этом см. ниже). 12 мая 1675 г. иеромонах Игнатий закончил переписывать и редактировать Торжественник, в котором использовал не только летоисчисление от сотворения мира, принятое на Руси, но и даты от Рождества Христова. На первом листе рукописи он оставил такую запись: «Понуди преписати сию книгу настоятеля Крестомаровския тоя обители мене меньшаго всех иеромонаха Игнатия с братиею»[12]. На должности настоятеля небольшой пустыни будущий митрополит становится заметным своей образованностью и преданностью церковной реформе середины XVII в.

В 1675 г. было подавлено Соловецкое восстание. Монашеская жизнь Соловецкого монастыря оказалась полностью разрушенной, да и самих монахов осталось очень мало[13]. Для восстановления иноческой жизни требовалось привлечение насельников из других монастырей. По благословению патриарха Иоакима и указу царя Феодора Алексеевича уже в 1676 г. в обитель были присланы новый настоятель архимандрит Макарий (из настоятелей Тихвинского монастыря), келарь из Сийской обители и монашествующие из различных монастырей[14]. Среди последних был переведен на Соловки и строитель Крестомаровской пустыни иеромонах Игнатий на должность экклесиарха[15]. Скорее всего, он

---

[11] *Богданов А. П.* От летописания к исследованию... С. 57.

[12] Цит. по: *Воронова Л. Б.* Археографический обзор... С. 200.

[13] Более подробно о восстании см.: *Чумичева О. В.* Соловецкое восстание 1667–1676 гг. Новосибирск, 1998.

[14] *Досифей, архим.* Летописец Соловецкий на четыре столетия, от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени с 1429 по 1833 г. изд. 3-е. М., 1833. С. 75; *Мелетий, архим.* Историческое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1881. С. 234.

[15] *Чудинова И. А.* День соловецкого клирошанина...; *Досифей, архим.* Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Ч. I. С. 145; Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря / *отв. ред. С. А. Семечко.* СПб., 2004. С. 340.

достиг Соловков только осенью 1676 г. или в начале 1677 г. О времени своего пребывания в Соловецком монастыре митрополит впоследствии писал: «Пребых бо тамо по очищении обители, в том Соловецком монастыре три лета, послушание, проходя екклесиарха, еже есть уставщиком церковного благочиния»[16]. Эта должность была особенно важна из-за необходимости служить по «новым книгам», что ставило перед отцом Игнатием трудную задачу: приспособить певческую традицию обители к новоисправленным текстам. И с этой задачей он успешно справился. В течение трех лет (1677–1679 гг.) он создавал так называемый «Соловецкий ирмологий», в котором повсеместно расставил крюки и пометы (знаки старой русской нотации). Книга стала весьма значимым событием в русской музыкальной культуре XVII в. Памятник показывает нам не просто талант иеромонаха Игнатия, но и его музыкальные знания, позволяющие ему разъяснять различные певческие традиции. К «Ирмологию», возможно, экклесиарх от лица настоятеля Соловецкого монастыря архимандрита Макария написал предисловие (подробнее см. ниже)[17].

В 1680 г. иеромонах Игнатий был переведен в Москву, где возглавил подворье Соловецкого монастыря. Здание подворья было каменным и располагалось у Москворецкого моста. Настоятель подворья в звании строителя всегда утверждался именным указом государя и святейшего патриарха. Круг обязанностей иеромонаха-строителя был весьма широким. Он должен был представлять интересы монастыря перед правительством и церковной властью, в том числе ходатайствовать о нуждах монастырских, управлять всем московским движимым и недвижимым имуществом. «Кроме многих домов, принадлежавших монастырю в сем городе по купчим и вкладным крепостям, были даже гостиные ряды, отдаваемые

---

[16] Послания блаженнаго Игнатия... С. 144.

[17] Сохранился в единственном списке: РНБ. Соловецкое собр. № 277/282. Известно из литературы: *Чудинова И. А.* День соловецкого клирошанина... Предисловие к Ирмологию опубликовано: *Ундольский В.* Замечания для истории церковного пения в России. С. 34–39.

с найма торговым людям»[18]. Соловецкое подворье и его настоятель находились в близости к царской особе и его окружению. Бывали случаи, когда царь посещал подворье, а иеромонах-строитель, как следует из наказа Соловецкого архимандрита, данного одному из предшественников Игнатия в 1667 г., должен был участвовать во всех основных царских церемониях и выходах и даже бывал приглашаем к царскому столу с «прочим знаменитым московским духовенством»[19]. В упомянутом наказе, в частности, подробно было указано, когда и кому какие подарки подносить[20]. На подворье была только часовня, и на богослужениях иеромонах Игнатий должен был присутствовать в Успенском соборе, где имел особое место «подле левого столпа, против патриарша места»[21]. Одновременно в звании строителя будущий митрополит управлял подмосковной Новосоловецкой Марчуговской пустынею[22], приписанной к Московскому подворью Соловецкого монастыря[23]. Своего строителя пустынь за своей малостью не имела, и ей напрямую управлял Соловецкий строитель Московской службы[24].

Иеромонах Игнатий успешно защищал хозяйственные ин-

[18] *Досифей, архим.* Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Ч. II. С. 110.

[19] Там же.

[20] Наказ опубликован: *Досифей, архим.* Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Ч. II. С. 111–118.

[21] *Досифей, архим.* Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Ч. II. С. 113.

[22] Пустынь располагалась недалеко от Москвы и была совсем крошечной. Так, во второй половине XVII в. монашествующих там было от 3-х до 8-х, а также около 15-ти монастырских служителей. В 1678 г. за обителью числилось всего лишь пять бобыльских дворов (*Досифей, архим.* Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Ч. II. С. 83).

[23] Настоятель подворья одновременно являлся и строителем упомянутой пустыни. См.: *Досифей, архим.* Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Ч. II. С. 87.

[24] *Досифей, архим.* Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Ч. II. С. 86; *Чудинова И. А.* День соловецкого клирошанина ...

тересы Соловецкого монастыря. Уже будучи митрополитом, в письме Соловецкому архимандриту он вспоминал, что положил обет построить храм. «Понеже, — писал он, — тое мое обещание положено, егда будучи строителем вашим Московския службы, егда помиловал Господь Бог обитель святую, и прежние денги взятые на государя 28 400 рублев да 200 золотых червонных государи пожаловали велели вам (т. е. архимандриту Соловецкого монастыря с братией. — *свящ. И. Н.*) зачитать в пошлины моим старанием и тщательным подвигом...»[25].

Переехав в Москву, иеромонах Игнатий активно включился в церковную жизнь столицы и вскоре был замечен патриархом Иоакимом, который стал часто давать ему различные поручения. Так, 15 июня 1683 г. по указу патриарха совместно с иподиаконом святейшего патриарха Иоакима Никитой Георгиевым он описал московскую «церковь великого чудотворца Николы, что в Посольской улице у красных колокол»[26].

В историографии бытует мнение, что это описание сделано совместно с известным писателем Тихоном Макарьевским. Впервые ошибочную точку зрения указал И.А. Шляпкин, а вслед за ним, многие другие, в том числе и современные исследователи (А.П. Богданов). Однако никаких оснований для нее нет. Описание согласно самому памятнику было сделано настоятелем Соловецкого подворья в Москве отцом Игнатием совместно с иподиаконом святейшего патриарха Иоакима Никитой Георгиевым[27].

По мнению А.П. Богданова, в начале 1680-х гг. иеромонах Игнатий написал обширный труд «Генеалогия явленной от сотворения мира фамилии... Корсаков-Римских»[28]. В нем автор

[25] Две грамоты Игнатия митрополита Тобольского, о построении церкви на Савватиевой, или на Секирной горе, и о прочем. С. 230–231.

[26] Описание издано: Материалы для истории археологии и статистики города Москвы... С. 371–375. Местонахождение рукописи нам неизвестно.

[27] Материалы для истории археологии и статистики города Москвы... С. 371.

[28] Памятник сохранился в беловой авторской рукописи: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 728. Собр. Зимнего Дворца. Оп. 1. Кн. 1. № 27. Научная публикация предпринята А.П. Богдановым: *Игнатий (Римский-Корсаков), митр.* Генеалогия явленной от сотворения мира фами-

возводит свой род через многих героев античности к Адаму и Еве. Однако степень участия отца Игнатия в создании этого сочинения еще требует уточнения (об этом см. ниже).

Уже вскоре, в 1683 г. (точнее — между 15 июня и 30 июня[29]), иеромонах Игнатий был назначен архимандритом Спасо-Ярославского монастыря[30], конечно же, не без участия патриарха Иоакима. Этот монастырь имеет свою весьма примечательную и славную историю; особенно знаменит он был своей огромной библиотекой. Обитель занимала девятнадцатое место в иерархии монастырей по «Лествице властем» патриарха Иоасафа[31], имела богатые угодья, занимая третье место по количеству дворов среди крупнейших монастырей[32], и ее архимандриты очень часто были поставляемы во епископы[33]. В это время Ростовским митрополитом был преосвященный Иона (Сысоевич), видный и известный иерарх, весьма начитанный и образованный. Архимандрит Спасо-Ярославского монастыря имел особые привилегии, мог служить «на ковре с рипидами и со осенением свещным»[34].

Приняв руководство монастырем, архимандрит Игнатий помимо обычного совершения богослужений и участия в повседневных делах монастыря должен был защищать и укреплять хозяйство монастыря. Так, вскоре по приезде архимандритом была послана в Москву челобитная с жалобой на то, что «ярославцы посадские люди... монастырским крестьянам и бобылям и черной работы работать, и кормится не велят и из города выбивают

лии... Корсаков-Римских. М., 1994.

[29] Этим числом датирована грамота, данная новому строителю Марчуковской пустыни: *Досифей, архим.* Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Ч. II. С. 93.

[30] Полное название — Ярославский Спасо-Преображенский мужской монастырь.

[31] *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 6. М., 1996. С. 320.

[32] Там же. С. 377.

[33] Так, например, архим. Иларион был поставлен митрополитом Псковским в феврале 1691 г., и т. д. См.: ПСРЛ. Т. 31. С. 205.

[34] *Буланин Д. М.* Иона Сысоевич // СККДР. Вып. 3. Ч. 2. С. 95.

вон»[35]. 12 октября 1683 г. в Ярославль было отправлено царское решение, в котором повелевалось по-прежнему не принимать посадским людям монастырских людей «к себе в дома и в лавки для торговли не сажать и на дочерях не женить», но кормиться черной работой в городе и «приезжая из уездов к Москве и в городы на гостине дворе торговать с возов и стругов безпенно»[36]. Возникали и другие сложности. Так, монастырь имел свою воскобойную избу и беспошлинно скупал воск для своих нужд. Осенью 1683 г. воскобойные целовальники г. Ярославля били челом великим государям, прося запретить монастырю иметь воскобойню из-за того, что «будто-де у них целовальников от монастырской их воскобойни чиниться недобор»[37]. Одновременно в Москву с просьбой оставить все по-прежнему написали и архимандрит Игнатий с келарем монастыря Филаретом Ушатым Жерябиным и с братиею. Царское решение было на стороне Спасской обители. Им повелевалось «старинную воскобойню в Спасове монастыре держать про себя по-прежнему и монастырские вощины на церковные обиходы на свещи пробивать безпенно»[38]. В начале 1684 г. в монастырь келарю старцу Филарету Ушатому Жерябину была прислана государева грамота, повелевавшая архимандриту монастыря платить «жалованье из монастырской казны» «по сороку рублев на год»[39].

Спасо-Ярославский монастырь стал лишь временным пристанищем будущего митрополита. 7 сентября 1684 г. архимандрит Новоспасского монастыря Гавриил был рукоположен в архиепископа Вологодского, в этот же день на его место был переведен архимандрит Спасо-Ярославского монастыря Игнатий (Римский-Корсаков)[40].

---

[35] Исторические акты Ярославского Спасского монастыря... С. 198.

[36] Там же.

[37] Там же. С. 197.

[38] Там же.

[39] Там же. С. 196. Возможно, что грамота присылалась всегда с прибытием нового архимандрита. Однако удивляет, что она была прислана только через полгода после прибытия нового архимандрита Игнатия в Ярославль.

[40] *Строев П.* Списки иерархов... Стб. 144; *Снегирёв И.М.* Новоспасский монастырь. М., 1843. С. 93.

Новоспасский монастырь всегда занимал особое положение в иерархии русских монастырей, а особенно во второй половине XVII в. По «Лествице властем» патриарха Иоасафа обитель занимала 4-е место[41], а по владению дворами — 7-е место[42] среди всех прочих монастырей. Но особый статус заключался в покровительстве русских государей, связанном с тем, что в монастыре находилась родовая усыпальница бояр Романовых. С 1613 г. в усыпальнице продолжали хоронить близких родственников русских царей. А «с царствования Федора Алексеевича Новоспасский монастырь приписан был к непосредственному ведению двора и титулован первостатейным, комнатным»[43]. Несомненно, что назначение архимандрита такого монастыря не могло быть без участия светской власти, скорее всего, в лице царевны Софьи.

То обстоятельство, что в монастыре находилась усыпальница Романовых, отражалось на всех сторонах монастырской жизни. Обитель часто посещали царственные особы. В 1679 г. в царской усыпальнице монастыря было сделано последнее захоронение — была погребена любимая тетка Феодора Алексеевича царевна Ирина. Поэтому царь Феодор очень часто посещал монастырь, желая поклониться праху своих родственников. Посещали обитель и царевна Софья, и цари Петр и Иоанн[44]. Имелись в монастыре и особые кельи для царя и царицы[45].

Архимандриты этой обители не только были одними из самых влиятельных среди прочих настоятелей монастырей, но и имели особые богослужебные преимущества — могли употреблять рипиды и орлецы[46].

Архимандрит Игнатий не только должен был совершать обычные частые богослужения, но и особые заупокойные службы

[41] *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 6. С. 320.

[42] Там же. С. 377.

[43] *Снегирёв И.М.* Новоспасский монастырь. С. 102.

[44] *Дмитриев И.Д.* Московский Новоспасский ставропигиальный монастырь в его прошлом и настоящем. Историко-археологический очерк. [Репр]. М., 2003. С. 15, 69.

[45] Там же. С. 114.

[46] Там же. С. 66.

по царским родственникам. Существовала даже особая «Кормовая книга», в которой было четко прописано, в какой день по кому из Романовых или из других известных особ совершать заупокойную службу и какой полагается «корм» братии на помин души[47]. 12 июня 1687 г. в монастыре было закончено составление своеобразного каталога погребений усыпальницы Романовых, который был озаглавлен: «Описание царских пресветлых прародителей, в которыя лета и месяцы и числа бысть преселение их от здешняго благороднаго жития оному Небесному Царствию, по их же повелению благородные их телеса положены суть в царском их здании, во обители Всемилостивого Спаса на Новом; по создании его на сем месте 1462 года и в те месяцы и числа памяти о них творятся»[48]. «Описание» было составлено если даже и без прямого участия архимандрита Игнатия, то по его распоряжению, и беловая правка, возможно, была сделана именно им. Памятник «составлялся, по-видимому, как по монастырским Кормовой и Вкладной книгам и разновременным синодикам, так и по фактически существовавшим надгробиям»[49].

Церковно-политическая деятельность Новоспасского архимандрита проходила под покровительством и при большом доверии патриарха Иоакима. Можно сказать, что Новоспасский архимандрит был доверенным лицом патриарха. Надо заметить, что патриарх Иоаким умел примечать талантливых клириков и умело ими руководил. Среди таких «птенцов» патриарха можно назвать иеродиакона Кариона Истомина, архиепископа Холмогорского Афанасия и других. По мнению А.П. Богданова, сразу

[47] См.: Кормовая книга московского ставропигиального Новоспасского монастыря. М., 1903. См. также устав братской трапезы монастыря: *Леонид, архим.* Столовый обиходник Спаса, что на Новом (Новоспасского) монастыря) // ЧОИДР. 1880. Кн. 3. С. 1–4, 24–113.

[48] «Описание» опубликовано: *Дмитриев И.Д.* Московский Новоспасский ставропигиальный монастырь... С. 118–122; *Снегирёв И.М.* Новоспасский монастырь. С. 126–134.

[49] Усыпальница прародителей царского Дома Романовых в Московском ставропигиальном Новоспасском монастыре / *сост. Т.В. Пасхалова, А.К. Станюкович.* М., 1997. С. 6.

после переезда в Москву из Ярославля по благословению своего покровителя архимандрит стал заниматься кодификацией богослужебных обязанностей в Сводном чиновнике патриарших выходов и служб за 1667–1679 гг., который был составлен к 1686 г.[50]

Часто святейший патриарх назначал его в своеобразную дисциплинарную комиссию. 31 декабря 1684 г. вышел патриарший указ, который повелевал «Спасова Нового монастыря архимандриту Игнатию да книг печатного двора справщику иеродиакону Кариону ехать для великих духовных дел в Смоленск»[51] к митрополиту Симеону[52]. Одновременно из патриаршего разряда им был выдан наказ, в котором излагалась суть патриаршего поручения. Конфликт патриарха Иоакима и смоленского митрополита имел к этому времени уже долгую историю[53], и посланцы патриарха должны были исполнять функции своеобразных следователей. 1 или 2 января архимандрит Игнатий вместе с иеродиаконом Карионом отправились в путь. «Приехав в Смоленск генваря в шестой день рано, священнодейства владыки Симеона Смоленского настоятель Новоспасской обители и иеродиакон Карион (Истомин) смотрели»[54]. Затем беседовали с архипастырем,

---

[50] *Богданов А.П.* «Генеалогия» и ее автор (Игнатий Римский-Корсаков)... С. 97; *Белоброва О.А.*, *Богданов А.П.* Игнатий... С. 29; *Богданов А.П.* Творческое наследие... С. 189–208. Исследователь указал местонахождение рукописи (РГАДА. Саровское собр. 237. Л. 151–228).

[51] *Попов Н.П.* О поездке в Смоленск к митроп. Симеону... С. 38.

[52] О нем и его деятельности см.: *Червинский Е.* Смоленские митрополиты: Симеон IV Милюков, Сильвестр II Черницкий, Сильвестр III Крайский и Дорофей Короткевич (1676–1718). Их жизнь и деятельность.// Смоленские епархиальные ведомости. 1899. № 1. С. 34–42; № 2. С. 96–105; № 3. С. 159–166; № 5. С. 272–276; № 7. С. 383–391; № 8. С. 437–441; № 9. С. 489–501. Статья переизд.: *Червинский Е.* Смоленские митрополиты: Симеон IV Милюков, Сильвестр II Черницкий, Сильвестр III Крайский и Дорофей Короткевич (1676–1718). Их жизнь и деятельность // Смоленские епархиальные ведомости. 1995. № 9. С. 19–27; 1996. № 1(10). С. 12–21.

[53] Более подробно о конфликте, его причинах и событиях, с ним связанных, см.: *Попов Н.П.* Соборы патриарха Иоакима на митрополита Смоленского Симеона... С. 313–343.

[54] *Попов Н.П.* О поездке в Смоленск к митроп. Симеону... С. 39.

6 и 7 января увещевая его подчиниться воле патриарха и не служить в митре (которая была подарена царем Феодором Алексеевичем), а только в архиерейской шапке (так как это считалось восхищением патриарших привилегий), и в саккосах не совершать богослужения, а только в фелони, и т. п. Они также просили отдать им вышеупомянутую митру и мантию с золотыми и серебреными источниками.

Официально митрополит обвинялся в непослушании патриарху и несоблюдении постановлений Собора 1675 г., которыми строго регламентировались различия между обычными архиерейскими одеждами и патриаршими. Однако преосвященный Симеон оставался непреклонным, приводя в свою защиту подробную аргументацию. На следующий день, 8 января, видя, что смоленский архипастырь настаивает на своей правоте и не хочет подчиниться патриаршей воле, они составили опись митрополичьих саккосов и опечатали их. «И за таковое его презорство и к святейшему патриарху непослушание, по указу святейшего патриарха, ему, владыке, священнодействовати запретили»[55]. И в тот же день посланцы патриарха выехали в Москву. После возвращения одним из них, возможно архимандритом Игнатием, был написан подробный отчет о поездке с описанием особенностей богослужения и облачения митрополита Симеона и изложением бесед с ним, а также с приложением размеров строящегося собора[56].

В апреле 1685 г. митрополит был соборно осужден и «был присужден к отсылке «во смирение во град Ростов»[57]. Затем

---

[55] *Попов Н.П.* О поездке в Смоленск к митроп. Симеону... С. 38–44.

[56] Отчет о поездке опубликован: *Попов Н.П.* О поездке в Смоленск к митроп. Симеону... С. 43. «Росписи» саккосов и размеров строящегося собора опубликованы: *Попов Н.П.* Соборы патриарха Иоакима на митрополита Смоленского Симеона... С. 343. А.П. Богданов указал на единственный сохранившиеся список«Следственного дела о митрополите Симеоне»: ГИМ. Синодальное собр. № 286. Л. 27–39. Однако рукопись указанная автором имеет совсем иное содержание. Скорее всего, исследователь ошибся, указав неверное местонахождение рукописи (*Богданов А.П.* От летописания к исследованию... С. 33).

[57] *Попов Н.П.* Соборы патриарха Иоакима на митрополита Смоленского Симеона... С. 325.

в январе 1686 г. был снова призван на Собор для принесения покаяния, однако последнего не последовало, и смоленский архиерей был переведен в Троице-Сергиев монастырь, и только осенью митрополит по ходатайству царевны Софьи Собором во главе с патриархом был прощен и возвращен к своей пастве[58]. Все эти соборные деяния проходили с непосредственным участием архимандрита Игнатия, о чем есть соответствующие упоминания в тексте соборных деяний[59].

Порой отец Игнатий становился выразителем идей церковной политики святейшего владыки. Так, вскоре после назначения настоятелем Новоспасского монастыря,[60] в связи с разрешением всесильного тогда В.В. Голицына на постройку немецкой (лютеранской) кирхи в Москве архимандрит пишет «Слово на латин и лютеров, яко в Московстем царствии и во всей Российстей земли не подобает им костела или кирхи еретических своих вер созидати»[61]. В этом произведении он пытался убедить «сильного человека» (возможно, В.В. Голицына) в том, что нельзя строить инославных храмов в православной России. Поводом к написанию работы стало построение первой каменной протестантской церкви в Москве[62]. По мнению, Д. Цветаева, в тексте отражена реальная беседа с первым министром[63].

Другим произведением полемического характера стало «Возобличение на лютеранский катехизис»[64]. О поводе к написанию

[58] *Попов Н.П.* Соборы патриарха Иоакима на митрополита Смоленского Симеона... С. 325.

[59] Соборные деяния опубликованы: *Попов Н.П.* Соборы патриарха Иоакима на митрополита Смоленского Симеона... С. 326–342.

[60] А именно между 7 сентября 1684 г. и 28 января 1686 г.

[61] «Слово на латин и лютеров» издано: *Лебедев А.* Полемические сочинения... С. 10–32. «Слово» подробно проанализировано и атрибутировано: *Цветаев Д.* Из истории иностранных исповеданий... С. 212–236.

[62] Более подробно об этом см.: *Цветаев Д.* Построение первой каменной протестантской церкви в Москве. М., 1885; *Он же.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890.

[63] *Цветаев Д.* Из истории иностранных исповеданий... С. 212–236.

[64] Полное заглавие: «Благочестивыя святыя соборныя и апостольския восточныя церкви греческого православия от божественных писаний собранное

сам архимандрит в начале своего труда пишет: «Случися видети книгу катикисис на языце Российском изданную типографски от лютеровых еретиков, в граде их еретическом Нествижу; егда прочтох писанная в ней, обретох оного еретика лютеранска, хулящие вельма православные догматы...»[65].

Однако настоятель царской обители был не только талантливым полемистом, но и проповедником. К началу марта 1687 г. иеромонахом Игнатием было написано «Слово благочестивому и христолюбивому российскому воинству...»[66]. Мнение А.П. Богданова о том, что 21 февраля 1687 г. это Слово было произнесено перед войсками, отправлявшимися в первый Крымский поход, а 14 марта богато оформленный экземпляр Слова был поднесен автором царевне Софье Алексеевне[67], представляется вполне обоснованным.

Не могли не коснуться архимандрита и события, связанные с расколом в Русской Церкви. В этих условиях методом борьбы с расколом для архимандрита стала полемическая проповедь.

27 августа 1687 г. «великие Государи... и... Святейший Кир Иоаким... указали... архимандриту Игнатию да протопопу Иоанну[68] ехать в Костромской и в Кинешемской уезды... раскольников разговаривати и увещати от книг Божественного Писания, чтобы они от злоб своих и прелести престали и обратилися...»[69]. Указ был вызван челобитием самих старообрядцев, просивших послать им

Игнатием иеромонахом, Спасова Новаго монастыря архимандритом, на лютеранский катехизис возъобличение». Памятник был опубликован А. Лебедевым по неизвестному нам списку: *Лебедев А.* Полемические сочинения... С. 1–9.

[65] *Лебедев А.* Полемические сочинения... С. 1.

[66] Принято именовать: «Слово воинству перед Крымским походом». Слово издано: Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики. Ч. 1. С. 135–173.

[67] *Богданов А.П.* Творческое наследие... С. 216

[68] Иоанн Иоаннов — протопоп московского собора Черниговских чудотворцев.

[69] Книга о посылке новоспаского монастыря архимандрита в Костромской и Кинешемский уезды во 195 году к раскольником, о увещевании их ко истинной вере // Бонч-Бруевич В.Д. Материалы к истории и изучению русских сект и раскола. Вып. I. СПб., 1908. С. 217.

мужей ученых для спора о вере. С 4 сентября по 5 октября архимандрит вместе с упомянутым протопопом находился в поездке в Кинешму, во время которой вел противораскольническую проповедь и полемизировал с раскольниками[70]. В результате часть раскольников принесла покаяние и написала соответствующую челобитную патриарху[71], а остальные были отданы гражданским властям «на съезжий двор»[72].

Еще во время поездки архимандрит Игнатий, видимо, делал небольшие заметки, по которым по приезде и была написана «Книга о посылке Новоспаского монастыря архимандрита в Костромской и Кинешемский уезды во 195 году к раскольником, о увещевании их ко истинной вере»[73]. Своеобразный отчет о поездке, по мнению А.П. Богданова, был поднесен царевне Софье. Впрочем, представляется, что сочинение представляет собой прежде всего «деловой отчет о выполненном царском поручении»[74].

Столь активная внешняя деятельность не мешала будущему Тобольскому митрополиту заботиться и о своей обители. Помимо обычного управления монастырем и участия в каждодневном богослужении, архимандрит Игнатий не забывал и о благоукрашении царской обители. Главный собор монастыря — Спасо-Преображенский — уже много лет стоял без росписей. В 1686 г. архимандрит Игнатий с братией по именному царскому указу подрядил костромских иконописцев Гурия Никитина, Василия Осипова, Силу Савина, Василия Козмина с товарищами «в соборной церкви благолепного Преображения писать стенное писмо»[75]. Однако ко времени, когда все было готово для работ иконописцев,

---

[70] Подробное описание поездки см.: *Смирнов П.С.* Из истории противораскольнической миссии XVII в. ... С. 652–666, 855–865.

[71] Челобитную архимандрит Игнатий включил в свою «Книгу о посылке...».

[72] Судьба непокорившейся части старообрядцев неизвестна, но над ними должен был совершиться суд.

[73] Книга о посылке новоспаского монастыря архимандрита в Костромской и Кинешемский... С. 217.

[74] Библиотека Петра I. Описание рукописных книг / *авт.-сост. И.Н. Лебедева*. СПб., 2003. С. 115.

[75] Челобитная Спаса Нового монастыря архимандрита Игнатия... С. 258.

к весне 1689 г., иконописцы в монастыре «не бывали», более того, выяснилось, что «иконописцы Гурей с товарищи подрядились писать в Спасском же Еуфимьеве монастыре, что в Суздоле, в церкве стенное ж писмо»[76]. Попытка силой привести иконописцев не увенчалась успехом, так как последние «учинились... непослушны, из монастыря в приказную избу не пошли, а власти того монастыря им их не отдали»[77]. Скорее всего, Спасо-Евфимиев монастырь смог предоставить лучшие условия для работы мастерам, хорошо знавшим себе цену[78]. 1 июня из Суздаля в Новоспасский монастырь все-таки выехала часть артели Гурия Никитина, во главе с Василием Осиповым (всего 15 человек). Дальнейшие попытки архимандрита Игнатия «взять к Москве» остальных иконописцев не привели ни к каким результатам[79]. Чтобы спасти положение, отвести возможный удар от артели костромичей, мастер оружейной палаты Федор Зубов уже в конце работы возглавил артель Василия Осипова Кондакова[80].

Стенопись была выполнена в величавом стиле, характерном для костромской школы живописи круга Гурия Никитина. Конечно, основная часть сюжетов традиционна по содержанию, хотя имеет ряд особенностей. Библейская и церковная истории начинаются с родословий царей израильских и пророков, затем — родословие Господа нашего Иисуса Христа. Продолжение исторических мотивов — в изображениях семи Вселенских Соборов. Довольно большое внимание уделено Крещению Руси. Цикл «включает в себя крещение в Царьграде княгини Ольги, крещение киевского князя Владимира в Корсуни и всего народа — в Киеве, обручение Владимира с византийской принцессой Анной»

[76] Челобитная Спаса Нового монастыря архимандрита Игнатия... С. 258.

[77] Там же.

[78] Одной из возможных причин «непослушания» В.Г. Брюсова считает близость Гурия Никитина к старообрядчеству; в свою очередь, архимандрит Игнатий был хорошо известен на родине иконописца как ревнитель реформ патриарха Никона. См.: *Брюсова В.Г.* Федор Зубов. С. 166.

[79] Выписку из новой челобитной архим. Игнатия см.: Челобитная Спаса Нового монастыря архимандрита Игнатия... С. 259.

[80] *Брюсова В.Г.* Федор Зубов. С. 166.

и многие другие сюжеты[81]. Особое отношение царского рода к монастырю не могло не отразиться в сюжетах росписей. Так, в центральной части храма на своде — «родословное древо русских государей, начиная от святой Ольги, кончая Иваном Грозным и его сыновьями Федором и Димитрием — последними представителями рода Рюриковичей»[82]. Завершает историю фреска Страшного Суда на западной стороне собора[83].

Нельзя не согласиться с мнением В.Г. Брюсовой, что росписи проектировались, конечно, с идейным участием отца Игнатия. Особо его участие просматривается в сюжете преддверия паперти, где по обеим сторонам лестницы были изображены греческие философы и поэты, держащие в руках свитки с какими-либо изречениями: Платон, Аристотель, Плутарх, Солон, Птолемей, Анахарсис, Иродион, Орфей, Ермий и Омир (Гомер)[84].

Готовясь к первому богослужению в уже расписанном храме, архимандрит, видимо, ожидал посещения царевны Софьи. Собираясь принять столь важную особу, Игнатий написал знаменитое «Сказание истолковано, что есть София, Премудрость Божия»[85]. В нем он рассматривает икону Софии Премудрости Божией (новгородского канона)[86], как своеобразное пророчество о Российском царствии. Архимандрит видит как бы отображенными в иконе все политические реалии своего времени: каждый элемент в иконе

[81] *Брюсова В.Г.* Федор Зубов. С. 167.

[82] Там же.

[83] Подробнее о росписях см.: *Брюсова В.Г.* Федор Зубов. С. 164–168; *Снегирёв И.М.* Новоспасский монастырь. С. 37–55; *Дмитриев И.Д.* Московский Новоспасский ставропигиальный монастырь ... С. 32–34.

[84] *Брюсова В.Г.* Федор Зубов. С. 167. Античные философы и поэты здесь, как и в Благовещенском соборе Кремля, выступают в качестве провозвестников учения о Христе.

[85] Памятник издан: Памятники общественно-политической мысли... С. 233–241; *Брюсова В.Г.* София Премудрость Божия... С. 157–159. См. также: *Н. П.* Толкование образа Софии Премудрости Божией // Христианское чтение. 1891. Ч. 1. С. 523–526.

[86] Икона Софии Премудрости Божией в Спасо-Преображенском соборе находится в местном чине — то есть в нижнем ряду иконостаса. См.: *Снегирёв И.М.* Новоспасский монастырь. С. 49.

имеет «видимое» соответствие в реальной политической жизни страны. Икона, по мысли настоятеля Новоспасского монастыря, является хранительницей Московского царства, которое есть образ невидимого Царствия. Памятник пронизан чувством благодарности к царской власти. Главная мысль сочинения заключается в прославлении единственного на тот момент православного государства и его властителей — хранителей правой веры и благочестия.

Сложно сейчас судить, в какой именно день царевна Софья должна была осматривать новые росписи. Возможно, сказание было замыслено как благодарность за заботы и архимандрит Игнатий должен был просто поднести его царственной особе. По мнению А.П. Богданова, «сказание» было написано к 15 августа 1689 г. и предназначалось для произнесения в одном из кремлевских соборов[87].

В это же время в Москве находился один из близких друзей архимандрита — архиепископ Холмогорский Афанасий, с которым они сдружились еще в начале 80-х гг. 5 августа, накануне престольного праздника главного храма Новоспасской обители, новые фрески освятил митрополит Новгородский Корнилий[88]. Можно предположить, что часть фресок была уже закончена, поэтому часть лесов уже убрали, и было возможно совершать богослужение. Окончательно работы были завершили спустя месяц. Преосвященному Корнилию, видимо, сослужил архиепископ Афанасий[89].

С 7 на 8 августа началось противостояние молодого царя Петра и его сестры Софьи. Архимандрит Игнатий, скорее всего, занимал сторону патриарха Иоакима, поддерживавшего молодого Петра. По крайней мере, положение новоспасского настоятеля никак не изменилось.

---

[87] *Снегирёв И.М.* Новоспасский монастырь. С. 309.

[88] *Дмитриев И.Д.* Московский Новоспасский ставропигиальный монастырь... С. 24.

[89] Наше предположение строится на следующем рассуждении: 5 августа 1689 г. архиепископ Афанасий указал списать для него одно из произведений архимандрита Игнатия. Следовательно, скорее всего он находился со своими людьми в этот день в Новоспасском монастыре.

«Тщанием же и подвигом... архимандрита Игнатия Римских-Корсакова...» росписи были закончены к 14 сентября 1689 г.[90] К этому времени (12 сентября) миновал основной политический кризис. Царь Петр все еще находился в Троице-Сергиевом монастыре, поэтому окончание росписей осталось незамеченным в придворной среде.

Патриарх Иоаким с удалением царевны Софьи от власти наконец-то смог поставить точку в спорах о времени пресуществления Святых Таин, и уже много лет шедших в церковных кругах. Во второй половине 80-х гг. полемика вошла в наиболее острую фазу. Сторонниками католического учения были Сильвестр Медведев, черный священник Савва Долгий и другие. Их поддерживал Ф.Л. Шакловитый, а его в свою очередь, В.В. Голицын и сама царевна Софья, находившаяся тогда на вершине власти. Главными деятелями противоположной партии были инок Евфимий и братья Лихуды; их, в свою очередь поддерживала высшая церковная власть в лице патриарха Иоакима. Среди других сторонников православной партии были архиепископ Холмогорский Афанасий (Любимов), архимандрит Игнатий (Римский-Корсаков), архиепископ Вологодский Гавриил, будущий патриарх Адриан и другие[91]. В декабре 1689 г., после окончательного укрепления у власти Нарышкиных архимандрит Игнатий был специально послан патриархом с другим духовенством[92] для увещевания Сильвестра Медведева и Саввы Долгого в Троице-Сергиев монастырь, где последние находились под стражей[93]. Вскоре ими были поданы исповедания, в которых они раскаивались в своих заблуждениях. Скорее всего, покаянные письма были написаны не самими осужденными, а их увещевателями. По мнению М.Н. Сменцовского, автором их был

[90] *Дмитриев И.Д.* Московский Новоспасский ставропигиальный монастырь... С. 32–33.

[91] *Сменцовский М.Н.* Братья Лихуды. С. 145–146, 248.

[92] Среди которого был и иеромонах Софроний (Ляхуда). См.: *Евфимий, инок.* Остен. Памятник русской духовной письменности XVII века. СПб., 2006. С. 66.

[93] *Горский А.В., прот., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки. Отд. 2. Ч. 3. М., 1862. С. 430; *Евфимий, инок.* Остен... С. 66.

один из братьев Лихудов. В январе 1690 г. собравшийся в Москве Собор осудил католическое учение о времени пресуществления Святых Даров (так называемую «хлебопоклонническую ересь») и запретил ряд сочинений некоторых украинских богословов, а также Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева и других[94]. В этом Соборе должен был участвовать и новоспасский архимандрит. Впрочем, это стало последним крупным деяниям святейшего патриарха Иоакима.

Последующие события отец Игнатий описывает в послании «к боголюбивому Афанасию архиепископу Колмогорскому како бысть преставление святейшаго Иоакима патриарха»[95]. Патриарх стал недомогать с 4 марта, «прииде ему мала болезнь главная глаголемая рожа, и бяше ему трудно яко уже не мощи исходити на славословие Божие во церковь»[96]. Чувствуя приближение смерти, патриарх написал духовную грамоту, в которой помимо всего прочего завещал похоронить себя как простого монаха в Новоспасской обители, где многие годы он был келарем[97]. Особая забота о Новоспасской обители выразилась и в том, что патриарх завещал монастырю «дать из казны патриаршей домовой денег 3 000 рублев»[98].

Накануне кончины патриарха Иоакима 17 марта 1690 г. архимандрит Игнатий прибыл в Кремль. Так он сам описывает события: «...в келию его внегда же пришедшу ми к нему, видев его

---

[94] *Смирнов П., свящ.* Иоаким патриарх Московский. С. 144–145; *Горский А. В., прот., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей... С. 434–435.

[95] Памятник, известный в литературе как житие патриарха Иоакима, четко делится на три части: Собственно «Житие патриарха Иоакима», «Послание к боголюбивому Афанасию...», завещание почившего патриарха, записка о его погребении и стихи надгробные. Абсолютно точно авторству архимандрита Игнатия можно отнести Послание и, возможно, Житие. См.: *Панич Т. В.* Житие патриарха Иоакима... С. 41–94.

[96] Житие и завещание святейшего патриарха Московского Иоакима. С. 48–49.

[97] Духовная грамота патриарха Иоакима опубликована: *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. Т. II. Потешные и Азовские походы. СПб., 1858. Прил. IX. С. 467–477; *Богданов А. П.* Русские патриархи. Т. II. С. 305–313.

[98] Житие и завещание святейшего патриарха Московского Иоакима. С. 113.

велми от болезни изнемогша и всех приходящих прощающихся и просящихся благословения у него, и целующих святейшую десницу его, припадох и аз к нему, такожде прося прощения и благословения, и целовах десницу его, и егда приникшу ми, к нему глагола ми тихо святейший Иоаким патриарх...: дело мне рече до тебе, и паки рече: дело мне до тебе»[99]. Новоспасский архимандрит отошел от постели умирающего, за ним подходили прощаться и другие архимандриты, через некоторое время он попросил экклесиарха Моисея «вопросити святейшаго патриарха, глаголя: что есть дело ему до мене, отвеща же паки святейший Иоаким патриарх, глагола ми третие: дело мне, аз же паки проникнув к персем его и вопросих самого его, и глаголах ему: что есть дело тебе, государю, до мене, святейший великий архиерею... глагола ми святейший: погребите мя у Всемилостиваго Спаса на Новом, аз же рекох ему: яко же волит Святейшество твое буди повеление твое и где убо и в котором месте повелиши погребсти себе, он же рече ми где убо Павел митрополит, тамо и мене погребите, и рекох к нему по повелению твоему великий архиерею, вся сотворим»[100].

В тот день архимандрит Игнатий с другим близким патриарху духовенством оставался в келье московского святителя до его кончины. 17 марта «в 11 часов дня во второй четверти в начале»[101] святейший Иоаким преставился. Далее архимандрит повествует: «По скончании же святейшаго Иоакима патриарха собрашася вси архиереи митрополиты архиепископы, и епископы прилучившиися и весь освященный собор и сподобяще честию скутавше святейшее тело его... и положивше в ковчег дубовый принесоша его из келии его во храм дванадесяти святых апостол, со псалмы и песньми и провождения, и поставиша его посреде на целование всем приходящим»[102]. Собравшиеся архипастыри вопреки желанию патриарха решили погрести его в Успенском соборе. Архимандрит Игнатий, конечно, просил

[99] Житие и завещание святейшего патриарха Московского Иоакима. С. 66–67.
[100] Там же. С. 67–69.
[101] *Смирнов П., свящ.* Иоаким патриарх Московский. С. 245.
[102] Житие и завещание святейшего патриарха Московского Иоакима. С. 77.

архиереев исполнить последнюю просьбу святейшего Иоакима. В «послании» он пишет: «...не же о том велми скорбящу, яко по духовному его приказанию не исполняется обители святой благословения его желая, зело молях преосвященных митрополитов, архиепископов и епископов, и весь освященный собор, дабы милости просили у пресветлых великих государей, во еже положитися телу его во святей обители, но любовь их паче множашеся, и никако же разлучитися от видения его же хотящее, положиша совет и донесоша царскому величеству яко да погребут мощи его в соборней церкви»[103].

На следующий день вся Москва хоронила святейшего патриарха. На погребении присутствовали цари Иоанн и Петр Алексеевичи, находившиеся в Москве архипастыри и «архимандриты и игумены, протопресвитеры же, иереи, множество всякого чина народа, неисчислимо»[104]. Среди прочих участников погребения упоминается и архимандрит «Спаса Новаго монастыря Игнатий»[105]. Патриарх Иоаким был погребен в Успенском соборе, рядом со своими предшественниками.

4 мая, в Неделю святых жен-мироносиц, архимандрит царского родового монастыря преподнес царям Иоанну и Петру свое «Слово избранно от Божественных Писаний и от повестей отеческих о Российском царствии»[106]. «Слово» было красиво оформлено, цитация Священного Писания была приведена последовательно на русском и греческом языках.

Сложно сказать, где им было поднесено «Слово», возможно после Литургии в селе Преображенском, так как 2 мая царь Петр вернулся из водного похода к Угрешскому монастырю и занимался в Преображенском подготовкой к военным учениям[107]. Возможно, «слово» было вручено и царю Ивану V.

---

[103] Житие и завещание святейшего патриарха Московского Иоакима. С. 78–79.
[104] Там же. С. 141.
[105] Там же. С. 140.
[106] Библиотека академии наук (далее — БАН). Собр. рукописей из библиотеки Петра I. А. 10 (далее приводим библиотечный шифр — БАН. П. I. А. №10).
[107] *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. Т. II. С. 134.

Местоблюстителем патриаршего престола стал преосвященный Адриан митрополит Казанский, который в последние годы патриаршества Иоакима был его правой рукой[108].

Встал вопрос о выборах нового патриарха. Молодой царь Петр и его сторонники видели патриархом митрополита Псковского Маркелла, человека, несомненно, образованного и в чем-то близкого великому государю, особенно в симпатии к европейской культуре. Противоположную партию возглавила царица-мать Наталия Кирилловна, которая желала видеть на престоле московских первосвятителей митрополита Казанского Адриана, человека более простого и чуждого всему иностранному. Маловероятно, чтобы царь Петр мог ослушаться матери, до ее смерти он практически не входил в дела управления и был покорным сыном. Однако сторонникам преосвященного Адриана нужно было найти более веский аргумент. Кстати, сам настоятель царского монастыря Игнатий поддерживал кандидатуру митрополита Казанского, о чем, в частности, свидетельствовал косвенно и сам впоследствии: «даде нам Бог истиннаго ученика его (патриарха Иоакима. — *свящ. И. Н.*) и сопрестолника великого господина святейшаго кир Адриана патриарха Московскаго и всея Росии и всех стран»[109].

20 июля, в воскресенье, по сообщению Патрика Гордона, должно было состояться избрание (или интронизация?), однако противоборствующие стороны не смогли прийти к консенсусу, что говорит о серьезности и продолжительности церковно-политических споров. Еще раньше архимандрит Новоспасского монастыря подал челобитную царице Наталье, обвиняя митрополита Маркелла, по словам того же Патрика Гордона, «во многих пунктах и даже ереси»[110] (возможно, в склонности к латинству). Такие обстоятельства привели к суду над митрополитом Маркеллом, и царь Петр, по свидетельству Патрика Гордона, «удалил со старшим Царем (т. е. Иваном V) и весь суд в Коломенское»[111].

[108] *Скворцов Г. А.* Патриарх Адриан. С. 7. Прим. 1.
[109] Житие и завещание святейшего патриарха Московского Иоакима. С. 97.
[110] *Gordon P.* Tagebuch des Generalen Patrick Gordon... S. 311.
[111] Ibid.

Последнее говорит о том, что расследование обвинений архимандрита Игнатия состоялось, но никакие серьезные решения и тем более последствия нам не известны. По мнению авторов статьи о митрополите Игнатии в Словаре книжников и книжности Древней Руси, расследование вел архимандрит Игнатий совместно с иеродиаконом Карионом Истоминым[112]. С данным утверждением нельзя согласиться, так как впоследствии Маркелла и Кариона Истомина связывали весьма теплые отношения[113]. Сложно также сказать, в чем конкретно был обвинен преосвященный Маркелл. В грамоте 1691 г. патриарх Адриан упоминает: «Маркелл митрополит Псковский <...> рукополагающее иереи и диаконы по обычаю белоросийских архиереев по два купно и по три на единей литургии, приносил покаяние и прощение просил у Святейшего Иоакима патриарха и впредь обещася тако не творити»[114]. Таким образом, псковского митрополита уже судили, и поводом к новому суду, возможно, были подобные обвинения.

Весь этот сюжет архимандрит Игнатий излагает в послании к Афанасию Холмогорскому весьма скрыто, как, возможно, требовала политическая конъюнктура того времени. Описывая поставление патриарха Адриана, архимандрит Игнатий пишет: «<...> бысть же пред возведением его и некая распря от некоего иже бяше иноплеменник притворяшеся же россиянин (в другой редакции памятника «от стран польских рождением»[115]), иже не вем како промчеся яко бы произволяшеся оному и на патриаршество возведену быти, но Божиим предведением молитвами Святейшаго Иоакима патриарха Московскаго. Или посланием прежде сего писанным от всесвятейшаго господина Досифея патриарха Иерусалимского не повелевающаго в духовном чине в Росии иноземцов поляков пастырми поставляти»[116]. Под «неким

[112] Так, по крайней мере, считают авторы статьи в Словаре книжников и книжности Древней Руси (*Белоброва О.А. Богданов А.П.* Игнатий... С. 29).
[113] *Браиловский С.Н.* Один из «пестрых» XVII столетия. С. 99–100.
[114] *Горский А.В., прот., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей... С. 479.
[115] *Панич Т.В.* Житие патриарха Иоакима... С. 56.
[116] Житие и завещание святейшего патриарха Московского Иоакима. С. 98

иноплеменником» архимандрит Игнатий имел ввиду Маркелла, по крайней мере, такого мнения придерживался И.А. Шляпкин[117]. С этим мнением соглашаются и авторы Словаря книжников и книжности Древней Руси[118] и многие другие исследователи. Г.А. Скворцов же, отвергнув это предположение, предложил свое. А именно: под иноплеменником он понимает иезуита Михаила Яконовича. «В руки правительства попали его письма, из которых ясно видно, что он был в Москве и интриговал, чтобы его поставили в патриархи»[119]. Такого же мнения придерживается и А.П. Богданов[120]. Однако последнее предположение маловероятно, так как кандидатура Михаила Яконовича, не рассматривалась совсем и не могла быть рассмотрена. Таким образом, «интерпретация этого пассажа, предложенная А.П. Богдановым, не выдерживает критики»[121]. Вполне возможно, митрополит Маркелл был действительно человеком южно-русского происхождения (то есть «от стран польских рождением»)[122], а также давним противником архимандрита Игнатия, так как был приверженцем латинского образования, и в спорах о пресуществлении святых Даров он стоял на стороне Сильвестра Медведева и его партии[123].

Соборное избрание на кафедру московских первосвятителей митрополита Казанского Адриана состоялось 22 августа, на следующий день произошло наречение, а 24 августа — поставление нового патриарха. Интересно, что официальное описание поставления патриарха Адриана вовсе не упоминает митрополита Маркелла как возможного кандидата. Вместе с митрополитом Адрианом кандидатами в патриархи были избраны архимандрит Троице-Сергиева монастыря Викентий и архиепископ

[117] *Шляпкин И.А.* Св. Димитрий Ростовский... С. 168.

[118] См.: Игнатий (Римский-Корсаков) // СККДР. Вып. 3 (XVII в.) Ч. 4. Т–Я. Дополнения. СПб., 2004. С. 715–716.

[119] *Скворцов Г.А.* Патриарх Адриан. С. 10.

[120] *Богданов А.П.* Русские патриархи. Ч. 2. С. 323–324.

[121] Маркелл // СККДР. Вып. 3. Ч. 4. С. 745.

[122] Такого мнения придерживались: *Шляпкин И.А.* Св. Димитрий Ростовский... С. 167. Прим. 1; *Верюжский В.* Афанасий, архиепископ Холмогорский... С. 508.

[123] *Прозоровский А.* Сильвестр Медведев... С. 221.

Коломенский Никита[124]. Преосвященный Маркелл после интронизации нового патриарха получил Казанскую кафедру, что подтверждает те особые симпатии, которые питал к митрополиту молодой царь Петр.

Из архимандритов Новоспасского монастыря очень часто поставляли архипастырей. Так, за вторую половину XVII в. из 13 Новоспасских настоятелей семеро стали архиереями[125]. Такая же судьба постигла и архимандрита Игнатия.

2.2. Митрополит Игнатий на Тобольской кафедре

По дороге в Москву 4 января 1692 г. скончался преосвященный Павел, митрополит Сибирский и Тобольский[126]. Уже вскоре, 3 апреля 1692 г., в Неделю о Фоме, по благословению патриарха Адриана и «благоволением великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича» архимандрит Игнатий был хиротонисан в митрополита Сибирского и Тобольского[127]. Хиротонию должен был возглавить патриарх Адриан, ему, скорее всего, сослужили находившиеся в тот момент в Москве архипастыри Иоасаф Ростовский и Ярославский, Евфимий Сарский и Подонский, Иона Вятский и Пермский[128].

Исследователи по-разному оценивают это событие. Многие, в том числе, А.П. Богданов, считают поставление на далекую кафедру почетной ссылкой. Н.Н. Покровский считал, что «новый патриарх Адриан, хотя и принадлежал к старомосковской партии, дружеских чувств к преосвященному Игнатию не испытывал, и вскоре

[124] Чин возведения патриарха Адриана опубликован: ПСЗ. Т. III. №1381. С. 70–80.

[125] *Снегирёв И.М.* Новоспасский монастырь. С. 94–96.

[126] *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 7. М., 1996. С. 612.

[127] Сибирский летописный свод: Академическая редакция // ПСРЛ. Т 36. С. 376; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1363. Л. 78; Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Л. 75.

[128] По крайней мере, эти иерархи находились в Москве летом 1692 г. Исходя из того, что чередное служение в столице продолжалось до полугода и более, можно предположить, что и 3 апреля они могли участвовать в хиротонии.

Новоспасский архимандрит был отправлен подальше от столицы, хотя и с немалым повышением»[129]. Некоторые же, напротив, считают, что это было естественным продолжением его церковного служения. Так, И.К. Смолич пишет: «Вероятно, царица Наталия помогла Игнатию получить Тобольскую митрополию»[130]. Конечно же, поставление преосвященного Игнатия не могло произойти без санкции на то государственной власти, руководящую роль в которой играла царица Наталия, мать молодого царя, и окружавшие ее родственники. Можно предположить, что патриарх Иоаким не спешил с отправкой архимандрита Игнатия на кафедру, так как он был нужен ему в Москве для выполнения различных поручений. С избранием нового патриарха архимандрит Игнатий, хотя и был сторонником Адриана, все же потерял былое значение, он перестал быть нужным в Москве. Однако прежде его поставления на Сибирскую кафедру были совершены две епископских хиротонии. Архимандриты Чудовского и Спасо-Ярославского монастырей были поставлены на Ростовскую и Псковскую кафедры соответственно. Казалось бы, на их месте должен быть архимандрит Игнатий. Однако архимандриты указанных монастырей играли примерно такую же роль в церковно-политической жизни того времени и следовательно имели не меньшее влияние и авторитет. И тем не менее на их месте вполне мог быть Новоспасский настоятель. Почему же для архимандрита Игнатия ждали освобождения другой кафедры?

Псковская и тем более Ростовская кафедры были значительно более богатыми и находились гораздо ближе к Москве, в сравнении с Сибирской митрополией. Архиереи упомянутых епархий весьма часто посещали столицу и участвовали в патриарших службах.

Оценивать назначение архмандрита Игнатия на Тобольскую кафедру на наш взгляд, нужно с нескольких сторон.

Во-первых, с точки зрения «государственной целесообразности» в Сибирь необходимо было назначить образованного, надежного и деятельного архипастыря, так как Сибирская епархия —

[129] *Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках. С. 150.
[130] *Смолич И.К.* История Русской Церкви. Ч. 1. С. 504.

огромная далекая территория, где одной из явных проблем было распространение старообрядчества. Кроме того, архимандрит Игнатий уже имел опыт полемики, в том числе и с представителями раскола. В таком ракурсе его назначение сибирским митрополитом может свидетельствовать о большом доверии Московского правительства и патриаршей власти.

Во-вторых, важно понимать, как сам преосвященный Игнатий относился к своему поставлению на Тобольскую кафедру. В челобитных, написанных в 1693–1694 гг., звучит «энтузиазм», желание действовать, вполне конкретное и четкое понимание своих задач[131]. Кроме того, как будет в дальнейшем показано, митрополит Игнатий в своей архиерейской деятельности старался подражать апостолам, возможно осознавая себя апостолом Сибири. Таким образом, для него лично назначение в Сибирь не воспринималась как что-то негативное, напротив, все свои силы он направил на реализацию себя как епископа. Кроме того, перед его глазами стоял пример его близкого друга архиепископа Афанасия, поехавшего устраивать церковную жизнь в только созданной епархии на относительно далекий Север. Кроме того, большое значение для сибирского архиерея как человека, несомненно, религиозного был и сам факт его архиерейской хиротонии, как особой Божией милости.

В-третьих, конечно, в глазах современников преосвященного Игнатия его назначение главой далекой митрополии выглядело скорее почетной ссылкой, с удалением от центра политической, культурной и церковной жизни, в которой митрополит Игнатий активно участвовал, чем назначением на ответственный пост.

Новопоставленные архиереи обычно не спешили прибыть на кафедру. Они некоторое время оставались в столице, неся чередное служение, обучаясь новому для себя торжественному архиерейскому богослужению. Вместе с другими находящимися в Москве архиереями владыка Игнатий должен был помогать патриарху в церковном управлении, участвовать в хиротониях

[131] См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1058. Л. 16–20; 188–186.

других архипастырей. Так, 9 сентября преосвященный и бывшими в столице архиереи под председательством патриарха «соборне судиша» об избрании архимандрита Феодосия на Черниговскую кафедру[132], а в воскресный день 11 сентября в Успенском соборе в присутствии государей Петра и Иоанна во время Божественной литургии патриархом Адрианом была совершена архиерейская хиротония в сослужении сибирского митрополита и других архиереев[133]. Скорейшему прибытию на кафедру мешала и трудность летнего пути в Сибирь, приходилось ждать зимней дороги, более комфортной и быстрой.

Новый Сибирский архипастырь отправился к своей кафедре с установлением зимнего пути, скорее всего в конце ноября — начале декабря 1692 г. Митрополит вез с собой свою домовую казну, личные вещи. Вместе с ним в Сибирь возвращались домовые люди, иподиакон, певчие и та часть архиерейской ризницы, которую его предшественник, преосвященный Павел, взял с собой из Сибири[134]. Новопоставленные в Сибирь архипастыри обычно брали с собой различные припасы, дефицитные за Уралом, церковную утварь, книги, вино, ладан и т. д. Архиерейский поезд мог состоять из десятка или двух десятков саней[135]. Митрополит Игнатий и сопровождавшие его люди следовали через Ярославль, Вологду и по Бабиновской дороге в Верхотурье. В первом городе своей епархии митрополит, скорее всего, остановился на несколько дней, осматривая город и два находящихся в нем монастыря — мужской и женский[136]. Дальнейший путь пролегал через Туринск и Тюмень в столицу Сибири.

Тобольск, являясь главным и крупнейшим городом в Сибири, по описанию Избранта Идеса и Адама Бранда, в 1692 г.

[132] Архив Юго-западной России... С. 356.

[133] Там же. С. 397.

[134] *Сулоцкий А., прот.* Встреча в Тобольске в старину вновь прибывших преосвященных // ЧОИДР. М., 1864. Кн. 3. Ч. V. Смесь. С. 58.

[135] Так, в начале XVIII века одному из тобольских архипастырей для переезда из Москвы в Тобольск понадобилось 35 лошадей. См.: *Сулоцкий А., прот.* Встреча в Тобольске... С. 57.

[136] *Зауральский.* Игнатий, митрополит Сибирский и Тобольский... С. 73.

представлял собой «довольно широко раскинувшийся город», который «стоит на высокой горе»[137]. «Город этот имеет помимо укреплений еще и большой каменный монастырь, который сам по себе может служить цитаделью».[138] «Возле города, где Иртыш впадает в Тобол, живет много татар».[139]

Сохранилось мало сведений о встрече нового сибирского архипастыря в Тобольске. Однако по существовавшей в Тобольской епархии традиции преосвященный прибыв в столицу Сибири, останавливался в нижнем городе в Знаменском монастыре. Сюда к митрополиту являлись ключарь Софийского кафедрального собора, настоятель Знаменского монастыря, дьяк архиерейского приказа и другие должностные лица. Приезжал обычно и кто-нибудь от тобольского воеводы. Митрополит назначал день своего торжественного въезда в город. Обычно это был ближайший воскресный или праздничный день. Владыка Игнатий, скорее всего, прибыл в Тобольск 12 февраля (по крайней мере, так он сообщил в Москву)[140], и в этот же день, 12 февраля 1693 г.[141], произошло торжественное вступление его в кафедральный город Тобольск. Обычно утром, в назначенное время, после благовеста, все городское духовенство в облачении из собора спускалось в монастырь для встречи архипастыря. К этому времени митрополит, облачившись (скорее всего, в малое архиерейское облачение) и благословив собравшийся в монастыре народ, начинал вместе с духовенством торжественное шествие на гору. Крестный ход сопровождался звоном колоколов, пением, диаконы с кадильницами и священники попарно шествовали впереди своего архиерея. Новый владыка благословлял собравшихся жителей города, которые по обычаю выстраивались вдоль всего шествия и затем следовали за ним[142]. По дороге на гору

---

[137] *Идес Избрант, Бранд Адам.* Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / вст. ст., пер. и коммент. М.И. Казанина. М.,1967. С. 87.

[138] Там же. С. 80.

[139] Там же. С. 87.

[140] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1058. Л. 188.

[141] В 1693 г. на этот день пришлась Неделя о блудном сыне.

[142] *Сулоцкий А., прот.* Встреча в Тобольске... С. 54–55.

или в каком-нибудь другом подходящем месте Тобольского архипастыря встречали представители светской власти с дьяками и подьячими, детьми боярскими, городскими старшинами и прочими именитыми горожанами, и затем они шли вслед за торжественной процессией[143]. Поднявшись на гору, вся процессия вступала в кафедральный собор. И летописец из всей встречи отметил только, что преосвященный Игнатий «в соборной и апосталстей церкви Софии Премудрости Слова Божия служил Божественную Литоргию со освещенным собором, праздновал святителю Алексею, митрополиту Московскому и всеа Росии»[144]. В челобитной митрополит Игнатий также сообщал, что перед Литургией был отслужен «молебен з звоном»[145]. После службы обычно новопоставленный архипастырь говорил слово о вступлении в управление епархией, а затем духовенство провожало своего владыку в его архиерейский дом. Здесь его встречали служащие архиерейского дома. Кто-то один непременно держал в руках икону, а другой хлеб-соль[146].

Практически сразу по приезде владыка Игнатий написал челобитную, в которой сообщал царям Иоанну и Петру о своем благополучном прибытии в Тобольск, о встрече, а также ходатайствовал о выплате жалованья служилым людям Сибири[147].

Тобольский архиерейский дом в конце XVII в.

Но, прежде чем перейти к описанию деятельности преосвященного Игнатия в Сибири, необходимо дать характеристику Сибирской епархии в целом, системы ее устройства и управления, материального обеспечения деятельности Тобольского архиерейского дома. Это позволит оценить вклад митрополита Игнатия в развитие Сибирской епархии.

[143] Так, по крайней мере, на горе встречал тобольский воевода в 1712 г. преосвященного Иоанна (Максимовича). См.: *Сулоцкий А., прот.* Встреча в Тобольске... С. 58.

[144] Сибирский летописный свод: Нарышкинская редакция // ПСРЛ. Т 36. С. 286.

[145] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1058. Л. 188.

[146] *Сулоцкий А., прот.* Встреча в Тобольске... С. 55.

[147] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1058. Л. 188–186.

Архиерейские дома представляют собой уникальное явление, свойственное только истории Русской Православной Церкви. Истории архиерейских домов уделялось большое внимание дореволюционными историками. Были написаны фундаментальные труды, в которых подробно рассматривалось устройство и функционирование отдельных архиерейских домов в эпоху Средневековья, в частности, Новгородского (труд Б.Д. Грекова)[148] и Казанского (исследование И.М. Покровского)[149]. И.М. Покровский попытался систематизировать данные об архиерейских домах первой половины XVIII в., в первую очередь обращая внимание на штаты и средства архиерейских домов[150]. Интерес к истории архиерейских домов как важному звену церковного управления возродился в постсоветскую эпоху. Попытка систематизировать знания об архиерейских домах была предпринята в статье, опубликованной в Православной энциклопедии, там же приведена и основная библиография по данной теме[151].

История Тобольского архиерейского дома XVII–XVIII вв. привлекала внимание исследователей в разных аспектах. Отдельные аспекты деятельности Тобольского архиерейского дома нашли отражение в работах дореволюционных историков В.К. Андриевича, П.К. Буцинского, А.А. Дмитриева, И.М. Покровского[152].

---

[148] *Греков Б.Д.* Новгородский дом Святой Софии (опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины). Ч. I. СПб., 1914.

[149] *Покровский И.М.* Казанский архиерейский дом, его средства и штаты преимущественно до 1764 г. Казань, 1906.

[150] *Покровский И.М.* Средства и штаты великорусских архиерейских домов со времени Петра I до учреждения духовных штатов 1764 г. Казань, 1907.

[151] *Алексеев А.И., Флоря Б.Н.* Архиерейский дом // Православная энциклопедия. Т. III. М., 2001. С. 532–536.

[152] *Андриевич В.К.* История Сибири. Ч. 2. Период с 1660 года до воцарения императрицы Елизаветы Петровны. СПб., 1889; *Буцинский П.Н.* Открытие Тобольской епархии и первый Тобольский архиепископ Киприан // Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах: Т. 2. Мангазея, Сургут, Нарым и Кетск / под ред. С.Г. Пархимович, сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень, 1999. С. 199–250; *Он же.* Сибирские архиепископы: Макарий, Нектарий, Герасим (1625–1650 гг.) // Там же. С. 251–310; *Дмитриев А.* Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. VII. Верхотурский

В современной историографии Тобольского архиерейского дома можно выделить работы, претендующие на создание целостной картины истории православия отдельных урало-сибирских регионов. Однако в силу поставленных задач в этих трудах непосредственно функционирование Тобольского архиерейского дома как органа управления епархией рассматривается весьма кратко и в общих чертах[153]. Ценные замечания содержатся во вступительной статье к публикации документов по истории Тобольского архиерейского дома в основном первой половины XVII в., принадлежащей перу Н.Н. Покровского[154]. Вместе с тем появляются и работы, посвященные отдельным аспектам этой темы. Формирование земельных владений и развитие вотчины Тобольской кафедры оказались в центре внимания Н.С. Хариной и С.Н. Щербич[155]. Исследование собственно системы управления Тобольского архиерейского дома XVII–XVIII вв.

край в XVII веке. Пермь, 1897; История Сибири. Т. II. Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968.

[153] *Дулов А.В.*, *Санников А.П.* Православная Церковь в Восточной Сибири в XVII — начале XX веков. Ч. I. Иркутск, 2006. С. 26–27; История Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 2010. С. 50–51.

[154] Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994.

[155] *Харина Н.С.* Тобольский архиерейский дом в XVIII веке: взаимоотношения государства и епархии. Докл. на конф. «Исторические исследования в Сибири и на Дальнем Востоке: проблемы и перспективы» // URL: http://history.nsc.ru/snm/harina.htm (дата обращения: 13.10.2008); *Она же.* Социальная структура вотчин Тобольского архиерейского дома на основе материала дозорных и переписных книг XVII — начала XVIII в. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. мат-лов II регион. молодеж. научн. конф. Новосибирск, 2008. С. 85 – 91; *Она же.* Начало землевладения тобольского архиерейского дома: формирование трех крупных земельных владений // Наука и инновации XXI века: мат-лы VII Окр. конф. молодых ученых, Сургут, 23–24 нояб. 2006 г. : в 2 т./ Сургут. гос. ун-т. Сургут, 2007. Т. 1. С. 85–87; *Щербич С.Н.* Источники формирования земельного фонда Тобольского архиерейского дома в XVII в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 9. С. 81–85; *Он же.* Воскресенская вотчина Тобольского софийского дома в конце XVII — XVIII в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 1 (20). С. 104–111.

предприняла Н.С. Харина[156]. Внимание исследователей привлекают и биографии глав Тобольской митрополии[157]. Новосибирскими исследователями внесен большой вклад в изучение просветительско-литературной деятельности Софийского митрополичьего двора, публикацию источников по истории Тобольской кафедры и литературного наследия сибирских архиереев первой половины XVII в.[158] В целом, необходимо отметить, что интересующий нас период, а именно конец XVII в., в истории Тобольской кафедры как центра управления епархией изучен слабо. Попытаемся восполнить этот пробел в контексте изучения деятельности преосвященного Игнатия (Римского-Корсакова) на должности Сибирского митрополита.

Тобольская митрополия в конце XVII в. простиралась от Уральских гор на западе до Тихого океана на востоке и от Северного Ледовитого океана на Севере до степей и границ с Китаем на юге. Это была самая большая епархия из всех, существовавших когда-либо в истории Русской Православной Церкви. Для управления этой территорией в системе светского центрального управления был создан специальный орган — Сибирский приказ.

По подсчетам Я.Е. Водарского, русское население Сибири в последней четверти XVII в. составляло около 90 тыс. чел.[159]

---

[156] *Харина Н.С.* Система управления Тобольского архиерейского дома в XVII в. // В мире научных открытий. 2011. № 11.3 (23). С. 857–873; *Она же.* Тобольский архиерейский дом в XVII — 60-е гг. XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2012.

[157] *Манькова И.Л.* Сибирский архиепископ Симеон и тобольские воеводы: опыт эмпирического исследования в свете теории конфликта // Уральский исторический вестник. 2012. № 3 (36). С. 14–23.

[158] См., напр.: От Вятки до Тобольска... С. 88–99; *Дворецкая Н.А.* Сибирский летописный свод: (2-я пол. XVII в.) Новосибирск, 1984; Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. Новосибирск, 2001. (История Сибири. Первоисточники. Вып. 10).

[159] *Водарский Я.Е.* Численность русского населения Сибири в XVII–XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма): сб. ст. памяти В.И. Шункова. М., 1973. С. 213. В дореволюционной историографии встречаются и другие данные, а именно: в 1677 г. русское население Сибири составляло почти 200 тыс. (*Андриевич В.К.* История Сибири... С. 159).

По данным на 1710 г., количество пришлых жителей Сибири равнялось примерно 180 тыс. чел.[160] В конце XVII в. русское население по своей численности уже преобладало над коренным[161]. В основном переселенцы из Московской Руси исповедовали православную веру, не считая старообрядцев, которые к тому времени еще не стали отдельной конфессией. Коренное население исповедовало свои племенные культы, а также ислам и буддизм. Крещеных в православную веру среди аборигенов было незначительное количество. В конце XVII в. в Сибири существовало 160 приходских храмов и 34 монастыря[162].

Центром жизни епархии был Софийский двор, располагавшийся в верхней части Тобольска и окруженный небольшой каменной стеной. Главный Софийско-Успенский собор был построен таким образом, что западная часть находилась за пределами двора. Почти в центре двора стоял каменный двухэтажный архиерейский дом с домовой церковью в честь сорока севастийских мучеников[163]. По сведениям Черепановской летописи, в 1699 г. на архиерейском дворе митрополит Игнатий «подле ворот водовозных к звозу николскому построил каменные полаты со три апартамента, а наверху башне с немалыми слухами и все было немалой вышины», «сказывали многие, что в тех верхних покоях намерен был владыка освятить церковь и в башне быть определял колоколне»[164]. Каких-либо документов, подтверждающих эти сведения, пока не обнаружено. Возможно, это строительство было осуществлено только на средства Тобольского архиерейского дома, поэтому

---

[160] *Водарский Я.Е.* Численность русского населения Сибири в XVII–XVIII в. С. 213. В дореволюционной историографии встречаются и другие данные, а именно: в начале XVIII в. в Сибири проживало около 230 тыс. русских и около 200 тыс. инородцев (Азиатская Россия. Т. I. Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914. С. 81). Встречается и другое число крещеного населения Сибири в 1710 г., а именно: 273 тыс. (*Клочков М.* Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т. I. Переписи дворов и населения (1678–1721). СПб., 1911. С. 61).

[161] История Сибири. Т. II. С. 56.

[162] *Андриевич В.К.* История Сибири. С. 326, 330; ПСЗ. Т. III. С. 234.

[163] Архипастыри Тобольской епархии... С. 80.

[164] РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Л. 96 об.

не требовало согласования со светскими властями. На чертеже Тобольска С.У. Ремезова начала XVIII в. есть строение, подходящее под описание из Черепановской летописи, но оно никак не названо[165]. Возможно, это и есть палаты, построенные при владыке Игнатии (см. прил. № 4 (фрагмент плана С. Ремезова начала XVIII в.). Это предположение подтверждается планом Тобольского кремля 1728 г., на котором на этом месте около восточной стены архиерейского двора под № 16 обозначены «Каменные палаты»[166].

Митрополит управлял своей обширной епархией с помощью комплекса ведомств, который в целом именовался архиерейским домом. Одним из главных учреждений в системе епархиального управления был судный приказ, который именовался также архиерейским разрядом. Он располагался на первом этаже каменной колокольни, находившейся недалеко от здания собственно архиерейских покоев[167].

Митрополичий судный приказ имел право судить все духовенство Сибирской епархии и мирских людей по делам, подсудным Церкви. Возглавлял этот орган церковной администрации приказной — светский чиновник, назначаемый обычно из детей боярских. Он в той или иной мере контролировал деятельность всех домовых учреждений (в том числе и приказов)[168]. В целом приказной был самым влиятельным лицом в митрополии после главы епархии; по мнению Б.Д. Грекова, именно это должностное лицо являло собой «принцип централизации..., напоминая собой франкского майордома»[169]. В отсутствие митрополита именно он оставался главным распорядителем архиерейского дома. Кроме него в приказе служили светские чиновники: дьяк и несколько (2–3) подьячих.

[165] Чертеж Тобольска // Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Том I. Факсимильное издание. М., 2003. Л. 4. Опубл. в прил. 4.

[166] Тобольск — ангел Сибири. Тюмень, 2011. С. 17. Опубл. в прил. 4.

[167] *Баландин С.Н.* Начало русского каменного строительства в Сибири // Сибирские города XVII — начала XX века. Новосибирск, 1981. С. 181.

[168] *Мельник А.Г.* Ростовский митрополичий двор в XVII в. ...

[169] *Греков Б.Д.* Новгородский дом Святой Софии. С. 146.

Суд над мирянами приказной вершил вместе с дьяком и подьячими. Суд же над лицами, имеющими священный сан, возглавлял «судия духовных дел» (духовный судья)[170] назначаемый главой епархии обычно из архимандритов приписного Иоанно-Введенского Междугорного монастыря. Заседание проводилось также с участием приказного, дьяка и прочих служащих приказа. Таким образом, духовный судья не был ведущим лицом в разряде, а приглашался только для участия в судебном заседании и вынесения решения[171]. Так, за весь период пребывания преосвященного Игнатия в Тобольске нам известна только одна грамота, в которой рассматривалось преступление лица в священном сане и в этом суде, как и было, положено, участвовал судия духовных дел[172]. Другое дело, в котором известно председательство архимандрита, касалось мирянина, который пренебрегал более ранними постановлениями церковного суда[173]. Видимо, для разрешения такой непростой ситуации посчитали необходимым его присутствие, хотя, с точки зрения действовавшего тогда церковного права, суд над мирянами совершался без присутствия духовного судьи.

Разряд, кроме церковного суда, являлся центром управления епархией. В нем писались основные грамоты и другие бумаги, рассылавшиеся от лица митрополита, велась переписка с церквами и монастырями, подготавливались бумаги и решения на утверждение главе епархии, рассматривались ставленнические и другие дела. В архиерейский приказ стекались все необходимые сведения, отчеты и донесения[174]. По всем наиболее важным делам митрополит должен был писать в Москву, причем чаще всего и царю, и патриарху. Документы, рассылаемые в нижестоящие инстанции, т. е. в монастыри, центры десятин, и отдельные церкви, составлялись дьяками часто уже по готовому шаблону, лишь

---

[170] *Алексеев А.И.*, *Флоря Б.Н.* Архиерейский дом. С. 533.

[171] *Греков Б.Д.* Новгородский дом Святой Софии. С. 152–153.

[172] Древние церковные грамоты... С. 54.

[173] Там же. С. 61–62.

[174] *Дулов А.В.*, *Санников А.П.* Православная Церковь в Восточной Сибири... С. 26.

по указанию митрополита, и скреплялись их подписью. Иногда, в исключительных случаях, митрополит сам писал грамоты.

В период с 1693 по 1698 г. приказным был Осип (Иосиф) Семенович Немчинов[175], после суда над ним в 1698 г., на его место был назначен Иаков Немчинов[176]. Должность дьяка все годы пребывания митрополита Игнатия на кафедре исполнял Михайло Витязев. Он был опытным человеком, так как назначен был на эту должность еще предыдущим сибирским архипастырем[177]. Известны имена некоторых «судей духовных дел» конца XVII в. По приезде преосвященного Игнатия в Сибирь им был архимандрит Игнатий (Груздев)[178], а в 1700 г. в этой должности упоминается архимандрит Киприан[179].

Другим важнейшим ведомством архиерейского дома был казенный приказ. В сферу его компетенции входила митрополичья казна, которая как учреждение была центром всей хозяйственной жизни митрополичьего дома. Кроме денег, в казне содержались архив ценных бумаг, книгохранилище, немалые запасы тканей, посуды и всего прочего, без чего не могло функционировать огромное хозяйство. В казенный приказ поступал оброк с вотчин Софийского дома. Сюда же стекались «дани» и всевозможные

---

[175] Древние церковные грамоты... С. 44 и след.; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1363. Л. 99. Показательна судьба этого человека. В первые (до 1684 г.) Немчинов Осип (Иосиф) Семенович упоминается как софийский сын боярский и хозяин двора, который находился «на Софейской земле под горою под Паниным бугром» (Вотчины Тобольского Софийского двора в XVII в. Тюмень, 2001. С. 17). В 1691/92 г. (7200 г.) он уже замечен в качестве десятильника в Усть-Ницынской слободе (*Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках. С. 177), и только с приездом нового митрополита в 1693 г. становится приказным. Впрочем, своей властью он, видимо, злоупотреблял, потому что уже в начале 1698 г. отстранен от должности и попал под следствие по делу о десятильниках (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1363. Л. 368). В августе 1698 г. признан виновным и сослан в Якутск (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1363. Л. 384; *Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках. С. 180).

[176] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 561. Л. 1 об.

[177] Древние церковные грамоты... С. 44 и след.; РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 561. Л. 75.

[178] Древние церковные грамоты... С. 55, 62

[179] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 561. Л. 1 – 1об.

пошлины, взимавшиеся с церквей Сибири, и церковные налоги с мирского населения[180]. Здесь находился и главный архив Тобольской митрополии.

Главой казенного приказа был казначей. Чаще всего его назначали из монашествующих. Функции казначея были весьма разнообразны. Он участвовал в размежевании земельных владений митрополита и других феодалов, в снабжении митрополичьего двора съестными припасами, выдавал грамоты на построение новых церквей, наконец, ведал приходом и расходом основных денежных средств митрополичьего дома[181]. Делопроизводство в приказе исполняли светские чиновники: дьяк и один-два подъячих. В годы архипастырства митрополита Игнатия сменилось несколько казначеев. По приезде в Тобольск им был назначен иеромонах Игнатий (Груздев)[182], через год он был замещен иеромонахом Иосифом (Знаменским)[183]. С 1695 г. и вплоть до отъезда митрополита Игнатия в Москву должность казначея занимал монах Иоасаф (Милюков)[184]. Должность дьяка в казенном приказе долгие годы занимал Григорий Яковлев. На это место он был назначен еще при митрополите Павле и оставался на своем посту все время управления Сибирской епархией митрополита Игнатия[185]. Сохранилось имя одного из подьячих казенного приказа — «Мишки Протодьяконова»[186].

Особую роль в управлении епархией играло соборное духовенство, так как ему «давались особые права и полномочия, которые выдвигали соборян из ряда приходского духовенства»[187]. Клирики кафедрального собора чаще всего выполняли роль посланников, проверяя дела на местах. По «книгам именным тобольским ружником» 1696/97 г. соборный клир составляли: протопоп,

[180] *Мельник А. Г.* Ростовский митрополичий двор в XVII в. ...
[181] Там же.
[182] Древние церковные грамоты... С. 46.
[183] Там же. С. 56.
[184] Там же. С. 52 и след.
[185] Там же. С. 46 и след.
[186] Там же. С. 48 и след.
[187] *Покровский И.* Казанский архиерейский дом. С. 268.

протодиакон, два ключаря (священники), четыре священника, три диакона, и по два пономаря, звонаря и сторожа[188]. В целом примерно столько же духовенства было в кафедральном соборе Казанской епархии в 1706 г.[189] Возможно, что к концу XVII в. среди соборного духовенства было два диакона[190]. Сохранились имена клира главного епархиального храма. Так, ключарем Софийского собора все годы архипастырства митрополита Игнатия был иерей Иоанн Васильев[191], «сибирския соборныя церкви» иерей Иосиф сопровождал митрополита Игнатия в «путное шествие»[192]. Соборный диакон Лаврентий ездил с особой миссией (о ней см. ниже) в Китай. Кстати, об особом доверии именно соборному диакону говорит тот факт, что грамоту на получение в Селенгинском монастыре десяти рублей выдали именно ему, а не следовавшему вместе с ним в Пекин верхотурскому священнику Григорию. В качестве помощника в поездке по епархии с крестовым иеромонахом Израилем был послан соборный иеродиакон Никифор (Амвросиев)[193].

Большую роль в управлении епархией занимали митрополичьи дети боярские. В конце XVII столетии в Тобольском архиерейском доме их числилось 20 человек. Они занимались управлением вотчин, выполняли различные поручения, служили посыльными, представляли интересы митрополита в различных инстанциях, были «стряпчими».

При домовой церкви числилось крестовое духовенство. Сохранились имена лишь некоторых клириков домового храма

---

[188] Тобольск: материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885. С. 43.

[189] Протопоп, два ключаря, два иерея, протодикон, два диакона, два пономаря, два сторожа и просфоряк-монах. См.: *Покровский И.* Казанский архиерейский дом. С. 295–296.

[190] По крайней мере, упоминаются почти одновременно соборный диакон Лаврентий и соборный иеродиакон Никифор (Амвросиев).

[191] Священник Иоанн (Иван) Васильев занимал должность ключаря Софийского собора с 1686 г. по 1701 г. См.: Литературные памятники Тобольского архиерейского дома... С. 383; *Дворецкая Н. А.* Сибирский летописный свод... С. 91.

[192] Житие Симеона Верхотурского. С. 213.

[193] Там же. С. 220.

архиерейского дома. Так, в 1694/95 гг. и в 1700 г. упоминаются одни и те же лица — казначей (1700) иеромонах Савватий[194] и иеромонах Израиль[195], в 1700 г. также упоминается иеродиакон Исаакий, которого тоже можно отнести к крестовому духовенству, так как он сопровождал своего архипастыря в Москву[196].

В обязанности крестового духовенства входило в первую очередь совершение богослужения в домовой церкви — впрочем, оно выполняло и поручения по управлению епархией, и в этом качестве стояло близко к соборному духовенству. Так, например, зимой 1695/96 гг. крестовый иеромонах Израиль и соборный клирик иеродиакон Никифор (Амвросиев) по благословению митрополита Игнатия посещали Верхотурский уезд, наблюдая за церковной жизнью, имея особые полномочия от архиерея, так как сам Тобольский владыка называет их «ексархами»[197]. Близко к крестовому духовенству стояли келейники митрополита. Их могло быть несколько, иногда один из них был иеродиаконом[198].

Особое место занимала в жизни митрополита богослужебная деятельность. Все необходимое (облачение, книги, утварь т. д.) для ее обеспечения хранилось в ризнице. Богослужебную деятельность обслуживали станица певчих дьяков (10 чел.) и станица певчих подьяков (11 чел.), также один подьякон (иподиакон)[199]. Все они также считались служащими Софийского дома.

В целом ежедневную жизнь Архиерейского дома, по описи 1701 г., обслуживал следующий ряд лиц. На архиерейской поварне и хлебне числились повар и 5 хлебников[200]. Охраной Софийского двора и топкой многочисленных печей занимались еще четыре человека[201]. Отдельно располагались технические службы.

---

[194] Житие Симеона Верхотурского. С. 212.

[195] Там же. С. 220.

[196] Упом.: *Оглоблин Н.Н.* Библиотека сибирского митрополита Игнатия... С. 286–291.

[197] Житие Симеона Верхотурского. С. 220.

[198] *Покровский И.* Казанский архиерейский дом... С. 296–297.

[199] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 561. Л. 77 об. – 79 об.

[200] Там же. Л. 79 – 79 об.

[201] Там же. Л. 78 об.

В источниках упоминается отдельный конюшенный двор. На нем хранились архиерейские кареты и сани, специальные телеги и сани, например водовоз[202]. Его служащими были «возницы и конюхи» в числе трех человек[203]. На хозяйственном дворе имелась небольшая кузница, в которой трудился кузнец[204]. В обслуживании архиерейского дома участвовали мастеровые. По описи 1701 г. их числилось 3 человека. Скорее всего, двое из них были «иконниками», а один «деревщиком» [205].

Своеобразным кладовщиком был сушиленный монах. В его ведении находились сушила, погреба и кладовые. В них хранились запасы продовольствия, книги, посуда, ткани и прочее[206]. В ведении чашника находились погреба с различного рода напитками[207].

Домашний быт митрополита Игнатия был типичен для архиереев его эпохи. Каждый архиерей по должности владел значительным имуществом. Например, владыка Игнатий, отправившись в Москву на «чередное служение» (которое требовало пребывания в Москве по полгода и более), взял с собой большое количество разного рода вещей. Во-первых, это предметы, связанные с архиерейским богослужением: рипиды серебряные, ладанница, сосуды служебные серебряные, принадлежности для архиерейского омовения рук, два кадила, две «архиерейские шапки» (так называемые митры с «опушкой»), «дикирь» и «трикирь», восемь орлецов[208]. Среди одежд упоминаются пять саккосов, две палицы, 3 омофора, 2 епитрахили, и т. д. Большое количество облачений было взято и для участвующих вместе с архиереем лиц (иподиакон, певчие и т. д.)[209]. Во-вторых, это личная повседневная

[202] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 561. Л. 36.
[203] Там же. Л. 79.
[204] Там же. Л. 76 об. – 77.
[205] Тобольский архиерейский дом в XVII веке. С. 138.
[206] Опись содержимого сушил и кладовых Тобольского Архиерейского дома в 1701 г. см.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 561. Л. 19 и след.
[207] Там же. Л. 75 об.; *Мельник А. Г.* Ростовский митрополичий двор в XVII в. ...
[208] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1559. Л. 2–2 об.; 4 об.
[209] Там же. Л. 3 – 4 об.

одежда митрополита, например, 4 клобука, мантии и прочее[210]. В-третьих, это посуда, съестные припасы и прочее, имеющее отношение к кухне. Одной только серебряной посуды было взято общим весом 27 фунтов — то есть более чем десять килограммов, не считая оловянной и прочей[211]. Большое количество посуды необходимо было не только для архиерейских трапез, но и для того, чтобы кормить прибывших с ним людей, которые исчислялись несколькими десятками. Отдельно были взяты книги, разного рода документы, иконы, ткани и сибирские меха[212]. В целом, все это движимое имущество, привезенное митрополитом в Москву, было довольно большим, но, с другой стороны, во многом необходимым. Можно предположить, что в Тобольске у владыки было еще больше имущества. Однако владение им было условным и связывалось в первую очередь с занимаемой церковной должностью. Как только преосвященный Игнатий оказался на покое без права служения, число его личных вещей резко сократилось. В келье Симонова монастыря у него было: несколько икон, пять книг (Евангелие, Апостол, требник, Псалтирь следованная, Маргарит), немного одежды (2 мантии, 2 клобука, кафтан, «волосянка», ряса, камилавка, и некоторая другая одежда), кухонные принадлежности (3 блюда, кружка оловянная, 5 сковородок и другая посуда) и разные бытовые вещи, например полотенца. Среди вещей также упоминается печать, скорее всего, именная[213]. В целом, вещей было немного — даже, можно сказать, совсем мало.

Интересно, что среди его келейных икон, взятых с собой в столицу, кроме Господских и Богородичных икон («Воскресение Христово», «Отечество», «София Премудрость Божия», икон Богоматери — Казанской, Тихвинской), были две иконы святых, видимо, особо им почитавшихся: образ Иосифа Волоцкого и образ Иоанна, Христа ради юродивого[214]. Особое почитание Волоцкого

[210] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1559. Л. 4 об.
[211] Там же. Л. 5 – 7 об.
[212] Там же. Л. 12 – 14 об. и проч.
[213] Там же. Л. 21–22.
[214] Там же. Л. 9, 21 об.

игумена легко объяснить тем, что, борясь с раскольниками, митрополит Игнатий явно видел себя продолжателем его дела. Кстати, знаменитый «Просветитель» Иосифа Волоцкого митрополит активно цитировал в своих сибирских посланиях.

Важно заметить, что все органы управления представляли собой единое целое, их обязанности порой смешивались — представители различных учреждений могли участвовать в одном и том же деле. Например, 7 мая 1698 г. «по приказу преосвященного Игнатия митрополита Сибирского и Тобольского для переписи животов посланы Софийского двора знаменного монастыря архимандрит Игнатий Груздев да крестовой черной священник Израиль, дьяк Михайло Витезев дети боярские Василей Груздев, Косьма Главин, Осип Хавов, Федор Старков, Василей Аврамьев, Федор Дедерев, Афонасей Скорняков»[215]. С одной стороны, в переписи участвуют представители судного приказа, с участием «судии духовных дел», естественно, дети боярские, но и крестовый иеромонах, возможно, как доверенное лицо митрополита.

В целом структура архиерейского дома была сходна с другими епархиальными центрами того времени. По переписи 1701 г., в штате Тобольского архиерейского дома находилось 72 человека. Кроме того, отдельно необходимо учитывать штат кафедрального собора, который не входит в указанное выше число. Для сравнения, в начале XVIII в. всех служащих вместе с соборным клиром в Новгородском архиерейском доме было 1233 чел., в Ростовском — 498 чел., Псковском — 288 чел., Тверском — 240 чел., Крутицком — 151 чел.[216] Ясно, что по общему количеству служащих Тобольский дом значительно уступал аналогичным структурам из центральной России. Малочисленность штата можно объяснить слабой заселенностью Сибири, небольшим по сравнению с Центральной Россией количеством приходов и монастырей, а также вотчин Тобольского архиерейского дома.

Приписка монастырей во второй половине XVII в. была одной из форм увеличения домовых владений. Сами же монастыри

[215] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1363 С. 387 об.

[216] *Покровский И.М.* Средства и штаты... С. 122.

и их насельники чаще всего содержались за счет казны архиерейского дома[217]. За Софийским домом числился ряд монастырей: самые крупные из них — Тобольский Знаменский и Иоанно-Введенский Междугорный монастыри, обладающие достаточными доходами и землями[218]. Первый располагался в нижней части Тобольска, а второй — недалеко от столицы Сибири, что давало возможность активно привлекать настоятелей к епархиальному управлению.

В крупных городах Сибири находились архиерейские подворья. Чаще всего они играли роль мест для остановки митрополичьих людей. Так, в Тюмени упоминается архиерейский Софийский двор, где жил десятильник[219]. 10 сентября 1698 г. Тобольский архипастырь издал указ о построении в Киренске священником Михаилом Даниловым Софийского двора для приезжающих властей[220].

Отдельно необходимо упомянуть и о том, что у многих богатых архиерейских домов были свои подворья в Москве. Однако относительная небогатость Сибирской кафедры не позволяла иметь таковое в столице. В Москве был только лишь стряпчий Тобольского архиерейского дома, который представлял интересы кафедры в различных инстанциях. По-видимому, эту должность исполнял один из митрополичьих детей боярских[221].

Доходы Тобольского архиерейского дома состояли из трех основных частей: царской руги, доходов, которые приносили вотчины Софийского дома, сборов с церквей и населения Сибири.

Софийский дом получал от государя ругу ежегодно «по 517 рублев 27 алтын с деньгою»[222]. Рядом с архиерейской Усть-Ницынской

---

[217] *Покровский И.М.* Средства и штаты... С. 12.

[218] *Харина Н.С.* Тобольский архиерейский дом в XVIII веке...

[219] *Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках. С. 152. Тюмень в XVII столетии: Собрание материалов для истории города с «Введением» и заключительной статьей прив. доц. П.М. Головачева: «Состав населения и экономический быт Тюмени в XVII в.», с приложением плана старинной Тюмени и 2 видов Благовещенского собора начала XVIII в. Тюмень, 2004. С. 87.

[220] Древние церковные грамоты... С. 93.

[221] Митрополичий стряпчий в Москве упом.: ПСЗ. Т. III. 1689–1699. СПб., 1830. С. 234.

[222] ПСЗ. Т. III. 1689–1699. С. 234.

слободой находилась Нижне-Ницынская слобода, весьма развитая и довольно большая. Желая увеличить доходы митрополии, тобольский архиерей решил обратиться к царю с просьбой взамен ежегодной руги пожертвовать в вотчины Софийского дома вышеуказанную слободу «с крестьянами и землями и со всякими угоди»[223]. Об этом осенью 1695 г. в Сибирский приказ была направлена соответствующая челобитная на царское имя. В январе — феврале 1696 г. вопрос был рассмотрен в Сибирском приказе. Уже 18 февраля 1696 г. по делу было принято принципиальное решение. В даче слободы было отказано, а ругу указывалось платить по-прежнему[224]. 21 апреля 1696 подобная грамота была послана и тобольскому воеводе А.Ф. Нарышкину[225]. Так попытка серьезно увеличить доходы кафедры, предпринятая владыкой Игнатием, не нашла поддержки государственной власти. Это легко объяснить общей линий светской власти на ограничение землевладения Тобольского архиерейского дома. В конце пребывания митрополита Игнатия на Тобольской кафедре Софийский дом был лишен руги[226] (обстоятельства этого события см. ниже).

Тобольский архиерейский дом в своих вотчинах насчитывал в первой четверти XVIII в. около 2 000 десятин пашни, или 15,4 % всей пашни Тобольского уезда, с 437 дворами крестьян и 2 650 душами мужского пола. Тремя крупными софийскими слободами были Усть-Ницынская, Покровская и Тавдинская вотчины с селеньями Преображенским и Воскресенским[227]. Динамичнее всего развивалась Усть-Ницынская вотчина. Тавдинская слобода, поскольку почва была в ней мало пригодна для выращивания хлеба, развивалась благодаря богатым рыбным угодьям[228]. Отдельно

[223] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1277. Л. 6.

[224] Царская грамота опубликована: ПСЗ. Т. III. 1689–1699. № 1541. С. 234–235.

[225] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1277. Л. 5, 6.

[226] Тобольск: материалы для истории города... С. 97.

[227] *Харина Н.С.* Тобольский архиерейский дом в XVIII веке...; Источники по истории формирования Софийских вотчин с 1623 по 1684 г. представлены в сб. док-тов: Вотчины Тобольского Софийского двора в XVII в. Тюмень, 2001.

[228] *Харина Н.С.* Начало землевладения тобольского архиерейского дома... С. 85–87.

необходимо учитывать вотчины приписных монастырей: Тобольского Знаменского и Иоанно-Введенского Междугорного, которые обладали значительными земельными угодьями[229]. Были у Архиерейского дома также свои рыбные ловли и мельницы.

Путем обращения к государю, покупки земель, отбирания за долги и получения земель в качестве пожертвований на помин души тобольские митрополиты старались увеличить свои вотчины[230]. Заботясь о благосостоянии кафедры, преосвященный Игнатий продолжал политику своих предшественников. Управление вотчинами митрополит осуществлял в основном через казенный приказ.

Владение огромными землями и стремление расширить свою вотчину не могло не привести к возникновению земельных споров с другими землевладельцами. Так, в 1697 г. у митрополита Игнатия возник поземельный спор с татарами Тарханского острога. Дело рассматривалось местной тобольской властью. Решение в итоге воеводским дьяком было принято не в пользу Софийского дома[231].

Значительные доходы приносили сборы с церквей и населения Сибири. Этими сборами занимался заказчик. С каждого прихода в казну митрополии собирался определенный «оклад», причем его размер, как указывал преосвященный Игнатий одному из заказчиков, должен был назначаться заказчиком «смотря по приходу», т. е. сообразуясь с конкретными возможностями прихода. Кроме того, заказчик собирал отчисления в митрополичью казну с совершения отдельных таинств и обрядов и пошлины за ведением им церковного суда и другие сборы[232]. Судом населения по вопросам, находившемся в юрисдикции церковного суда, занимались десятильники, они же и собирали наложенные церковным судом штрафы в пользу митрополии. Все указанные

---

[229] Подробнее об их вотчинах см.: *Шунков В.И.* Очерки истории земледелия Сибири... С. 369–370.

[230] *Шунков В.И.* Очерки истории земледелия Сибири... С. 369; *Харина Н.С.* Начало землевладения Тобольского архиерейского дома... С. 85–87.

[231] *Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках. С. 154.

[232] Древние церковные грамоты... С. 46.

средства должны были фиксироваться в специальных книгах и пересылаться в Тобольск[233].

Имея значительные доходы, Тобольский архиерейский дом, имел и расходы. Прежде всего, это расходы на содержание самого митрополита, его питание, одежду, предметы быта, книги и т. д. Скорее всего, митрополит получал и средства на личные расходы. Кроме того, необходимо было пополнять архиерейскую ризницу, библиотеку митрополичьего дома. Значительной статьей расходов была оплата труда служащих архиерейского дома. Например, по описи 1701 г. им полагалось «денег триста семнатцать рублев, хлеба — четыреста двенатцать чети ржи, овса тож, сто четырнатцать пуд соли»[234]. Таким образом, на одних только служащих уходила большая часть царской руги. Средства шли на обеспечение деятельности архиерейских приказов, поддержание софийского двора, который был значительным, питание монашествующих, проживавших в Тобольском архиерейском доме. Кроме расходов на содержание архиерейского дома, средства требовались и на закупку дефицитных в Сибири товаров и рассылку их по церквам и монастырям. Это были богослужебные книги, ладан, вино, ткани для облачений, монашеские одежды (мантии, клобуки и др.)[235]. Средства уходили и на организацию поездок митрополита, а также его доверенных лиц по епархии. Значительные средства тратились на содержание митрополита и его окружения при прибытии на чередное служение в Москву. Были, вероятно, и другие расходы.

В Сибирской митрополии в XVII в. существовала особая система управления приходами. Административно-территориально епархия делилась на три разряда: Тобольский, Верхотурский и Енисейский. Обычно во главе них находились настоятели крупнейших монастырей, а к обеспечению деятельности разрядов привлекались иеромонахи и монашествующие[236]. По сути, они дублировали функции архиерейского приказа, переписывая

[233] Древние церковные грамоты... С. 46–47, 60.
[234] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 561. Л. 79 об.
[235] Древние церковные грамоты... С. 88.
[236] *Дулов А. В.*, *Санников А. П.* Православная Церковь в Восточной Сибири... С. 26.

и рассылая поступившие распоряжения заказчикам. Однако к концу XVII в. их роль стала сходить на нет[237]. В грамотах митрополита Игнатия деятельность разрядов вообще не упоминается. Последнее упоминание об их существовании приходится на 1 сентября 1690 г.[238] Можно предположить, что фактическое прекращение их деятельности связано с митрополитом Игнатием, хотя окончательно они были упразднены в начале следующего столетия митрополитом Филофеем[239].

Основной административно-территориальной единицей при митрополите Игнатии были десятины. Во главе десятины стоял десятильник (другое название — десятинник), который обычно назначался из архиерейских служилых людей (митрополичьих детей боярских). В его компетенции находились судебные и финансово-административные дела. Круг обязанностей десятильника состоял в сборе разного рода церковных налогов, их учете и отсылке в столицу Сибири, суде над церковным людьми по большинству преступлений и над всем населением по нарушениям, касающимся сферы церковного суда. В случае неурядиц он должен был сообщать в Тобольск, а также по указу митрополита приводить в исполнение инструкции и наказания[240]. В необъятной Тобольской епархии эти светские архиерейские чиновники получили особую власть, которую Тобольск за своей отдаленностью контролировать не мог. Большие злоупотребления детей боярских, назначаемых на эти должности, привели к замене их лицами духовного сана в 1697–1698 гг.[241]

---

[237] *Дулов А.В., Санников А.П.* Православная Церковь в Восточной Сибири... С. 26.
[238] Древние церковные грамоты... С. 41.
[239] *Дулов А.В., Санников А.П.* Православная Церковь в Восточной Сибири... С. 26.
[240] *Там же*. С. 27; Подробнее о том, чем занимался десятильник см.: *Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках. С. 147. Об истории и развитии обязанностей десятильников, см.: *Каптерев Н.* Светские архиерейские чиновники в Древней Руси. М., 1874. С. 114–149.
[241] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1363. Л. 442–444. Подробнее об этом см.: *Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках. С. 375–413. О замене и о системе десятин в Восточной Сибири см.: *Покровский И.* Русския епархии в XVI–XIX вв. ... С. 529–530.

Существовало также параллельное деление на заказы, во главе которых стояли заказчики. Они обычно назначались из настоятелей монастырей. Территориально заказы могли совпадать с десятинами, но могли и разниться. В обязанность заказчика вменялось наблюдение за церковным благочинием, и в случае каких-либо нарушений он должен был сообщать в Тобольск[242].

В Сибирской епархии существовало 14 десятин и, соответственно, такое же число заказов[243]. Важнейшие указы рассылались заказчикам или десятильникам, которые в свою очередь рассылали их по монастырям и церквам.

В целом в устройстве Сибирской епархии существовал ряд особенностей, порожденных необъятностью митрополии и удаленностью от Центральной России, а также слабой заселенностью зауральских земель. Ко времени прибытия митрополита Игнатия в Сибирь система церковного управления уже сложилась. И он ничего принципиально не менял в деятельности Тобольского архиерейского дома, кроме того, что при нем фактически прекращают свою деятельность разряды. Его попытки увеличить благосостояние Тобольской кафедры за счет приобретения новых земельных владений не увенчались успехом.

Борьба с расколом и «путное шествие»

Красной нитью через все служение митрополита Игнатия в Сибири проходит его деятельность по борьбе с церковным расколом. Это тема ему уже давно была знакома. Утверждением новых обрядов иеромонах Игнатий занимался еще в Соловецком монастыре, а в бытность архимандритом Новоспасского монастыря вел антистарообрядческую полемику в Костромском и Кинешемском уездах.

---

[242] *Дулов А.В., Санников А.П.* Православная Церковь в Восточной Сибири... С. 27; Обязанности заказчика подробно изложены в грамоте митрополита Игнатия, посланной 12 мая 1693 г. игумену Мисаилу о назначении его заказчиком по Даурской и Селенгинкой десятинам (Древние церковные грамоты... С. 45).

[243] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1363. Л. 443, 445.

Вскоре по приезде, 8 мая 1693 г. митрополиту донесли, что ссыльный монах Тобольского Знаменского монастыря Иосиф Астомен[244] «противная Святей Церкви творит, и тайно приходящих к нему совращает с праваго пути православныя веры, и во всякий злый раскол простшыя поучает»[245]. По повелению митрополита 17 мая прибыл в крестовую палату Софийского архиерейского дома Иосиф Астомен, где состоялся расспрос последнего владыкой. Этот разговор архиерей впоследствии подробно изложил в своем третьем послании. Во время беседы выяснилось, что Иосиф по национальности был армянином. Раскольник объяснил митрополиту, что двуперстие православно, а троеперстие, которое слагают православные, на самом деле армянское[246]. Митрополит попытался убедить его в правильности троеперстия. Иосиф все равно утверждал, что креститься нужно двумя перстами. Видя, что он упорствует, митрополит лишил его монашеского одеяния (т. е. лишил его монашеского звания). Затем он отослал его в митрополичий разряд для дачи показаний[247].

Четыре воскресенья подряд (между июнем 1693 г. и осенью 1694 г.) Тобольский владыка устраивал диспуты с Иосифом Астоменом на площади перед соборной церковью святой Софии при стечении народа. Публичное обличение раскольника, по словам митрополита, носило в первую очередь назидательный характер. Примерный состав своих обличительных речей сибирский архиерей изложил позже в «третьем послании». Они касались не только перстосложения, но догмата о природе Богочеловека.

---

[244] Монах Иосиф Астомен (так именует его митрополит Игнатий. Возможно, его прозвищем было Истомин). В миру Иоанн Иванисов, происходил из армян, переселившихся в Казань. О нем подробно см.: *Шашков А. Т.* Сибирский митрополит Игнатий и «дело» Иосифа Астомена... С. 36–49. Интересную, но маловероятную версию о принадлежности Иосифа Астомена к павликианам см.: *Айвазян К. В.* Сподвижник протопопа Аввакума — «арменовер» Иосиф Астомен // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 234–239.

[245] Послания блаженнаго Игнатия... С. 159.

[246] В Армянской Церкви действительно до сих пор крестятся троеперстно.

[247] Послания блаженнаго Игнатия... С. 159; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1058. Л. 16–20, 15 об.; *Шашков А. Т.* Сибирский митрополит Игнатий... С. 37.

По словам обличителя, многие отступили от Иосифа, «познавше православное учение»[248].

После этих увещаний Иосиф Астомен принес покаяние, а также под диктовку митрополита Игнатия написал исповедание[249]. Владыка здесь использовал свой опыт увещания Сильвестра Медведева. Однако он заимствовал лишь необходимость письменного исповедания «заблудшего», наполнив ее своим собственным оригинальным содержанием[250]. В начале говорится: «И приношу вину свою пред святою соборною и апостолскою Церковью и пред святейшими вселенскими православными патриархи»[251] и далее перечисляются православные восточные патриархи, затем патриарх Адриан, «и пред преосвященным Игнатием, митрополитом Сибирским и Тоболским, и пред всеми архиереи вселенныя, и пред всем освященным собором»[252]. И заканчивается: «И ныне аз, окаянный арменин, во всем вышеписанном винен, и вину свою принося свободно, и что исповедаю, яко двоеперстно сложение арменско есть, а троеперстное сложение православно, и во всем противление, от меня бывшу от всех православных христиан, прощения прошу»[253]. Исповедание имело значение для антистарообрядческой проповеди, оно было нужно для подтверждения армянского происхождения двуперстия[254]. Впоследствии произведение было включено в сибирские послания митрополита Игнатия.

Можно предположить, что покаяние было принесено в период с середины лета 1693 г. и по осень 1694 г. Возможно, что это

---

[248] Послания блаженнаго Игнатия... С. 167.

[249] Там же. Копия последнего вместе с челобитной митрополита о деле Иосифа была 20 декабря 1694 г. отправлена из Верхотурья (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1058. Л. 16–20, 15 об.) Исповедание было также добавлено во второе послание: Послания блаженнаго Игнатия... С. 25–27.

[250] Исповедание Иосифа Астомена текстологически независимо от исповедания Сильвестра Медведева. Последнее опубл.: *Евфимий, инок.* Остен... С. 65–85.

[251] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1058. Л. 19.

[252] Там же.

[253] Там же. Л. 20.

[254] Об «армянских корнях» старообрядчества см. ниже.

произошло не сразу после увещания, а по прошествии некоторого времени, в период между осенью 1693 г. и осенью 1694 г., когда сообщение о покаянии было отправлено в Москву[255]. Вероятно, прошло какое-то время между покаянием и отправкой сообщения в столицу (возможно, ждали установления зимнего пути). Если следовать «третьему посланию», то покаяние могло быть принесено не ранее середины лета 1693 г.[256] Сообщение об этом факте и исповедание Иосифа Астомена были отправлены в Москву лишь в декабре 1694 г.

В этот период митрополит создал два первых «послания на армен и полуармен». Название объясняется тем, что автор считал, что заблуждения старообрядцев (в частности, двуперстие) происходит от армян, якобы еще в царствование Ивана IV Васильевича попавших в Россию.

Митрополит не был автором этой идеи. Она имеет свою собственную довольно продолжительную историю. Сам преосвященный Игнатий, скорее всего, почерпнул ее из Скрижали, изданной в Москве в 1656 г., текст которой он использовал при составлении своих посланий. Надо сказать, что мнение об армянском происхождении некоторых заблуждений староверов, в особенности двуперстия, отражено даже в актах Большого Московского Собора[257] и имело распространение среди приверженцев церковной реформы середины XVII в. Известный исследователь А.Т. Шашков считает, что «в действительности эти утверждения (об армянских корнях старообрядчества. — *свящ. И. Н.*) не имеют под собой никаких оснований»[258]. Первое, скорее всего, было написано в период между знакомством с Иосифом Астоменом и до начала публичного диспута с ним. В послании содержится общее

[255] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1058. Л. 16–20.

[256] Послания блаженнаго Игнатия... С. 158–163.

[257] Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. II.: Документы содержащие известия о лицах и событиях из истории раскола за первое время его существования. Ч. 2.: Акты относящиеся к собору 1666–1667 гг. М., 1876. С. 237.

[258] *Шашков А. Т.* Сибирский митрополит Игнатий... С. 42. Прим. 24.

обличение деятельности расколоучителей. Из текста послания ясно, что автор уже хорошо знаком с положением дел в Сибирской епархии, знает имена сибирских раскольников. Но митрополит не упоминает о покаянии Иосифа и написании им исповедания. Молчание в «первом послании» об этом факте, который мог бы стать веским аргументом в дискуссии с приверженцами старой веры, говорит о том, что Иосиф Астомен, вероятно, ко времени его написания еще не отказался от своих убеждений.

«Второе послание» сообщает о покаянии Иосифа Астомена и содержит список его исповедания. Если сравнивать этот список с отправленным в Москву, то видно, что автор послания сделал незначительную редакторскую правку, убрав лишь преамбулу текста, очевидно, обязательную для формуляра исповедания: «Исповедаюся аз... Господу Богу... И приношу вину свою пред святою... Церковью и пред святейшими вселенскими... патриархи...»[259], и оставил смысловую часть исповедания.

В начале «второго послания» владыка Игнатий обращается к «благоговейным христианам», но вскоре уже идет адресация к неизвестному «окаянному отступнику». Обширный монолог автора[260], обращенный к адресату, напоминает публичную дискуссию с Иосифом Астоменым, о которой митрополит сообщает в «третьем послании»[261]. Все вышесказанное дает основание предположить, что второе послание было написано во время дискуссии или вскоре после покаяния Иосифа Астомена. Послание могло быть создано примерно в то же время, что и челобитная, так как содержат в целом идентичный текст исповедания (не считая опущенной во втором послании начальной части исповедания). Таким образом, примерным временем написания второго послания можно считать период между осенью 1693 г. и весной 1695 г.

Остается неясным механизм распространения этих посланий. Возможно, они рассылались по десятинам и заказам, в свою

[259] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1058. Л. 19.

[260] Монолог занимает значительную часть послания: Послания блаженнаго Игнатия... С. 23–29.

[261] Послания блаженнаго Игнатия... С. 158.

очередь десятильники и заказчики рассылали их по приходам. Нами было сделано предположение, что митрополит Игнатий распространял это обращение по епархии через своих доверенных лиц, которые надзирали за церковными делами и оглашали это послание в церквах.

Скорее всего, митрополит понимал, что этими «полумерами» вопрос не решить, так как в декабре 1694 г. писал в Москву: «В здешней Сибирской стране в Церкви святой великое <...> смятение от развратившихся некоторых святыя Церкви отступников»[262].

В целях борьбы с расколом, а также для освящения новопостроенных церквей митрополит задумывает поездку по своей митрополии. В XVII в. архиереи очень редко совершали путешествия по своим епархиям — чаще всего для освящения новых церквей. Однако обширность Сибирской митрополии давала повод к такому нововведению, как архипастырская поездка по епархии.

Митрополит Игнатий совершил поездку с 23 ноября 1694 г. по январь — февраль 1695 г.[263] Для путешествия он получил пятьдесят подвод от тобольского воеводы А.Ф. Нарышкина[264]. В «путном шествии» участвовало много людей. Это и духовенство, и дворовые, митрополичьи служилые люди. Известны имена некоторых участников путешествия: ключарь Софийского кафедрального собора иерей Иоанн, а также, скорее всего, митрополичий служилый человек Дмитрий Постников. Последний не вернулся в Тобольск, а продолжил свой путь в Москву по поручению митрополита. Есть предположение, что сибирский архиерей возил с собой Иосифа Астомена, который отказался от своих убеждений и мог оказать существенное содействие антираскольнической проповеди[265]. В Абалакском монастыре к ним присоединился настоятель архимандрит Сергий. Позднее присоединится

[262] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1058. Л. 16.

[263] Есть и другая датировка этого события, а именно годом позже. Подробные доказательства приведенной нами датировки см.: *Мангилев П.И., прот.* К истории текста... С. 293–301.

[264] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1058. Л. 21.

[265] *Шашков А.Т.* «Путное шествие»... С. 338.

к архиерейскому поезду и игумен Далматовского Успенского монастыря Исаак[266] вместе с иеродиаконом Василидом[267].

В ходе этой поездки владыка освидетельствовал мощи и подтвердил святость праведного Симеона, а позднее написал об этом «Повесть известную и свидетельствованную...» известную как житие Симеона Верхотурского[268]. «Повествование о святом оформлено как слово о распространении Евангелия в Сибирском крае»[269].

---

[266] Игумен, в последствии архимандрит Далматовского Успенского монастыря (ум. 1724), приходился сыном старцу — основателю монастыря Далмату и близким другом будущему преосвященному Афанасию, архиепископу Холмогорскому. Более подробно о нем см.: *Манькова И.Л. Шашков А.Т.* Исаак // СККДР. Вып. 3. Ч. 2. С. 26–31.

[267] О всей поездке см.: *Мангилев П.И., прот.* К истории текста... С. 293–301; *Мангилев П.И., прот.* Житие, прославление и почитание святого праведного Симеона Верхотурского в трудах церковных и светских исследователей // Четыре века православного монашества на Восточном Урале: Мат-лы церк.-ист. конф., посвященной 400-летию Верхотурского Николаевского монастыря, 360-летию Далматовского Успенского монастыря, 300-летию переноса мощей св. праведного Симеона Верхотурского. (Екатеринбург — Меркушино, 17–20 сентября 2004 г.) Екатеринбург, 2004. С. 162–170. *Кузнецов Е.В.* Сибирский летописец. С. 101.; Житие Симеона Верхотурского. С. 196–231, 232–271, 337–386; Сибирский летописный свод: Нарышкинская редакция. Томский вид // ПСРЛ. Т 36. С. 340; Сибирский летописный свод: Шлецеровская редакция // ПСРЛ. Т. 36. С. 354; Сибирский летописный свод: Нарышкинская редакция. // ПСРЛ. Т 36. С. 288–289; ТГИАМЗ. Кп. 12865; Там же. Кп. 12866; Подробное сказание о жизни и чудесах святого праведного Симеона, Верхотурского чудотворца, и о чествовании святых мощей его. Издание Верхотурского мон-ря 5-е. Киев, 1879. Подробное сказание о жизни и чудесах святаго праведного Симеона, Верхотурского чудотворца, и о чествовании святых мощей его. изд. 7-е. Пермь, 1886; Пермская летопись 1263–1881 гг. Т. 5. Пятый период. Ч. 2: с 1695–1701 г. / *сост. В. Шишонко.* Пермь, 1887. С. 10–32.

[268] Известно большое число списков жития. Подробнее о них см.: *Журавель О.Д.* Житие Симеона Верхотурского (к изучению литературного творчества Игнатия Римского-Корсакова // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2000. С. 73–93; *Мангилев П.И., прот.* К истории текста... С. 293–301; Сибирские летописи. СПб., 1907. С. XXIII. Житие научно опубликовано: Житие Симеона Верхотурского. Ранняя редакция // Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. Новосибирск, 2001. С. 196–231.

[269] *Журавель О.Д.* Житие Симеона Верхотурского... С. 91.

Анализируя источники, можно с некоторой долей условности выявить общую схему посещения населенных пунктов. Чаще всего у въезда в город или слободу митрополита встречали местные власти с духовенством и народом. Часто владыка поутру совершал Божественную литургию, после которой обязательно говорил поучение народу, которое носило антистарообрядческий оттенок. Вообще для его проповедей, по крайней мере, тех которые приводятся в житии праведного Симеона, характерна катехизаторская направленность. Так, в Меркушине по окончании Литургии архипастырь произнес длинное слово, в котором он кратко пересказал историю Ветхого и Нового Заветов, затем перешел на историю Церкви и свою проповедь закончил толкованием Литургии. Если переносить размах этой проповеди и на другие его остановки, то становится понятно, какую важность имела вся поездка для населения Верхотурского и Тобольского уездов.

В пятницу, 23 ноября 1694 г. митрополит Игнатий покинул Тобольск и направился в Абалацкий Знаменский монастырь[270], в котором остановился в ожидании главного праздника обители. 27 ноября, в праздник иконы Пресвятой Богородицы «Знамение», совершил в монастыре Литургию, после которой отправился в Тюмень.

Вскоре после прибытия в Тюмень, 6 декабря, на память святителя Николая Чудотворца, владыка, вероятно, совершил Литургию, и в этот же день архиерейский поезд двинулся дальше[271]. Кстати, за два месяца до приезда митрополита в Тюмени случился большой пожар. «Сгорело: митрополичий двор, Троицкая церковь, девичий монастырь, в нем две церкви да колокольня, да приходских Спасская, Архангельская, Ильинская церкви с колокольнями...»[272]. Поэтому трудно сделать предположение, где в городе тобольский архиерей со своей свитой останавливался и совершал богослужение.

[270] *Кузнецов Е. В.* Сибирский летописец. С. 101.
[271] Там же.
[272] Тюмень в XVII столетии: Собрание материалов для истории города. С. 87.

Далее путь владыки лежал через Усть-Ницынскую слободу, в которую он прибыл к вечеру 7 декабря. Усть-Ницынская слобода была центром одного из трех крупных владений Тобольского архиерейского дома. Скорее всего, митрополит уделил некоторое внимание осмотру самой вотчины. Впрочем, на следующий день утром слушал обедню в Нижне-Ницинской слободе. А уже вечером, возможно, достиг Туринска[273]. 9 декабря, в воскресный день, видимо, совершил в городе Литургию. А на следующий день или чуть позднее архиерейский поезд отправился из Туринска в Пелым, где митрополит должен был освятить две церкви: во имя архангела Михаила и во имя пророка Илии[274]. Следовательно, владыка со своей свитой пробыл в нем больше двух дней, а возможно, и 3–4 дня. 14 декабря в Пелыме митрополиту Игнатию была подана челобитная на имя великих государей[275]. Вскоре после 14 декабря владычный поезд покинул Пелым. Далее путь его лежал в Верхотурье.

Особое значение имело прославление святого праведного Симеона Верхотурского. История обретения мощей этого угодника Божия началась еще в 1691/92 гг. Именно с этого времени начинается местное почитание святого, ему служатся панихиды, происходят первые чудеса. В житии Симеона Верхотурского сам архиерей подробно описывает произошедшие события. По пути в Верхотурье вечером 17 декабря архиерейский поезд прибыл во «весь Караульную». Игумен Далматовского Успенского монастыря Исаак предложил восходящий из земли гроб «досмотрити, еже есть посвидетелствовати, дабы православии християне не имели о том такова себе греха, понеже от того гроба многая бывают знамения, и с верою молящимся подаваетца исцеление»[276].

На следующий день утром Сибирский архиерей послал в Меркушино для освидетельствования мощей игумена Исаака с ключарем Софийского кафедрального собора иереем Иоанном

[273] *Кузнецов Е. В.* Сибирский летописец. С. 101.
[274] Житие Симеона Верхотурского. С. 203.
[275] РГАДА. Ф. 214. Ст. 1136. Л. 82.
[276] Житие Симеона Верхотурского. С. 203.

и другим духовенством. А позже и сам убедился, что «сей есть некоторый новый святый, яко Алексей, или Иона, митрополиты Российския, или чюдотворец Сергий Радонежский, яко таковаго же нетления от Бога сподобися, яко же и оныя святии чюдотворцы»[277].

После заупокойной литии преосвященный Игнатий устроил опрос местных жителей: «Аще, рече, кто весть от вас зде положеннаго?»[278] Один старожил поведал вкратце жизнь «сего благочестивого мужа». Имени только он не мог вспомнить. Из Меркушина архиерей отправился в Верхотурье. По дороге, согласно житию, митрополиту в «сонном видении» было открыто имя святого.

Впоследствии, как было указано выше, Тобольский архипастырь написал житие Симеона Верхотурского, которое скорее напоминает описание поездки, чем собственно жизни святого. «Житие» имело большое значение для катехизации края, потому что, кроме сведений о путешествии, прославлении и жизни святого, оно включало проповеди и размышления митрополита. Считается, что митрополит написал «житие» на основании записей, которые он вел во время «путного шествия». В этот или следующий приезд в Меркушино митрополитом Игнатием был возложен покров из камки на мощи праведного[279]. И в дальнейшем митрополит всегда почитал праведного Симеона. Свидетельством этого может быть то, что среди вещей, которые он взял в Москву в 1699 г., была частица мощей верхотурского чудотворца. «Кроме того, надо думать, что во все время своей поездки, там, где митрополит Игнатий служил и проповедовал после Верхотурья, он с амвона рассказывал о новом Сибирском чудотворце»[280]. Возможно, что житие начало складываться в форме проповеди, слова. Это определило его жанровое своеобразие[281].

---

[277] Житие Симеона Верхотурского. С. 204.
[278] Там же. С. 208.
[279] Там же. С. 213.
[280] *Мангилев П.И., прот.* К истории текста... С. 298.
[281] *Журавель О.Д.* Житие Симеона Верхотурского. С. 91.

Остановившись в Верхотурье, преосвященный Игнатий стал ожидать дней праздника Рождества Христова. В поездке по «верховым городам» Сибирской епархии митрополит Игнатий стал задумывать подобное путешествие и по «низовым городам», то есть в восточную часть Сибири.

Два дня (19, 20 декабря) митрополит Игнатий, находясь в келье Верхотурского монастыря, вероятно, посвятил составлению отписок[282]. Почта включала:

челобитную царям Иоанну и Петру ясачных людей Григория Тимашкина со товарищи, поданную митрополиту еще в Пелыме[283];

1) сопроводительную отписку царям Иоанну и Петру, написанную еще 14 декабря, к вышеупомянутой челобитной[284];

2) челобитную, описывающую историю Иосифа Астомена, в которой сообщалось о покаянии последнего и прилагался его список исповедания. В ней архиерей также сообщал царям Иоанну и Петру о необходимости своих поездок в Березов, в Сургут, в Нарым, в Томский острог, Енисейск и другие «низовые города»[285];

3) челобитная патриарху Адриану, сообщавшая также о необходимости посещения митрополитом низовых городов, для укрепления Христовой веры. Сама челобитная нам не известна, но митрополит упоминает о ней позже в своей отписке царям Иоанну и Петру[286].

4) Вероятно, существовала и другая корреспонденция, но сведений о ней не сохранилось. Вся упомянутая почта не ранее 20 декабря была отправлена в Москву с тобольским митрополичьим сыном боярским Дмитрием Постниковым, который прибыл в Москву в самом конце января 1695 г. и 29 и 31 января подал отписки в Сибирском приказе[287].

---

[282] *Шашков А. Т.* «Путное шествие... С. 338

[283] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3.Ст. 1136. Л. 79–81.

[284] Там же. Л. 82. Опубл. в прил. 1.

[285] Там же. Ст. 1058. Л. 16–20, 15 об.

[286] Там же. Л. 15, 15 об.

[287] Там же. Л. 15 об.; Там же. Л. 82 об.

В Верхотурье владыка Игнатий вынужден был задержаться почти на две недели, ожидая праздника Рождества Христова, после которого должно было состояться освящение новопостроенной каменной церкви[288]. В четверг, 27 декабря владыка освятил Свято-Троицкую церковь города Верхотурье[289]; после, видимо, состоялась праздничная трапеза. На ней верхотурский воевода Иоанн Цыклер поведал о чуде, происшедшем от мощей праведного Симеона с одним из его людей по имени Григорий[290].

Рано утром 30 декабря, в воскресенье владыка вместе со своими спутниками вновь отправился в село Меркушино, следуя из Верхотурья к Ирбиту, и, как сказано в житии, «...ко утренний в день неделный, тамо ж и у святой литоргии бых, радостного ж ради зрения паки оных праведных мощей»[291]. Вместе с ним поклониться святым мощам прибыл верхотурский воевода Иоанн Цыклер с «нарочитыми» горожанами. «Объявих же им честныя мощи, и вси дахом о Христе целование праведнаго мощем, целующе в чело главы его»[292]. Воевода, рассмотрев мощи праведного Симеона, сказал митрополиту: «...яко киево-печерским святым нетленным телесем подобен есть»[293]. Затем местный священник о. Иоанн поведал архипастырю о своем видении, в котором еще раз подтверждалось имя новопрославленного святого[294].

Видимо, после всех вышеописанных событий митрополичий поезд отправился дальше в путь к городу Ирбиту. До крещенского сочельника (5 января) митрополичий поезд прибыл в Ирбит. Митрополит Игнатий хотел остаться в нем «до десяти дней»[295], потому что с Богоявления (6 января) до Сретения Господня (2 февраля) в Ирбите собиралась знаменитая Ирбитская

[288] *Мангилев П.И., прот.* К истории текста... С. 297.
[289] Житие Симеона Верхотурского. С. 210, 211.
[290] *Мангилев П.И., прот.* К истории текста... С. 296; Житие Симеона Верхотурского. С. 202.
[291] Житие Симеона Верхотурского. С. 211.
[292] Там же.
[293] Там же.
[294] Там же. С. 212.
[295] Житие Симеона Верхотурского. С. 212.

ярмарка[296]. На нее съезжались купцы практически со всей России, в том числе и из далеких восточносибирских городов. Ярмарка была очень удобным местом для антираскольнической проповеди владыки Игнатия.

6 января в праздник Крещения Господня (Богоявления) преосвященный Игнатий торжественно совершил праздничное богослужение[297]. В этот день начиналась ярмарка и, возможно, торжественная крещенская служба служила ее началом. А 12 января, в день памяти святой великомученицы Татианы, архиерей совершил малую вечерню, затем молебен о здравии «великой и благоверной царевны и великой княжны Татьяны Михайловны» и после — всенощное бдение и наутро Божественную литургию[298].

Не известно, когда владыка покинул Ирбит — скорее всего, во второй половине января и не позднее 2 февраля. О дальнейшем ходе поездки нам ничего не известно. Можно лишь предположить, что митрополит Игнатий проследовал обычным путем из Ирбита в Тобольск через Тюмень и концу зимнего пути, то есть в марте, вернулся в свой кафедральный город.

Именно в «путном шествии» по городам Тобольского и Верхотурского уездов преосвященный Игнатий стал задумывать поездку на восток своей необъятной епархии. Соответствующие отписки о необходимости этого путешествия были отправлены еще 20 декабря 1694 г. из Верхотурья и в конце января 1695 г. достигли Москвы. Быстрее всего вопрос был рассмотрен церковной властью; вскоре по указу патриарха Адриана была послана грамота с благословением на поездку по восточной части Сибирской епархии[299]. Документ был доставлен в Тобольск в апреле — июне. Однако для «путного шествия» был необходим и царский указ, так как требовалась поддержка местных властей для осуществления далекого путешествия. Требовались не только подводы и более

[296] Житие Симеона Верхотурского.

[297] Там же.

[298] Там же.

[299] Рукопись с грамотой нам не известна, однако митрополит упоминает о ней в отписке царям Иоанну и Петру (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1058. Л. 15, 15 об.)

многочисленная охрана, но и дощатники (большие лодки). Сибирский же приказ, через которого осуществлялась вся переписка митрополита с царем, не спешил давать ответ.

Видя, что Сибирский приказ не торопится, митрополит решил напомнить о своей просьбе. 22 июня Сибирский архиерей написал и передал тобольскому воеводе А. Ф. Нарышкину для отсылки в Москву новую отписку царям Иоанну и Петру Алексеевичам о подготовке «путного шествия» по «низовым городам» Сибири и с просьбой прислать ему соответствующую грамоту, которая должна была быть прислана в ответ на его еще зимнюю отписку[300]. В новом документе митрополит подробно излагает маршрут своего планируемого путешествия. Он намеревался ехать «в сибирские низовые городы... на Березов, в Сургут, в Нарым, в Кетцкой, в Томской, в Кузнетской, в Енисейск, на Красной Яр, в Дауры, в Ыркуцкой, в Селенгинской, в Нерчинской и в прочие даурские остроги, и в Ылимской, и в Якутцкой, и в Мангазею на Туруханъ»[301]. На такую грандиозную поездку потребовалось бы больше года — а возможно, и два. Территориально владыка хотел охватить практически всю восточную часть своей епархии. Таким образом, обе поездки — в верховые и низовые города Сибири — позволили бы митрополиту полностью обозреть свою епархию. Поездка задумывалась им для проповеди «святого Евангелия» «и для подтверждения святыя православныя христианския веры и истребления арменского прелестнаго учения подражателей, и для основания в неимущих местех, где данное расколие в прибежище, ко спасению православным христианом и к поставлению и освящению святых Божиих церквей»[302]. С одной стороны, владыка Игнатий, подчеркивает апостольскую сущность своего служения, по сути, свою миссию он видит в проповеди, основании и построении новых храмов, которые являются видимой стороной основания новых общин (церквей), с другой стороны, катехизация

[300] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1058. Л. 15, 15 об.
[301] Там же. Л. 15.
[302] Там же. Ст. 1058.

населения, знакомство уже крещеного населения с основами христианского вероучения и библейской истории в его мировоззрении непосредственно связано с противостоянием распространению старообрядчества.

Поданную митрополитом отписку тобольский воевода отправлять не спешил, поэтому только 14 ноября 1695 г. она достигла Москвы и была подана в Сибирский приказ «стольником Семеном Ивановым сыном Дурново»[303]. Вскоре делу о поездке митрополита Игнатия был дан ход. Уже 3 декабря на основании отписок митрополита был сделан доклад царям. В соответствии с государевым решением была составлена указная царская грамота митрополиту Игнатию. В ней разрешалось путное шествие в «низовые» города Томск, Енисейск, Красноярск. Однако в дальние сибирские города (имеются в виду, скорее всего, Прибайкалье и Забайкалье, прочие поселения восточнее Байкала) ездить не разрешалось, чтобы надолго не отлучаться из Тобольска, а посылать туда вместо себя игуменов или архимандритов, или кого преосвященный Игнатий для этого изберет. Необходимость присутствия митрополита в столице Сибири аргументировалась тем, что в его отсутствие «в слободах близ Тоболска и Тюмени, и Верхотурья, и иных мест не учали б расколшики множитись и православных християн, простых людей, к своему расколу, послыша твое (митрополита. — *свящ. И. Н.*) далное отшествие, прелщати»[304].

Аналогичная грамота была направлена и А.Ф. Нарышкину. В ней предписывалось выделить митрополиту для его путешествия два дощаника, подводы и служилых людей для охраны[305]. Однако неизвестно, были ли эти указы отправлены. А.Т. Шашков полагает, что они не были посланы адресатам[306]. Его мнение следует признать обоснованным, потому что положительное царское решение в дальнейшей переписке нигде не упоминается. Таким образом, царские грамоты, разрешающие митрополиту поездку

[303] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1058. Л. 15 об.
[304] Там же. Л. 10.
[305] Там же. Л. 11.
[306] *Шашков А. Т.* «Путное шествие»... С. 339.

по восточной части своей епархии, остались черновиками. В ожидании ответа из Москвы владыка Игнатий зимой 1695/96 гг. посылал крестового иеромонаха Израиля и соборного иеродиакона Никифора и прочих с ними для осмотра состояния духовных дел в «верховые города» Сибирской епархии[307].

Не дождавшись ответа из Сибирского приказа, митрополит Игнатий решает действовать. Задуманную поездку, конечно, он не мог совершить без царской грамоты, однако посетить ближайшие низовые города, надо полагать, ему представлялось возможным, не запрашивая Сибирского приказа. 26 февраля Сибирский архиерей письменно обратился к тобольским воеводам с просьбой о выделении ему подвод для поездки в Тару. Однако получил отказ, «потому что ис Тоболска к Таре строенных ямов нет, а гоняют подводы к Таре ясашные люди от деревни до деревни... И ныне те ясашные люди вышли для ясашного промыслу»[308]. Об этом отказе и о том, как быть воеводе, если митрополит еще раз обратится, Андрей Федорович послал запрос в Москву[309].

В это время в Москве произошли политические изменения. 29 января скончался царь Иоанн Алексеевич, началось единодержавие Петра I. 3 февраля дело о «путном шествии» было рассмотрено в Сибирском приказе еще раз. «По указу великого государя и по помете на указе думного дьяка Андрея Андреевича Виниюса в низовые городы ехать не велено; и о том в Тоболеск к преосвященному Игнатию, митрополиту Сибирскому и Тоболскому, и ближним столникам и воеводам к Андрею Федоровичу Нарышкину со товарыщи для ведома посланы великого государя грамоты»[310]. Указ этот достиг Тобольска только весной (скорее всего в апреле)[311]. В ожидании же этого решения и с надеждой все-таки совершить поездку митрополит зимой — весной 1696 г. много времени посвящал одному из самых известных

[307] Житие Симеона Верхотурского. С. 221.
[308] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1058. Л. 21–22.
[309] Там же. Л. 21–22, 21 об.
[310] Цит. по: *Шашков А. Т.* «Путное шествие»... С. 339.
[311] Там же. С. 339.

своих трудов — «третьему посланию». Работа над последним посланием «на арменов и полуарменов» могла быть начата не ранее весны — лета 1695 г. и была завершена ко дню святой Пасхи, которая в 1696 г. пришлась на 12 апреля. В Соловецком списке «третье послание» занимает 100 листов в четверку [312]. Такой труд невозможно было написать за короткий период времени. Можно предположить, что на написание последнего послания ушло несколько месяцев с учетом того, что Сибирский архиерей имел мало свободного времени, ежедневные дела неумолимо отвлекали от работы над сочинением.

В «третьем послании», повествуется об истории расколов и ересей, бывших в Древней Руси до XVII в., большая часть же сочинения посвящена истории старообрядческого раскола. Важным аргументом против «старой веры» становится идея об ее «армянских корнях».

Скорее всего, «третье послание» сразу создавалось для комплекса из трех посланий, объединенных в одну книгу, в которой первые два послания носили роль своеобразного «введения в проблему». Книга была озаглавлена «Послания на армен и полуармен». По поручению сибирского архипастыря с книги был сделан ряд списков. Один из них, с дарственной подписью митрополита, был отослан в Соловецкий монастырь. Другой, также с автографом автора, оказался в библиотеке преосвященного Афанасия, архиепископа Холмогорского[313]. Можно предположить, что списки посланий были разосланы по основным центрам Сибирской епархии.

Отказавшись от поездки, митрополит не отказался от активной деятельности. Он старался заменить свое присутствие клириками, которым он доверял. Однако и при их путном шествии в отдаленные части Сибири митрополиту приходилось преодолевать сопротивление и волокиту со стороны тобольских воевод. Наконец, после очередного запроса, сделанного А.Ф. Нарышкиным, 18 февраля 1697 г. тобольским воеводам была

[312] РНБ. Собр. Соловецкого монастыря. №663/721.

[313] *Воронова Л.Б.* Археографический обзор... С. 194.

выслана царская грамота, в которой предписывалось митрополичьим людям, «выезжающим «ис Тоболска к Москве» или «Тобольского розряду в низовые городы и в слободы для исправления церковных дохматов и для нужных дел», давать подводы в следующем порядке: архимандритам и протопопам — по две подводы, «а попом и детем боярским — по подводе человеку; а вверх реки — вдвое, по однажды в год»[314].

Сложно сказать, что стало истинной причиной отказа митрополиту Игнатию в совершении поездки в «низовые города» Сибири. На первый взгляд, аргумент, высказанный в царском указе, о необходимости присутствия мирополита в Тобольске, может показаться весомым. Однако Тобольский архиерейский дом имел уже опыт администрирования в отсутствии митрополита. Так, митрополит Павел умер в начале 1692 г., а владыка Игнатий приехал только через год. После отъезда последнего в Москву в конце 1699 г. новый архиерей прибыл в Тобольск только лишь весной 1702 г. Кроме того, как показывают источники, преосвященный Игнатий мог контролировать ситуацию и находясь в путешествии, посредством переписки со служащими Тобольского архиерейского дома. Кроме того, ряд вопросов, таких, как рукоположение новых клириков, выдача грамот на освящение церквей и т. д., сибирский архипастырь мог решать, находясь в путешествии. На наш взгляд, существенное влияние на отказ митрополиту совершить путешествие на восток Сибири сыграла позиция тобольских воевод. Вероятно, им хватило поездки архиерея по «верховым города», во время которой митрополит вел себя независимо, принимал челобитные (и затем пересылал их в Москву), вникал в различного рода местные дела, не касавшиеся церковной и духовной жизни, т. е. вторгался в компетенцию светских властей.

«Дело о десятильниках»

Сопротивление тобольских воевод желанию митрополита совершить путешествие в восточные пределы Сибири привело к недоверию между светскими и духовными властями Тобольска,

[314] *Шашков А. Т.* «Путное шествие»... С. 339.

что при усугублении конфликта не могло не привести к открытой конфронтации.

Поводом к эскалации конфликта стало дело о десятильниках. Это дело подробно рассмотрено академиком Н.Н. Покровским, восстановлена основная канва событий. Несмотря на это, мы вновь обратились к этому делу, чтобы акцентировать внимание на поведении митрополита Игнатия, выяснить мотивации его поступков и попытаться определить степень его вины в случившемся. Как уже было сказано выше, церковным судом и сборами церковных налогов на местах занимались особые светские архиерейские чиновники, обычно набираемые из числа Софийских детей боярских. Этот институт в центральной России был отменен еще в 1675 г. Однако нехватка в Сибири духовенства приводила к тому, что эти должности, несмотря на соборные акты, сохранялись. Будучи разбросанными по огромной территории Сибири, десятильники оказывались во многих отношениях бесконтрольными. Сам митрополит Игнатий впоследствии признавал: «У прежних десятильников и у него Ивана Маслова (Якутская десятина) их неостерегательством и нерадением по многим духовным и розыскным делам многие деньги не собраны, а по иным и взяты, а дела утаены и в приходные книги деньги не записаны»[315].

Конфликт, связанный с митрополичьими чиновниками, разразился почти одновременно в нескольких городах: Туринске, Тюмени и Тобольске.

Первые жалобы на притеснения туринского десятильника Василия Толстоухова стали поступать воеводе Василию Лутовинову осенью 1695 — летом 1696 гг. События продолжали развиваться летом 1697 г. Туринский воевода В. Лутовинов принял меры, жестоко наказал нескольких осведомителей туринского десятильника, принадлежавших духовному сословию. Однако получалось, что борясь с произволом десятильника, воевода нарушил судебные права Церкви. Резкое вмешательство воеводы в церковный суд владыка Игнатий, надо полагать, расценил как

[315] Древние церковные грамоты... С. 76.

грубое и намеренное вмешательство в дела Церкви, и поэтому пошел на крайние меры: 21 августа туринский воевода получил письмо, в котором Тобольский митрополит сообщал ему, что за вмешательство в сферу церковного суда он отлучен от Церкви вместе со своим домом[316].

В апреле 1697 г. у тюменского десятильника Ивана Захарова произошел конфликт с местными жителями. Митрополит Игнатий поручил провести расследование одной из жалоб архимандриту Герасиму, и последний подтвердил справедливость претензий к десятильнику, но Иван Захаров сумел настоять на своем, и окончательное решение владыка принял в пользу десятильника. Тюменский воевода Т. Раевский не решился сообщить в Москву о челобитных[317]. В приказной избе Тюмени 7 июля пострадавшие подали челобитную на имя царя с жалобой на насилия тюменского десятильника Ивана Захарова. Воеводы должны были пересылать ее в Москву, но этого не произошло[318].

Челобитные на неправый митрополичий суд, на «многие разорения и обиды» от десятильников и домовых людей преосвященного Игнатия подавались и тобольскому воеводе А.Ф. Нарышкину. Он несколько раз пытался вызвать людей митрополита для рассмотрения жалоб, но владыка своих людей к розыску воеводы не отдавал. А тобольский воевода настаивать не стал, не желая углублять конфликт[319].

Таким образом, митрополит смог отстоять на местном уровне попытки ограничить судебный иммунитет Церкви. Владыка старался защитить интересы Церкви пред лицом государства, будучи учеником патриарха Иоакима. Однако дальнейшие тобольские события привели к кульминации кризиса.

В июле 1697 г. в воеводской приказной избе Тобольска начала рассматриваться жалоба новокрещеного татарина Григория Сергеева на насилие, которое было совершенно над его женой

[316] *Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках. С. 152.
[317] Там же. С. 152.
[318] Там же. С. 153.
[319] Там же. С. 154.

некрещеным татарином Бекбакмасом Чингалиным. 22 июля по приказу Сибирского архипастыря и без ведома тобольского воеводы митрополичьими людьми был арестован и доставлен на Софийский двор обвиненный в совершении насилия упомянутый некрещеный татарин. Владыка начал свое следствие по этому делу, обвиняя его в «поругательстве православные христианские веры и в насильстве блудного беззаконного греха»[320]. Дела, касающиеся нравственности, подлежали духовному суду. Однако некрещеный татарин не принадлежал Церкви. Возможно, митрополит считал его дело принадлежавшим своему суду по сути, как дело о богохульстве. Скорее всего, защита новокрещеных мыслилась, как одна из форм защиты веры. Воевода, в свою очередь, полагал, что Бекбакмас Чингалин принадлежит его суду. Сам же вопрос о подсудности неправославного населения духовному суду юридически не был до конца ясен. Сибирские татары настаивали на своей неподсудности Православной Церкви. Вскоре родственники арестованного обратились к А.Ф. Нарышкину с жалобой на действия митрополита. Владыка официально сообщил тобольскому воеводе о том, что он ведет это следствие, только 28 сентября[321].

Казалось бы, воевода старался избежать конфликта с духовной властью Сибири. Владыка Игнатий же всячески противодействовал любым попыткам задеть юрисдикцию церковного суда. В это же время митрополитом были предприняты две попытки расширить земельные владения Софийского дома за счет уже разработанных черносошных и ясачных земель. Решение земельного вопроса не пользу Церкви также усугубило противостояние светской и церковной властей.

16 августа утром дьяки Афанасий Герасимов и Алексей Протопопов вместе с другими чиновниками пришли в крестовую палату архиерейского дома поклониться и взять благословение у преосвященного Игнатия. Последний, дав всем свое благословение, дьяку Афанасию Герасимову в благословении

[320] РГАДА. Ф. 214 Оп. 3. Ст. 1363. Л. 335–336.

[321] *Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках. С. 156.

публично отказал, осыпав его упреками за решение в пользу татар их земельного спора с митрополитом. Одновременно он обвинил дьяка в том, «что он ссорит» владыку с воеводой. После спора с Афанасием тобольский архиерей все же преподал ему свое архипастырское благословение. Затем иерарх отправился служить Литургию в Церковь в честь Нерукотворного Спаса[322], на которой присутствовали воеводы А.Ф. и А.А. Нарышкины, а также воеводские дьяки. По окончании службы тобольский архипастырь прямо в Церкви приказал своему дьяку взять под суд тобольского приказного старого подьячего Прокофья Хмелева. Воевода Андрей Федорович указал митрополиту, что не отдаст подьячего на суд митрополита без официальной памяти. В ответ митрополит стал злиться, и воеводы ушли раньше архиерея. В ответ на столь дерзкое поведение воевод, которое могло расцениваться как откровенное оскорбление церковной власти, владыка пошел на крайние меры. Он отлучил обоих тобольских воевод от Церкви со всеми их семьями и домашними. «От входу в святыя церкви запретил и священником со всякою церковною потребою ходить к ним в домы не велел»[323]. Вечером того же дня преосвященный Игнатий прислал в дом к дьяку А. Герасимову его духовника протопопа Михаила с сообщением о том, что и дьяк со всем своим домом отлучен от Церкви[324].

Ситуация сложилась не простая. А.Ф. Нарышкин попытался как-то разрешить конфликт. 22 августа, в воскресенье отлученный тобольский воевода послал в крестовую палату дьяка Алексея Протопопова с казачьим головой Федором Толбузиным, тремя детьми боярскими и шестью подьячими, чтобы торжественно проводить митрополита в Софийский собор для совершения торжественной воскресной службы. В этот момент А.Ф. Нарышкин велел А. Протопопову спросить владыку, почему он не присылает своих людей в приказную палату к розыску

[322] В этот день в упомянутой церкви праздновался престольный праздник.
[323] Цит. по: *Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках. С. 156.
[324] Там же. С. 156.

по жалобам на них[325]. В ответ архиерей «на дьяка Алексея учал кричать и приказал дневальным своим принесть в крестовую палату плети и велел его разболочь и дневальные ево, Алексея, бить плетями розболокали»[326]. До плетей все же не дошло, но дьяк был публично оскорблен[327]. В это время в крестовой палате были приказной Осип Немчинов, дьяк Михаил Витезев и архимандрит Невьянского монастыря Тихон «крестовый черный поп Израиль, дети боярские, <...> подьячие, <...> всего человек двадцать»[328]. Надо полагать, что переданное через А. Протопопова требование о выдаче десятильников на воеводский суд митрополит Игнатий счел новым посягательством на судебные права Церкви. Проблема состояла в том, что, по Соборному уложению, жалобы на архиерейских чиновников полагалось рассматривать в монастырском приказе, который с 1677 г. перестал существовать. Возможно, воевода руководствовался 12 главой Соборного уложения, по которой патриарших чиновников мог судить только сам государь с боярами. Если следовать аналогии, то митрополичьих чиновников должен был судить воевода[329].

26 августа, в день ангела царевны Наталии Алексеевны Нарышкиной, богослужение во здравие именинницы должно было быть совершено в присутствии всех властей, нарушение этого порядка рассматривалось как преступление[330]. Но отлученным нельзя было быть в церкви. И все-таки Нарышкины с семьями и многочисленной свитой рискнули отправиться в кафедральный Софийский собор. Но владыка не пустил в собор ни воевод, ни пришедших с ними, приказав ключарю запереть храм со всеми находящимися в нем людьми[331]. 5 сентября в воскресный день дьяк А. Герасимов, не переступая церковного

[325] *Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках. С. 156–157.
[326] Цит. по: Там же. С. 157.
[327] Там же. С. 157.
[328] РГАДА. Ф. 214 Оп. 3. Ст. 1363. Л. 99.
[329] ПСЗ. Т. I. 1649–1675. СПб., 1830. С. 69.
[330] *Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках. С. 157.
[331] ДАИ. Т. XII. №86. С. 391.

порога, униженно просил преосвященного Игнатия дать ему благословение, в ответ архиерей во время церковного поучения вновь обличил его[332].

Черепановская летопись так осмысляет конфликт: «Месяца сентября 14 дня в Тобольску в половине дня с запада возвеял ветр силной вихорь и сшибло с колоколни соборной крест, и то прознаменовало архиерейское иступление ума и с людми разгласие и сме[р]ть его»[333]. Скорее всего, у составителя летописи на природную катастрофу 14 сентября (праздник Крестовоздвижения) наложился более поздний факт — помешательство и смерть владыки Игнатия. Это упоминание свидетельствует о том, что в народной памяти сохранилось смутное представление, что тогда, в сентябре 1697 г., произошло что-то нехорошее и виноват в этом митрополит, но виноват не по злому умыслу, а потому что у него произошло «иступление ума».

Только во второй половине октября митрополит Игнатий все-таки решился пойти навстречу воеводской власти. 18 октября тобольский архиерей снял анафему с дьяка А. Герасимова. 22 октября, на празднование Казанской иконе Божией Матери митрополит снял церковное запрещение с обоих воевод Нарышкиных. В это же время была снята анафема с туринского воеводы В. Лутовинова. Уже 23 октября обе противоборствующие стороны написали в Сибирский приказ отписки о тобольских происшествиях, которые достигли Москвы только 13 декабря[334].

Почему же митрополит пошел на столь крайнюю меру как отлучение? Ситуация сложилась очень сложная, в ней сплелся воедино целый ряд обстоятельств. Вообще отношения церковных и светских властей Тобольска всегда были очень натянутыми. При предшественнике преосвященного Игнатия митрополите Павле также был случай анафематствования воеводы. И тогда действия митрополита были оправданы центральной властью, и воевода

[332] ДАИ. Т. XII. №86. С. 391; *Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках. С. 157.

[333] РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Л. 92.

[334] Челобитная Игнатия: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. 1363. Л. 64, 67, 64 об.

наказан[335]. Можно предположить, что преосвященному Игнатию было об этом известно. Надо учитывать и личность самого А.Ф. Нарышкина, который приходился дядей царю Петру и, следовательно, ощущал свою силу.

Сложно судить о его нравственности. Протоиерей А. Сулоцкий о нем пишет, что воевода злоупотреблял своей властью, жил распутно, грабил народ и т. д. «Преосвященный говорил ему при встречах и писал в письмах об исправлении, умоляя его... но все было напрасно; воевода не только продолжал сам развратничать и грабить, но и семейству своему позволял делать то же»[336]. Однако не ясно, откуда получил эти данные А. Сулоцкий, о нравственности воеводы источники ничего не сообщают, поэтому доверять его мнению не представляется возможным. Впрочем, интересно, что тобольский воевода явно побаивался сообщать в Сибирский приказ о своем отлучении, из чего можно судить, что на то были свои веские причины.

Снятие анафемы не стало разрешением основных проблем. В Москве узнали о событиях в столице Сибири уже 2 ноября. Тобольский воеводский сын боярский А. Денисов подал в Сибирский приказ челобитную, в которой повествовалось о ссоре преосвященного Игнатия с Нарышкиными и отлучении последних, об арестах владыкой воеводских служилых и приказных людей без ведома светских властей. Среди пострадавших был и сам челобитчик — он посмел предъявить иск в краже у него «животины» некоей попадьей и тут же попал под митрополичий арест. А. Денисов сообщил и о деле тобольского сына боярского Л. Ребрикова, который, по ложным жалобам на него десятильника В. Толстоухова, поданным преосвященному Игнатию в 1695/96 и 1696/97 гг., был на полтора года отлучен им от Церкви. Митрополит наложил на Ребрикова денежную пеню в 225 рублей. Ребриков разоблачал насилия В. Толстоухова и других десятильников над служилыми и крестьянами Тобольска, Туринска, Тюмени[337]. Вскоре (8 ноября)

[335] Архипастыри Тобольской епархии... С. 82.
[336] Там же. С. 85.
[337] *Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках. С. 158

информация из первой челобитной о притеснениях десятильников была подтверждена и дополнена документом, написанным тюменским стрелецким атаманом Т. Дмитриевым и конным казаком В. Савиным. 11 ноября все показания двух челобитных сибирского люда были подтверждены еще двумя сибиряками[338].

Столь неординарная ситуация требовала скорейшего вмешательства центральной власти. Уже 6 ноября был составлен черновик царского решения касательно конфликтной ситуации в Тобольске, и вскоре первые грамоты были посланы в Сибирь. 8 ноября в Патриарший разряд была доставлена память из Сибирского приказа окольничему М.И. Глебову и духовных дел приказному старцу С. Лебедеву. В ней излагались сибирские новости и говорилось, что «царь указал» послать обо всем этом из Патриаршего разряда грамоту владыке Игнатию[339]. Вскоре под руководством патриарха Адриана было составлено послание митрополиту, в котором патриарх требовал отчета о том, почему без его ведома отлучил воевод от Церкви и напоминал митрополиту о постановлении Большого Московского Собора 1667 г. — о том, что «духовные дела велено архимандритом и игуменом и протопопом и священником добрым ведать», и настоятельно требовал заменить десятильников из митрополичьих детей боярских «духовным чином»[340]. Эту грамоту решено было вручить владыке через представителей гражданской власти.

Уже 19 января 1698 г. тюменский воевода Т.В. Раевский прибыл, в соответствии с царским указом[341], в Тобольск для решения спорных вопросов воевод с митрополитом и чтобы принять управление городом до прибытия новых воевод, которые были назначены еще 1 сентября. Воевода Т.В. Раевский после приема города явился к преосвященному Игнатию с грамотой патриарха. Прочтя ее, преосвященный Игнатий сказал, что с воевод

---

[338] *Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках. С. 158–159.

[339] Там же. С. 159

[340] Там же. С. 160.

[341] Царский указ с изложением сути дела и назначением для разбирательства воеводы Т.В. Раевского, опубликован: ДАИ. Т. XII. №86. С. 391–393.

Нарышкиных и прочих он отлучение уже снял, и отдал приказ о перемене десятильников. Обвинения дьяка А. Протопопова и Л. Ребрикова митрополит объявил ложными[342]. Вскоре после сдачи города Андрей Федорович Нарышкин и его сын Андрей Андреевич «по указу великого государя и по грамоте поехали ис Тоболска к Москве»[343]. Еще 1 сентября 1697 г. в Тобольск были назначены новые воеводы (то есть до того как стало в Москве известно о конфликте владыки и воевод). В ночь с 27 на 28 февраля в Тобольск прибыли князья М.Я. и П.М. Черкасские[344].

Решение конфликта требовало довольно частой переписки центральной власти с местной. 13 декабря Москвы достигли две отписки, посланные из Тобольска воеводой и митрополитом еще 23 октября, сразу после снятия владыкой анафемы с Нарышкиных. В грамоте преосвященный Игнатий утверждал, что Церковь должна судить за блуд и богохульство даже и некрещеных татар. Ознакомившись с делом, патриарх, по указу великого государя, направил еще одно послание тобольскому архипастырю, в котором повелевалось передать светской власти виновного в насилии некрещеного татарина для исполнения наказания. Патриарх также приказывал поступать в соответствии с царскими указами, церковными правилами и по рассуждению самого, во избежание конфликтов с нехристианским населением. Первоиерарх требовал, чтобы митрополит Игнатий во всех спорных случаях советовался с «бояры и воеводы и з ближними стольниками»[345]. Интересно, что патриарх ничего не писал о конкретной компетенции церковного суда в отношении некрещеного населения Сибири. Еще в одной отписке А.Ф. Нарышкина, присланной в Москву в то же время и касавшейся спора с митрополитом по общим проблемам компетенции духовного суда, воевода настаивал на подсудности десятильников воеводскому суду[346].

---

[342] *Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках. С. 161.

[343] Сибирский летописный свод: Нарышкинская редакция // ПСРЛ. Т 36. С. 290.

[344] Там же. С. 293.

[345] Цит. по: *Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках. С. 164.

[346] Там же. С. 164.

С ноября 1697 г. начались следствия сразу по нескольким городам: Туринск, Тюмень и Верхотурье. Как показало следствие, наибольшего размаха взяточничество достигло в Туринске[347]. Воеводы сибирских городов по указу из Москвы должны были проверить деятельность десятильников на местах, а также сообщено о том, что в ближайшее время на должности десятильников митрополитом Игнатием должны быть назначены лица духовного звания[348].

В марте царскими грамотами сибирским воеводам и митрополиту Игнатию было сообщено развернутое решение по делу о десятильниках. Было указано виновных десятильников передать властям и наказать частичной конфискацией имущества, возвращением «пограбленных» денег и с понижением в сословии[349]. Весной — летом 1698 г. следствие шло полным ходом. Уже 14 августа в Москве было получено сообщение преосвященного Игнатия о том, что трое главных виновников (В. Толстоухов, О. Немчинов, В. Карташев) с Софийского двора к розыску и к наказанию в приказную палату посланы, а их дворы и животы, по посылке с Софийского двора описаны и оценены[350]. И. Захаров тогда был в бегах, но вскоре его удалось присоединить к трем остальным. Впоследствии (10 марта) воеводы Черкасские сообщили в Сибирский приказ об уплате четырьмя десятильниками по искам денег, возвращенных челобитчикам Туринска и Тюмени[351].

Еще зимой 1697/98 гг. митрополит Игнатий отдал указ о замене десятильников. Однако это был постепенный процесс, требовавший немало времени. Так, в частности, только 6 мая преосвященный Игнатий указал быть иеромонаху Григорию (Тушину) десятильником вместо Ивана Маслова, о чем соответствующая

---

[347] Подробнее см.: *Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках. С. 172–182.

[348] Одна из таких грамот, посланная енисейскому воеводе, опубликована: ПСЗ. Т. III. №1601. С. 404–405.

[349] *Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках. С. 184.

[350] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1363. Л. 384-385.

[351] *Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках. С. 186.

грамота на следующий день была послана в Киренский монастырь новому десятильнику иеромонаху Григорию[352]. К началу лета 1698 г. владыка Игнатий сообщил в Москву, что во всех 14 духовных заказах Сибирской епархии светские десятильники заменены лицами в духовном сане[353].

Дело о десятильниках привело к тому, что Сибирский приказ заинтересовался финансовой стороной жизни епархии. В июне 1698 г. воеводы сибирских городов получили из Сибирского приказа указание сообщить о размерах окладных и неокладных сборов, взимаемых с духовенства и мирян в митрополичью казну[354]. А уже 9 июня 1699 г., через год после получения данных с мест, вышел указ об отмене выдачи всему сибирскому духовенству жалования из государственной казны. Выплачивать повелевалось из церковных доходов и из казны Софийского митрополичьего дома[355]. Это решение было связано не только с тем, что Сибирскому приказу показались достаточными доходы Софийского дома, но и с общей тенденцией сокращения ружного жалования и уменьшения государственных расходов на Церковь, которое прослеживается с конца XVII в.[356]

Проверка Сибирским приказом размеров податей, собираемых в Софийский дом, показала огромные превышения указных норм. Эти данные, конечно, стали известны и митрополиту Игнатию. 25 января 1699 г. он писал заказчику иеромонаху Усть-Киренского монастыря Григорию (Тушину), который одновременно исполнял обязанности десятильника своего церковного округа, о строгом и безукоризненном взимании пошлин строго согласно церковным документам. Митрополит предупреждал заказчика, что все взятые выше установленной нормы деньги будут

---

[352] Древние церковные грамоты... С. 76.

[353] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. 1363. Л. 442, 444, 443, 445. («Роспись имянная кому в котором городе от духовного чину велено быть закащиками и ведать десятину»).

[354] Там же. Л. 449.

[355] Тобольск: материалы для истории города... С. 97.

[356] *Зольникова Н.Д.* Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990. С. 16.

«доправлены вчетверо»[357]. Подобная грамота была послана 12 ноября 1699 г. заказчику игумену Селенгинского монастыря Мисаилу[358].

При рассмотрении всей этой ситуации возникает вопрос о степени вины преосвященного Игнатия в злодеяниях его чиновников — десятильников. С точки зрения оценки их действий по закону, необходимо отметить итог следствия из 14 десятильников, судебные разбирательства были возбуждены только в отношении троих. И.М. Покровский считал, что ввиду обширности территорий владыка просто не был в состоянии контролировать ситуацию[359]. Однако напомним, что под следствием оказались люди из ближайшего окружения владыки Игнатия. По мнению же Н.Н. Покровского, степень его ответственности очень велика[360]. Конечно, как глава епархии он отвечал за своих подчиненных.

На наш взгляд, в целом преосвященный оценивал ситуацию только в плоскости отношений светской и церковной власти. Попытки светских администраторов пресечь действия десятильников он воспринимал как наступление на судебные права Церкви, а защита интересов Церкви для него была делом всей его жизни. На ситуацию повлияло и то, что вместе со всеми был осужден Осип Семенович Немчинов, занимавший должность приказного, пользовавшийся большим доверием у тобольского архипастыря, и это помешало сибирскому владыке объективно оценить ситуацию.

Внутренняя и внешняя миссия при митрополите Игнатии

Важными обязанностями любого архиерея является проповедь христианской морали и контроль за нравственностью его паствы. Из документов, касающихся этого направления деятельности митрополита Игнатия, больше всего сохранилось источников о его борьбе с нарушениями в области семейного права. В частности,

---

[357] Древние церковные грамоты... С. 89.

[358] АИ. Т. V. С. 532–533. Древние церковные грамоты... С. 107.

[359] *Покровский И.* Русския епархии в XVI–XIX вв. ... С. 533.

[360] См.: *Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках. С. 146–189.

им была предпринята следующая мера: повышение пени (денежный штраф) до 5 рублей, взимаемой десятильниками за «блудное воровство»[361]. Это нововведение произошло 7 ноября 1695 г. По тем временам это был очень большой штраф. Для сравнения отметим, что самый большой годовой денежный оклад среди митрополичьих детей боярских составлял также 5 рублей. Однако и это не помогло решить проблему. Так, Василий Бубнов, квасной откупщик из Усть-Киренги, в 1690/91 г. «явился в прелюбодействе и в прижитии младенца... со вдовою Матрешкою Барчихою»[362]. Уплатив соответствующие пени «за блудное воровство и за прижиток младенца», он продолжал жить вместе с вдовой, не посещая храма и не слушая архиерейских указов. За это нарушитель был отлучен от Церкви. В 1695 г. митрополит Игнатий указал «за ево прелюбодейное и сквернавое житие держать в Усть-Киренском Троицком монастыре в подначальстве во всяких монастырских трудех скована до нашего архиерейского указу»[363] и взять пеню в 25 рублей, а вдову Матрену послать в Иркутск, в Знаменский монастырь на вечное покаяние[364]. Такой случай свидетельствует о том, что взятые первоначально штрафы никак не ущемляли этого богатого горожанина. Сохранились сведения и о других подобных случаях[365], например, 27 сентября 1699 г. митрополит постановил отослать в монастырские труды в Троицкую Усть-Киренскую обитель илимского сына боярского Ивана Качина за учиненное им со снохою блудодеяние[366]. Однако уже в грамотах 1699 г. митрополит требует с заказчиков взимать пеню за блудное воровство 2 рубля, 8 алтын и ⅛ деньги, что свидетельствует о жестких требованиях Сибирского приказа держаться установленных патриархом размеров взимаемых штрафов[367]. Нарушения,

[361] Древние церковные грамоты... С. 60.
[362] Там же.
[363] Там же. С. 60–61.
[364] Там же. С. 61.
[365] Там же. С. 42–43, 94, 103–104.
[366] Там же. С. 102.
[367] АИ. Т. V. С. 532–533; Древние церковные грамоты... С. 107, 111.

впрочем, происходили и не только в сфере семейного права. Так, 5 августа 1697 г. в Тобольске стало известно о смертельном ранении человека прямо в притворе храма Воскресения Христова Чечуйского острога[368].

Попытка преосвященного Игнатия хоть как-нибудь стабилизировать семейную жизнь сибиряков путем удвоения штрафа была пресечена центральной властью. Отметим, что митрополит обычно только утверждал решения, которые должны были рассматриваться в судном приказе. Однако такой факт, как повышение штрафа, не мог не быть санкционирован высшей епархиальной властью.

Согласно мировоззрению митрополита Игнатия, непочитание власти есть грех перед Богом, поэтому, когда в 1695–1698 гг. в Красноярске произошло восстание служилых людей, Тобольский архиерей направил последним свое послание[369]. О красноярских событиях митрополиту стало известно, скорее всего, еще в конце 1695 г., когда из Тобольска по распоряжению А.Ф. Нарышкина новым воеводой в бунтующий город поехал дворянин Федор Степанович Тутолмин. Однако его приезд ситуацию не изменил. В августе 1696 г. нового воеводу, стольника Дурново, прибывшего по государеву указу, красноярский мир сперва принял. Но постепенно начал не ладить и с ним, вследствие его притеснений, что в конце концов привело к новому открытому противостоянию[370].

Бунт оказал влияние на церковную жизнь города. Большая часть городского духовенства поддерживала сторону воевод — игумен (скорее всего, Красноярского Введенского монастыря) Филипп, протопоп соборной церкви Димитрий Матвеев и другие. Священник же Покровской церкви, находящейся в посаде Савин

---

[368] Древние церковные грамоты... С. 74–75.

[369] История казачества азиатской России в 3-х тт. Т. I: XVI — первая половина XIX века. Екатеринбург, 1995. С. 128–129.

[370] Подробнее о красноярском бунте см.: *Оглоблин Н.Н.* Красноярский бунт 1695–1698 гг. // Журнал министерства народного просвещения. 1901. Ч. CCCXXXV. Май. С. 25–69.

Петров, поддерживал восставших еще с начала бунта в 1695 г.[371] К концу 1696 г. воевода Дурново укрепился вместе со своими сторонниками в «малом городе», преградив туда свободный доступ. Таким образом, прекратился доступ и в соборный храм. В это же время священник Савин Петров, служивший в единственной церкви за пределами «малого города», был выслан в Енисейск для дачи показаний, в связи с расследованием начальной стадии бунта[372]. Таким образом, в праздник Рождества Христова жители города могли остаться без богослужения. Однако воевода Дурново пошел навстречу горожанам и открыл «малый город» с соборной церковью на праздничную службу[373]. Возможно, именно эти события, ставшие известными в Тобольске не раньше весны, послужили непосредственным поводом для написания митрополитом Игнатием уже упомянутого послания[374].

Митрополит Игнатий написал его 18 апреля, в воскресенье, оно обращено «благоговейному протопрезвитеру Димитрию, и честным иным иереом и священнодиаконом, и всему нашему причту церковному, и всем православным христианам всякого чина — старым, средним и меншим, служилым, посадным и крестьяном, и тяглым всяким людем, и уездным, живущим непоколебимо всем православным христианом»[375]. В послании архипастырь обличает руководителей городского восстания и призывает жителей города вновь подчиниться присланному воеводе. Митрополит, конечно же, занимает сторону государственной власти (иначе не могло быть). Основная идея послания заключается в том, что неподчинение воеводе есть неповиновение

---

[371] *Оглоблин Н.Н.* Красноярский бунт... С. 47.

[372] Там же. С. 48–49.

[373] Там же. С. 49–50.

[374] Текст послания опубликован: *Дворецкая Н.А.* Послание митрополита Игнатия в Красноярск 1697 г. С. 167–176; Повторное издание текста с кратким комментарием было осуществлено в сборнике «Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века» в 2001 г. (Текст, с. 322–329, коммент., с. 420–421).

[375] Послание в Красноярск... С. 322.

самому государю, и к тому же всякая власть от Бога[376]. Послание показывает, что митрополит прекрасно знал сложившуюся ситуацию и историю всего бунта. Так, например, он упоминает лидеров восставшего служилого люда и даже, возможно, передает их слова[377]. Автор гневно обличает руководителей восстания и предает их проклятию, добавляя: «Аще ли же еще не покаются и в чувство не придут, да будут и по смерти прокляти»[378]. Послание пропитано пастырской заботой о жителях Красноярска, автор старается противопоставить простых жителей и руководителей восстания.

Послание, скорее всего, прибыло в Красноярск не ранее середины лета 1697 г., как раз в тот момент, когда восстание достигло своего очередного пика. К сожалению, ничего не известно о реакции городского населения на послание. В начале 1698 г. с назначением нового воеводы, хорошо известного красноярцам, восстание стало сходить на нет[379].

Митрополит Игнатий не вел систематической миссии среди коренного населения Сибири. Случаи принятия христианства в конце XVII в. в основном носили индивидуальный характер. Правительство всячески старалось сохранить принцип добровольности принятия христианской веры. Это принцип содержался в наказе, данном тобольскому воеводе князю М.Я. Черкасскому при его назначении в Сибирь. Князю, другим воеводам и дьякам предписывалось «никаких ясачных людей иноземцов самим не крестить и служилым и всяким людям крестить не велеть»[380]. Несмотря на то, что к концу XVII в. сложился заметный слой христиан из аборигенного населения Сибири, серьезными проблемами, стоявшими перед сибирским духовенством, были удержание их в лоне Православной Церкви и «защита веры от поругания»[381].

---

[376] *Дворецкая Н.А.* Послание митрополита Игнатия в Красноярск 1697 г. С. 170.
[377] Там же. С. 171.
[378] Послание в Красноярск... С. 328.
[379] *Оглоблин Н.Н.* Красноярский бунт... С. 53–54.
[380] ПСЗ. Т. III. № 1594. С. 356.
[381] История Екатеринбургской епархии. С. 75.

Последнее, по-видимому, попадало в зону пристального внимания преосвященого Игнатия. Этот вопрос волновал Сибирских архиереев гораздо больше, чем собственно факт крещения. Так, митрополит Игнатий старался защитить новокрещеных от нападок их прежних единоверцев. Например, в 1697 г. некрещеным татарином было совершено насилие над женой новокрещеного[382]. Митрополит вел следствие по этому делу, обвиняя его в «поругательстве православные христианские веры и в насильстве блудного беззаконного греха»[383]. Судя по формулировке в документе, для преосвященного Игнатия наиболее тяжким был не сам факт насилия, а насилие в отношении новокрещеного.

В силу обширности своей епархии митрополит Игнатий вряд ли мог думать о распространении Православия за пределами государства Российского. Однако обстоятельства сложились так, что именно он положил начало деятельности Православной Церкви в Китае.

История эта началась еще до прибытия владыки Игнатия в Сибирь. В 1684 г. китайский богдыхан попытался вернуть себе Приамурье, в том числе и город Албазин. Первые попытки не принесли успеха. Однако в 1685 г. Албазин был окружен, и воевода А.Л. Толбузин после первого штурма, видя превосходство китайских войск, согласился оставить крепость и уйти[384]. «Богдыхановы люди» «прельстили» в свое подданство около пятидесяти албазинцев[385]. Однако вскоре китайские войска оставили захваченный город, русские вновь овладели им и восстановили острог. Осенью 1686 г. китайцы с еще большими силами вновь осадили город. Почти пятимесячная осада не привела к успеху, и в начале декабря 1686 г. начались переговоры[386].

---

[382] *Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках. С. 154.

[383] Цит. по: Там же. С. 156.

[384] ДАИ. Т. XII. С. 110–111.

[385] *Александров В.А.* Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1984. С. 143.

[386] Там же. С. 144–152.

Итогом войны с Китаем стало заключение в 1689 г. по указу царевны Софьи Ф.А. Головиным Нерчинского трактата, по которому территория Приамурья с городом Албазином отходила к Китаю[387]. Согласно мирному договору, обмен «беглецами» и пленными не производился[388]. Таким образом, в Китае остались русские люди, которые еще после первой осады Албазина перешли (возможно, добровольно) на службу к богдыхану. Их было около пятидесяти человек[389] во главе с помощником Албазинского воеводы Василием Захаровым[390]. Среди них оказался священник Максим Леонтиев[391] вместе с женой и детьми[392]. Сложно сказать, по какой причине он оказался вместе с ними, а не вернулся с прочими в Нерчинск. Считается, что он был увезен против своей воли[393]. В конце 1685 г. они прибыли в Пекин и были поселены в специально отведенном месте недалеко от городской стены. Существовавшее на том месте буддистское капище с разрешения властей было переделано в часовню. Албазинцы были причислены к наследственному военному сословию. Таким образом, в Пекине появилась русская слобода со своей часовней.

Нерчинский мир положил начало активной русско-китайской торговле. Русские купцы прибывали с большими караванами

---

[387] *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. Т. I. Господство царевны Софьи. СПб., 1858. С. 245.

[388] *Бантыш-Каменский Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882. С. 339.

[389] Встречается и другая цифра, а именно 45 человек. См.: *Николай (Адоратский), иером.* Православная миссия в Китае... С. 33. Другие авторы приводят и иные цифры. Так, И.М. Попов сообщает о 25–45 чел. См.: *Попов И.М.* Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М., 2004. С. 86.

[390] *Попов И.М.* Россия и Китай... С. 86.

[391] Существует поздний источник, который называет этого священника Димитрием. См.: Русские и Греко-Российская Церковь в Китае в XVII–XIX вв. Письмо иеромонаха Гурия, скончавшегося архиепископом Таврическим к Саратовскому епископу Иакову, скончавшемуся в С.-Петербурге архиепископом Нижегородским. 1844 г. // Русская старина. 1884. Сентябрь. С. 657.

[392] Материалы для истории Российской Духовной миссии в Пекине / под ред. Н.И. Веселовского. Вып. 1. СПб., 1905. С. 8.

[393] *Николай (Адоратский), иером.* Православная миссия в Китае... С. 38.

и по несколько месяцев могли находиться в Пекине. Для этого имелось специальное подворье, которое располагалось рядом с «русской сотней», поэтому приезжавшие купцы, приказчики и прочие люди могли свободно посещать богослужение в часовне[394]. Однако Божественная литургия в ней не совершалась, что не могло не беспокоить как купцов, так и о. Максима с албазинцами.

Еще в 1693 г. русский посланник Избрант ходатайствовал о дозволении построить в Пекине православную церковь «иждивением российских государей» и отведении нее места. Однако китайское правительство отвечало: «Построение в Китае церквей иноземцам, тем кои вечно в здешнем живут царстве, узаконено, а приезжающим только на время требовать церквей в обычай не положено»[395]. Об этом отказе тобольский владыка узнал, скорее всего, от самого посланника, который на обратном пути, проезжая через Верхотурье, возможно, имел беседу с пребывавшим тогда там митрополитом[396].

Вскоре, впрочем, церковь в Пекине была устроена при следующих обстоятельствах. Между сентябрем 1693 г. и августом 1694 г. приказчик гостей Василия и Алексея Филатьевых Василий Лобанов с товарищами, проходя с караваном[397] через Тобольск в Китай, поведал митрополиту Игнатию о священнике Максиме и албазинцах и просил «послать святой антиминс и миро и масло <...> и ту церковь освятить, и святые Литургии в нем служить»[398]. Вскоре митрополит написал соответствующие отписки в Москву, к царям и патриарху, на которые через некоторое время получил положительные ответы[399].

---

[394] *Николай (Адоратский), иером.* Православная миссия в Китае... С. 44–45.

[395] Там же. С. 48.

[396] *Идес И.*, *Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай... С. 265; *Бантыш-Каменский Н.* Дипломатическое собрание дел... С. 73.

[397] Вполне возможно, что именно этому каравану 16 марта (7201) 1693 г. в Сибирском приказе была выдана грамота на имя иркутского воеводы с указанием пропустить для торговли в Китай приказчика гостя Алексея Филатова Михаила Иванова «со товарищи», всего 20 чел. Этот караван достиг Иркутска 28 сентября 1694 г. См.: АИ. Т. V. №217. С. 372–373.

[398] Древние церковные грамоты... С. 51.

[399] Там же. С. 68.

Незадолго до 6 июня 1695 г. архипастырь написал довольно большую грамоту в Пекин, в которой благословлял находящегося в Китае о. Максима Леонтиева переделать часовню в храм во имя Софии Премудрости Божией и освятить его.

Для освящения и для дальнейшего беспрепятственного совершения богослужений в новом храме сибирский архипастырь посылает в столицу Китая с верхотурским священником Григорием и тобольским соборным диаконом Лаврентием Ивановым все необходимое: святой антиминс, святое миро, масло, а также Евангелие, священные сосуды, напрестольный крест, Апостол, Октоих, следованную Псалтирь, Минею общую и Требник. Соборному диакону в Софийском доме была выдана архиерейская грамота для получения в Селенгинском монастыре 10 руб. на путевые издержки. Вскоре священнослужители при караване купцов Филатьевых поехали через Забайкалье в Китай[400].

4–5 февраля 1696 г. посланники митрополита Игнатия посетили Селенгинский Троицкий монастырь. Здесь о. Лаврентий получил по архиерейской грамоте 10 руб. на продолжение пути, о чем оставил соответствующую расписку[401]. Путешествие из Забайкалья в Пекин заняло много времени, и караван, с которым они следовали, вернулся в Нерчинск только к ноябрю 1697 г.[402] Таким образом, посланные митрополитом Игнатием клирики могли вернуться в Тобольск не раньше весны 1698 г. Возможно, что еще из Нерчинска о результатах поездки ими была написана отписка тобольскому архипастырю. Так или иначе, но результаты поездки стали очень скоро известны в Тобольске.

Митрополит Игнатий безотлагательно сообщил эти известия в Москву, в Сибирский приказ, так как уже 22 апреля 1698 г. глава Сибирского приказа Андрей Виниус доложил царю Петру, находившемуся за границей, о том, что в Пекине освящена

[400] Древние церковные грамоты... С. 51.

[401] Там же. С. 71.

[402] В это время вернулся караван, с которым они следовали. См.: *Александров В. А.* Россия на дальневосточных рубежах... С. 206.

церковь во имя Софии Премудрости Божией и около двадцати китайцев в ней крестились. В Сибирь митрополиту была выслана ответная грамота о том, чтобы он «сыскал удобных святоосвященных мужей для проповеди и Крещения туда (то есть в Пекин. — *свящ. И. Н.*) послал»[403]. Великий государь отвечал ему: «Тут же пишешь ваша милость, что в Пекине построили христиане церковь нашего закона, и многие из китайцев крестились: и то дело зело изрядно. Только для Бога, поступайте в том опасно и не шибко, дабы китайских начальников не привесть в злобу, также и езувитов, которые уже там от многих времен гнездо свое имеют, к чему там надобны попы не так ученые, как разумные и покладные дабы через некоторое кичение, оное святое дело не произошло в злейшее падение как учинилось в Епании»[404].

Почти одновременно А.А. Виниус запросил данные о положении православных и торговле в Китае у нерчинского воеводы для уточнения и проверки сведений, полученных из Тобольска. Соответствующая отписка на основании расспросов русских торговых людей была послана из Нерчинска 25 декабря 1698 г.[405] Интересно, что верхотурский священник Григорий Новицкий оставил описание путешествия в Китай. Рукопись эта, по свидетельству протоиерея А. Сулоцкого, находилась в библиотеке Тобольской духовной семинарии. Современное местонахождение рукописи неизвестно[406]. Освящение первой православной церкви в Китае стало значительным событием в жизни Сибирской епархии. Сам митрополит воспринимал этот акт, как средство развития миссии среди китайцев, а не просто как храм для русских, находящихся в Пекине.

---

[403] *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. Т. III. Прил. VII. № 3. С. 473.

[404] Там же. Прил. I. № 43. С. 441. Под «Епанией» здесь разумеется Япония.

[405] АИ. Т. V. № 295. С. 537–538.

[406] *Мелетий (Якимов), еп.* Православие и устройство церковных дел в Даурии (Забайкалье), Монголии и Китае... С. 57.

Взаимоотношения владыки Игнатия с монастырями и приходами

Как епархиальный архиерей преосвященный Игнатий должен был строить отношения с различными церковными корпорациями, социальными группами и отдельными людьми, а именно с монастырями, приходскими общинами, белым и черным духовенством.

В последнее десятилетие XVII в. в Сибирской епархии было 34 монашеских обители[407]. Все важнейшие вопросы монастырской жизни решались Тобольским архипастырем. Одной из главных его забот была поддержка хозяйственной жизни монастырей. Сохранился ряд грамот, касающихся экономической жизни Усть-Киренской обители, отправленных из Тобольска 18–19 ноября 1695 г. Поводом для их написания стали притеснения монастырских людей и вкладчиков светскими властями, о чем известил митрополита вкладчик монастыря Тарас Кондратьев. Митрополит написал грамоту стольнику и илимскому воеводе Богдану Челищеву, о «не верстании в тягло и оброк» монастырских крестьян и вкладчиков[408]. Одновременно грамота с сообщением о том же была послана и в сам монастырь[409].

Этот же вкладчик передал челобитную строителя Киренского монастыря монаха Иосифа о том, что игумен Варлаам, поехав в Тобольск, взял с собой «мягкой рухляди» (пушнины), чтобы преподнести владыке, но по дороге продал и хотел «покорыстыватца». Владыка распорядился допросить игумена, а после велел забрать у него в архиерейскую казну вырученные 510 руб.[410]

Превышение полномочий воеводы и другие экономические неурядицы, происходившие в монастыре, привели к тому,

---

[407] *Шунков В. И.* Очерки истории земледелия Сибири... С. 368. По Н. А. Абрамову, на конец XVII в. в Сибирской епархии было 35 монастырей. См.: *Абрамов Н. А.* Игнатий (Римский-Корсаков), митр. Сибирский и Тобольский... С. 157–158 (он учел Спасо-Преображенский Посольский монастырь, на месте которого в XVII веке была лишь часовня).

[408] Древние церковные грамоты... С. 60; АИ. Т. V. № 247. С. 456.

[409] Древние церковные грамоты... С. 71; АИ. Т. V. № 247. С. 456.

[410] Древние церковные грамоты... С. 63.

что казначей архиерейского дома от имени преосвященного Игнатия указал сделать перепись всех монастырских людей и имущества и копию послать в Тобольск[411]. В связи с притеснением монастыря светскими властями и изъятием у игумена Варлаама денег, присланный вкладчик, видимо, ходатайствовал о временном освобождении обители от церковных налогов. Владыка согласился, и на следующий день была написана грамота десятильнику Василию Саминскому об освобождении, «впредь до указу», Киренского Троицкого монастыря от платежа «данных», «праздничных» и других «указных» денег[412]. Таким образом епархиальная власть старалась защитить монастырь от произвола светских властей, и по мере необходимости старалась защищать монастырское хозяйство, в том числе и временными налоговыми иммунитетами.

Казенный приказ заботился о церковных потребностях монастырей. Например, в 1695/96 г. в Усть-Киренский монастырь посланы были ведро вина, полпуда ладана, и по десять мантий и клобуков монашеских, а в августе 1698 г. еще пять клобуков[413]. Поддерживал монастыри и лично митрополит, посредством внесения им денежных или иных вкладов. Так, скорее всего, через архимандрита Исаака в январе 1695 г. им был сделан вклад в Далматовский Успенский монастырь — в размере 100 рублей, что для того времени являлось огромной суммой[414]. Очевидно, на эти средства в монастыре была построена новая ограда — рубленый острог с башнями и игуменские келии[415]. В другой раз — возможно, при

[411] Древние церковные грамоты... С. 63.

[412] АИ. Т. V. С. 457.

[413] Древние церковные грамоты... С. 88.

[414] Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря... С. 107. Сумма значительная для того времени. Например, по этим же вкладным книгам, где упоминается вклад владыки, примерная стоимость лошади — 2 руб., а вклады обычных крестьян составляли не более 1–2 руб. Вклад датирован январем, и место для числа оставлено незаполненным, что говорит о том, что писец, возможно, не знал даты, что могло произойти вследствие того, что вклад был передан через игумена Исаака.

[415] *Плотников Г.С.* Описание мужского Далматовскаго Успенского общежи-

такой же оказии — в декабре 1696 г. преосвященный Игнатий пожертвовал «косяк камки рудожелтыя» и «велел зделать в церковь Божию ис той камки ризы и подризник»[416].

Можно предположить, что митрополит делал подобные вклады и в другие монастыри. Особенно в те, которые посещал лично.

В сферу деятельности Тобольского митрополита входило и утверждение настоятелей и других важнейших монастырских лиц. По приезде в Сибирь новый архипастырь своей грамотой должен был подтверждать полномочия настоятелей монастырей — строителей, игуменов и архимандритов. Чаще всего митрополит Игнатий писал «быть по-прежнему»[417]. Интересно, что существовала практика избрания настоятелей монастырей — видимо, наряду с назначением; так, 12 мая 1696 г. в грамоте строителю Иркутского Вознесенского монастыря старцу Исаие митрополит, сообщая о том, чтобы монах Исаия был строителем «по прежнему» добавляет, что на будущее «вам меж себя из братии выбирать строителя, а из иных монастырей в строители к вам посылать не указали, разве ково вы меж себя излюбите»[418]. Скорее всего, братия избирала, а митрополит утверждал в должности.

Интересная ситуация сложилась в управлении Киренским монастырем. Формальным главой являлся игумен Варлаам, присланный туда еще при митрополите Павле. Однако реальное управление обителью, скорее всего ввиду неблагонадежности упомянутого священнослужителя, принадлежало строителю монастыря монаху (не в священном сане!) Иосифу[419]. Можно сказать, что игумен был служащим священником, имевшим влияние только на богослужебные вопросы. Впрочем, в одном документе 1699 г. он именуется наместником монастыря[420].

тельного третьекласного монастыря и бывшаго приписным к нему женского Введенского монастыря. Екатеринбург, 1906. С. 60.

[416] Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря... С. 107.

[417] Древние церковные грамоты... С. 50.

[418] Там же. С. 58.

[419] Там же. С. 50, 54, 60, 63.

[420] Там же. С. 105.

Тобольский архипастырь устанавливал новые должности в монастырях. Так, преосвященный Игнатий в 1699 г. указал иметь в Киренском Троицком монастыре, в помощь строителю особого казначея, который должен был избираться из числа братии монастыря[421].

Нехватка в Сибири духовенства приводила к тому, что в монастырях порой служило и белое духовенство. Так, в 1696 г. в Усть-Киренский Троицкий монастырь был рукоположен митрополитом Игнатием белый диакон Иоанн Дмитриев. Обитель за службу поселяла его на монастырской земле и выплачивала из монастырской казны ругу деньгами и хлебом[422].

В женских монастырях существовала практика избрания строителя обители из мирян. В 1689 г. для основания и строительства женского Знаменского монастыря вблизи города Иркутска избран был «торговый человек» Влас Сидоров. В его компетенцию входила вся хозяйственная жизнь монастыря. Он заведовал казной обители, расселял на ее землях крестьян, строил мельницу и развивал разного рода промыслы. Монашеской же общиной руководила «старица Киликея»[423]. Своеобразное двоевластие приводило к разного рода конфликтам. В 1696/97 г. монахиня Киликия просила митрополита «за многое неисправление и за неистовое житие и за нерадетельство» Власа Сидорова от должности строителя отстранить[424]. В судном приказе постановили сменить строителя, а казну опечатать и хранить в Воскресенском мужском монастыре, находящемся там же, в Иркутске[425]. Надо полагать, что жалоба возникла из-за стремления получить доступ к казне монастыря, потому что уже летом 1698 г. выяснилось, что старшая монахиня просто оклеветала строителя и торговый человек Влас Сидоров был полностью оправдан и восстановлен в прежней должности[426].

---

[421] Древние церковные грамоты... С. 91.
[422] Там же. С. 58–59.
[423] Там же. С. 84–85.
[424] Там же. С. 84.
[425] Там же.
[426] Там же. С. 85–86.

В компетенцию епархиальной власти входило и благословение на строительство и освящение монастырских церквей. Сохранился целый ряд документов, написанных под руководством митрополита, касающихся новосозидаемых храмов. Часто храмы в монастырях строились по обету. В начале мая 1693 г. «бил челом» Тобольскому архипастырю Никита Климов, «человек» купцов Филатовых, с просьбой по обещанию построить в Усть-Киренском монастыре привратную Иоанно-Предтеченскую церковь. Благословенная грамота на строительство и освящение была выдана 12 мая 1693 г. в казенном приказе. Все необходимое для освящения (антиминс, миро и масло) вскоре было послано из Тобольска с новопоставленным попом Михаилом Даниловым[427]. Через два года состоялось освящение придела в честь Владимирской иконы Богоматери Троицкой церкви того же монастыря. В грамоте с благословением на освящение, присланной вместе с антиминсом, миром и маслом, митрополит, в частности, подчеркивал: «Предел... посвятить с диаконом по *новоисправленному* (курсив наш. — *свящ. И. Н.*) требнику малым освящением (и поясняет почему), потому что святый антиминс освящен нами, архиереом»[428].

Старался преосвященный Игнатий и регламентировать быт монахов согласно нормам общежительных уставов. Так, в наказе строителю Иркутского Вознесенского монастыря монаху Исаие митрополит писал: «Житие б у вас было общее и никто ничего у себя никаких пожитков в келиях не имел, кроме что дадут из монастырской казны одежду и обувь, и ясти и пити всем братиям в трапезе, а пиянственнаго пития, вина и пива и браги отнюдь бы в монастыре не было, кроме простого брацкаго трудническаго квасу, и жити всем по общежительскому монашескому сиречь иноческому уставу»[429].

---

[427] Древние церковные грамоты... С. 48; [Грамота преосвященного Игнатия (Римского-Корсакова), митрополита Сибирского и Топольского о построении в Киренском монастыре привратной церкви во имя Св. Пророка и Предтечи Крестителя Иоанна]. С. 40–42.

[428] Древние церковные грамоты... С. 51.

[429] Там же. С. 58.

В 1693 г., по мнению Н.А. Абрамова, по благословению владыки Игнатия был основан в Иркутске девичий Знаменский монастырь[430]. Однако с этим нельзя согласиться, так как устроение монашеской женской обители благословил еще митрополит Павел в 1689 г.[431] А к 1693 г. относится построение деревянной Знаменской церкви под наблюдением «выборного торгового человека» Власа Сидорова[432]. Таким образом, можно сказать, что монастырь был основан по грамоте митрополита Павла, а обустроен в годы архипастырства преосвященного Игнатия.

Заботился митрополит и о сохранении уже открытых монастырей. В 1694 г. по благословению Сибирского владыки был восстановлен Воскресенский монастырь г. Березова. Его строителем был назначен ссыльный иеромонах Михаил (Харзеев)[433]. Чуть позднее Воскресенскому монастырю в подчинение был передан находящийся неподалеку Кондинский Троицкий монастырь[434]. Причинами такового решения митрополита, скорее всего, были нехватка священнослужителей и хозяйственные нестроения. Однако вскоре монахи Кондинского Троицкого монастыря испытали на себе тяжелую руку ссыльного иеромонаха и уже в 1698 г. отослали в Москву челобитную о том, что их обитель «принялся

---

[430] *Абрамов Н.А.* Игнатий (Римский-Корсаков), митр. Сибирский и Тобольский. С. 157.

[431] Древние церковные грамоты... С. 85.

[432] Знаменский монастырь в Иркутске // Сайт «Православные храмы России, церкви России». URL: http://russian-temples.ru/articles/znamenskiy-monastyr-v-irkutske.html (дата обращения: 15.12.2009)

[433] Иеромонах Михаил Харзеев, постриженик Соловецкого монастыря. Участвовал в Соловецком восстании, однако не поддержал радикальных настроений руководства, за что был выслан из монастыря. С 1675 г. строитель Пертоминского Спасо-Преображенского монастыря. В 1690 г. при попытке бегства от политических преследований, был арестован и судим. Обвиненный в целом ряде преступлений сослан в Сибирь. А.Т. Шашков считал, что преосвященный Игнатий познакомился с ним еще на Соловках или в Москве (*Шашков А.Т.* К истории Воскресенского монастыря и церквей города Березова // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 33. С. 194–195).

[434] Там же. С. 194–195.

грабить» назначенный митрополитом Игнатием иеромонах Михаил (Харзеев)[435].

Впрочем, даже эти малые попытки митрополита к сохранению и увеличению числа монашеских корпораций не находили сочувствия со стороны центрального правительства. Весной 1698 г. из Сибирского приказа была послана грамота енисейскому воеводе строгим наказом, чтоб «ссыльным и прихожим старцам» без царского указа не давать основывать новые монастыри и тем более не наделять землею, потому что «в Сибири мужеских и женских монастырей, где всякого чина православным христианам постригаться и спасаться, довольное число есть»[436]. Подобные грамоты получали и другие воеводы[437].

В целом, в конце XVII в. сибирские монастыри продолжали развиваться. Они играли важную роль в освоении территорий, управлении епархией. Преосвященный Игнатий старался влиять на сохранение численности монастырей, поддержание их материального состояния.

Под управлением Тобольского митрополита в 1696 г. находилось 160 приходских храмов[438]. По переписным книгам 1710 г., в них служило 380 священников и 49 диаконов[439]. Надо понимать, что в течение целого десятилетия число духовенства, как и общее число населения Сибири, возрастало. Распределение духовенства по церквам было неравномерным. В соборах крупных городов служило больше клириков, чем в храмах мелких поселений. В ряде соборных церквей крупных сибирских городов в результате неоднократных просьб сибирских владык были введены должности протопопов[440]. Духовенство содержалось за счет руги от государства, сельских и городских миров, частных пожертвований

---

[435] *Шашков А. Т.* К истории Воскресенского монастыря... С. 194–195.

[436] ПСЗ. Т. III. №1629. С. 450.

[437] *Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 101.

[438] ПСЗ. Т. III. С. 234.

[439] *Клочков М.* Население России при Петре Великом... С. 62–63.

[440] ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 202.

и доходов от церковных земель, которые обрабатывались чаще всего самим духовенством.

В конце XVII в. в Сибирской митрополии кадровые вопросы решались с помощью «внутренних» ресурсов. Священники или переводились из одной церкви в другую, или поставлялись из причетников местных храмов. По мнению И.Л. Маньковой, к концу XVII в. в Тобольской епархии уже стали складываться священнические династии[441].

Все вопросы, касающиеся назначения и перемещения клира, не могли быть решены без участия епархиальной власти. Митрополит должен был испытывать присылаемых ему ставленников и затем рукополагать в соответствующие священные степени. Значительное влияние на поставление и перевод духовенства имела приходская община. Например, осенью 1698 г. прихожане церкви Покрова Пресвятой Богородицы Илимского уезда Тушамской волости обратились к митрополиту с просьбой заменить ведущего себя безнравственно иерея на священника Дмитрия Федорова из Яндинской волости[442].

Однако принцип избрания духовенства не всегда соблюдался. В отдельных случаях владыка делал переводы без учета мнения мирян. Вскоре по приезде преосвященного Игнатия в Сибирь, он благословил второму священнику церкви Рождества Христова в Кабанском остроге, ввиду бедности прихода, быть на свободном месте в Баргузинском остроге[443]. В другом случае, по челобитию протопопа Иркутской Спасской церкви с причтом, владыка указал челобитчикам, по случаю ветхости и непригодности церкви Нерукотворного Спаса, служить в Богоявленской соборной церкви, которая находилась поблизости, совместно с соборным причтом, поочередно, но без разделения самого прихода[444]. Практика

---

[441] *Манькова И.Л.* Приходское духовенство в Сибири XVII в.: проблемы формирования и обеспечения // Образы аграрной истории IX–XVIII в. Памяти Натальи Александровны Горской. М., 2013. С. 197–198.

[442] Древние церковные грамоты... С. 95–97.

[443] Там же. С. 49.

[444] Там же. С. 87–88.

назначения клира без «челобития» прихожан не была новой, по крайней мере, существовала при митрополите Павле, предшественнике влыдыки Игнатия. Прихожане одного из храмов Илимского уезда, жалуясь на своего священника, подчеркивали, что он прислан «без их мирскаго челобития»[445].

Можно предположить, что в целом Тобольский архипастырь старался по возможности учитывать мнение прихожан при назначении клириков, но в отдельных случаях, смотря по обстоятельствам, не считал это необходимым. Важную роль играли инициатива самих прихожан и отдаленность приходов, ибо переписка общины с архиереем насчет кандидатуры священника могла затянуться, что оставило бы приход без службы. Подобные тенденции проявлялись и позднее, в следующем столетии[446].

Продолжалось при митрополите Игнатии строительство новых церквей. Епархиальная власть жестко требовала, чтобы без «архиерейского благословения церкви» не закладывать, а присылать «о строении святых церквей» челобитные в Тобольск[447]. 19 ноября 1695 г. по общегородскому «челобитию» в казенном приказе была написана благословенная грамота на построение и освящение церкви «Всемилостивого Спаса Нерукотворного Образа» в г. Удинске (Верхнеудинске)[448]. К концу следующего года церковь была построена и обеспечена священником. Уже в августе 1699 г. «бил челом» царю священник новопостроенной церкви «Андрей Филиппов с крылошаны о хлебном великого государя жаловании»[449].

В случае, когда священники оказывались недостойными своего сана, Тобольский архипастырь запрещал их в служении. Случалось так, что священники переступали всякие мыслимые пределы. Так, священник церкви Покрова Пресвятой Богородицы Тушамской волости, Илимского уезда, Димитрий Иродионов,

---

[445] Древние церковные грамоты... С. 95.

[446] *Зольникова Н.Д.* Сибирская приходская община в XVIII веке. С. 149–152.

[447] Древние церковные грамоты... С. 74.

[448] Там же. С. 73–74.

[449] Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1864. №216. С. 630.

по словам его прихожан, «живет... нерадиво, всегда во многое и безмерное пьянство упивается, и к церкви Божией не приходит, и в безмерном своем пьянстве... всех прихожан бранит и безчестит всячески..., а иных бьет своими руками до крови»[450]. Кроме пьянства за ним было замечено участие в кулачных боях, чрезмерное завышение церковных сборов за совершение служб и треб и всякое пренебрежение своими обязанностями. Однако все это прихожане переносили с терпением, пока «поп Димитрей от многаго своего безмерного пьянства учинился скорбен, и никогда к церкви Божии для божественной службы не приходит, и впредь у той церкви быти не хочет»[451]. Узнав о преступлении, митрополит повелел заказчику произвести следствие, и если все подтвердится, то отцу Димитрию за бесчинные поступки «впредь служить... не велеть», а по желанию прихожан определить туда священника Дмитрия Федорова[452].

В рамках политики Петра I по созданию регулярного государства Церкви отводилось особое место в деле воспитания подданных в духе регулярства, т. е. порядка, в котором не было места для различных оппозиционных движений, в том числе религиозных. Это привело к усилению государственного контроля за религиозной жизнью подданных. Например, летом 1699 г. митрополиту из Сибирского приказа был прислан царский указ о том, чтобы принять меры предосторожности против раскола. Вскоре архиерейские указы были разосланы заказчикам. В митрополичьих грамотах повелевалось приходским священникам быть бдительными в отношении своих прихожан, в особые «погодные тетради» записывать имена прихожан и фиксировать, «кто котораго году святых Христовых Таин причащался, или за чем ко исповеди не сподобился»[453]. И если священник обнаружит, что кто-то пренебрегает посещением храма, несколько лет не причащается, или ему станет известно о сборищах раскольников,

[450] Древние церковные грамоты... С. 95.
[451] Там же. С. 96.
[452] Там же. С. 97.
[453] Там же. С. 101.

то об этом следовало сообщать в Тобольск, а также заказчикам и десятильникам. Для «дозора», наблюдения и сыска старообрядцев необходимо было выбрать из «добрых людей» десятских[454].

Неотъемлемой частью деятельности преосвященного Игнатия является «печалование» перед светской властью о нуждах паствы[455]. В основном оно состояло в принятии челобитных на имя государя и пересылке последних в Сибирский приказ с соответствующими сопроводительными грамотами, содержащими просьбу поддержать челобитчиков. Например, 30 марта 1693 г. посланец Бушухту хана (Джунгарское ханство) Абдаличко Эркерай подал митрополиту Игнатию челобитную на имя царей Иоанна и Петра Алексеевичей с жалобой на томского воеводу князя Стефана Путятина. Челобитная вместе с отпиской владыки в митрополичьей почте была отправлена в Москву[456]. 14 декабря 1694 г. во время посещения Пелыма в ходе «путного шествия» по «верховым городам» Сибирской епархии, митрополиту Игнатию была подана челобитная на имя царей Иоанна и Петра, подписанная Григорием Тимашкиным «со товарищи»[457]. Дело в том, что упомянутый Григорий Тимашкин с товарищами хотел платить ясак в Пелыме, а не в Верхотурье, и свое право отстаивал так упорно, что конфликт тянулся уже несколько лет и имел отражение в многочисленной переписке сибирской администрации и челобитчиков с Москвой[458]. Принятый владыкой документ с сопроводительной отпиской был отправлен в Москву.

Защищал владыка Игнатий и интересы торговой прослойки. В 1695 г. он писал в Верхотурье, что тобольские купцы не будут торговать в г. Ирбите на ярмарке, если с них будет взиматься пошлина. Ему было указано из Москвы, чтобы он в таможенное

---

[454] Древние церковные грамоты... С. 100–101, 105–107.

[455] Это было характерно и для деятельности предшественников Игнатия на Тобольской кафедре.

[456] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1317. Ч. 1. Л. 268, 271, 271 об.

[457] Там же. Ст. 1136. Л. 82.

[458] Там же. Л. 3, 4, 8, 18, 38, 79, 80, 81.

дело не вмешивался[459]. Пытался преосвященный Игнатий, правда, в своих интересах, вступаться и в борьбу представителей местных властей. Характерна история братьев Томиловых. Федор Томилов, будучи арестованным, «договорился с сибирским митрополитом Игнатием об объявлении опечатанных дворов и строений пожертвованными церкви якобы еще во время пребывания митрополита на ирбитской ярмарке в январе 1695 г., а также и об объявлении хлеба, хранящегося в этих дворах, архиерейским»[460]. По мнению В.Е. Борисова, он сделал это с помощью «свойственного человека» — невьянского священника Ивана Еуплова[461]. Но московские власти не поддержали этой «аферы», все притязания сибирского архиерея были отвергнуты[462].

Неоднократно (в 1692–1696 гг.) тобольский архипастырь обращался в Сибирский приказ с челобитными, в которых настоятельно просил уплатить полностью «государево жалование» сибирским служилым людям[463]. Впервые с подобной просьбой он обратился, еще находясь в Москве. Про трудности, скорее всего, он узнал от приезжавших в Москву сибиряков[464]. В челобитной, написанной по приезде в Сибирь, в 1693 г. он особо подчеркивает бедственное положение служилых людей Сибири. Он пишет: «Государские служилые люди ныне де денежного жалованья зело скудостны пребывают, что и обутченок иным не на что купить, а одежды или коня, или вместо ветхаго новое оружие купить и помыслить нельзя»[465].

Таким образом, в сферу «печалования» митрополита попадали различные слои населения Сибири.

Отъезд в Москву и удаление на покой

В XVII в. призвание архиереев на чередное служение с патриархом в Москву было сложившейся практикой. Они не только служили

[459] *Андриевич В.К.* История Сибири. Ч. 2. С. 234.
[460] *Борисов В.Е.* Ирбитская слобода в XVII веке. С. 155.
[461] Там же.
[462] АИ. Т. V. № 249. С. 459.
[463] *Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках. С. 187.
[464] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1058. Л. 188.
[465] Там же. Л. 187–186.

вместе с патриархом, но и участвовали в Соборах, в поставлении новых архиереев, кроме того, решали дела своих кафедр. Например, упоминавшийся уже архиепископ Афанасий (Любимов) посещал Москву несколько раз и оставался в столице значительное время. Конечно, ввиду отдаленности Тобольска, сибирские архиереи нечасто посещали Москву и не всегда для участия в чередном служении; тем не менее, такая практика существовала (Киприан, по приезде в Москву, был переведен на Крутицкую кафедру, Корнилий, посетив Москву, был возведен в сан митрополита, после чего вернулся в Тобольск; Симеон дважды ездил в Москву; предшественник преосвященного Игнатия митрополит Павел умер по дороге в Москву)[466].

В конце 1696 г. владыка Игнатий начал собираться в Москву. Об этом свидетельствуют его челобитные царю и патриарху с просьбой «во черед на годовое»[467] «быть к Москве», чтобы «донесть о церковных догматех и о домовых самых нужных делех» зимой 1697/98 г.[468] Владыка Игнатий планировал ехать по первому зимнему пути и просил царя обеспечить его подводами, так как хотел ехать «с ризницею и церковными служители и домовыми людми»[469]. Неясно, какие мотивы были у преосвященного Игнатия для поездки в Москву. Челобитная была написана до завершения конфликта с тобольскими воеводами, еще до наступления решительной фазы. Может быть, он надеялся, используя старые связи, добиться возможности совершить путешествие на восток Сибирской епархии или решить земельные вопросы взамен выдачи руги Тобольскому дому. Так или иначе, светская власть не ждала его в Москве. Царский указ, датированный 28 февраля 1697 г., гласил: «В будущем 206 (1697/98) году тебе, богомолцу нашему, к Москве быть не указали <...>, а указали мы, великий государь, тебе, богомолцу нашему, писменно донесть <...> великому

[466] Архипастыри Тобольской епархии // Религия и Церковь в Сибири. Сб. науч. ст. и док. мат-лов. Вып. 4. Тюмень, 1992. С. 76–89.
[467] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1058. Л. 39.
[468] Там же. Л. 34.
[469] Там же. Л. 39.

господину кир Адриану <...>, а о домовых нуждах челом бить в сибирский приказ»[470].

О дальнейших попытках митрополита Игнатия отправиться в Москву не известно, однако Сибирский летописный свод сообщает, что митрополит поехал по грамоте «великого государя»[471]. И сам митрополит в грамоте, отправленной в Тобольский архиерейский дом из Москвы, сообщает что «<...> по указу великого государя <...> приидохом во <...> град Москву...»[472]. Позже, в ответе судьи Сибирского приказа митрополиту Сибирскому Димитрию на просьбу о выделении средств на содержание архиерейских людей владыки Игнатия, бывших в Москве, будет сказано, что митрополит поехал по «своему челобитию, а не по призыву»[473]. В описи вещей митрополита Игнатия упоминаются грамоты «<...> великого государя... ис сибирского приказу, да святейшего патриарха... ис патриаршаго разряду, по которым ему митрополиту Игнатию велено быть к Москве...»[474]. Таким образом, инициатором приезда в Москву выступил сам митрополит, однако соответствующие разрешения светской и духовной властей были получены, и, скорее всего, задолго до его путешествия зимой 1699/1700 г. Официальной целью поездки, скорее всего, было участие в череде служения в Москве[475].

Тобольский архипастырь собирался весьма тщательно. Из архиерейской служебной ризницы было взято все необходимое для совершения архиерейских богослужений: Евангелие в десть, Евангелие в четверть и Чиновник архиерейского священнослужения,

---

[470] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1058. Л. 35.

[471] Сибирский летописный свод: нарышкинская редакция // Полное собрание русских летописей. Т. 36. Ч. 1. С. 292; Сибирский летописный свод: Нарышкинская редакция. Томский вид // Там же. С. 343; Сибирский летописный свод: Шлецеровская редакция // Там же. С. 354; Сибирский летописный свод: Академическая редакция // Там же. С. 377.

[472] Древние церковные грамоты... С. 98.

[473] *Оглоблин Н.Н.* Библиотека сибирского митрополита Игнатия... С. 291.

[474] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1559. Л. 28 об.

[475] Об этом упоминается: *Попов М.С., свящ.* Святитель Димитрий Ростовский и его труды. СПб., 1910. С. 127.

архиерейские облачения, кадила, рипиды, священные сосуды и многое другое, а также антиминсы для церквей своей епархии и облачения для церковнослужителей, сопровождавших архиерея. Собрана была и домовая казна митрополита, включавшая, в частности, келейную библиотеку (более 60 книг), серебряную и оловянную посуду, личные вещи и повседневную одежду[476].

Между 3 и 24 декабря[477] 1699 г. преосвященный Игнатий выехал из Тобольска в Москву. Вместе с ним отправились «церковные служители и домовые люди», а именно казначей иеромонах Савватий, крестовый иеромонах Израиль, иеродиакон Исаакий, дьяк Григорий Яковлев[478], архиерейские певчие и другие лица[479]. Митрополичий поезд, состоявший из большого числа подвод (саней), двигался из Тобольска через Тюмень, Туринск в Верхотурье[480]. По нашему мнению, не доезжая Верхотурья, митрополит специально остановился в Меркушине, чтобы поклониться мощам праведного Симеона и отделить частицу его мощей[481]. Прибыв в Верхотурье, митрополит

[476] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1559. Л. 1–17. См. также: От Вятки до Тобольска... С. 93.

[477] Такая датировка события установлена нами, исходя из следующего рассуждения. 13-м декабря датируется последняя грамота, написанная дьяком Григорием Яковлевым перед отъездом преосвященного в Москву, а следующая написана уже в пути, 24 декабря, и адресована в Тобольск оставшимся там казначею Иоасафу Милюкову и дьяку Михайлу Витизеву. Точно известно, что дьяк Григорий Яковлев поехал в Москву вместе с преосвященным Игнатием. Исходя из всего вышесказанного, митрополит покинул Тобольск вскоре после 13 декабря и 24 декабря был уже пути.

[478] *Оглоблин Н.Н.* Библиотека сибирского митрополита Игнатия... С. 286

[479] *Сулоцкий А., прот.* Димитрий Ростовский, как архипастырь Сибирский // Странник. 1866. Ноябрь. С. 55.

[480] По нашему мнению, митрополит хотел встретить Рождество Христово (25 декабря) именно в Верхотурье. По традиции, митрополиты всегда останавливались в Верхотурье обычно на длительный срок, тем более что митрополит Игнатий уже праздновал Рождество в Верхотурье во время его поездки по епархии в 1694–1695 гг. (Житие Симеона Верхотурского. С. 210–211).

[481] Дело в том, что среди его вещей, описанных на Казанском подворье, упоминается ковчежец с частицей мощей праведного Симеона (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1559. Л. 2).

по обычаю должен был остановиться в Свято-Никольском монастыре. Вероятно, оттуда 24 декабря была послана грамота «об отобрании у вора Ивашки Салманова борошня по иску Налабардина»[482]. Видимо, вскоре после Рождества Христова владыка Игнатий с сопровождавшими его лицами продолжил свой путь.

Затем архиерейский поезд отправился по Бабиновской дороге и далее, через Великий Устюг в Вологду. Остановившись, скорее всего, у преосвященного Гавриила архиепископа Вологодского и Белозерского, сибирский архиерей взял у архиерейского певчего Ивана Слобоцкого 8 певчих книг, чтобы сделать с них список, и обещал вернуть их на обратном пути в Тобольск[483]. В начале февраля митрополит Игнатий со спутниками покинул Вологду и через Ярославль отправился в сторону конечной цели своего путешествия.

12 февраля, в первый день Великого поста, преосвященный Игнатий вместе с сопровождавшими его лицами прибыл в Москву и остановился на Казанском подворье в Китай-городе[484]. Через день, в среду, по государеву указу приезжал к Сибирскому архипастырю на подворье Андрей Андреевич Виниус и «спрашивал о <...> архиерейском душевном спасении и телесном здравии», велел быть «к руке великого государя» в село Преображенское 18 февраля[485]. Кратко встречу с царем описал сам митрополит в своей грамоте: «<...> Пред святою Литургией <...> приезжал к нам на подворье... Андрей Андреевич и провожал нас в Преображенское, и <...> великого государя нашего пресветлого царя превосходную милость к нашему архиерейству в Преображенском во Святую Литургию между Апостолом

[482] Древние церковные грамоты... С. 112.

[483] *Оглоблин Н.Н.* Библиотека сибирского митрополита Игнатия... С. 286.

[484] Там же. У архим. Мелетия в грамоте митрополита сказано, что они остановились на Рязанском подворье. (См.: Древние церковные грамоты... С. 98.) Рукопись архим. Мелетием была прочитана ошибочно, вместо Казанском — Рязанском.

[485] Древние церковные грамоты... С. 98. 18 февраля приходилось в 1700 г. на первое воскресенье Великого поста, день Торжества Православия.

и Евангелием получили, и у руки его великого государя были, которую надеялися имети и имеем, и после святыя Литургии думный дьяк Андрей Андреевич паки проводил нас на Казанское[486] подворье»[487]. В этот день после богослужения царь Петр принимал послов, издал ряд указов, а вечером уехал в Воронеж, где продолжалось строительство флота[488].

В следующий воскресный день, 25 февраля, под диктовку преосвященного Игнатия дьяком Григорием Яковлевым была написана грамота в Тобольск казначею Софийского архиерейского дома монаху Иоасафу (Милюкову) и дьяку Михаилу Витезеву. В ней архипастырь рассказывал своим помощникам о благополучном прибытии в Москву, о получении милости от царя Петра и выносил свое архиерейское решение по делу о лживой кабале Ивана Салманова с Налабардиным[489]. И вскоре рукопись была послана с тобольским посадским человеком Евтифеем Бородиным[490].

Вечером 26 февраля митрополита Игнатия и его крестового иеромонаха Израиля посетил стряпчий архиепископа Афанасия Тихон Лебедев, который передал им письма от Холмогорского владыки. В ответ преосвященный Игнатий и отец Израиль велели кланяться и обещали написать ответные письма. Иеромонах Израиль от себя добавил, что они пошлют в подарок архиепископу «травы чаю» и если возможно будет, то он достанет у сибирцев «чашечки, которыми с той травы воду пьют»[491].

---

[486] Испр. на Казанское, у архим. Мелетия — Рязанское.

[487] Древние церковные грамоты... С. 98–99.

[488] *Богословский М. М.* Петр I. Т. IV. 1699–1701. Л., 1948. С. 338–339.

[489] Древние церковные грамоты... С. 98–99. В грамоте митрополит настаивает на исполнении его решения об отправке Ивана Салманова в Знаменский монастырь «под начальство» за «неправое и ложное на Стенку Налабардина челобитие». Помощники не спешили выполнять указ владыки Игнатия, оправдываясь болезнью осужденного.

[490] Там же. С. 100.

[491] *Постников С.* Афанасий, первый архиепископ Холмогорский и Важеский. С. 21. Прим. 1.

14 марта митрополит Игнатий взял у Алексея Коробовского две книги: «Хрисмологион»[492] и «Историю Скифийскую»[493], чтобы позже купить их или сделать копию[494]. Возникает вопрос, зачем понадобились архиерею эти исторические произведения? Можно предположить, что митрополиту было трудно воспринять переход на западное летоисчисление (от Рождества Христова), которое по указу царя Петра было введено как раз в то время, когда Тобольский архипастырь двигался к Москве (тогда легко можно объяснить его дальнейшие действия). Но преосвященный Игнатий, видимо, не был противником введения новой хронологии, так как еще в 1675 г. при редактировании Торжественника в Крестомаровской обители он использовал одновременно летоисчисление от сотворения мира и от Рождества Христова[495]. Возможно, что все было гораздо проще: митрополит хотел ознакомиться с сочинениями, которых у него не было. «Скифийская история» была написана в 1692 г., и, скорее всего, он, уезжая в Сибирь, не успел ее скопировать для своей библиотеки.

Таким образом, приехав в Москву, митрополит Игнатий вел себя так, как и полагалось архиерею, прибывшему для очередного служения: был представлен царю, принимал гостей, сам, возможно, кого-то навещал, занимался делами Тобольской кафедры, и, конечно же, служил, и, скорее всего, с патриархом. Однако вскоре произошло то, чего никто не ожидал.

---

[492] «Хрисмологион, сиречь книга, глаголемая пререченнословная» написана 1672 г. Николаем Спафарием с учетом одноименного труда Паисия Лигарида (1656 г.) и содержит толкования на Книгу пророка Даниила. Изъясняя видения пророка, Спафарий излагает историю «четырех монархий» — Халдейской, Персидской, Греческой и Римской. Подробнее см.: *Михайловский И.Н.* Важнейшие труды Николая Спафария. Киев, 1897.

[493] «Скифийская история» посвящена истории южнорусских степей и кочевников, населявших их. В книге повествуется об истории Скифии, Золотой Орды, Казанского, Астраханского и Крымского ханств. Сочинение издано научно: *Лызлов А.* Скифская история / отв. ред. Е.В. Чистякова, подготов. текста и коммент. А.П. Богданов. М., 1990.

[494] *Оглоблин Н.Н.* Из архивных мелочей начала XVIII в. Челобитная о двух книгах, 1702 г. С. 335–336.

[495] *Богданов А.П.* От летописания к исследованию... С. 57; *Воронова Л.Б.* Археографический обзор... С. 200.

16 марта бывшие в то время в Москве архиереи собрались в крестовую палату к патриарху для посвящения Стефана (Яворского) на Рязанскую кафедру, который так в тот день и не явился, несмотря на угрозы патриарха. Был приглашен и митрополит Игнатий. Его приход был ознаменован резким столкновением с патриархом Адрианом и другими архиереями. Патриарх Адриан так описывает конфликт в письме царю Петру: «Игнатий митрополит Сибирский пришед ко мне в келию, яко обезумився зело, неистовыми словесы мене в лице оскорби и в досаду злословил без всякия правды; а от мене выбежав из келии в крестовую палату, архиереев, на порицание тогда сшедшихся имущаго быти архиерея вельми безчестными словесами поругал; также и домовых моих людей священного чина и служителей поносил нелепыми укоризнами, и в Крестовой всем людем сотворил смущение и зазор великий архиерейской чести»[496]; и далее сообщает, что посланных к нему на подворье митрополит с сообщением, что «за таковое его бесчинство, да вразумится <...>, чтоб не служил священнодействия и с двора не съезжал ни по какому образу, да уцеломудрится и в разум придет», говорится в письме, принародно поносил и «еще больше всякой непристойной нелепицы наговорил, что не токмо писати, но говорити не подобает»[497].

Согласно письму святейшего владыки, Тобольский архипастырь говорил, что не желает ни в чем слушать патриарха. А во время вечернего богослужения митрополит вновь пошел к патриаршему дому и «в крестовую <...> палату пришед, еще брань и смущение многое учини и непристойно много говори»[498]. По донесению находившихся там людей, «за таковое его безчинство и нелепый крик» патриарх повелел отвести его сначала в патриаршую хлебню, а оттуда в Чудов монастырь, в келью, «и велел его тамо его в бережении держать»[499].Что было причиной

[496] Цит. по: *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. Т. III. Прил. VII. № 61. С. 534–535.
[497] Цит. по: Там же. С. 535.
[498] Цит. по: Там же. С. 536.
[499] Цит. по: Там же. С. 537.

таких действий сибирского архипастыря? Основные известные нам источники отражают официальную версию происшедшего. Иной взгляд представлен в Черепановской летописи. Действия владыки Игнатия в крестовой описываются так: он «по приходе своем к патриарху в крестовой палате преподал мир со осенением обеих рук, и за то ево преосвящентво патриаршей певчей так его остыдил, что и по щеке ударил, а патриарх Адриан почел сие благословение за похищение патриаршей власти»[500]. Судя по дальнейшим записям летописи, далеко не все подробности были известны в Сибири. Так, в летописи не говорится о пребывании Игнатия в Чудовом монастыре. Тем не менее, на наш взгляд, летопись могла сохранить уникальные сведения. По мнению А.П. Богданова, большой сторонник греческой образованности митрополит Игнатий был не согласен с поставлением Стефана (Яворского), боясь усиления пролатинской партии, и выступал против тех изменений, которые произошли во время его отсутствия в Москве[501]. Многие дореволюционные исследователи придерживались мнения, что он действительно в «уме повредися»[502]. Однако Черепановская летопись не позволяет придерживаться таких трактовок. Возможно, что владыка Игнатий и был против поставления Стефана (Яворского), но главной причиной конфликта, по-видимому, действительно стала ссора, произошедшая в крестовой палате между митрополитом и патриаршим певчим. Митрополит Игнатий, можно сказать, в присутствии патриарха (он был за дверями), благословил присутствующих двумя руками. С какой целью он сделал это? По привычке или с определенным намерением? Так или иначе, но повод для конфликта был несущественным. Однако замечание, сделанное патриаршим

[500] РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Л. 100.

[501] Например, подобного мнения придерживается А.П. Богданов. См.: *Богданов А.П.* Русские патриархи. 1589–1700. Т. II. С. 386–387.

[502] Сторонниками невменяемости преосвященного Игнатия были многие дореволюционные исследователи; см., напр.: *Шляпкин И.А.* Св. Димитрий Ростовский... С. 168; *Покровский И.* Русские епархии в XVI — XIX вв., их открытие, состав и пределы. С. 533–534.

певчим, переросло в конфликт и закончилось рукоприкладством. Резкость и бескомпромиссность характера митрополита проявлялись и раньше. Подобным образом он повел себя во время конфликта с тобольскими воеводами. Конечно, повод со стороны патриаршего служащего тоже был серьезным: ударить митрополита по щеке — это довольно сильное оскорбление. Патриарх, согласно свидетельству Черепановской летописи, встал на сторону своего певчего, более того, воспринял действия митрополита Игнатия как «похищение патриаршей власти»[503]. В этой ситуации владыка Игнатий, согласно упомянутой летописи, «подавал жалобы великому государю на патриарха, но однако ж более тем патриарха озлобил»[504]. Возможно, именно это объясняет те многочисленные письма, которыми патриарх Адриан старался расположить царя Петра и его окружение в конфликте с митрополитом Игнатием.

Как бы то ни было, но Сибирский архиерей оказался в келье Чудова монастыря под охраной. Официальной причиной отправления на покой без права служения было названо сумасшествие архипастыря. В письме от 7 апреля патриарх, сообщая о рукоположении Стефана (Яворского) в митрополита Рязанского, писал царю и о Тобольском архиерее: «От бессонницы великой яко ни мало сна приемлет и пищу едва яст, или от чего инаго повредися в уме», и добавляет, что «признаки помешательства из слов его (т. е. митрополита Игнатия) заметны были 16 марта»[505].

Черепановская летопись по-иному интерпретирует события: «И по некотором времени во оном монастыре (т. е. в Симоновом. — *свящ. И. Н.*) впал от того в жестокую болезнь, так что во иступлении ума был, и во оном Симоновом монастыре преставися и тамо погребен»[506]. Такое развитие событий, возможно, ближе

[503] РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Л. 100.
[504] Там же.
[505] Цит. по: *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. Т. III. Прил. VII. № 61. С. 539. См.: *Брайловский С. Н.* Один из «пестрых» XVII столетия. С. 189–190.
[506] РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Л. 100.

к действительности. Конфликт с патриархом мог расшатать здоровье уже пожилого человека (старше 60 лет) и привести к ухудшению как физического, так душевного здоровья.

Сибирский архипастырь находился в келье Чудова монастыря с 16 марта по 3 апреля. К митрополиту «был приставлен» монах Иларий. В этот период в монастырь зашел Алексей Коробовский и ризничному монастыря Иоасафу Стромилову «бил челом» о том, что преосвященный Игнатий взял у него «Хрисмологион» и «Историю Скифийскую», а денег не заплатил[507], и просил доложить митрополиту Игнатию «об отдаче тех книг, или за них денег»[508]. Ризничный доложил владыке через вышеупомянутого монаха Илария. Архиерей подтвердил слова А. Колоборовского, и добавил, что книги должны находиться среди его «келейной рухляди на Казанском подворье»[509].

Дальнейшие события известны нам из письма патриарха к одному из ближайших соратников Петра I Т.Н. Стрешневу: «Митрополит же Игнатий Сибирский... быв марта от 16 числа в Чудове монастыре в келии до 3 дне апрелия, еще не исправися. Ради его сохранства... послахом в Симонов монастырь, что тамо ходити ему... по монастырю свободнее; а в Чудове ради соблазна о нем быти и ходити ему просто на множестве людей не возможно; а в келии все сидеть до исправления видится трудно»[510].

Отсутствие в Сибири митрополита обеспокоило, в первую очередь, судью Сибирского приказа А.А. Виниуса. Он практически сразу стал добиваться поставления нового архиерея. 21 марта он пишет в письме Ф.А. Головину, одному из ближайших к царю в то время людей: «Поведение, государь, странное господина Сибирского архиерея тебе, государю, мню не безвесно»[511]. 31 марта

---

[507] *Оглоблин Н.* Бытовые черты начала XVIII века. XIV. Дело об «Истории Скифийской»... С. 12–13.

[508] Там же. С. 13.

[509] Там же.

[510] Цит. по: *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. Прил. VII. № 61. С. 539.

[511] Цит. по: *Юркин И.Н.* Андрей Андреевич Виниус... С. 262–263.

он писал царю: «Нужно и митрополиту в Сибири, государь, быть, а Игнатий зело ума исступил»[512]. Виниус даже предлагал своего кандидата, а именно архимандрита Знаменского монастыря Игнатия, о котором писал Головину: «<...> архимандрит Игнатий, зело человек, сказывают, доброй»[513]. Время от времени он напоминал царю о необходимости скорейшего решения вопроса о новом сибирском преосвященном.

Только 18 июня царь Петр I приступил к решению вопроса о новой кандидатуре на Тобольскую кафедру. Он попросил Киевского митрополита определить на сибирский митрополичий престол ученого монаха, «благого, непорочного жития человека, которому бы в Тобольске быть митрополитом, и мог бы Божиею помощию исподволь в Китае, и в Сибири в слепоте идолослужения и в прочих неверствиях закоснелых человек приводить в познание и служение и поклонение истинного Живого Бога»[514]. Об этом же писал киевскому митрополиту Варлааму и патриарх Адриан[515]. Однако дело о поставлении нового архиерея затягивалось, несмотря на все усилия А.А. Виниуса. И только в январе 1701 г. в Москву был призван архимандрит Димитрий (Туптало), который вскоре прибыл в столицу, а уже 23 марта был рукоположен во митрополита Тобольского и Сибирского[516].

Все время с 4 апреля 1700 г. и до своей смерти преосвященный Игнатий проживал в келье Симонова монастыря, под присмотром. Историк А.П. Богданов полагает, что митрополита морили голодом, и это стало причиной его смерти[517]. С данным предположением трудно согласиться. В описи имущества, которое находилось в монастырской келье митрополита Игнатия, отмечены посуда, одежда, книги: Апостол, Псалтирь с восследованием,

---

[512] Цит. по: *Богословский М.М.* Петр I. Т. IV. 1699–1701. С. 399.
[513] Цит. по: *Юркин И.Н.* Андрей Андреевич Виниус... С. 263.
[514] Цит. по: *Смолич И.К.* История Русской Церкви. Ч. 2. С. 275.
[515] *Шляпкин И.А.* Св. Димитрий Ростовский... С. 281–282.
[516] Там же. С. 278.
[517] *Богданов А.П.* От летописания к исследованию... С. 213; *Он же.* Русские патриархи... С. 387.

Требник и другие[518]. И всем этим владыка пользовался. Возможно, что о нем продолжали заботиться его «домовые люди».

9 августа от имени Петра I и патриарха Адриана появился указ о проведении описи митрополичей казны (то есть имущества), которая хранилась на Казанском подворье[519]. Это вскоре и было сделано в присутствии домовых людей преосвященного Игнатия: казначея иеромонаха Савватия, крестового иеромонаха Израиля, иеродиакона Исаакия, дьяка Григория Яковлева и «стряпчего» Кузьмы Главина[520]. Митрополит Игнатий был прекрасно осведомлен о проведении описи. После ее завершения и передачи всех вещей на хранение в Сибирский приказ, скорее всего, весной 1701 г. он подал челобитную с просьбой вернуть ему деньги, взятые из его «подголовка», для его «келейных потреб»[521]. Факт написания им челобитной наглядно свидетельствует о том, что митрополит в этот период не голодал. Если бы он находился на грани физического истощения, то писал бы челобитные совсем другого содержания. Необходимо обратить внимание и на то, что находившийся под наблюдением преосвященный Игнатий имел принадлежности для письма и, самое главное, связь с внешним миром. Последнее косвенно подтверждается тем, что текст упомянутой челобитной был написан не самим митрополитом, его же рукой была поставлена только подпись[522].

Вскоре 13 мая 1701 г. митрополит Игнатий скончался в Симоновом монастыре, где и был похоронен в паперти одного из храмов[523]. В отпевании участвовали новый митрополит Сибирский

---

[518] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1559. Л. 21–22.

[519] *Оглоблин Н. Н.* Библиотека сибирского митрополита Игнатия... С. 286

[520] Описные книги сохранились: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1559. Л. 1–17. Частично опись опубл.: *Оглоблин Н. Н.* Библиотека сибирского митрополита Игнатия... С. 286–291.

[521] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1559. Л. 19. Челобитная упоминается: *Оглоблин Н. Н.* Библиотека сибирского митрополита Игнатия... С. 286.

[522] Оригинал челобитной см.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1559. Л. 19.

[523] Сибирский летописный свод: Нарышкинская редакция. Томский вид // ПСРЛ. Т 36. С. 340. Сибирский летописный свод: Нарышкинская редакция // Там же. С. 290; Московский некрополь. Т. 1 (А–I). СПб., 1907. С. 491;

Димитрий (Туптало), митрополиты Трифиллий и Исаия[524]. Участие такого числа архипастырей[525] говорит о том, что отпевание было совершено торжественно, как и подобало архиерею. 15 мая в Сибирском приказе дьяк Софийского архиерейского дома Григорий Яковлев получил пятьдесят рублей, как сказано в соответствующей расписке, «на поминовение его», а также камку (ткань) «на крышку гроба»[526]. Место погребения владыки Игнатия было хорошо известно вплоть до разрушения монастыря в годы советской власти. В июне принадлежавшие митрополиту «образа и книги и рухляди», находившиеся в его келье Симонова монастыря, были описаны[527]. Таким образом, митрополит Игнатий умер своей смертью, в преклонном возрасте, ему было не менее 62 лет.

2.3. Круг общения преосвященного Игнатия (Римского-Корсакова)

Приступая к изучению той или иной исторической личности, исследователь сталкивается с целым рядом непростых задач. Одним из таких «трудных мест» остается личная жизнь персоны, скрытая от посторонних глаз, особенно если в основном сохранились лишь официальные документы. На грани социального и экзистенциального понимания занимающей все более прочные позиции персональной истории[528] находится изучение круга общения. Именно такое во многом социальное явление, как дружба, может во многом позволить судить и о внутреннем мире исследуемой личности.

Евстафий, архим. Московский мужеский ставропигиальный Симонов монастырь. М., 1867. С. 23.

[524] *Шляпкин И. А.* Св. Димитрий Ростовский... С. 281–282.

[525] Такое число архиереев участвовало в поставлении святителя Димитрия Ростовского на Тобольскую кафедру. См.: *Шляпкин И. А.* Св. Димитрий Ростовский... С. 278.

[526] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1559. Л. 20.

[527] Там же. Л. 21–22.

[528] Более подробно о современном состоянии персональной истории см.: *Репина Л. П.* Персональные тексты и «новая биографическая история». С. 344–360.

Изучение круга общения дает возможность проследить не только социальные связи индивидуума, но и выявить его личностные характеристики. Однако наиболее интересными нам представляются личные связи, напрямую независящие от занимаемой должности, которые, на наш взгляд, во многом зависят именно от личностных характеристик и, следовательно, могут многое рассказать о человеке, особенно когда крайне сложно реконструировать его частную жизнь ввиду отсутствия прямых свидетельств об этом.

Частная жизнь митрополита Игнатия — именно такой случай. Его деяния лишь приоткрывают разные стороны его частной жизни. Скорее всего, он вел обычную для того времени жизнь церковного деятеля, принявшего монашеские обеты. Особый интерес составляет круг его общения. Восстановить полностью его довольно сложно, однако можно предположить, что так или иначе ему приходилось сталкиваться со всем «высшим светом», общаться с большинством русских архиереев и архимандритов крупнейших монастырей.

Конечно, будущий митрополит имел таких покровителей, как патриарх Иоаким, будущий митрополит Рязанский Павел (Маровский), но их скорее следует отнести к учителям, чем к друзьям. К тому же об их влиянии на преосвященного Игнатия известно очень мало. Новоспасский архимандрит входил в образованнейшую часть верхушки московского общества и в среду ближайшего окружения патриарха Иоакима. С целым рядом людей его связывала преданность идеям патриарха Иоакима. Вместе с преосвященным Гавриилом Вологодским он участвовал в спорах о пресуществлении Святых Даров. Вместе они поддерживали преосвященного Афанасия (Любимова) и братьев Лихудов[529]. Важно отметить, что архиепископ Гавриил был архимандритом Новоспасского монастыря до преосвященного Игнатия. Об их хороших отношениях свидетельствует и то, что митрополит на пути из Сибири останавливался у него в архиерейском доме в Вологде[530].

[529] *Сменцовский М. Н.* Братья Лихуды. С. 145–146, 248.

[530] Так было, по крайней мере, зимой 1700 г. (*Оглоблин Н. Н.* Библиотека сибирского митрополита Игнатия... С. 286).

Общался Сибирский архипастырь и с известным книжником Карионом Истоминым. Не раз они вместе выполняли поручения патриарха Иоакима[531]. А.П. Богданов считает, что они состояли в дружеской переписке все время пребывания владыки в Сибири[532], однако следов этой дружбы не сохранилось, так что тезис об их близкой дружбе не подтверждается источниками; скорее всего, их связывали просто служебные отношения[533].

Но самой сильной и хорошо отразившейся в источниках была дружба митрополита с архиепископом Холмогорским Афанасием (Любимовым), видным церковным деятелем и писателем. Их знакомство началось еще в 1680 г., когда Афанасий был патриаршим крестовым иеромонахом, а иеромонах Игнатий был переведен в Москву для руководства подворьем Соловецкого монастыря в Москве. Уже к моменту поставления крестового иеромонаха на новооткрытую Холмогорскую кафедру в 1682 г. они стали друзьями и в дальнейшем состояли в переписке. Надо полагать, их сблизило то, что они оба были сотрудниками патриарха Иоакима и к тому же были близки друг другу идейно, в частности в вопросе борьбы с латинствующими. Так, в распространении полемической книги «Остен» «первые ходатаи были... Афанасий архиепископ Холмогорский, да Игнатий Корсаков»[534].

Во время всех приездов архиепископа Афанасия в Москву в 1680-е гг. они обязательно общались. Например, во время первого приезда в столицу Холмогорского архиепископа в 1684–1685 гг., 7 декабря 1684 г. преосвященный Афанасий устраивал обед, в котором архимандрит Игнатий участвовал вместе с монахом Евфимием, Сильвестром Медведевым, справщиком печатного двора игуменом Сергием и архимандритом Адрианом —

---

[531] Подробно об этом см. выше.

[532] *Богданов А.П.* От летописания к исследованию... С. 210.

[533] Среди друзей Кариона Истомина Игнатий не упоминается и в исследовании С.Н. Браиловского (*Браиловский С.Н.* Один из «пестрых» XVII столетия. С. 102).

[534] Цит. по: *Верюжский В.* Афанасий, архиепископ Холмогорский... С. 668.

будущим патриархом — и другими видными людьми того времени[535]. В следующий приезд архиепископа Афанасия в Москву в 1689 г. Холмогорский архиерей, вероятно, 5 августа участвовал в службе в Новоспасском монастыре вместе с митрополитом Корнилием[536], а после трапезы беседовал с архимандритом Игнатием. Большой любитель книжности, владыка не мог пренебречь возможностью списать у своего друга его произведения. И в этот же день он указал сопровождавшим его людям переписать сочинения архимандрита Игнатия. В один сборник были переписаны: «Слово воинству перед Крымским походом» и «Сказание о Софии...». Сделаны были копии с перевода книги Г. Кассандра «О различных литургиях...»[537] Возможно, были переписаны и другие сочинения.

Можно утверждать, что архимандрит с архиепископом, во время приездов последнего общались гораздо чаще, чем это отразилось в доступных нам источниках. После 1690 г. друзьям уже не суждено было встретиться. Но, будучи на церковных служениях в разных местах, они продолжали поддерживать дружескую связь посредством переписки.

Первое известное письмо настоятеля Новоспасского монастыря в Холмогоры стало отдельным литературным произведением. Послание «к боголюбивому Афанасию архиепископу Колмогорскому како бысть преставление святейшаго Иоакима патриарха» являлось ответом преосвященному Афанасию на две его грамоты и было написано, скорее всего, уже осенью 1690 г.[538] Послание подробно излагало церковные события 1690 г., произошедшие с момента отъезда преосвященного Афанасия:

[535] *Фонкич Б.Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке / отв. редактор Д.Н. Рамазанова. М., 2009. С. 235.

[536] *Дмитриев И.Д.* Московский Новоспасский ставропигиальный монастырь... С. 24.

[537] *Строев П.М.* Библиологический словарь... С. 392; *Богданов А.П.* Творческое наследие... С. 209. М.Н. Сменцовский считает, что перевод Г. Кассандра сделан не архимандритом Игнатием, а Сильвестром Медведевым (*Сменцовский М.Н.* Братья Лихуды. С. 180–181).

[538] Житие и завещание святейшего патриарха Московского Иоакима. С. 48.

кончину и погребение святейшего Иоакима и избрание патриарха Адриана.

В дальнейшем они поддерживали переписку, но о ней известно мало. Косвенно о ней может свидетельствовать прекрасное знание митрополитом положения дел в Соловецком монастыре[539]. Известно, что после 1696 г., митрополит Игнатий послал список своих «сибирских посланий» с автографом в дар преосвященному Афанасию[540]. Вместе с книгой, скорее всего, было послано письмо. О нем сибирский архиерей упоминает в письме архимандриту Соловецкого монастыря Фирсу, которое могло быть написано в 1697 г. [541]

Вскоре после приезда митрополита Игнатия в Москву в 1700 г. владыку и его крестового иеромонаха Израиля 26 февраля посетил стряпчий архиепископа Афанасия Тихон Лебедев, который передал им письма от холмогорского владыки. В ответ преосвященный Игнатий и отец Израиль велели кланяться и обещались написать ответные письма[542]. Неизвестно, были ли написаны эти письма, потому что вскоре Тобольский архиерей оказался в монастырской келье, а через год скончался.

Косвенно об их дружбе и постоянным обмене подарками свидетельствуют упоминание среди личных вещей митрополита «подголовка колмогорского», возможно, подаренного именно архиепископом Афанасием[543], и наличие в библиотеке Афанасия литературных трудов владыки Игнатия. Многое о Сибири будущий Тобольский архипастырь мог узнать от Холмогорского архиепископа, который свою монашескую жизнь начал в Далматовском монастыре, был его игуменом и крестовым иеромонахом Тобольского архиерейского дома.

---

[539] Это следует из его писем настоятелю монастыря архимандриту Фирсу.

[540] *Воронова Л. Б.* Археографический обзор... С. 194.

[541] Две грамоты Игнатия, митрополита Тобольского, о построении церкви на Савватиевой, или на Секирной горе, и о прочем. С. 231.

[542] *Постников С.* Афанасий, первый архиепископ Холмогорский и Важеский. С. 21. Прим. 1.

[543] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1559. Л. 28 об.

Говоря о дружбе владыки Игнатия с преосвященным Афанасием нельзя обойти связей Сибирского митрополита с Далматовским монастырем Сибирской епархии. В конце XVII в. обитель возглавлял сын преподобного Далмата Исетского, основателя обители, игумен Исаак, человек образованный и весьма благочестивый. Он, кстати, сопровождал Тобольского архипастыря в его шествии по «верховым городам епархии» и стал одним из участников прославления святого праведного Симеона Верхотурского. По благословению своего владыки игумен Исаак с иеродиаконом Василидом зимой 1699/1700 гг. ездили в Холмогоры — к своему старому собрату по монастырским подвигам преосвященному Афанасию. Возможно, что большую часть пути из Сибири в Центральную Россию, они проделали вместе с владыкой Игнатием, который в это же время отправился в Москву. Сам преосвященный, видимо, не бывал в зауральской обители, но знал многое о ней из общения с ее насельниками — уже упомянутыми владыкой Афанасием, игуменом Исааком и иеродиаконом Василидом. Должен был знать митрополит и об основателе монастыря старце Далмате Исетском, который скончался в 1697 г.

Регулярную переписку митрополит вел и с братией Соловецкой обители, которой в разных должностях он посвятил 6 лет своего церковного служения. Об этом свидетельствуют два сохранившихся его письма (1690-е гг.) к настоятелю Соловецкого монастыря архимандриту Фирсу, с которым они были давно знакомы[544]. Эпистолы в целом посвящены вопросу строительства церкви Вознесения Господня на Секирной горе. Письма свидетельствуют о прекрасной осведомленности о ситуации в монастыре.

[544] Оба письма были изданы в XIX в.: Две грамоты Игнатия, митрополита Тобольского, о построении церкви на Савватиевой, или на Секирной горе, и о прочем. С. 227–231. Архимандрит Фирс (Шарапов) был постриженником Соловецкого монастыря и, следовательно, был знаком преосвященному Игнатию еще в период его пребывания на Соловках (История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. СПб., 1899. С. 208).

Кроме того, у митрополита была карта (чертеж) Соловецкого монастыря[545], возможно, купленная им в Москве или присланная в качестве подарка Афанасием Холмогорским или архимандритом Фирсом. Кроме того, в библиотеке Соловецкого монастыря оказался список «сибирских посланий» с дарственной подписью митрополита Игнатия[546].

Сложно судить об отношениях митрополита с его подчиненными, например, с крестовым иеромонахом Израилем, который сопровождал владыку во всех его поездках и был его доверенным лицом, о чем свидетельствуют разного рода поручения.

В целом митрополит вел широкую переписку, о чем свидетельствует опись его вещей, сделанная в 1700 г.: кроме деловых писем и «заемных памятей» переписчики упомянули о двадцать одном письме митрополита Игнатия «к разных чинов к людям», не считая нужным расписывать содержание личной переписки[547].

В целом видно, что круг общения митрополита сформировался на основании общности взглядов и церковного служения в период его пребывания в Москве. Мы предполагаем, что, будучи в Сибири, владыка вел переписку гораздо шире, чем указано выше. То, что сохранилось, показывает лишь часть «айсберга» постоянной личной переписки. Все это позволяет сделать вывод, что преосвященный Игнатий был человеком общительным, умевшим поддерживать дружбу.

Изучение дружеских связей свидетельствует о вхождении митрополита в число образованнейших людей его времени, из переписки можно судить, что общение с друзьями было для него необходимым элементом частной жизни и отражало его душевные потребности. С другой стороны, в письмах он мало передает личных переживаний, порой чего-то не договаривает или делает лишь намек.

---

[545] *Оглоблин Н. Н.* Библиотека сибирского митрополита Игнатия... С. 290.
[546] *Воронова Л. Б.* Археографический обзор... С. 194.
[547] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1559. Л. 11 об.

2.4. Келейная библиотека владыки Игнатия

Будучи известным книжником своей эпохи, митрополит собрал в своей «казне» значительную келейную библиотеку. К сожалению, историю ее формирования сложно проследить. Сохранилась лишь ее опись, сделанная в августе 1700 г. уже после отправления владыки на покой в Симонов монастырь (73 книги)[548]. Другая опись книг, которые находились среди его вещей в келье Симоновой обители, была сделана после его смерти. Там упоминается всего 5 книг[549]. Таким образом, всего он привез из Тобольска в Москву почти 80 печатных и рукописных книг[550].

Всю библиотеку можно разделить на несколько частей. Во-первых, это богослужебные книги, связанные с ежедневным совершением служб, такие, как: Напрестольное Евангелие (печатное и рукописное), Апостол, устав, пролог, минеи на весь год (24 книги), минея общая и минея праздничная, 2 тома Октоиха, Псалтирь, Псалтирь следованная, «Цветослов», служебник, устав, канонник, требник. Они составляют почти половину всех книг митрополита. К этой группе близки певческие книги, которых в собрании владыки тоже довольно много. Были у Тобольского архипастыря как книги «на крюках» (4 книги), так и «на нотах» (4 книги). Интересна Псалтирь, положенная на ноты на три голоса, богато оформленная и обтянутая зеленой кожей. Среди певчих книг многие не принадлежали митрополиту и лишь были взяты им для временного пользования. Так, 8 книг «партесных» были временно взяты им из библиотеки Тобольского архиерейского дома, еще 8 книг (также партесных) были взяты «на список» у архиерейского певчего Ивана Слободского (Вологда). Тетради «на 12 голосов партесных служб и концертов» были взяты «на список» у дьячка Егорьевского девичьего монастыря.

---

[548] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1559. Л. 9–10. Опись опубликована: *Оглоблин Н.Н.* Библиотека сибирского митрополита Игнатия... С. 286–290.

[549] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1559. Л. 21 об.

[550] Для сравнения: У патриарха Иоакима было 52 книги, у патриарха Никона — 156, а у Епифания Славеницкого — 72.

Наиболее интересную группу представляют книги богословского и литературного содержания. «Книга о пресуществлении» была сочинена преосвященным Афанасием (Любимовым) в конце 1688 г. и, надо полагать, была подарена автором Игнатию в 1689 г. во время пребывания Холмогорского архиерея в столице. Сочинение посвящено обоснованию православного учения о преложении Св. Даров[551]. Вторая — «Епистолия Иакова брата Господня о поставлении во священный чин» — также полемический труд, представляющий собой обширный трактат об опресноках[552]. Сложно сказать, какая книга подразумевалась под названием «Символ православные веры». Кроме того, к этой категории условно можно отнести Маргарит (2 экз.), так она имеет отношение и к богослужению[553]. Отдельно необходимо отметить книги на греческом и латинском языках. Их всего две. Новый Завет на греческом языке и маленький «часословец греко-латинский». Из светской литературы в описи значатся два лечебника, «Хрисмологион» и «История Скифийская». Помимо книг у Тобольского архипастыря были три карты (чертежа): Соловецкого монастыря, части Московского царства и части Европы.

Надо полагать, поскольку митрополит Игнатий не планировал оставить Сибирскую епархию насовсем, часть книг он оставил в Тобольске, взяв с собой в Москву самые необходимые[554].

---

[551] *Панич Т. В.* «Книга о пресуществлении» Афанасия Холмогорского... С. 61, 68.

[552] Полное название «Епистолия на римлян в неи же сказание о Иакове брате Господне и о двоюнадесяте апостолу, како первое поставление бысть в священный чин» — памятник византийской литературы. Посвящен антилатинской полемике и представляет собой обширный трактат об опресноках. В русских списках известен с XV в., часто встречается в составе сборников XV в. и Кормчих книг XVII в. См.: *Павлов А. С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 71, 80–81; *Поныркo И. В.* Апокрифы об Иакове брате Господнем // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. I: А–К. Л., 1988. С. 60.

[553] Переводной сборник уставных чтений, состоящий из избранных слов, бесед и поучений свт. Иоанна Златоуста, широко распространенный в России в XV–XVIII вв. (*Черторицкая Т. В.* Маргарит // СККДР. Вып. 2 (1-я пол. XIV–XVI в.). Ч. II.: Л–Я. Л., 1989. С. 100–102).

[554] *Луппов С. П.* Книга в России... С. 139

Владыка старался по мере сил пополнять свою библиотеку. Об этом свидетельствует то, что только за несколько первых месяцев 1700 г. он взял для переписывания 8 певчих книг, «Хрисмологион» и «Историю Скифийскую»[555].

Митрополит Игнатий пользовался не только своей библиотекой или даже не столько своей библиотекой, сколько доступными ему книжными собраниями монастырей, Тобольского архиерейского дома и частных лиц. Так, были свои библиотеки в Спасо-Ярославском и Новоспасском монастырях. Значительной библиотекой обладал Софийский дом. По описи 1701 г., она составляла 238 единиц, там было и много книг богословского содержания. Есть сведения, что владыка Игнатий заботился о ее увеличении. Например, в Софийской библиотеке были «книги списка заветного писания святейшаго патриарха Иоакима», явно попавшие туда по инициативе преосвященного Игнатия[556].

Наличие некоторых вещей у митрополита может дополнить его «портрет». Так, среди прочих вещей у владыки были хрустальные очки, что было естественно, потому что к 60 годам у большинства людей развивается дальнозоркость. Косвенно это свидетельствует о том, что он много читал и писал. Была у него и парсуна великого государя Петра Алексеевича[557]. Имущество митрополита Игнатия впоследствии перешло его преемникам Димитрию (Туптало) и Филофею (Лещинскому)[558].

* * *

Таким образом, рассмотрев биографию митрополита, можно сделать следующие выводы. Карьера будущего митрополита развивалась постепенно, практически без резких скачков. В этом смысле он не выделялся среди прочих архиереев своего времени.

---

[555] *Оглоблин Н.Н.* Из архивных мелочей начала XVIII в. Челобитная о двух книгах, 1702 г. // Библиограф. 1892. №10–11. Отд. 1. С. 335–336.

[556] От Вятки до Тобольска... С. 89.

[557] *Оглоблин Н.Н.* Библиотека сибирского митрополита Игнатия... С. 288.

[558] Судьба имущества митрополита Игнатия подробно описана в статье: *Оглоблин Н.Н.* Библиотека сибирского митрополита Игнатия... С. 289–291.

В московский период жизни он играл большую роль в церковно-политических событиях, что особенно проявилось в период избрания нового патриарха в 1690 г. Архимандрит Игнатий был одним из ближайших соратников патриарха Иоакима.

Сложно говорить о его политической принадлежности в этот период. Вряд ли стоит считать его человеком, близким царевне Софье, поскольку ее отстранение от власти не сказалось на карьере владыки Игнатия. Он продолжал активно участвовать в церковно-политической жизни того времени. Можно было бы предположить, что он сохранил свое положение благодаря умению вовремя менять политические ориентиры. Но, вероятнее всего, он не был склонен к политической гибкости, смене взглядов в зависимости от политической конъюнктуры и не стремился лавировать между властными группировками. Анализ его дальнейшей деятельности и поступков свидетельствует о нем, как о человеке принципиальном и даже жестком в вопросах защиты интересов Церкви. На наш взгляд, в московский период жизни в отношении политических событий он старался держаться курса своего покровителя — патриарха Иоакима. Будучи воспитанным и сформировавшимся как личность в системе мировоззренческих координат своего времени и избрав путь служения Церкви, в своих поступках он руководствовался в первую очередь религиозными убеждениями и его привлекала лишь церковная составляющая в государственной политике.

На наш взгляд, не стоит однозначно оценивать поставление архимандрита Игнатия митрополитом на Сибирскую кафедру как повышение или как понижение. С назначением в Сибирь преосвященный Игнатий удалялся от центра политической, культурной и церковной жизни. Скорее всего, это было связано с тем, что при новом патриархе Адриане он перестал быть нужным в Москве при патриаршем дворе. Но в то же время владыка Игнатий продолжал пользоваться доверием у высшей церковной и светской власти, и поэтому был назначен именно в Сибирскую епархию, где в силу региональной специфики нужен был авторитетный и надежный руководитель.

Как правило, деятельность архиерея регламентировалась наказами (не известно, был ли такой написан специально для преосвященного Игнатия) и сложившейся традицией. Однако наказы давали лишь общую концепцию руководства епархией[559]. Следовательно, каждый архиерей, имея представление о круге своих обязанностей согласно принятым церковно-каноническим правилам, сам определял для себя приоритеты, исходя из конкретной исторической обстановки в своей епархии. Главными направлениями деятельности владыки Игнатия во главе Сибирской епархии были: собственно управление епархией с помощью штата Тобольского архиерейского дома, борьба с расколом и нарушениями христианских норм жизни, материальное обеспечение Тобольской кафедры.

В целом, методы митрополита Игнатия носили характер, свойственный его времени. Главным средством борьбы с низкой нравственностью населения было повышение церковных штрафов. Отношения преосвященного Игнатия с монастырскими и приходскими корпорациями и различными слоями населения Сибири носили в основном традиционный характер. Митрополит активно реализовывал практиковавшееся на Руси право епископов «печаловаться» о пастве. Особых забот о регулярной миссии среди аборигенов митрополит не проявлял, что объясняется позицией государства в этом вопросе, которое пока не настаивало на массовом крещении коренного населения Сибири.

Вместе с тем, деятельности митрополита Игнатия свойственно определенное новаторство, особенно в методах борьбы с расколом. Искоренить раскол преосвященный Игнатий старался в первую очередь просветительскими мерами, для чего совершил «путное шествие» в «верховые» города Сибири и планировал посетить «низовые» города. В путешествии архиерей много проповедовал, общался со своей паствой. Просветительскую

[559] Так, в наказе архиепископу Макарию 1625 г. наставления были даны в общем ключе, конкретика касалась лишь церковного суда, вопроса о новокрещеных и т. д., что, прежде всего, было связано с каждодневным выполнением функций архиерея. См.: Тобольский архиерейский дом в XVII веке. С. 213–215.

направленность имели и написанные им «Послания на армен и полуармен», и прилюдное увещание Иосифа Астомена.

Неудачной для владыки Игнатия оказались попытки увеличить земельные владения Тобольского архиерейского дома и защитить судебный иммунитет Церкви в «деле десятильников», которое он во многом воспринимал именно в этом ключе. Большую роль в его позиции по этому вопросу, на наш взгляд, сыграли юридические аспекты дела и отличное от светской власти понимание церковно-государственных отношений и роли Церкви в зарождающееся петровское время.

ГЛАВА 3. ПИСЬМЕННЫЕ ТРУДЫ ТОБОЛЬСКОГО МИТРОПОЛИТА ИГНАТИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ЕГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

3.1. Письменные труды: атрибуция, содержание, литературные особенности

Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков) для своего времени является плодовитым писателем, оставившим немало сочинений, написанных на злободневные темы его времени. Эти произведения разнообразны по жанрам и нацелены на разную читательскую аудиторию.

Для удобства характеристики мы разделили письменное наследие владыки Игнатия на несколько групп, исходя из жанровых и содержательных особенностей. Во-первых, богословско-учительные сочинения, написанные в основном в московский период жизни преосвященного Игнатия. В этой группе встречаются различные жанры (полемические трактаты, панегирики), отчасти близкие по форме к поучениям. В основном они написаны на «злобу дня» и выражают мнение автора о различных сторонах жизни современного ему Московского царства. Вторая группа — исторические сочинения и жития, написанные как в Москве, так и в Тобольске. Жития, сочиненные владыкой Игнатием во многом близки по жанру к историческим сочинениям. Третья группа — архиерейские послания преосвященного, эти произведения объединяют форма, стиль подачи материала и пр. (подробнее об этом см. далее). Четвертая группа — эпистолярное наследие преосвященного Игнатия.

Приступая к характеристике литературного творчества митрополита Игнатия (Римского-Корсакова), необходимо обратить внимание на то, что далеко не все произведения, которые связываются в отечественной историографии с именем владыки,

можно безоговорочно приписать его перу. Уточнение круга сочинений, действительно написанных тобольским архиерем, и «отсечение» произведений, ошибочно приписываемых ему, представляется важным, потому что именно письменные труды являются основой для реконструкции его мировоззрения, и включение в круг источников чужих сочинений неминуемо приведет к искажению картины. Поэтому внутри выделенных выше групп нами предпринято еще одна градация сочинений: первые, авторство которых принадлежит митрополиту Игнатию вне всяких сомнений; вторые, степень участия сибирского архиерея в создании которых требует дальнейшего уточнения; третьи, принадлежность авторства которых преосвященному Игнатию вызывает большие сомнения и трактуется нами как ошибочная атрибуция.

Уверенность в авторстве владыки Игнатия ряда сочинений основывается на следующих критериях. На наш взгляд, важным принципом выделения этих произведений является прямое или косвенное указание в них самих на авторство преосвященного Игнатия. Большинство своих сочинений преосвященный Игнатий подписывал. Так, его ранние известные работы, созданные еще в Крестомаровской пустыни, имеют его собственноручную подпись об участии в создании рукописи «сия книга <...> внесена <...> монахом Игнатием»[1] или «понуди преписати сию книгу <...> иеромонаха Игнатия...» и т. д.[2] Владыка Игнатий таким же образом стремился подписать все свои сочинения. Например, в заглавии одного из сочинений написано: «<...> собранное смиренным Игнатием, иеромонахом Спаса Новаго монастыря архимандритом...»[3]. Важность этой информации состоит не только в указании на авторство, но и свидетельствует, что в этих случаях преосвященный Игнатий выступает от своего имени и выражает именно свою точку зрения.

---

[1] *Воронова Л. Б.* Археографический обзор... С. 199.

[2] Описание автографов митрополита Игнатия см.: *Воронова Л. Б.* Археографический обзор... С. 199–201.

[3] «Слово благочестивому и христолюбивому воинству»... С. 135.

К первой категории можно отнести и сочинения, в которых нет прямых указаний на авторство, однако их принадлежность владыке Игнатию так же трудно поставить под сомнение. Отсутствие указаний на авторство в этих сочинениях легко объясняется тем, что первоначальные рукописи этих сочинений до нас не дошли, а наиболее ранние списки относятся к началу XVIII в. В двух сочинениях повествование идет от первого лица, сам автор является активным участником описываемых событий. По нашему мнению, в первоначальной редакции два памятника имели упоминание об авторстве сочинения (Послание к Афанасию и Житие Симеона Верхотурского).

Богословско-учительные и панегирические сочинения

А. Сочинения, принадлежность которых преосвященному Игнатию не вызывает сомнений

«Возобличение на лютеранский катехизис» (полное название: «Благочестивыя Святыя Соборныя и Апостольския восточныя Церкви греческого Православия от Божественных Писаний собранное Игнатием иеромонахом, Спасова Новаго монастыря архимандритом, на лютеранский катехизис возъобличение») было опубликовано и проанализировано А. Лебедевым по несохранившемуся списку[4]. О поводе к написанию сам архимандрит в начале своего труда пишет: «Случися видети книгу катикисис на языце Российском изданную типографски от лютеровых еретиков, в граде их еретическом Нествижу; егда прочтох писанная в ней, обретох оного еретика лютеранска, хулящие вельма православные догматы...»[5]. Речь идет о книге Симона Будного, изданной в 1562 г.[6] Полемика касается только некоторых вопросов, а не всего

[4] Памятник был опубликован: *Лебедев А.* Полемические сочинения... С. 1–9.

[5] *Лебедев А.* Полемические сочинения... С. 1.

[6] Катихисис то ест наука стародавная христианьская от светого писма для простых людей языка руского в пытаниях и отказех собрана. Несвиж: Типография Матвея Кавечинского, Симона Будного, Лаврентия Крышковского, 1562. См.: Издания кирилловского шрифта второй половины XVI в.: сводн. кат. / *сост. А. А. Гусева.* М., 2003. Кн. 1. № 23.

издания. Авторство памятника бесспорно по самому заглавию: «Благочестивыя святыя <...> Церкви <...> от Божественных Писаний собранное Игнатием иеромонахом, Спасова Новаго монастыря архимандритом...»[7].

Владыка Игнатий разбирает Несвияжский катехизис[8] не полностью. Полемика идет по вопросам об иконопочитании, почитании святых, монашестве, клятве и воле человека. По мнению А. Лебедева, полемика не представляет ничего самобытного — «автор обличает лютеран обычным отвлеченно-догматическим путем, повторяя в этом отношении приемы прежних полемистов. Тон, — опять так же, как и у других полемистов тех времен, — бранный»[9]. Сочинение отчасти проанализировано А. Лебедевым и А.П. Богдановым[10].

А.П. Богданов датирует «Возобличение» 1684–1685 г., исходя из времени назначения Игнатия архимандритом Новоспасского монастыря и датировкой «Слова на латинов и люторов», и считает, что оно, как и вышеуказанное «Слово», обращено к В.В. Голицыну[11]. Впрочем, кроме предположения А.П. Богданова о связи двух полемических сочинений, иных аргументов нет, поэтому вполне вероятно, что сочинение могло быть создано и позднее.

Слово на латин и лютеров (полное название «Слово на латин и лютеров, яко в Московстем царствии и во всей Российстей земли не подобает им костела или кирхи еретических своих вере созидати» сохранилось лишь в одном списке (БАН. Собр. Архангельской семинарии. № 202)[12]. Другой список, принадлежавший А. Лебедеву, вероятно, был утерян.

---

[7] *Лебедев А.* Полемические сочинения... С. 1.

[8] Несвияжский катехизис издан 1562 г. на «русском» языке. Его автором был кальвинистский проповедник Симон Будный. Издание предназначалось для распространения среди белорусского и украинского населения. Подробнее см.: Книга Белоруссии: 1517–1917: Сводный каталог / *сост. Г.Я. Голенченко, Т.В. Непорожная, Т.К. Радзевич.* Минск, 1986. С. 55–56.

[9] *Лебедев А.* Полемические сочинения... С. II.

[10] Там же. С. I–III; *Богданов А.П.* От летописания к исследованию... С. 102–104.

[11] *Богданов А.П.* От летописания к исследованию... С. 101–102.

[12] *Воронова Л.Б.* Археографический обзор... С. 188.

Впервые ввел памятник в научный оборот А. Лебедев, опубликовав его[13]. Первоначально сочинение было приписано А. Лебедевым неизвестному автору, обличавшему Ф. Лефорта в 1689 г. Однако Д. Цветаев нашел другой список «слова», в котором, кроме записи о принадлежности книги библиотеке Афанасия Холмогорского, сказано, что в 1689 г. она переписана у Новоспасского архимандрита Игнатия. Д. Цветаев весьма аргументировано датировал труд 1684–1686 гг. и показал, что он обращен к В.В. Голицыну. Он также сделал вывод, исходя из характера произведения, что оно принадлежит перу архимандрита Игнатия. Кроме того, он тщательно проанализировал содержание сочинения[14]. Внимание анализу памятника уделил в своей работе и А.П. Богданов[15].

Поводом к написанию стало разрешение московского правительства построить в Немецкой слободе каменную кирху (до этого существовала деревянная).

Слово воинству перед Крымским походом (полное заглавие «Слово благочестивому и христолюбивому российскому воинству, еже повелением великих государей наших пресветлых и самодержавнейших царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и благоверныя сестры их, великия государыни нашея, пресветлыя и премудрыя царевны и пресветыя княжны Софии Алексеевны, всея великия и малыя, и белыя России самодержцев, царского их пресветлаго величества с ближним болярином, и светловельможным воеводою, и оберегателем с князем Василием Василиевичем Голицыным, и с прочими, идущему с Божиею помощию в защищение святых Божиих церквей и всего православия. На сопративные агаряны. Собранное смиренным Игнатием Иеромонахом Спаса новаго монастыря Архимандритом от Божественных Писаний и от царственных летописцев. Благодатию Всесвятаго и Животворящаго Духа, силу и крепость, дерзновение и смельство, мужество и храбрость и победу на сопротивныя подающе») сохранилось в двух списках конца XVII в.: РГБ. Ф. 205.

[13] *Лебедев А.* Полемические сочинения... С. 10–32.

[14] *Цветаев Д.* Из истории... С 212–236.

[15] *Богданов А.П.* Творческое наследие... С. 168–169.

Собр. ОИДР. № 241. Отд. I; БАН. Собр. Архангельской семинарии. № 201[16]. Несомненная принадлежность памятника архимандриту Игнатию следует не только из названия[17], но и из собственноручно оставленных инициалов в первом списке[18]. Памятник был введен в научный оборот и издан в 1983 г. А.П. Богдановым[19]. Сочинение анализировалось им и рассматривалось Н.В. Синицыной в рамках концепции «византийского (константинопольского) наследия»[20].

По мнению А.П. Богданова, это «Слово» поизносилось, вероятно, на соборной площади Московского Кремля перед дворянством, собиравшимся в поход на Крымское ханство, а 14 марта 1687 г. красиво оформленное «Слово», скорее всего, было поднесено царевне Софье[21]. Важно отметить, что данное сочинение близко другим сочинениям данного периода, в особенности Слову о Российском царствии.

Наше знакомство с рукописью подтверждает точку зрения А.П. Богданова, что рукопись РГБ — подносной красиво оформленный экземпляр, оформленный примерно так же, как «Слово о Российском царствии». Маргиналии и приписка в конце сделаны рукой митрополита Игнатия (мельчайший полуустав), а сама рукопись выполнена красивым полууставом неизвестного писца.

Сказание о Софии Премудрости Слова Божия в одной из рукописей имеет заглавие «Свидетельство ко образу святыя неизреченныя Софии Премудрости Слова Божия о Российском благословенном царствии»[22]. «Сказание» имеет две редакции. Пространная (первоначальная) редакция сохранилась в четырех списках: 1) БАН. Собр. Архангельской семинарии. № 201; 2) РНБ. Q.

---

[16] Описание списков см.: *Воронова Л.Б.* Археографический обзор... С. 188–189.

[17] «Слово благочестивому и христолюбивому воинству»... С. 135.

[18] Об этом подробнее см.: *Воронова Л.Б.* Археографический обзор... С. 188

[19] Памятники общественно-политической мысли... С. 135–173.

[20] *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции... С. 306–312.

[21] Там же. С. 281.

[22] Заглавие по: РГАДА. Ф. 357. Оп. 1. Кн. 56 (237). Л. 244.

XVII. 180; 3) РНБ. Собр. Погодина. № 1549[23]; 4) РГАДА. Ф. 357 (собр. Саровской пустыни). Оп. 1. Кн. 56 (237). Л. 244–248[24]. Сокращенная редакция имеет один список: РНБ. Софийское собр. № 1504[25]. Л.Б. Воронова указала на рукопись из БАН, как наиболее исправный вариант текста, так как она была сделана одновременно с созданием сочинения в 1689 г. для личной библиотеки архиепископа Афанасия (Любимова). Местонахождение другой исправной рукописи, хранящейся в РГАДА, указал А.П. Богданов. Рукопись РГАДА, в отличие от прочих, содержит наиболее исправное заглавие памятника, близкое другим сочинениям архимандрита Игнатия этого периода. Кроме того, при знакомстве с рукописью удалось установить, что в рукописи РГАДА есть маргиналии, сделанные рукой архимандрита Игнатия. Скорее всего, это беловик рукописи или копия — она не предназначалась для подарка.

Принадлежность архимандриту Игнатию точно устанавливается из подписи в конце сочинения: «Вашего царьскаго пресветлаго величества богомолец и всех менший раб иеромонах Игнатий вашего... Спасова Новаго монастыря, архимандрит...»[26].

Впервые «Свидетельство» было изучено в конце XIX в. Издатель произведения рассмотрел его содержание и отметил основные особенности[27]. Памятник был опубликован в 1983 г. А.П. Богдановым по наиболее исправным рукописям БАН и РГАДА[28]. Новое издание сочинения было предпринято В.Г. Брюсовой[29].

В сочинении архимандрит Игнатий рассматривает икону Софии Премудрости Божией (новгородского канона)[30], как

---

[23] Описание см.: *Воронова Л.Б.* Археографический обзор... С. 190.

[24] Описание см.: Памятники общественно-политической мысли... С. 309.

[25] Описание см.: *Воронова Л.Б.* Археографический обзор... С. 190.

[26] Памятники общественно-политической мысли... С. 309.

[27] *Н. П.* Толкование образа Софии Премудрости Божией... С. 523–526.

[28] Памятники общественно-политической мысли... С. 233–241.

[29] *Брюсова В.Г.* София Премудрость Божия в древнерусской литературе и искусстве. М., 2006. С. 157–159.

[30] Икона Софии Премудрости Божией в Спасо-Преображенском соборе находится в местном чине — то есть в нижнем ряду иконостаса. См.: *Снегирёв И.М.* Новоспасский монастырь. С. 49.

своеобразное пророчество о Российском царствии в конкретный исторический момент: архимандрит видит как бы отображенным в иконе все Российское царство — каждый элемент в иконе имеет «видимое» соответствие в реальной политической жизни страны. Икона, по мысли настоятеля Новоспасского монастыря, является хранительницей Московского царства, которое есть образ невидимого Царствия. Главная мысль сочинения заключается в прославлении единственного на тот момент православного государства и его властителей — хранителей правой веры и благочестия.

По мнению А.П. Богданова, «сказание» было написано к 15 августа 1689 г. и предназначалось для произнесения в одном из кремлевских соборов[31].

Сказание имеет очевидные параллели с принципами экзегезы и некоторыми взглядами, изложенными в других сочинениях, в первую очередь — «Слове о Российском царствии» и «Слове воинству перед Крымским походом».

Слово о Российском царствии (полное заглавие «Слово избранно от Божественных Писаний и от повестей отеческих о Российском царствии») сохранилось в единственном списке: БАН. Собр. рукописей из библиотеки Петра I. А.10. На его принадлежность преосвященному Игнатию указал еще во второй половине XVIII в. Н.И. Новиков[32]. С тех пор практически все, кто писал о митрополите Игнатии, упоминали это произведение, однако его изучение началось лишь в XX в. А.П. Богданов уделил его анализу в своем исследовании творческой биографии владыки Игнатия незначительное место[33]. Сам памятник нами был издан в 2012 г.[34].

Скорее всего, сочинение написано весной 1690 г. Рукопись содержит дату и указание на авторство в самом конце произведения:

---

[31] Памятники общественно-политической мысли... С. 309.

[32] *Новиков Н.И.* Опыт исторического словаря... С. 69.

[33] *Богданов А.П.* Творческое наследие... С. 233–234; *Богданов А.П.* От летописания к исследованию... С. 122–123.

[34] *Никулин И.А.* «Слово о Российском царствии» митрополита Игнатия (Римского-Корсакова). С. 185–214.

«Написася, во обители <...> Спаса на Новом <...> Игнатием иеромонахом, архимандритом Новоспасским, 7198[35] года, маия, 4-го дня»[36]. Вполне возможно, что именно 4 мая 1690 г., в Неделю святых жен-мироносиц, архимандрит царского родового монастыря преподнес царям Иоанну и Петру свое «Слово избранно <...> о Российском царствии». Сложно сказать, где им было поднесено «Слово», возможно после Литургии в Преображенском, так как 2 мая царь Петр вернулся из водного похода к Угрешскому монастырю и занимался в Преображенском подготовкой к военным учениям[37]. Также возможно, что рукопись была поднесена и старшему брату Петра царю Ивану Алексеевичу.

Как уже было сказано, сохранился единственный список, явно предназначавшийся для дарения, он красиво оформлен, хорошо переплетен. Все библейские цитаты написаны на греческом, а затем продублированы на славянском языке. Интересно, что цитаты по-гречески явно вписывал другой писец, уже после того, как была написана основная рукопись. Возможно, что для вставок на греческом языке использовались книги из библиотеки будущего сибирского архипастыря: Новый Завет на греческом языке и «часословец греко-латинский»[38]. И хотя цитаты на греческом приведены только из Нового Завета и Псалтири, но из-за неясности состава «часословца» утверждать это наверняка нельзя. Более того, из наблюдений за греческим полууставом рукописи видно, что несколько сочетаний букв писец заменял на скорописные сокращения. Из этого можно сделать вывод о знакомстве писца с греческим языком, а не о слепом копировании.

Композиционно сочинение построено следующим образом. Вступление, доказывающее особую близость в Новом Завете и церковной истории имен Петра и Иоанна. Центральным местом произведения стало пророчество преподобного Кирилла и его

---

[35] 1690 г.

[36] БАН. П. I. А №10. Л. 53.

[37] *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. Т. II. С. 134.

[38] См.: *Оглоблин Н.Н.* Библиотека сибирского митрополита Игнатия... С. 286–291.

толкование. В состав «Слова» входит две повести, которые имеют самостоятельный сюжет. Первую назовем повестью о «Турском салтане», вторую — повестью о «Свейском крале». Повести и соединяющее их размышление о «мече» являются толкованием на пророчество, в частности «меч», упоминаемый в пророчестве, автор понимает как Животворящий Крест Христов. Завершает сочинение наставление-заключение, обращенное к молодым царям и построенное на цитате из святителя Иоанна Златоуста. Лейтмотивом сочинения, проходящим сквозь все «Слово», стало пророчество преподобного Кирилла Новоезерского.

Заголовок памятника уже настраивает читателя на его содержание: «Слово избрано от Божественных Писаний и от повестей отеческих о Российском царствии», то есть автор говорит, что это выборка из Священного Писания и других книг. Действительно, это так. Само произведение начинается со своеобразного введения, практически целиком состоящего из новозаветных цитат. В этих цитатах для автора значением был не смысл, а игра слов. В начале автор рассказывает (цитатами) об ап. Петре и его сподвижнике по апостольскому служению — апостоле Иоанне Богослове, приводя свидетельства Писания, что Петр и Иоанн всегда были вместе, не только при жизни, но в посмертных чудесах. Далее автор вспоминает еще одних Петра и Иоанна — митрополита и князя.

После того как автор привел случаи сотрудничества «Петра» и «Иоанна» в Новом Завете и церковной истории, он поясняет, для чего это делается. «Зри и разумей, — пишет он, — яко и царство сие Всероссийское пресвятлыми цари, царем Иоанном, и царем Петром утверждается»[39]. И к этим словам добавляет своеобразное заключение к первой части своего произведения: «Не бяше тое время, егда при спасителном смотрении, и в спасителных Страстех, и славном Воскресении Христове, и по Вознесении Его на Небеса, при апостолех, по них пастырех и учителех, идеже потребно святой Церкви, воеже быти Петру без присущества

[39] БАН. П. I. А №10. Л. 10.

Иоаннова»[40]. Иначе говоря, по его словам, рядом с «Петром» всегда есть «Иоанн».

И затем от этой мысли с упоминанием о венчании на царство царей Петра и Иоанна автор переходит к известному пророчеству преподобного Кирилла Новоезерского[41], которое стало центральной идеей всего произведения. В Слове архимандрит Игнатий использовал не первоначальную редакцию жития, а сокращенную версию из печатного пролога. По крайней мере, приведенная им цитата ближе всего именно к редакции, изданной в прологе[42]. Слово о Российском царствии — не первое произведение, в котором автор использовал рассматриваемое нами пророчество — идентичный текст архимандрит Игнатий использовал в «Слове благочестивому и христолюбивому воинству» 1687 г.[43]: «И абие рече: видех на престоле царя седяща и пред ним два отрока стояща храбра зело, и умиленна имуща на главах своих венцы царствия и вдаде им Господь оружие на сопротивныя и поклонятся ему вси языцы и будет царство наше умирено Богом и управлено»[44]. После пророчества приводится его толкование: «Два отрока стояща храбра зело, и умиленна» у архимандрита Игнатия превращаются в молодых царей Иоанна и Петра. В подтверждение своего толкования пророчества Кирилла Новоезерского автор включает в состав произведения два рассказа, которые явно носят характер устного предания.

В обеих повестях автор особо отмечает их подлинность. Так, повесть о «Турском салтане» начинается с указания источников — Автор отмечает: «<...> еже слышах от достоверно ведущаго»[45]. Достоверно знающим историю называется «некий иеромонах», имя

[40] БАН. П. I. А №10. Л. 11.

[41] См.: *Карбасова Т. Б.* О пророчестве преподобного Кирилла Новоезерского // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст. СПб., 2000. Вып. 3. С. 93–94; *Она же.* Кирилл Новоезерский: История почитания. М.; СПб., 2011.

[42] Пролог (декабрь — февраль). М.: Печатный двор, 29.08.1641. Л. 379.

[43] «Слово благочестивому и христолюбивому воинству»... С. 144.

[44] БАН. П. I. А №10. Л. 13 – 13 об.

[45] Там же. Л. 15.

которого в произведении не приводится. В сочинении подчеркиваются не только обстоятельства, во время которых история была рассказана, но отмечается и время (август 1678 г.) и место (Соловки). Информантом «некоего иеромонаха» назван «некий монах Воскресенскаго монастрыря зовомаго, новаго Иерусалима», который «по случаю прислан бяше в Соловецкий монастырь». Он же, в свою очередь, узнал историю «достоверно из уст святейшаго Никона патриарха в Воскресенском монастыре, егда при нем, святейшем патриархе, в келии его живяше»[46]. В начале другой повести архимандрит Игнатий пишет, что «некто от освященных, чинов диакон, со многою верностию извещаяся, поведа ми»[47].

Б. Сочинения, степень участия преосвященного Игнатия, в создании которых требует дальнейшего уточнения

Соловецкий ирмологий. Известен единственный список (РНБ. Соловецкое. № 277/282). Собственному перу будущего тобольского архипастыря в данном произведении принадлежит только музыка: текст рукописи иеромонах Игнатий доверил писцу, сам же расставлял крюковые ноты[48]. Новый Ирмологий был необходим для скорейшего искоренения разномыслия в богослужении, после подавления Соловецкого восстания. Кстати, интерес преосвященного Игнатия к церковной музыке сохранялся в течение всей жизни. Об этом ясно свидетельствуют музыкальные рукописи, взятые им в 1700 г. для переписки[49]. В Ирмологии иеромонах Игнатий отмечает: «Благаго Бога помощию написаны ирмосы сии <...> грешным чернецем Игнатием Корсакова: речи, знамя, и помета, трудов моих, и принесох преподобным Зосиме и Саватию чюдотворцем в лето 7186(1678) маия в 28 день»[50]. И в другом месте: «Бога всеблагаго помощию написася церковное сие великое

[46] БАН. П. I. А №10. Л. 16 – 16 об.

[47] Там же. Л. 36.

[48] *Чудинова И. А.* День соловецкого клирошанина...

[49] *Оглоблин Н. Н.* Библиотека сибирского митрополита Игнатия... С. 288.

[50] РНБ. Сол. 277/282. Л. 157. Цит. по: *Чудинова И. А.* День соловецкого клирошанина...

последование <...> убогим Игнатием иеромонахом и екклисиархом сего святаго монастыря. Знаменованием и пометою его. Речи же трудися писанием диачек чюдотворцов Иаков. Совершися же лета 7187 (1679) месяца маиа 24 дня»[51].

Отдельно необходимо рассмотреть авторство иеромонаха Игнатия относительно «Предисловия к Соловецкому ирмологию»[52]. Дело в том, что многие исследователи отмечают, что именно будущий сибирский митрополит является автором этого текста[53], хотя в самом тексте ясно указывается: «Благодатию Божию приветствует <...> смиренный Макарий <...> Соловецкого монастыря архимандрит»[54]. «Темже и аз смиренный Макарий». Собственно, во всем произведении речь идет именно от лица архимандрита Макария.

«Предисловие» состоит из введения, в котором на основании Священного Писания и святых отцов доказывается важность церковного пения, затем от имени архимандрита повествуется о причинах, побудивших к составлению нового Ирмология (в частности, повествуется о Соловецком восстании), и об истории создания самой рукописи; сочинение завершается небольшим наставлением.

«Предисловие» содержит много общего с более поздними сочинениями митрополита Игнатия. Например, введение, состоящее из библейских и святоотеческих цитат. Интересна и сама форма обращения-послания, которая была выбрана для предисловия, во многом подражающая апостольским эпистолам. Более того, в сочинении используется один из литературных приемов преосвященного Игнатия: «Предисловие» начинается скрытой цитатой из первых слов Евангелия от Луки и закачивается открытой цитатой из последней главы Послания ап. Павла к Коринфянам и скрытыми цитатами из окончаний посланий ап. Павла.

---

[51] РНБ. Сол. 277/282. Л. 375 об. Цит. по: *Чудинова И.А.* День соловецкого клирошанина...

[52] Опубл.: Предисловие к Ирмологу Соловецкого монастыря... С. 34–39.

[53] *Воронова Л.Б.* Археографический обзор... С. 188.

[54] Предисловие к Ирмологу Соловецкого монастыря... С. 34.

Однако эти аргументы не позволяют однозначно приписать авторство «Предисловия» иеромонаху Игнатию. Более того, из них можно сделать и другой вывод — архимандрит Макарий оказал определенное влияние на становление иеромонаха Игнатия как книжника. Тем более, что Макарий не только сам был церковным писателем, но и, по мнению В.И. Охотниковой, «не исключено, что он был близок к писателям из окружения патриарха Иоакима — Кариону Истомину, Евфимию Чудовскому»[55] (если принять этот тезис, можно предположить, что этот архимандрит повлиял на дальнейшую судьбу преосвященного Игнатия). Однако, утверждая, что архимандрит Макарий мог быть автором «Предисловия», нельзя с полной уверенностью отрицать и возможное соучастие иеромонаха Игнатия как книжника, отвечавшего за создание рукописи. Так или иначе, у нас нет точных фактов, доказывающих или опровергающих его причастность к созданию «Предисловия».

В. Сочинения, приписываемые митрополиту Игнатию

В 1983 г. А.П. Богданов, публикуя три сочинения преосвященного Игнатия (Римского-Корсакова), указал на принадлежность перу Тобольского архиерея еще трех письменных трудов, в числе которых было и «Слово к запорожскому воинству»[56]. В последующих своих трудах, посвященных владыке Игнатию, А.П. Богданов продолжает решать вопрос об авторстве «Слова» в пользу Сибирского митрополита[57]. В середине 90-х гг. ушедшего уже столетия исследователь попытался подытожить свои исследования жизни и литературного творчества Сибирского архипастыря[58]. В том числе он указал время и обстоятельства создания «Слова»

[55] *Охотникова В.И.* Макарий, книжник второй половины XVII в., архимандрит Соловецкий, Хутынский и Тихвинский // Тез. докл. науч. конф. «Книжное наследие Соловецкого монастыря XV–XVII вв.» (Соловки, 5–11 сентября 2005 г.). URL: http://www.solovki-science.ru/conf1/okhotnikova.htm (дата обращения: 20.12.2012)

[56] Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века. Ч. 1. М., 1983.

[57] *Белоброва О.А., Богданов А.П.* Игнатий... С. 26–31.

[58] *Богданов А.П.* Творческое наследие... С. 165–248.

и проанализировал сочинение, указав его идейную направленность и литературные особенности[59]. Однако, принимая, в общем, датировку памятника и отдавая должное анализу сочинения, сделанному А.П. Богдановым, нельзя согласиться с предложенным решением вопроса об его авторстве.

А.П. Богданов не точно указал листы, на которых расположено сочинение в рукописи[60]. Кроме того, исследователь сообщает, что «Слово» было опубликовано Сильвестром Медведевым в «Вечере душевной» в Москве в 1680 г. (л. 94 и сл.)[61]. Действительно, указанный памятник находится в приложении к основной части «Вечери душевной», которое имеет отдельную пагинацию, на л. 93 об. – 99 об.[62] Повидимому, указание на то, что «Слово» было опубликовано в «Вечере душевной», А.П. Богданов почерпнул из описания сборника Кариона Истомина, которое сделал С.Н. Браиловский[63]. Последний, впрочем, правильно указал листы, на которых расположено сочинение в рукописи, а после заглавия сочинения он отметил его авторство: «С. Полоцкого», то есть, по его мнению, рассматриваемое сочинение было написано известным писателем Симеоном Полоцким.

А.П. Богданов считает, что «Слово» было произнесено в начале войны с Османской империей в 1673 г. В тексте «Слова» нет прямых указаний на авторство, однако А.П. Богданов, исходя из анализа литературных особенностей памятника, полагает, что оно принадлежит преосвященному Игнатию (Римскому-Корсакову), утверждая, что «с последующими речами Игнатия сходствует вплоть до фразеологии»[64].

Полное заглавие сочинения «Слово к православному и христолюбивому запорожскому воинству внегда принесеней быти всечестней иконе иже во святых отца нашего Алексия митрополита

---

[59] *Богданов А.П.* От летописания к исследованию... С. 57–61.

[60] Там же. С. 57.

[61] Там же. С. 57, прим. 103.

[62] *Симеон Полоцкий.* Вечеря душевная. М.: Тип. Верхняя, 1683.

[63] *Браиловский С.Н.* Один из «пестрых» XVII столетия. С. 193.

[64] *Богданов А.П.* От летописания к исследованию... С. 57. Прим. 103.

Киевскаго и всея Росии чудотворца в благочестивыя полки их собранныя противу нечестивым турком и татаром»[65].

Сочинение сохранилось в сборнике сочинений Кариона Истомина (ГИМ. Чудовское собр. № 301). Книга в 4º, скоропись и полуустав разных рук, частично автограф Кариона Истомина. 421 л. Бумага датируется периодом 1676–1697 г. [66] Весь сборник по содержанию расписан в исследовании С.Н. Браиловского[67].

Само «Слово» находится в рукописи на л. 345–359 об.[68], написано скорописью. Первым подчерком был сделан основной текст, другими чернилами и другой рукой были внесены исправления, некоторые слова заменены, вставлены пропущенные буквы.

Сочинение было опубликовано в 1683 г. в «Вечере душевной» в составе отдельной части, названной издателями «Приложение слов на различные нужды». Это приложение содержит слова не по календарному кругу, но различным нуждам, таким как поставление архиерея или освящение храма. В том, числе там помещены два слова к воинству.

Говоря об авторстве сочинения, необходимо поставить под сомнение факт устного произнесения данного сочинения как проповеди. Оно дошло как письменное сочинение, и аргументов в пользу устного произнесения нет. Напротив, обращение, помещенное автором в начале сочинения «Благодать Господа Бога...», говорит о том, что сочинение можно отнести к жанру архиерейских посланий, и такое обращение явно было написано от лица архиерея, а так как икона, скорее всего, была прислана из Москвы, то и послание, скорее всего, было написано от лица святейшего патриарха Питирима (или Иоакима, если сочинение было

[65] ГИМ. Чудовское собр. № 301. Л. 345.

[66] Описание всего сборника см.: Описание рукописей Чудовского собрания / сост. Т.Н. Протасьева. Новосибирск, 1980. С. 173–174.

[67] *Браиловский С.Н.* Один из «пестрых» XVII столетия. С. 176–196.

[68] На листах сборника, где расположено рассматриваемое сочинение, идет двойная пагинация. Писец, нумеровавший листы рукописи, ошибся, после л. 329 у него идет л. 340, поэтому листы, на которых расположено сочинение, имеют двойную пагинацию (Л. 355/345 – 369 об./359 об.). Здесь и далее мы будем придерживаться фактического номера страницы.

написано позже 1673 г.). Кроме того, стоит обратить внимание на то, что в сочинении не упомянут патриарх, тогда как пресвященный Игнатий практически во всех своих сочинениях патриарха упоминает. Последнее подтверждает, что «Слово» могло быть написано именно от лица патриарха.

Характерно, что в публикации памятника содержится в целом идентичный текст, нет единственного элемента — отсутствует благословение «Благодать Господа...». Это косвенно подтверждает, что сочинение было написано для архиерея (патриарха), а при публикации памятника благословение было убрано, так как автор сборника не был епископом.

Сравнивая «Слово к запорожскому воинству» и «Слово к воинству перед Крымским походом», надо отметить, что автор использует различные библейские образы. Кроме того, в послании к запорожцам отсутствует обращение к русской истории, свойственное митрополиту Игнатию. Вероятно, если автором был бы тобольский архиерей, то он хоть как-нибудь связал бы судьбу митрополита Алексия с Димитрием Донским и преподобным Сергием, упоминающимися в «Слове перед Крымским походом»[69]. В этих памятниках вообще отсутствуют параллельные места, хотя они написаны в схожих условиях, да и для творчества преосвященного Игнатия характерно возвращение к ранним сочинениям. Так, в «Слове перед крымским походом» имеются общие места с более поздними его сочинениями, например со «Словом о Российском царствии» и «Свидетельством ко образу Софии Премудрости Слова Божия».

Кроме того, концепция «константинопольского (византийского) наследия»[70] в сочинении практически не упоминается. Главным здесь становится освобождение «правоверных»

[69] Памятники общественно-политической мысли... С. 143.

[70] Подробнее о данной концепции см.: *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции... С. 306–312; *Чеснокова Н.П.* Христианский Восток и Россия: политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века (по документам Российского государственного архива древних актов). М., 2011. С. 159–198.

от врагов, вхождение их в «державу» царя Алексея Михайловича. Однако Российское государство не называется наследником Византии. Напрямую в сочинении об этом не говорится, хотя в подобного рода сочинениях пресвященный Игнатий не только пишет в рамках данной концепции, но и по-своему развивает ее.

Заметим и еще одну деталь. Автор «Слова» дважды использует местоимение «си»[71], которое не встречается в сочинениях митрополита Игнатия (Римского-Корсакого). Напротив, местоимение «си» активно употребляет в своих сочинениях Симеон Полоцкий[72]. Кроме того, вся структура Слова соответствует остальным словам, опубликованным в «Вечере душевной», например, практически все слова заканчиваются молитвой ко святому. Учитывая, что памятник опубликован в составе «Вечере душевной», традиционно приписываемой Симеону Полоцкому, необходимо заметить, что повода сомневаться в принадлежности памятника Симеону Полоцкому нет.

Все это, на наш взгляд, доказывает, что будущий митрополит Сибирский Игнатий, в 1673 г. насельник Крестомаровской пустыни, не мог быть автором Слова, и тем более не мог совершить путешествия на Украину, которое ему приписывает А.П. Богданов. В целом наше суждение об авторстве носит характер гипотезы, однако позволяет поставить под серьезное сомнение возможность написания сочинения преосвященным Игнатием (Римским-Корсаковым).

Слово к православному воинству о помощи Пресвятой Богородицы (полное заглавие «Слово к православному воинству о помощи Пресвятыя Богородицы, внегда принесенней быти всечестной ея иконе в полк царскаго пресветлаго величества, благоверных князей, боляр и воевод, собранный на агаряны») сохранилось лишь в одном списке: ВСМЗ. Собр. Флорищевой пустыни. В-5636/107.

---

[71] ГИМ. Чудовское собр. № 301. Л. 349, 351.

[72] *Симеон Полоцкий.* Избранные сочинения / подг. текста, ст. и коммент. И.П. Еремина. М.; Л., 1953. С. 11; *Он же.* Вертоград многоцветный. Т. 1: «Аарон», «Детям благословение» / подг. текста, ст. и коммент. А. Хипписли и Л.И. Сазоновой. Köln, 1996. С. 168, 169, 173, 175, 255 и др.; *Он же.* Обед душевный. Л. 3, 11, 20, 24 об.

На принадлежность сочинения архимадриту Игнатию указал еще А.Е. Викторов, описывая рукописи Флорищевой пустыни. После описания рукописи «Слова перед крымским походом», перейдя к описанию рукописи «Слово к православному воинству...», он отмечает: «<...> по каталогу, — того же Новоспасского архимандрита Игнатия»[73]. Слово в слово повторил это утверждение и В. Георгиевский в своем описании рукописей обители, сделанном в конце XIX в.[74]

В контексте изучения творческой биографии митрополита Игнатия впервые обратила внимание на данное сочинение Л.Б. Воронова. По ее мнению, «оно было написано Игнатием для патриарха Иоакима»[75]. В Слове речь идет о вручении полку перед Крымским походом 1687 г. иконы Божьей Матери. Исследовательница выяснила, что «икону вручал Иоаким и что перед этим он обратился к полку с речью»[76]. В статье она указала и на основные аргументы такой атрибуции текста: «На то, что "Слово..." было написано Игнатием, а не Иоакимом, указывает, во-первых, текстологическая близость этого сочинения к уже известному нам "Слову воинству перед Крымским походом"; во-вторых, стиль изложения; в-третьих, в этом сочинении повторяются слово в слово мысли, высказанные Игнатием в "Слове воинству, перед Крымским походом"»[77]. Кроме того, Л.Б. Воронова отметила, что рукопись сочинения имеет признаки, характерные для рукописной школы Афанасия Холмогорского[78].

Памятник был издан А.П. Богдановым в 1983 г.[79] Исследователь доказывает его принадлежность архимандриту на основании автографов редакционного характера, а также исходя из анализа идей и стиля, совпадающих со «Словом воинству перед Крымским

[73] *Викторов А.Е.* Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. С. 247.

[74] *Георгиевский В.* Флорищева пустынь: историко-археологическое описание с рисунками. Вязники, 1896. С. 259. № 140 (В. 86 – А. 59).

[75] *Воронова Л.Б.* Археографический обзор... С. 186.

[76] Там же.

[77] Там же.

[78] Там же.

[79] Памятники общественно-политической мысли... С. 174–182.

походом»[80]. По мнению А.П. Богданова, «Слово было обращено к Большому полку, в момент выступления его в поход, когда выстроившейся в поле армии вручалась икона Богородицы Одигитрии» и было произнесено самим архимандритом Игнатием[81].

Однако с точкой зрения А.П. Богданова нельзя согласиться. Мнение же Л.Б. Вороновой о назначении произведения можно подтвердить следующей деталью. В Слове патриарх не упоминается по имени, а лишь только «всесвятейший всея России патриарх», перечисленный вместе с «царями», «архиереями»[82]. Такое употребление возможно, только если Слово было написано от лица патриарха, так как Игнатий во всех своих произведениях всегда упоминает предстоятеля Русской Церкви по имени.

Однако трудно согласиться в остальном с исследователями. В сочинении нет идейной близости трудам преосвященного Игнатия. Слово практически не содержит изложения концепции «византийского (константинопольского) наследия», российские государи не называются преемниками византийских василевсов, хотя история Византии очень хорошо представлена в сочинении. А.П. Богданов полагает, что сохранившаяся рукопись сочинения является подносным экземпляром. Тогда возникает вопрос, почему будущий тобольский архипастырь не оставил там приписки о своем авторстве, как в других сочинениях?

Нам удалось обнаружить первоначальный вариант текста Слова. В 1683 г. вместе со «Словом к запорожскому воинству» в сборнике «Вечеря душевная» Симеона Полоцкого было опубликовано «Слово к православному воинству о помощи пресвятыя Богородицы, внегда принесенней быти всечестней ея иконе на Дон, в полк думнаго дворянина и воеводы, собранный на агаряны»[83]. Слово содержит абсолютно идентичный текст с одним лишь исключением: все упоминания Алексея Михайловича, заменены на имена царей Петра и Иоанна и их сестры Софьи. В другом месте

[80] Памятники общественно-политической мысли... С. 283.

[81] Там же.

[82] Там же. С. 181.

[83] *Симеон Полоцкий.* Вечеря душевная. Л. 86 об. – 93.

фраза «Копие Господеви и царю Алексию Михайловичу»[84] заменено на «Копие Господеви и царем христианским»[85], а также скорректировано заглавие памятника. Всего подобных разночтений, учитывая название Слова, насчитывается шесть. В остальном текст совпадает слово в слово.

Таким образом, Слово к православному воинству о помощи Пресвятой Богородицы создано, скорее всего, также Симеоном Полоцким и, вполне возможно, для патриарха до 1676 г. (так как в тексте упоминается царь Алексей Михайлович), то есть, так же как и Слово к запорожскому воинству, в 1670-х гг.

Предположение Л.Б. Вороновой о назначении произведения, возможно, соответствует действительности. Скорее всего, один из книжников близких патриарху Иоакиму переделал памятник, главным образом заменяя имена правителей. Таковым книжником мог быть и архимандрит Игнатий. Однако назвать его автором этого произведения никак нельзя.

О принадлежности «Довода вкратце» иеромонаху Игнатию предположил А.П. Богданов. Однако он не привел убедительных доказательств своей точки зрения[86]. В исторической науке существует целый ряд гипотез относительно авторства данного сочинения. Так, И.Н. Михайловский автором произведения считает Николая Спафария[87]. Подобного мнения придерживаются лишь А. Флоровский и Д.М. Буланин. Впрочем, по свидетельству Б.Л. Фонкича, эта точка зрения в специальной литературе поддержки не получила[88]. Таким образом, ни одной из гипотез нельзя отдать предпочтения, так как серьезных аргументов, доказывающих принадлежность сочинения тому или иному лицу, не было представлено.

---

[84] *Симеон Полоцкий.* Вечеря душевная. Л. 90.

[85] Памятники общественно-политической мысли... С. 180.

[86] *Богданов А.П.* Творческое наследие... С. 197–199.

[87] См.: *Михайловский И.Н.* О некоторых анонимных произведениях русской литературы конца XVII и начала XVIII ст. // Сб. Ист.-филол. общества при Инте кн. Безбородко в Нежине. Т. 3. Отд. 3. Нежин, 1900. С. 1–6.

[88] См.: *Фонкич Б.Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке... С. 233–235.

Жития и исторические сочинения

А. Сочинения, принадлежность митрополиту Игнатию которых не вызывает сомнений

«Книга о посылке в Костромской и Кинешемский уезды» (полное заглавие: «Книга о посылке Новоспаского монастыря архимандрита в Костромской и Кинешемский уезды во 195 году к раскольником, о увещевании их ко истинной вере»[89]) дошла до нас в двух списках. Оба указала Л.Б. Воронова: БАН. П. I. А. 80 (старый шифр — 16. 16. 7); РГБ. Ф. 310. Собр. Ундольского. № 1383[90]. Рукопись из РГБ, по-видимому, является копией XIX в. рукописи, хранящейся в БАН[91]. Принадлежность Новоспасскому архимандриту точно устанавливается из заглавия памятника. Обе рукописи были опубликованы еще в XIX в.[92] Произведение тщательно проанализировано П.С. Смирновым[93]. Он отмечал, что кинешемские увещания имеют важное значение в истории раскола XVII в., а «Книга», их описывающая, является ценным историческим источником[94].

Осенью 1687 г. иеромонах Игнатий и протопоп Иоанн Иоаннов по благословению патриарха и по указу великих государей ездили в Костромской и Кинешемский уезды для «обличения» старообрядцев. Вскоре архимандрит царского родового монастыря написал (видимо, для царевны Софьи) своеобразный отчет о поездке.

В трудах А.П. Богданова указывается другой соучастник поездки, а именно Карион Истомин[95]. Однако сочинение ясно

---

[89] Заглавие по: БАН. П. I. А. 80.

[90] Рукописи описаны: Библиотека Петра I. Описание рукописных книг... С. 115; *Воронова Л.Б.* Археографический обзор... С. 192–193; *Викторов А.Е.* Собрание славяно-русских рукописей В.М. Ундольского. М., 1870. С. 53.

[91] Впрочем нами замечено разночтение: по списку РГБ отъезд из Москвы на Кинешму датирован 3 сентября, а в публикации рукописи БАН 4 сентября.

[92] Книга о посылке новоспаского монастыря архимандрита в Костромской и Кинешемский уезды... С. 217–227 (по рукописи БАН); *Смирнов П.С.* Из истории противораскольничей миссии XVII в. С. 865–879 (по рукописи РГБ).

[93] *Смирнов П.С.* Из истории противораскольничей миссии XVII в. С. 652–666, 855–865.

[94] Там же. С. 654.

[95] *Богданов А.П.* От летописания к исследованию... С. 105.

указывает, что с архимандритом Игнатием ездил Иоанн Иоаннов — протопоп московского собора Черниговских чудотворцев.

А.П. Богданов полагает, что рукопись БАН является «подносным авторским беловиком»[96]. Однако после знакомства с рукописью нельзя не согласиться с И.Н. Лебедевой, что «для этого утверждения нет достаточных оснований: рукопись оформлена очень скромно, это скорее деловой отчет о выполненном царском поручении»[97].

Житие Иоакима сохранилось в двух списках: 1) РГБ. Ф. 304/П. Собр. Троице-Сергиевой лавры. № 14; 2) РГБ. Собр. Беляева. № 29 (1535).

Первоначально указал на принадлежность архимандриту Игнатию этого произведения И.А. Шляпкин[98]. И все же многие в этом сомневаются[99]. А.П. Богданов отверг сомнения и доказывал принадлежность перу иеромонаха Игнатия, но не полного памятника, а лишь первых двух частей[100]. М.Д. Каган считает, что архимандрит Игнатий написал только вторую часть произведения, а именно «послание к боголюбивому Афанасию...»[101].

Произведение было разделено на три самостоятельные части [1) собственно «Житие патриарха Иоакима», 2) «Послание к боголюбивому Афанасию» и 3) стихи и духовное завещание патриарха], описано и опубликовано еще во второй половине XIX в.[102]

«Житие» и «Послание к боголюбивому Афанасию...» были написаны вскоре после смерти патриарха Иоакима (март 1690 г.), скорее всего, осенью 1690 г. Совсем недавно Т.В. Панич опубликовала вторую (не издававшуюся ранее) рукопись, тщательно изучила и подробно проанализировала произведение. По сути, она поста-

[96] *Белоброва О.А., Богданов А.П.* Игнатий... С. 30; *Богданов А.П.* От летописания к исследованию... С. 105.

[97] Библиотека Петра I. Описание рукописных книг... С. 115.

[98] *Шляпкин И.А.* Св. Димитрий Ростовский... С. 169.

[99] *Воронова Л.Б.* Археографический обзор... С. 201.

[100] *Богданов А.П.* Творческое наследие... С. 229–233.

[101] *Каган М.Д.* Житие Иоакима патриарха // СККДР. Вып. 3 (XVII в.) Ч. 1. А–З. СПб., 1992. С. 351–355.

[102] Житие и завещание святейшего патриарха Московского Иоакима. СПб., 1879.

вила точку в давнем споре об атрибуции памятника, убедительно и безоговорочно доказав принадлежность будущему сибирскому владыке Игнатию второй части, т. е. «послания»[103]. Впрочем, новосибирская исследовательница предположила, что его перу принадлежит и первая часть — «Житие», но аргументы, выдвинутые ею, строятся скорее на предположениях, как и аргументы А.П. Богданова. Требуется дальнейшее изучение произведения («Жития»).

В «Послании к боголюбивому Афанасию архиепископу Колмогорскому како бысть преставление святейшаго Иоакима патриарха» автор сообщает о событиях смерти патриарха Иоакима и выборах нового предстоятеля Русской Церкви и адресует его своему другу преосвященному архиепископу Холмогорскому Афанасию. Повествование строится от первого лица. Оно, скорее всего, являлось ответом близкому другу, преосвященному Афанасию, на две его грамоты[104].

Заметим одну важную деталь, которая осталась незамеченной другими исследователями «Жития». В «Посланиях на армен и полуармен» митрополит Игнатий упоминает некое сочинение, посвященном патриарху Иоакиму. Сообщая о боярыне Морозовой, автор замечает: «Бе бо тогда святейший патриарх кир Иоаким, зело святый муж, якоже и повесть о нем обретается историческая»[105]. Под повестью надо понимать именно «житие», а не «послание». К тому же в библиотеке Софийского дома была «Книга список заветного писания святейшего патриарха Иоакима»[106]. Возможно, в нее входило и «Житие» патриарха Иоакима; изложенное выше свидетельствует о том, что владыка Игнатий был знаком с «Житием» и считал его важным, так как, скорее всего, именно он привез его из Москвы для библиотеки Тобольского архиерейского дома.

---

[103] *Панич Т.В.* Житие патриарха Иоакима... С. 41–94.

[104] Будущий митрополит Игнатий и архиепископ Афанасий видимо были в переписке весь период их довольно долгой дружбы с 1682 г. до смерти сибирского митрополита. См.: *Верюжский В.* Афанасий, архиепископ Холмогорский... С. 668–669.

[105] Послания блаженнаго Игнатия... С. 136.

[106] От Вятки до Тобольска... С. 89.

Житие Симеона Верхотурского получило наибольшее распространение из всех остальных сочинений митрополита Игнатия. Оно написанно митрополитом, скорее всего, еще в «путном шествии». Это произведение преосвященного на сегодняшний день представляется нам наиболее изученным. Специалисты выделяют две основных редакции: раннюю и распространенную[107]. Митрополит Игнатий (Римский-Корсаков) является автором лишь ранней редакции, которая имеет три списка. Всего же в обеих редакциях «Житие» сохранилось в 14 списках[108]. У исследователей нет сомнений в принадлежности перу Тобольского архипастыря текста первых четырнадцати чудес в его ранней редакции, что следует из самого повествования от лица архиерея[109]. Первым на такую атрибуцию Жития указал В.О. Ключевский[110]. Солидарны с ним и современные исследователи[111]. Ранняя редакция была опубликована новосибирскими археографами в 2001 г.[112], само Житие рассмотрено в ряде исследований[113]. По мнению О.Д. Журавель, в Житии праведного Симеона «повествование о святом оформлено как слово о распространении Евангелия в Сибирском крае»[114]. Все итоги исследования Жития подведены О.Д. Журавель в «Истории литературы Урала»[115].

---

[107] *Журавель О.Д.* Житие Симеона Верхотурского... С. 76.

[108] Там же. С. 75; *Мангилев П.И., прот.* К истории текста жития... С. 293; Литературные памятники Тобольского архиерейского дома... С. 178–179. Описание некоторых списков см.: *Воронова Л.Б.* Археографический обзор... С. 198–199.

[109] Подробнее об этом см.: *Журавель О.Д.* Житие Симеона Верхотурского... С. 76–79; *Дворецкая Н.А.* Сибирский летописный свод: (втор. пол. XVII в.). С. 90.

[110] *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 346.

[111] *Дворецкая Н.А.* Сибирский летописный свод: (втор. пол. XVII в.). С. 90.

[112] Житие Симеона Верхотурского. Ранняя редакция // Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. Новосибирск, 2001. С. 196–231 (История Сибири. Первоисточники. Вып. 10).

[113] *Журавель О.Д.* Житие Симеона Верхотурского... С. 73–93; *Прохоров Г.М., Ромодановская Е.К.* Житие Симеона Верхотурского // СККДР. Вып. 3. Ч. 1. С. 381–383.

[114] *Журавель О.Д.* Житие Симеона Верхотурского... С. 91.

[115] История литературы Урала. Т. 1. С. 191–197.

Б. Сочинения, степень участия митрополита Игнатия в создании которых требует дальнейшего уточнения

«Генеалогия явленной от сотворения мира фамилии... Корсаков-Римских» сохранилась в единственной беловой рукописи: ГАРФ. Ф. 728 (Коллекция документов рукописного отделения библиотеки Зимнего Дворца). Оп. 1. Ч. 1. Д. № 27. Сочинение написано в ходе борьбы за право рода Корсаковых носить фамилию Римских-Корсаковых.

В начале XX в. Н.П. Лихачев, исходя из того, что род Ивана Степановича в «Генеалогии» не отражен, считал, что преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков) не мог быть ее автором. Он частично издал рукопись[116]. Ученый все-таки счел удивительным, что самый образованный Корсаков не участвовал в ее написании[117]. Новое изучение «Генеалогии» предпринял А.П. Богданов. Он тщательно изучил[118] и издал памятник[119]. По использованной в рукописи бумаге исследователь установил, что памятник был создан не позднее 1685–1687 гг. По мнению А.П. Богданова, сочинение принадлежит архимандриту Игнатию. Он основывается на датировке рукописи и двух собственных наблюдениях. Во-первых, по его мнению, преосвященного Игнатия до принятия монашества звали Ильей Александровичем, а род последнего хорошо отражен в «Генеалогии»[120]. Во-вторых, А.П. Богданов считает, что руке будущего сибирского архиерея принадлежат «заглавие и список источников в начале «Генеалогии», текст о новейшей

[116] *Лихачев Н.П.* «Генеалогия» дворян Корсаковых... С. 91–114.

[117] Там же. С. 114.

[118] См.: *Богданов А.П.* Творческое наследие... С. 191–208; *Он же.* От летописания к исследованию... С. 63–104; *Он же.* Европейский историк в России XVII века... С. 69–86; *Он же.* Первое ученое родословие в России: «Генеалогия» Игнатия Римского-Корсакова // Историческая генеалогия. Ежеквартальный научный журнал. Екатеринбург, 1993. Вып. 1. С. 16–22; *Он же.* Начало исторической науки в России: Неизвестный труд Игнатия Римского-Корсакова. С. 256–267; *Он же.* «Генеалогия» и ее автор (Игнатий Римский-Корсаков). С. 86–102.

[119] Игнатий (Римский-Корсаков), митр. Генеалогия явленной от сотворения мира фамилии... Корсаков-Римских. М., 1994.

[120] *Богданов А.П.* От летописания к исследованию... С. 65–66.

истории Корсаковых и стихи на их гербы в конце книги»[121]. Действительно, с высокой долей уверенности можно утверждать, что архимандрит Игнатий собственноручно переписал часть сочинения «на чистовик»[122].

Однако соотнесение Ильи Александровича Корсакова с владыкой Игнатием должно быть поставлено под сомнение, так как М.П. Лукичев наглядно доказал, что упомянутый Илья Александрович не мог принять монашеский постриг и стать монахом Игнатием[123]. Таким образом, один из главных аргументов А.П. Богданова теряет свой смысл.

Остается только участие архимандрита Игнатия в переписке сочинения, которое еще не делает его автором. Кроме того, 1680-е гг. для архимандрита Игнатия — время активного литературного творчества, но в «Генеалогии» практически нет никаких аллюзий с другими его сочинениями этого периода, что выглядит довольно странным на фоне множества смысловых и текстуальных совпадений между прочими его сочинениями (например, между «Словом перед Крымским походом», «Сказании о Софии» и «Словом о Российском царствии»). Таким образом, без дополнительных исследований мы не можем убедительно говорить о принадлежности этого сочинения митрополиту Игнатию, несмотря на то, что некоторые факты все же говорят нам о некоторой связи между ним и созданием памятника.

Изучая памятник, А.П. Богданов совершенно не учел тот факт, что в этот период не только Корсаковы хотели показать древность своего рода. Согласно исследованию М.Е. Бычковой, многие «видные политические деятели второй половины XVII в., происходившие из рядовых дворянских семей»[124], желали удревнить свое происхождение. Да и само желание сделать приставку

---

[121] *Богданов А.П.* От летописания к исследованию... С. 66.

[122] ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. № 27. Л. 1–4 об., 9–10, 37 об.–38 об., 91–96, 97 об., 98 об.–99, 100 об.–101, 102 об.–103.

[123] *Лукичев М.П.* К вопросу о происхождении митрополита Игнатия... С. 333–335.

[124] *Бычкова М.Е.* Польские традиции в русской генеалогии XVII в. // Советское славяноведение. 1981. №5. С. 49.

к фамилии также не оригинально. Подобным способом возвеличивания рода воспользовались, например, Бестужевы, добавив к фамилии «Рюмины»[125]. Кроме того, «при создании оригинальных родословных легенд в 80–90 гг. XVII в. их авторы, часто дьяки Посольского приказа, использовали польскую генеалогическую литературу... многие из этих польских родов согласно генеалогической традиции имели римских предков или родоначальников»[126]. Таким образом, необходимо дальнейшие самостоятельное изучение «Генеалогии» и ее источников — вполне возможно, что сочинение, как и другие генеалогии последней трети XVII в., было создано на основании польской генеалогической литературы. Только после выяснения этих вопросов можно будет делать выводы об авторстве сочинения. Кроме того, характерным представляется и тот факт, что преосвященный Игнатий не подписал этого сочинения, несмотря на то, что до нас дошел явно беловик рукописи с автографом будущего тобольского владыки.

Представляется, что на данном этапе с уверенностью можно лишь сказать, что будущий митрополит принимал участие в его создании как переписчик и, возможно, редактор текстов.

В. Сочинения, приписываемые владыке Игнатию

В 1983 г. А.П. Богданов указал на принадлежность перу Тобольского архиерея и Летописного свода[127]. Впоследствии исследователь посвятил этому вопросу отдельную статью, в которой доказывал принадлежность сочинения преосвященному Игнатию[128]. А.П. Богданов полагает, что работа над ним была начата будущим митрополитом Игнатием еще в Спасо-Ярославском монастыре.

[125] *Бычкова М.Е.* Польские традиции в русской генеалогии XVII в. С. 47–48.

[126] *Бычкова М.Е.* Римская тема в русских генеалогических сочинениях XVI–XVII вв. // Рим, Константинополь, Москва: Сравнительно-историческое исследования центров идеологии и культуры до XVII в.: VI междунар. семинар истор. исследований «От Рима к Третьему Риму», Москва, 28–30 мая 1986 г. М., 1997. С. 273.

[127] Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики. М., 1983.

[128] *Богданов А.П.* Общерусский летописный свод... С. 183–209.

Последние записи исследователь датирует 1699 г.[129] Единственный экземпляр (подлинник) находится: ГИМ. Собр. Забелина. № 263. Рукопись написана несколькими почерками с преобладанием одного, и сшита в книгу. Главный аргументом А.П. Богданова стала идейная близость сочинения письменному наследию преосвященного Игнатия. Но при внимательном рассмотрении памятника возникает много противоречий.

Во-первых, в рукописи отсутствуют маргиналии, столь свойственные сочинениям владыки Игнатия. Во-вторых, его автографы в тексте обнаружить не удалось. И, в-третьих, ряд содержательных особенностей ставит под сомнение идейную близость трудам преосвященного Игнатия.

Приведем примеры. Для сочинений митрополита Игнатия характерно определенное титулование патриарха, а именно «великим господином всесвятейшим кир (имя), архиепископом царствующаго великаго града Москвы, и всея Великия, и Малыя, и Белыя России патриархом»[130], тогда как в Летописном своде все патриархи именуются просто «святейший (имя) патриарх Московский и всея Росии»[131].

Кроме того, почти ничего не говорится о деятельности патриарха Никона. Он упомянут трижды. Первый раз, когда сообщается о его поставлении, причем явно недоброжелательно — автор сочинения добавляет единственную подробность, сообщая, что он поставлен патриархом «без жребия» (с точки зрения автора выглядит как «не законно»)[132]. Ничего в сочинении не говорится об исправлении книг и других деяниях Никона. Следующее упоминание: «А во 166 (1657/58) году патриарх Никон Московский сниде со престола в воскресенское село свое. И много молен бысть паки на престол, но не возвратися»[133]. Последний раз Никон упомянут в связи с тем, что «в 175 (1666/67) году быша на Москве

[129] *Богданов А.П.* Общерусский летописный свод... С. 209.
[130] БАН. П. I. А 10. Л. 12, 23 об.
[131] ГИМ. Собр. Забелина. № 263. Л. 344, 346 и др.
[132] Там же. Л. 347.
[133] Там же. Л. 348.

вселенския патриархи и собороваша со властми по правилом святых апостол и святых отец и уложиша о том еже не быти Никону патриархом на престоле и поставиша на Москве патриарха из Троицкого монастыря архимандрита Иоасафа»[134]. В целом, отношение автора к Никону более холодное, чем нейтральное, тогда как преосвященный Игнатий весьма хорошо относился к его памяти (об этом см. ниже), был бескомпромиссным сторонником его реформ и хотя бы о них должен был упомянуть. Напротив, во время царствования Алексея Михайловича в основном повествуется о военных действиях. Все упоминания церковной жизни периода 1650-х — 1660-х гг. в Летописном своде отмечены нами выше в связи с патриархом Никоном.

Все вышесказанное позволяет поставить под основательное сомнение то, что автором указанного летописного свода мог быть тобольский митрополит Игнатий. Впрочем, сам памятник еще требует детального изучения для однозначного суждения об его авторстве.

Житие Анны Кашинской[135] первоначально приписал преосвященному Игнатию И. А. Шляпкин, в чем сам и сомневался[136]. Вслед за ним это повторили митрополит Мануил и издатели Русского биографического словаря[137]. Однако позднее А. П. Богданов убедительно опроверг эту точку зрения, исходя из указания на авторство «кашинского попа», приведенного писцами патриарха Иоакима, а также из-за временного несоответствия[138] (святая была деканонизирована на Соборе 1677 г., когда иеромонах Игнатий пребывал на Соловках).

---

[134] ГИМ. Собр. Забелина. № 263. Л. 349 об.

[135] О самом произведении см: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития... С. 340–341; *Белоброва О. А.* Житие Анны Кашинской // СККДР. Вып. 3. Ч. 1. С. 351–355.

[136] *Шляпкин И. А.* Св. Димитрий Ростовский... С. 168–170.

[137] *Мануил (Лемешевский), митр.* Игнатий, митрополит Сибирский и Тобольский (Римский-Корсаков) // Русские православные иерархи 992–1892. М., 2002. Т. I: Аарон — Иоаким II. С. 470; Игнатий // Русский биографический словарь. Т.: Ибак — Ключарев. Репр. М., 1994. С. 48.

[138] Подробнее см.: *Богданов А. П.* От летописания к исследованию... С. 37.

Архиерейские послания

В целом архиерейские послания митрополита Игнатия следуют христианской традиции епископов обращаться к верующим своей епархии с вероучительными и назидательными посланиями. Сама традиция епископов рассылать окружные послания к своей пастве восходит к истории Древней Церкви, к апостольским посланиям[139]. Например, много пасхальных посланий сохранилось от святителя Афанасия Великого[140] и других отцов Церкви. В таких посланиях епископы обращались с поучением ко всем христианам своей епархии. Это были или ежегодные послания по случаю главного христианского праздника — Пасхи, или же по поводу каких-то чрезвычайных обстоятельств. Подобная традиция характерна и для Древней Руси[141]. Так, в последней трети XVII — начале XVIII в. такая форма обращения к пастве встречается у патриархов Иоакима[142] и Адриана[143], Афанасия (Любимова) архиепископа Холмогорского[144], Ионы архиепископа Вятскаго и Великопермскаго[145],

[139] Подробнее см.: *Мончева Л.Н.* Апостолическое письмо в становлении художественно-эстетической традиции средневековой литературы // Труды отдела Древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. 42. Л., 1989. С. 188–199; см. также: *Аверинцев С.С.* Истоки и развитие раннехристианской литературы // История всемирной литературы: В 9 т. Т. I. М., 1983. С. 512–515.

[140] См.: *Афанасий Великий, свт.* Творения в 4-х томах. Том III. М., 1994. С. 376–524.

[141] Послание // Сайт «Ваш онлайн гид по христианству». URL: http://fxweek.info/p/2810-poslanie (дата обращения: 18.03.2012).

[142] См., напр.: Остен: памятник русской духовной письменности XVII в. Казань, 1865. С. 111–149.

[143] [Окружное послание патриарха Адриана] // *Есипов Г.В.* Раскольничьи дела XVIII века. Т. II. М., 1863. Приложение. С. 64–72.

[144] Об этом сочинении подробно см.: *Панич Т.В.* Традиции учительной литературы в «Окружном послании»... С. 266–276; *Панич Т.В.* Окружное послание 1696 года Афанасия Холмогорского... С. 241–249, 249–264; Окружное послание 1696 г. // Странник. 1866. Окт. С. 23–42; Окружное послание 1697 г. // Архангельские епархиальные ведомости. 1900. № 18. С. 484–485.

[145] Послание издано: Соборное изложение Преосвященнаго Ионы Архиепископа Вятскаго и Великопермскаго о празднестве пятой недели великаго поста // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1905. Вып. II. Отд. III. С. 31–35. О поводе к написанию послания см.: *Маркелов А.В.* Прошлое и будущее городского крестного хода в 4-е воскресенье Великого поста // Православие

Димитрия (Туптало), митрополита Ростовского[146] и др. Их труды внешне схожи с посланиями преосвященного Игнатия (Римского-Корсакова). Например, это прослеживается в таком элементе формуляра документа, как указание автора и адресата послания. Вряд ли стоит говорить о каком-то взаимовлиянии этих сочинений. Представляется, что они следовали устоявшейся традиции, давно сложившемуся жанру. Однако архиерейские послания преосвященного Игнатия имеют ряд особенностей. Причина их появления, на наш взгляд, кроется в особом понимании митрополитом своего служения как продолжения деятельности апостолов.

«Послания на армен и полуармен» дошли до нас в двух редакциях и 14 списках[147]. Послания были опубликованы в Казани еще в середине XIX в., правда, с большим числом опечаток[148]. Небольшие фрагменты из всех трех посланий в начале 1990-х гг. изданы в сборнике[149]. Там же были указаны и наиболее авторитетные списки сочинения.

В исторической литературе еще не ставился вопрос о времени написания «Посланий на армен и полуармен». Однако, на наш взгляд, ответ на этот вопрос может объяснить смысл появления памятника и решить другие вопросы, связанные с историей его создания.

на Вятской земле: Мат-лы научн. конф. к 375-летию св. блж. Прокопия Вятского. Вятка (Киров), 2003. С. 15–19.

[146] См.: Розыск о раскольнической брынской вере. Издание 5-е. М., 1855; Поучение ко иереем // Сочинения святого Димитрия, митрополита Ростовского. Т. 1. М., 1839. С. 159–168.

[147] Археографическое описание списков см.: *Воронова Л.Б.* Археографический обзор... С. 193–198. Списки упом.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Ч. I. Казань, 1881. С. 534–536. Описание списка, хранящегося в РГИА см.: Описание рукописей, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующаго Синода. Т. II. Вып. I. СПб., 1906. С. 446. Послания цитируются: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода. Т. I. (1542–1721 г.). СПб., 1868. С. CCCCXXIV.

[148] Послания блаженнаго Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского. Казань, 1855.

[149] Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья. С. 22–30.

«Послания на армен и полуармен» представляют собой комплекс из трех посланий, самостоятельных, завершенных и объединенных между собой общностью идей и полемической направленностью. В литературе временем написания считается белая дата 12 апреля 1696 г., поставленная под третьим посланием: «и написася нами архиереом грамота послания сего... в 5-е лето архиерейства нашего, в лето же от сотворения мира, 7204, месяца апреллия во 12 день, святыя Пасхи»[150]. Однако очевидно, что под «грамотой послания сего» разумеется третье послание. Первое же и второе послания в тексте не имеют датировок.

Были ли созданы три послания одновременно или нет? Все три послания сохранились в едином рукописном комплексе, и до сих пор не известно ни одной рукописи, содержавшей какое-либо одно из трех посланий. Если допустить, что все три послания были написаны одно за другим, то остается неясным с какой целью? Какой смысл писать одновременно три послания, к тому же пересказывая и раскрывая практически одни и те же идеи? Все это наводит на мысль, что послания создавались в течение времени, от первого послания к последнему автор явно развивает свои идеи. Первое послание — самое короткое и весьма общее. Второе — уже несколько объемнее первого. А последнее, третье, напоминает историко-полемический трактат по истории ересей в России. К тому же косвенным аргументом в пользу повременного создания посланий является то, что в одном из списков посланий, созданных непосредственно в Тобольском архиерейском доме, каждое послание имеет отдельную нумерацию листов[151]. Следовательно, каждое из посланий было переписано с разных рукописей.

Если принять тезис о разновременном создании посланий, то можно попытаться установить время написания каждого

[150] Послания блаженнаго Игнатия... С. 172.

[151] В Академическом списке (РНБ. Собр. СПбДА. № 164), созданном в Тобольском архиерейском доме и считающийся одним из самых ранних (см.: Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья. С. 7–8) каждое послание имеет свою нумерацию страниц.

из них и соотнести время написания с событиями, происходившими в то время в Тобольской епархии.

Из первого послания видно, что автор хорошо знаком с положением дел в Сибирской епархии, знает имена сибирских раскольников, в частности, Иосифа Астомена. Однако не упоминает об его покаянии и написании им исповедания. Молчание об этом факте, который мог бы стать веским аргументом в дискуссии с приверженцами старой веры, говорит о том, что Иосиф Астомен, вероятно, к тому времени еще не отказался от своих убеждений. Таким образом, можно предположить, что первое послание было создано после прибытия преосвященного Игнатия в Сибирь (февраль 1693 г.) и до покаяния Иосифа Астомена. Однако не ясно, когда он принес покаяние. Если следовать «третьему» посланию, покаяние могло быть принесено не ранее середины лета 1693 г.[152] Однако сообщение об этом факте, вместе с исповеданием Иосифа Астомена, последовало в Москву лишь в декабре 1694 г. Интересно, что список исповедания, сохранившийся в составе челобитной[153], имеет более полный вариант (в челобитной присутствует своеобразное введение «Исповедаюся аз... Господу Богу... И приношу вину свою пред святою... церковью и пред святейшими вселенскими... патриархи...[154]), нежели тот, который размещен на страницах «второго» послания[155]. Возможно, автор намеренно разместил лишь смысловую часть исповедания. Таким образом, можно предположить, что покаяние было принесено в период с середины лета 1693 г. по осень 1694 г. Вполне возможно, что покаяние было принесено не сразу после увещания, а по прошествии некоторого времени, между осенью 1693 г. и осенью 1694 г. В самой челобитной в сообщении о покаянии Астомена не говорится, что это произошло давно: «И видех он, армянин, правое Церкви Православныя от меня, богомолца вашего, на него обличение и истинное догмат церковных учений, покаяния, и подал на писме

[152] Послания блаженнаго Игнатия... С. 158–163.
[153] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1058. Л. 16–20, (исповедание на Л. 19–20).
[154] Там же. Л. 19.
[155] Послания блаженнаго Игнатия... С. 35–37.

исповедания своего за своею рукою свою винность, прося прощения и в согрешении своем разрешения. А каковое писмо он, арменин, подал, и с тово писма послал я, богомолец ваш, к вам, великим государям, к Москве под сею отпискою список»[156]. Таким образом, «первое послание» могло быть написано в период между летом 1693 г. — осенью 1694 г.

«Второе послание» сообщает о покаянии Иосифа Астомена[157], и в текст включен список его исповедания. В начале послания автор обращается к «благоговейным христианам», но вскоре обрушивается на неизвестного «окаянного отступника». Обширный монолог автора[158], обращенный к нему, явно напоминает публичную дискуссию с Иосифом Астоменом, о которой митрополит сообщает в третьем послании[159]. Все вышесказанное дает основания предположить, что второе послание написано во время дискуссии или сразу же после покаяния Иосифа Астомена. Послание могло быть написано примерно в то же время, что и челобитная, так как содержит в целом идентичный текст исповедания (не считая опущенной во «втором послании» начальной части исповедания) Таким образом, примерным временем написания «второго послания» можно считать период между осенью 1693 г. и весной 1695 г.

«Третье послание» наиболее обширно и кроме белой даты содержит описание первого посещения царем Петром Соловецкого монастыря[160]. Петр I посетил Соловецкий монастырь с 6 по 10 июня 1694 г.[161] Сообщить о пребывании царя в Соловецком монастыре владыке Игнатию мог только его близкий друг архиепископ Афанасий Холмогорский, который и сам сопровождал государя в этой поездке. Преосвященный Афанасий вернулся в Холмогоры только в конце августа 1694 г.[162] и, вероятно, мог

[156] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1058. Л. 17.

[157] Подробнее см.: *Шашков А. Т.* Сибирский митрополит Игнатий... С. 36–49.

[158] Монолог занимает значительную часть послания: Послания блаженнаго Игнатия... С. 23–29.

[159] Послания блаженнаго Игнатия...С. 158

[160] Там же. С. 145–149.

[161] *Верюжский В.* Афанасий, архиепископ Холмогорский... С. 532.

[162] Там же. С. 533.

написать послание митрополиту Игнатию лишь в сентябре-октябре 1694 г. Письмо могло достигнуть Тобольска не раньше, чем через три месяца[163], т. е. не ранее декабря 1694 г. Однако еще в конце ноября 1694 г. преосвященный Игнатий покинул Тобольск и направился в «путное шествие» по «верховым городам» Тобольской епархии, во время которого было совершено освидетельствование мощей праведного Симеона Верхотурского. Из этой поездки архиерей вернулся только в марте 1695 г. Можно предположить, что по возвращении из поездки владыка работал над Житием праведного Симеона.

В путешествии по «верховым городам» Тобольский архиерей задумал грандиозную поездку в восточную часть Сибири. Светские власти всячески затягивали принятие решения. Это, видимо, наводило митрополита на мысль, что поездка на восток Сибири становится «несбыточной мечтой»; это, возможно, и стало одной из причин написания Сибирским архипастырем самого большого своего полемического сочинения — «третьего послания». Возможно, владыка Игнатий хотел заменить свое личное присутствие подробным поучением.

«Третье послание», как уже было сказано, имеет значительный объем. В Соловецком списке оно занимает 100 листов в четверку[164]. Такой труд, конечно, невозможно было написать очень быстро. Можно предположить, что на написание последнего послания ушло несколько месяцев, учитывая то, что Сибирский архиерей имел мало свободного времени, ежедневные дела неумолимо отвлекали от работы над его сочинением.

Таким образом, работа над третьим посланием была начата не ранее весны — лета 1695 г. и закончена к началу апреля 1696 г. Надо признать, что выдвинутая концепция о времени написания имеет и слабые стороны: отсутствие списков отдельных посланий;

---

[163] См.: *Соколовский И. Р.* Почтовые службы XVII века на окраинах: сравнительный аспект // История Сибири, 1583–2006. Проблемы и перспективы: Сб. матлов регион. молодёжн. научн. конф. Новосибирск, 2006. URL: http://history.nsc.ru/snm/4.htm (дата обращения: 25.07.2012).

[164] РНБ. Собр. Соловецкого монастыря. №663/721.

обращение в третьем послании к первым двум. Например, сообщая о написании Иосифом Астоменом исповедания, митрополит добавляет: «Его же вашей любви смирение наше, во втором моем послании, сиречь граммате, пространнее изъявствовах». Это обращение к более раннему тексту свидетельствует о том, что чтение третьего послания уже предполагало знакомство читателя с предшествующими. Однако вполне вероятно, что третье послание создавалось как завершающее первые два и не должно было бытовать отдельно.

Необходимо лишь заметить, что «первое послание» начинается со своего рода вступления, построенного на новозаветных цитатах, тогда как «второе» и «третье» послания сразу после указания адресата и благословения переходят к повествованию о сибирских раскольниках.

Неясным остается способ распространения этих эпистол. Они могли рассылаться десятильникам и заказчикам как обычные грамоты. Возможно, они могли распространяться и другим способом, а именно послание зачитывалось специальными посланниками архиерея, которые, объезжая епархию и наблюдая за церковной жизнью, могли зачитывать послание Сибирского архипастыря. Роль посланников или «экзархов», как называет их преосвященный Игнатий, обычно выполняли представители крестового и соборного духовенства. Например, зимой 1695/96 гг. крестовый иеромонах Израиль и соборный клирик иеродиакон Никифор Амвросиев по благословению митрополита Игнатия посещали Верхотурский уезд[165]. Такая традиция была свойственна и предшественникам митрополита Игнатия. Так, в Житии праведного Симеона упоминается священник Матфей, который в 1691/92 (7200) г. «повеление имяше от архиерея досматривати во граде Верхотурье и града того в пределех всякия церковныя догматы»[166]. Более того, один из черновиков царского указа предписывал митрополиту посылать в дальние города «от себя

[165] Житие Симеона Верхотурского. С. 220.
[166] Там же. С. 201.

из архимандритов или из игуменов добрых»[167]. Эта версия подтверждается и тем, что «первое» и «второе» послания по форме напоминают проповедь.

В целом, можно предложить следующую хронологию создания посланий. «Первое послание» преосвященный Игнатий написал летом — осенью 1693 г., «Второе послание» могло быть написано уже как продолжение первого осенью 1693 — осенью 1694 г. А «Третье послание» сразу создавалось для комплекса из трех посланий, объединенных в одну книгу. Отсюда и отсутствие списков двух первых посланий. Они очень короткие, им было не трудно затеряться.

Послание в Красноярск привлекло внимание Н.А. Дворецкой. Она прокомментировала и издала памятник[168]. Значительное место анализу этого памятника уделяет А.П. Богданов[169]. Повторное издание текста с кратким комментарием было осуществлено в сборнике «Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века» в 2001 г.[170] Во втором издании были устранены ошибки первоначальной публикации. Сочинение дошло до нас в ряде списков[171].

Несмотря на то, что сочинение уже привлекало внимание исследователей и его прекрасно изданный текст доступен современному читателю, остается ряд лакун. Они, на наш взгляд, связаны не столько с обстоятельствами написания сочинения, сколько с его литературными особенностями.

---

[167] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1058. Л. 10.

[168] *Дворецкая Н.А.* Послание митрополита Игнатия в Красноярск 1697 г. С. 167–173.

[169] *Богданов А.П.* От летописания к исследованию... С. 207–208

[170] Текст, с. 322–329, коммент., с. 420–421.

[171] Шесть списков дошли до нас в составе Сибирского летописного свода конца XVII — начала XVIII вв. Еще один список сохранился вне летописного свода, в составе сборника XVII — XVIII вв.: ИРЛИ. Собр. В.Н. Перетца. №107. Л. 5–71. Именно по этой рукописи и осуществлялось издание памятника (см.: *Дворецкая Н.А.* Послание митрополита Игнатия в Красноярск 1697 г. С. 172; *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. Вып. I: XVII век. М., Л., 1960. С. 232–239).

Послание обращено «благоговейному протопрезвитеру Димитрию, и честным иным иереом и священнодиаконом, и всему нашему причту церковному, и всем православным христианам всякого чина — старым, средним и меншим, служилым, посадным и крестьяном, и тяглым всяким людем, и уездным, живущим непоколебимо всем православным христианом»[172]. В послании архипастырь обличает руководителей городского восстания и призывает жителей города вновь подчиниться присланному воеводе. Митрополит, конечно же, занимает сторону государственной власти (иначе и не могло быть). Основная идея послания заключается в том что неподчинение воеводе есть неповиновение самому государю, и к тому же всякая власть от Бога[173]. Эту мысль митрополит доказывает на основании Священного Писания, приводя цитаты как из Нового, так и из Ветхого Заветов. Послание показывает, что митрополит прекрасно знал сложившуюся ситуацию и историю всего бунта. Так, например, он упоминает лидеров восставшего служилого люда и даже, возможно, передает их слова[174]. Автор гневно обличает руководителей восстания и придает их проклятию, добавляя: «Аще ли же еще не покаются и в чувство не придут, да будут и по смерти прокляти»[175]. Вместе с тем, послание пропитано пастырской заботой о жителях Красноярска, автор старается противопоставить простых жителей и руководителей восстания.

Послание насыщено цитатами и их перифразами и представляет собой довольно интересный литературный памятник. Оно представляет собой цельное завершенное произведение, продуманное по содержанию, и напоминает по форме апостольское послание. Автор намеренно подчеркивает свою апостольскую власть — в начале послания преосвященный Игнатий пишет: «Благодать да умножится и мир свыше от Бога...»[176] и заканчивает

[172] Послание в Красноярск... С. 322–329.
[173] *Дворецкая Н. А.* Послание митрополита Игнатия в Красноярск 1697 г. С. 170.
[174] Там же. С. 171.
[175] Послание в Красноярск... С. 328.
[176] Там же. С. 322. Ср. с началом большинства посланий ап. Павла.

заключительными словами Первого послания ап. Петра: «Той да совершит, той да утвердит...»[177].

Грамота в Пекин митрополита Игнатия (Римского-Корсакова), адресованная священнику Максиму Леонтиеву, сохранилась в беловике, посланном в Китай. Грамота была обнаружена в Пекине архимандритом Софронием (Грибовским) в архиве Пекинского Сретенского монастыря и представлена Святейшему Синоду в 1809 г., по его возвращении из Пекина в Санкт-Петербург[178]. Иеромонах Николай (Адоратский) сообщал, что рукопись хранится в архиве Святейшего Синода в деле № 439[179]. Попытка найти оригинал грамоты, предпринятая нами, успеха не имела. В РГИА сохранились лишь документы о награждении архимандрита Софрония крестом, «украшенным драгоценными камнями», в начале июля 1809 г.[180] и ходатайство архимандрита Софрония о назначении его настоятелем Донского монастыря (20 января 1810 г.)[181]. В частности, в своем прошении бывший член китайской миссии писал: «По возвращении моем из Пекина в Санкт-Петербург и по подаче куда следовало всех *до означенной миссии касающихся сведений* (курсив наш. — *свящ. И. Н.*), просил я св. прав. Синод по причине болезненного моего состояния, происшедшего от 13-ти летнего с половиною в тягостном тамошнем климате пребывания и от многотрудного пути, уволить меня для поправления моего здоровья во столичный град Москву <...> 1809-го года июня в 25 день <...> дозволено мне иметь пребывание в Москве в ставропигиальном Новоспасском монастыре»[182].

Впервые грамота была опубликована в «Истории Российской иерархии»[183]. Повторно грамота была издана архимандритом

[177] Послание в Красноярск... С. 328. Ср.: 1 Пет 5. 11.

[178] *Николай (Адоратский), иером.* Православная миссия в Китае... С. 50.

[179] Там же.

[180] РГИА. Ф. 815.Оп. 15.Д. 488. Л. 1–2.

[181] Там же. Ф. 796. Оп. 91. Д. 86. Л. 1–2 об.

[182] Там же. Л. 1.

[183] Грамота, данная в 7203 (1695) году, от бывшаго Преосвященного Игнатия, архиепископа Тобольского, находящемуся тогда в Пекине православному

Мелетием (Якимовым)[184]. Во втором издании были исправлены некоторые опечатки первого.

Грамоту в Пекин можно разделить на три части: вступительную, основную и заключительную. Вступление практически целиком является парафразом начальной части Послания апостола Павла к Коринфянам. В начале митрополит обращается не только к о. Максиму, но ко «всем православным христианам, обитающим в Китайском царствии». Затем автор благодарит Бога «о благодати Божии, данней вам о Христе Иисусе», и православные, находящиеся в Китае, несмотря на плен обогатились «во всяком слове и всяком разуме», явно намекая, что их духовное богатство — в миссионерской деятельности (свидетельстве Христовом), для того чтобы быть чистым («неповинным») в день Господа нашего Иисуса Христа. Затем автор переходит к повествованию о событиях в Пекине.

Далее, как и в Послании апостола Павла, и в грамоте митрополита Игнатия идет указание на источник информации. Апостол Павел говорит: «Возвестися бо ми о вас, братие моя, посланным от Хлоиса, яко рвения в вас суть» (1 Кор 1.11). Преосвященный Игнатий пишет: «Слышахом бо от благочестивых купцов, ходивших к вам в Китай: яко по Божии воли...»[185] Несмотря на значительные совпадения текста вступления апостола и митрополита Игнатия, последний так парафразирует текст, что у него получается порой совсем другой (или даже противоположный) смысл. И если ап. Павел собирается ругать коринфян за их «рвения», то Тобольский архиерей, напротив, рад произошедшим событиям. Особенно отрадно для него то, что «по Божии воли... Богдыханово Высочество подал вам свободно имети... православную... веру» и разрешил переделать из языческого капища храм. И далее повествует о передаче храма и о поставлении в нем икон.

священнику Максиму Леонтиеву, на освящение данного от тамошнего Богдыхана храма и на отправление в нем священнослужения... С. 491–500.

[184] Древние церковные грамоты... С. 66–71.

[185] Там же. С. 66.

Сравнение текста грамоты и текстов Нового Завета:

Текст грамоты	**Выдержки из Нового Завета**
Божиею милостию великий господин преосвященный Игнатий, архиепископ Тобольский и всея Сибири митрополит.	Павел, зван апостол Иисус Христов волею Божиею, и Сосфен брат, Церкви Божией сущей в Коринфе, освященным о Христе Иисусе, званным святым, со всеми призывающими имя Господа нашего Иисуса Христа, во всяцем месте, тех же и нашем:
О Святем Дусе сыну и сослужителю нашего смирения проповеднику Святаго Евангелия в Китайском царствии благоговейному иерею Максиму Леонтиеву и всем православным христианам, обитающим в Китайском царствии архипастырское благословение.	
Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа и Святаго Животворящаго Духа.	*Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.*
Благодарю Бога моего всегда о вас, о благодати Божии, данней вам о Христе Иисусе: яко во всем обогатистеся, аще и в пленении суще, *о Нем во всяком слове и всяком разуме, якоже свидетельство Христово известися в вас, якоже вам не лишитися ни во едином даровании, чающим откровение Господа нашего Иисуса Христа, иже и утвердить вас даже до конца неповинных в день Господа нашего Иисуса Христа; верен Бог,*	*Благодарю Бога моего всегда о вас, о благодати Божией данней вам о Христе Иисусе, яко во всем обогатистеся о нем, во всяцемъ слове и всяцем разуме, якоже свидетелство христово известися въ вас: яко вам не лишитися ни во единем даровании, чающим откровения Господа нашего Иисуса Христа, иже и утвердит вас даже до конца неповинныхъ в день Господа Нашего Иисуса Христа. Верен Бог, имже звани бысте во*

им же звани бывше во общение, еже есть во святое крещение *Сына Его Иисуса Христа Господа нашего.*

общение Сына Его Иисуса Христа, Господа Нашего.

Молю же вас, братие, именем Господа нашего Иисуса Христа, да тожде мудрствуете вси в православии Христианской вере, еже веровати вам во Отца и Сына и Святаго Духа, в триех ипостасех прославляемаго, во единстве же Божества песнословимаго.

Молю же вы, братие, именем Господа Нашего Иисуса Христа, да тожде глаголете вси, и да не будут в вас распри, да будете же утверждени в томже разумении и в тойже мысли.

Слышахом бо от благочестивых купцов, ходивших к вам в Китай: яко по Божии воли Китайский владелец Богдыханово Высочество подал вам свободно имети святую православную христианскую веру...

Возвестися бо ми о вас, братие моя, (посланным) от Хлоиса, яко рвения в вас суть. Глаголю же се, яко кийждо вас глаголет: аз убо есмь Павлов, аз же Аполлосов, аз же Кифин, аз же Христов (1 Кор 1.1–12).

и сего ради, возлюбленне *да не смущается,* ниже да оскорбляется душа твоя

Да не смущается сердце ваше (Ин 14.1)

по святому апостолу Иакову, еже пишет в конце своего послания, глаголя: *братие, аще кто в вас заблудит от пути истины и обратит кто его, да весть яко обративый грешника от заблуждения пути его,* и *спасет душу* его *от смерти и покрыет множество грехов.*

Братие, аще кто в вас заблудит от пути истины, и обратит кто его, да весть, яко обративый грешника от заблуждения пути его спасет душу от смерти и покрыет множество грехов (Иак 5.19–20).

В основной части митрополит сообщает о благословении (царском, патриаршем и его) переделать и освятить храм, и о том, что для этой цели владыка посылает священника и диакона со всем необходимым. Далее даются подробные указания, как это сделать. Интересно, на наш взгляд, указание, как приспособить данное богдыханом помещение для храма. Митрополит пишет, что, если возможно, то пристроить алтарь, а если это вызывает трудности, то «в той церкви олтарь отделити, тое церкви треть, а две доли пустити в церковь». Автор дает указания, как освятить храм, кого поминать на Божественной литургии.

Владыка Игнатий предписывал иерею Максиму после поминовения царских особ, патриарха и митрополита произносить прошение на китайском языке («а Русским языком буде и говоришь, и оне того не знают») о «Китайском Богдыханове Высочестве <...> и за Боляр его»[186].

В заключительной части митрополит дает последние указания и пишет о том, чтобы отец Максим служил в новоосвященной церкви «до кончины жития твоего невозбранно», добавив: «Аще ли имееши у себя сына, могущаго имети диаконства час, да пришлеши его к нам, и мы посвятим его в диаконское служение и к тебе отпустим со всякою честию»[187].

Послание завершается кратким поучением о значении пребывания русских пленных в Китае. В конце грамоты помещено последнее предложение из Послания ап. Иакова. Идея, заложенная в этих строках грамоты, возвращает читателя к его началу. Она заключается в том, что пребывание в Китае для «пленников» является спасительным через миссию среди китайских жителей. Если в начале эта мысль просматривается неявно, то в конце грамоты автор прямо пишет о спасении через дело христианской проповеди.

Таким образом, грамота похожа на апостольское послание. Она начинается со скрытой цитаты из Послания апостола Павла и заканчивается уже открытой цитатой из эпистолы апостола

[186] Древние церковные грамоты... С. 70.
[187] Там же.

Иакова. С другой стороны, она напоминает и проповедь. Грамота состоит из вступления, основной мысли (благословения на освящение), толкования (разъяснения) и завершается нравоучением. Послание близко по оформлению к другим эпистолам владыки Игнатия.

Таким образом, к жанру архиерейских посланий можно отнести пять посланий митрополита Игнатия. Эти сочинения митрополита Игнатия объединяет следующее:

1. Одинаковое начало: «Игнатий милостию Божию митрополит Сибирский и Тобольский». Все прочие документы, рассылаемые от имени архиерея, начинаются совсем по-иному: «От великого господина преосвященного Игнатия...». Таким образом, в посланиях владыка Игнатий позиционирует себя как «власть имущий», как епископ, имеющий право поучать и наставлять свою паству.

2. Общезначимый повод к написанию. «Послания на армен...» были написаны, вероятно, как окружные послания, их главная цель — борьба с нестроениями в Сибирской епархии, а именно с распространением раскола. Послание в Красноярск было написано в разгар одного из самых крупных восстаний служилых людей в Сибири в последней четверти XVII в. Его цель — примирить восставших и городской гарнизон. Целью написания грамоты в Пекин является благословение на освящение храма в столице Китая, но митрополит превращает обычную грамоту на освящение церкви в послание к христианам, оказавшимся в Пекине, с призывом начать миссионерскую деятельность среди китайцев. По сути, эта грамота была благословением не просто на открытие храма, а на начало миссионерских трудов в Китайском царстве.

3. Целевая аудитория. Это не конкретный человек, а некая общность людей, православные Сибири или ее части. Так, «Послания на армен...» обращены к «во Святем Дусе пречестнейшым братиям и чадом православным, святыя Церкви нашея сибирския», то есть ко всей сибирской пастве. Послание в Красноярск обращено к «благоговейному протопрезвитеру Димитрию, и честным иным иереом и священнодиаконом, и всему нашему

причту церковному, и всем православным христианам всякого чина... живущим непоколебимо всем православным христианом», то есть ко всем православным Красноярска. Подобным же образом автор указывает адресатов своего послания и в грамоте в Пекин: «О Святем Дусе сыну и сослужителю нашего смирения проповеднику Святаго Евангелия в Китайском царствии благоговейному иерею Максиму Леонтиеву и всем православным христианам, обитающим в Китайском царствии».

4. Похожая структура; в ее стилистических особенностях явно просматривается подражание авторам апостольских эпистол. Митрополит Игнатий активно цитирует именно апостольские послания, особенно это касается его посланий в Красноярск и Китай. Характерны и обращения, которые использует преосвященный Игнатий, — «братия», «возлюбленные», «сыне и сослужителе» и т. д. Такие же обращения присутствуют и в апостольских посланиях.

Эпистолярное наследие

К этой группе творческого наследия владыки Игнатия мы отнесли грамоты, письма, отписки, челобитные, адресованные царям, патриарху, воеводам, главам других епархий, частным лицам. В основном это официальные документы, сохранившиеся в фонде Сибирского приказа и других учреждений. По большому счету, к этой группе примыкают и архиерейские послания, выделенные нами в отдельную группу. Но мы сочли возможным их выделить, чтобы акцентировать на них внимание как на литературных произведениях, а также потому, что они имеют ряд общих признаков, которые их объединяют и отличают от других документов эпистолярного характера (см. выше).

Эпистолярное наследие преосвященного Игнатия довольно обширно и в большей своей части остается неизученным. Наиболее исследованы его литературные сочинения, в том числе написанные в жанре посланий.

При разборе сохранившейся переписки владыки Игнатия возникает ряд проблем. Прежде всего, степень его участия в

их написании. Ясно, что многие грамоты, рассылавшиеся от имени митрополита, были написаны его помощниками лишь по его указанию. Однако стиль писем, написанных митрополитом Игнатием, настолько характерен, что его легко отличить от формального языка дьяков и подьячих митрополичьего дома или других людей из окружения владыки Игнатия. С другой стороны, непростым представляется вопрос их литературной ценности. Трудно не согласиться с мнением Д.М. Буланина, что подход к эпистолам только лишь как к историческому источнику выглядит узким. Их анализ как исторических источников необходимо дополнять филологическим анализом[188]. Трудность изучения состоит и в том, что «эпистолярный жанр относится к числу наименее изученных в литературе Древней Руси»[189]. Лишь условно к эпистолярному жанру мы отнесли обширный материал, который, несомненно, находится на стыке жанров. Так, С.М. Каштанов отмечает, что челобитные, прошения (т. е. документы просительного вида) «весьма условно можно отнести к разряду частно-публичных актов»[190]. Подобное место занимают и грамоты, рассылавшиеся по Сибирской митрополии, так как они, несомненно, принадлежат к разновидностям актов. Но, так или иначе, они тяготеют и к эпистолярному виду. С.М. Каштанов подчеркивает, что «вместе с тем служебные письма в одних случаях тяготеют к эпистолярно-распорядительному, в других — к эпистолярно-отчетному виду»[191]. Поэтому весьма условно к эпистолярному наследию владыки (но не к эпистолярному жанру) можно отнести широкий спектр памятников, в том числе и грамоты. В отечественной историографии такой подход имеет место. Так, Е.К. Ромодановская при публикации литературных памятников Тобольского архиерейского дома XVII в. использовала деление на «историческую и агиографическую прозу» и «эпистолярную прозу», включив в последнюю

[188] *Буланин Д.М.* Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1984. С. 95.
[189] Там же.
[190] *Каштанов С.М.* Акты // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. I. С. 424–425.
[191] Там же. С. 425.

челобитные, послания, сказки, увещания, заповеди, духовную, отписки сибирских архиереев[192].

Таким образом, всю переписку преосвященного Игнатия можно условно разделить на следующие категории по степени его участия:

1) Частные письма, написанные лицам, с которыми у владыки Игнатия были личные отношения; в них он выступает от первого лица.

2) Челобитные и отписки, адресованные к царской власти, написанные в разное время жизни митрополита. Представляется, что большинство из них написано при его непосредственном участии.

3) Грамоты, рассылавшиеся по монастырям и храмам, написанные от лица митрополита служащими Тобольского архиерейского дома.

Среди сохранившихся писем необходимо отметить, прежде всего, «Послание к боголюбивому Афанасию...», о котором сказано выше, ввиду его исторической и литературной ценности. Других писем сибирского архипастыря к владыке Афанасию не известно, хотя источники упоминают о переписке. Кроме того, митрополит Игнатий вел переписку с братией Соловецкой обители. Сохранилось два его письма (1690-е гг.) к настоятелю Соловецкого монастыря архимандриту Фирсу, с которым они были давно знакомы[193]. В основном эпистолы были посвящены вопросу строительства церкви Вознесения Господня на Секирной горе. Оба письма были изданы в XIX в.[194] Местонахождение рукописей нам неизвестно. Также к этой группе можно отнести письмо (которое впрочем, близко к грамоте так как содержит

[192] См.: Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / *сост. Е.К. Ромодановская, О.Д. Журавель.* Новосибирск, 2001.

[193] Архим. Фирс (Шарапов) был постриженником Соловецкого монастыря и следовательно был знаком Преосвященному Игнатию еще в период его пребывания на Соловках (История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. С. 208).

[194] Две грамоты Игнатия митрополита Тобольского, о построении церкви на Савватиевой, или на Секирной горе, и о прочем. С. 227–231.

распорядительную часть), написанное в 1700 г. по приезде в Москву служащим Тобольского архиерейского дома казначею монаху Иоасафу (Милюкову) и дьяку Михаилу Витезеву[195].

Особое место в наследии преосвященного Игнатия (Римского-Корсакова) занимают челобитные и отписки, написанные им как до отъезда в Сибирь, так и после. В период настоятельства Игнатия в Новоспасском монастыре сохранилась «Челобитная Спаса Нового монастыря архимандрита Игнатия и с братиею о высылке в тот монастырь из города Суздаля иконописцев Гурья Никитина с товарищами для писания в том монастыре стенного письма». Единственный список хранится: РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 30. 1689 г. Стб. 46492. Памятник опубликован[196]. Скорее всего, челобитная написана по распоряжению (возможно, и при участии) архимандрита Игнатия, но не содержит его авторского стиля и, на наш взгляд, не представляет какого-либо литературного интереса.

Челобитные сибирского периода жизни отложились в основном в фонде Сибирского приказа. Многие из них носят формальный характер — например, разного рода сопроводительные отписки[197], связанные с судопроизводством, которое вел Сибирский приказ[198], и т. д. Вместе с тем, ряд челобитных написан самим митрополитом и касался дел, которым митрополита Игнатий уделял пристальное внимание. Личное участие митрополита в их создании не только отражает его представления, но придает сочинениям и определенный литературный стиль. Прежде всего, это челобитные, связанные с подготовкой к путному шествию в «низовые» города Сибири. Самая объемная из них содержит обоснование необходимости путешествия, а также исповедание Иосифа Астомена[199]. Челобитная была частично опубликована[200].

[195] Местонахождение рукописи не известно. Опубл.: Древние церковные грамоты... С. 98–99.

[196] Челобитная Спаса Нового монастыря архимандрита Игнатия... С. 257–260.

[197] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1317. Ч. 1. Л. 271, 271 об.; Там же. Ст. 1136. Л. 82, 82 об.

[198] Там же. Ст. 596, 858.

[199] Там же. Ст. 1058. Л. 16–20, 15 об.

[200] *Сапожников Д. И.* Самосожжение в русском расколе (со второй половины XVII в. до конца XVIII в.). М., 1891. С. 14–17.

Ее изучением и кратким анализом занимался А.Т. Шашков[201]. Памятник в литературном отношении не изучен и представляет в этом качестве значительный интерес. Сохранились и другие челобитные, касающиеся этого вопроса, однако они в основном повторяют тезисы, представленные ранее[202].

Владыка Игнатий в этой челобитной обосновывает необходимость совершить путешествие в восточную часть Сибирской епархии. В самом начале он формулирует свои задачи как архипастыря. Тобольский архиерей пишет: «Порученное мне... великое сие дело святаго Евангелия проповеди, должно мне сие исправляти и правом правити слово предвечныя истины, наипаче же промышляти добрая пред Богом... учение здешнему Сибирскому царствию в духовных делех исправлении и во утверждении нашея християнския православной кафолической веры»[203]. «Авторскими» выглядят некоторые другие челобитные — например, отписка преосвященного Игнатия царям о его благополучном прибытии в Сибирь, отправленная в Москву в 1693 г.[204], и другие.

Отдельный комплекс представляют грамоты, которые рассылались по Сибирской митрополии от имени владыки. Большинство из них написаны формальным языком и, скорее всего, были созданы лишь по указанию владыки по определенному формуляру. И только в некоторых из них встречается авторский стиль митрополита Игнатия. Значительная часть их сохранилось благодаря изданию в XIX в. архимандритом Мелетием (Якимовым)[205]. Некоторые сохранились в других изданиях[206]. Местонахождение

---

[201] *Шашков А.Т.* «Путное шествие»... С. 337–339.

[202] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1058. Л. 15, 15 об.

[203] Там же. Л. 16.

[204] Там же. Л. 188.

[205] Грамоты преосвященного Игнатия... С. 44–113.

[206] Архиерейская граммата [Игнатия (Римского-Корсакова)] в Енисейск о первом Азовском походе... С. 81–82; [Грамота преосвященного Игнатия (Римского-Корсакова), митрополита Сибирского и Топольского, о построении в Киренском монастыре привратной церкви во имя Св. Пророка и Предтечи Крестителя Иоанна]. Прил. №3. С. 40–42; АИ. Т. V. № 243. С. 445, №247. С. 456, №248. С. 457, № 290. С. 532–533.

рукописей большинства грамот еще требуется установить. Все они имеют минимальное литературное значение и важны лишь как исторический источник.

3.2. Реконструкция мировоззрения митрополита Игнатия

В основе мировоззрения преосвященного Игнатия лежит, несомненно, восточное христианство. Именно на нем строилась вся система его взглядов. Однако он жил в конкретной исторической обстановке, был активным участником светской и церковной жизни, и у него сложились определенные взгляды, которыми он руководствовался в той или иной ситуации. Наше изучение его мировоззрения основывается прежде всего на анализе его сочинений и деятельности.

Концепция «византийского (константинопольского) наследия»

Со времени патриаршества Никона в официальной идеологии Российского царства появляется новый комплекс идей, пришедший на смену концепции «Москва — Третий Рим», внешне похожий на последнюю, но имеющий существенные отличия. По справедливому утверждению Н.В. Синицыной, «этот новый комплекс идей обосновывал возросшую роль России и ее столицы, русского православного царя в православном мире, утверждал значение не только «константинопольской вотчины» (в политическом аспекте), но и духовного наследия христианского Востока, значение христианских святынь, переносимых в Москву, сохранение чистоты греческого Православия»[207]. Исследовательница предложила наименование данной концепции — «константинопольское наследие». Принципиальное отличие от идеи «Москва — Третий Рим» состоит в том, что в новой идее не упоминается об утрате греками истинной веры

[207] *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции... С. 307.

после событий XV в.: Константинополь остается духовной столицей мира, которую необходимо освободить. В целом во второй половине XVII в. было предпринято немало попыток определить место Российского царства в мире и мировой истории. Это нашло отображение и в так называемой «издательской» деятельности Посольского приказа, когда при участии Николая Спафария составлялись такие труды, как «Титулярник», «Василиологион» и «Хрисмологион», и в трудах многих других писателей — современников владыки Игнатия.

Действуя в общем русле, преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков) оставил свой оригинальный след в осмыслении современного ему Московского царства. Еще будучи настоятелем Новоспасского монастыря в Москве, архимандрит Игнатий активно участвовал в церковно-политической и литературной жизни своего времени. Задачи, которые стояли перед московскими монархами и Российским царством, он сформулировал в ряде сочинений, и, прежде всего, в «Слове воинству перед Крымским походом», «Сказание о Софии Премудрости Слова Божия» и «Слове о Российском царствии».

В историографии уже предпринимались попытки изучить творчество преосвященного Игнатия в этом направлении. Так, известный историк А.П. Богданов уделил этому вопросу значительное место в своем исследовании творческой биографии Сибирского митрополита[208]. Он не только издал некоторые сочинения будущего тобольского архипастыря, но и проанализировал их, стараясь представить их в контексте русской культуры последней трети XVII в. Однако его анализ литературных сочинений страдает рядом недостатков. Например, А.П. Богданов, характеризуя «Слово о Российском царствии», только лишь обозначил содержание памятника, отметив наиболее важные для его исследования элементы. К тому же А.П. Богданов полагает, что митрополит развивал в новых условиях старую концепцию «Москва — Третий Рим». Взгляды владыки Игнатия на

[208] *Богданов А.П.* Творческое наследие... С. 233–234; *Он же.* От летописания к исследованию... С. 122–123.

Российское царство в рамках концепции «константинопольского наследия» рассматривала Н.В. Синицына[209]. На основе анализа Слова перед Крымским походом она показала лишь основные отличия концепции митрополита Игнатия от идеи «Москва — Третий Рим». Также в стороне осталось «Слово о Российском царствии», так: как на тот момент оно не было издано[210]. Да и само обращение исследовательницы к концепции «византийского (константинопольского) наследия» было лишь своеобразным заключением к основному исследованию. По нашему мнению, «Слово о Российском царствии» важно для реконструкции концепции, так как автор излагает свои идеи, обращаясь к монархам. В нем отражено более авторское понимание концепции, тогда как «Слово перед Крымским походом» обращено к широкой аудитории, которую необходимо было познакомить с общими моментами концепции.

Сама концепция «константинопольского наследия» и ее бытование во второй половине XVII в. представляется еще плохо изученной. Кроме уже указанного исследования Н.В. Синицыной, небольшой статьи А.П. Богданова[211], который, впрочем, не разграничивает концепций «Москва — III Рим» и «константинопольское наследие», необходимо отметить довольно тщательный анализ формирования и развития концепции в середине XVII в., сделанный Н.П. Чесноковой[212]. Она предлагает иное наименование комплекса идей, а именно — «византийское наследие». Также можно отметить описание Н.Ф. Каптеревым влияния греков на развитие данной теории[213]. Хорошо изученными представляются

[209] *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции... С. 306–312.

[210] Издание памятника см.: *Никулин И.А.* «Слово о Российском царствии» митрополита Игнатия (Римского-Корсакова)... С. 185–214.

[211] *Богданов А.П.* Россия накануне империи... С. 333–352.

[212] *Чеснокова Н.П.* Христианский Восток и Россия. С. 159–198; *Она же.* Святыня и политика: к идее византийского наследия в России сер. XVII в. // Средние века. 2008. Вып. 69(4). С. 27–42.

[213] *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885. С. 248–281.

вопросы взаимоотношений России с православным Востоком и перенесение христианских святынь в Москву[214].

Рассматриваемая концепция у митрополита Игнатия осмысляется в прямой связи с историософией Московского царства. По нему, истоки российской цивилизации — это, конечно же, проповедь апостола Андрея Первозванного. Последний именуется у владыки Игнатия «крестным отцом» «всероссийских чад»[215]. Хотя, конечно, важной вехой становится принятие христианства в конце X в. — преосвященный Игнатий пишет: «посетил ны есть Восток свыше, и озари светом просвещения Святыя <...> Троицы, <...> и породися святым крещением вся Великороссийская земля, в первом нашем благоверном и святом великом князе, и царе (!) Владимире, нареченном во святом крещении Василий, в лето 6496»[216].

Российские цари являются законными преемниками византийских императоров. Эта законность доказывается следующими аргументами. «Царство Ромейское, еже есть греческое за многое время... по части приношашеся в Россию»[217]. И затем владыка Игнатий перечисляет моменты «перенесения» царства. Первое — это Крещение Руси святым князем Владимиром, второе — «царства Ромейского венцем венчан бысть великий государь царь и великий князь Владимир Всеволодович Мономах»[218]. Последнему, согласно митрополиту Игнатию, «царь греческий

---

[214] Христианские реликвии в Московском Кремле. Сб. ст. / *ред.-сост. А.М. Лидов*. М., 2000; *Фонкич Б.Л.* Чудотворные иконы и реликвии христианского Востока в Москве в середине XVII в. // Очерки феодальной России. М., 2001. Вып. 5. С. С. 70–97; *Он же.* Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв.: Греческие рукописи в России. М., 1977; *Яворская С.Л.* Значение креста в иеротопическом замысле Нового Иерусалима: От Константина Великого до царя Алексея Михайловича // Новые Иерусалимы. Перенесение сакральных пространств в христианской культуре: мат-лы междунар. симпозиума. М., 2006. С. 774–782; и др.

[215] «Слово благочестивому и христолюбивому воинству»... С. 139.

[216] Послания блаженнаго Игнатия... С. 71.

[217] «Слово благочестивому и христолюбивому воинству»... С. 165.

[218] Там же.

Константин Мономах» послал диадему, венец, Крест Животворящего Древа, порамицу царскую и крабийцу сердоличную и цепь златую» и т. д.[219] Преосвященный Игнатий подчеркивает царское достоинство Владимира Мономаха: «венчан... бысть... в Киеве тем царским венцем... от святейшаго митрополита господина Неофита Ефесского и от прочих... пришедших от Цареграда»[220]. «И оттоле боговенчанный царь нарицашеся в Российском царствии»[221]. Таким образом, по версии владыки Игнатия, началом Российского царства становится не XVI в., а XII в. Это не было его изобретением, эта идея звучит и в «Чине постановления на царство царя Алексея Михайловича»[222]. Ко времени преосвященного Игнатия, «все царство Ромейское приклоняется под державу российских царей Романовых»[223].

«Видимое царство» потенциально должно включать в себя всю вселенную, то есть христианскую «ойкумену». Толкуя именование царей «всея России», будущий митрополит Игнатий пишет, что под этим титулом нужно разуметь «вселенныя цари»[224]. Более того, архимандрит царского Новоспасского монастыря подчеркивает это в царском титуле, именуя «царей и кесарей» «самодержцами всея России, Востока и Запада»[225]. У митрополита даже приобретает смысл игра слов: «цари ромейские» — «цари Романовы». На этом фоне становятся актуальными и задачи, которые стоят перед Московским «вселенским» царством. По мнению преосвященного Игнатия, одной из самых главных задач царской власти является «охранение Церкви».

Для митрополита Игнатия фраза «охранение Церкви» означала охранение вселенского Православия, средоточием которого в его время являлись Восточные патриархаты, за освобождение

[219] Слово благочестивому и христолюбивому воинству»... С. 165.
[220] Там же. С. 166.
[221] Там же.
[222] *Алгави Л.* Русское барокко конца XVII века: На материале литературы и публицистики: дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. С. 97.
[223] «Слово благочестивому и христолюбивому воинству»... С. 166.
[224] Там же. С. 157.
[225] Там же. С. 169.

которых и ратовал митрополит. Именно освобождение Восточных патриархатов от «поганых» и было для митрополита ключевым моментом концепции. Именно на это он обращал значительное внимание в своих сочинениях. Так, в «Слове перед Крымским походом» владыка Игнатий отмечает, что военный поход идет «всего православия в защищение, и в сохранение святых Божиих церквей и православныя христианския веры, и их пресветлых государей наших царскую честь же и славу, и всего православия благостоянного ради мира и тишины»[226].

В доказательство этой концепции приводится пророчество об освобождении Константинополя[227]. Это пророчество известно по Повести Нестора Искандера в составе Русского хронографа. В последнем «русый род» превращается в «руский род», и это преосвященный Игнатий также использует в своей концепции[228].

В подтверждение своей концепции архимандрит Новоспасского монастыря приводит и русские свидетельства — пророчество преподобного Кирилла Новоезерского[229] и другие. Именно это пророчество стало центральной мыслью всего «Слова о Российском царствии»: «И абие рече: "Видех на престоле царя седяща и пред ним два отрока стояща, храбра зело, и умиленна имуща на главах своих венцы царствия. И вдаде им Господь оружие на сопротивныя. И поклонятся ему вси языцы, и будет царство наше умирено Богом и управлено"»[230]. После пророчества приводится его толкование. «Два отрока стояща храбра зело, и умиленна» у архимандрита Игнатия превращаются в молодых царей Иоанна и Петра. Данное пророчество хорошо подходит к концепции. Фраза «поклонятся ему вси языцы» подчеркивает именно всемирное значение Российского царства.

---

[226] «Слово благочестивому и христолюбивому воинству»... С. 165.

[227] Там же. С. 166–167.

[228] *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции... С. 192.

[229] См.: *Карбасова Т.Б.* О пророчестве преподобного Кирилла Новоезерского... С. 93–94; *Она же.* Кирилл Новозерский: История почитания. М.; СПб., 2011.

[230] БАН. П. I. А №10. Л. 13 – 13 об.

Каким же образом должны быть реализованы эти задачи, или как же освободить Константинополь? Отвечая на этот вопрос, будущий митрополит также использует пророчество преподобного Кирилла, «и вдаде им Господь оружие на сопротивныя». Но как понимать это «оружие»? «Вданное има оружие Господне, Животворящий Крест, яко же и царю Константину, тако же показан бысть крест на небеси изображен звездами»[231]. Преосвященный Игнатий подробно поясняет, что это за крест: «на его же образ святый царь Константин, призвав хитрыя златохитрецы, повеле им устроити от злата крест святый, якоже бысть ему показан на небеси. Той убо святый крест, повелением пресветлаго царя государя и великаго князя Алексия Михайловича, всея России самодержца, принесен бысть в Россию из святыя Афонския горы»[232]. Владыка Игнатий имеет в виду крест императора Константина, принесенный в Россию в царствование Алексея Михайловича с Афона. Именно эта святыня должна помочь в освобождении Царьграда, как она помогла и императору Константину одолеть Максенция.

Таким образом, привлечение новых источников позволяет расширить представления о функционировании концепции «византийского наследия» в Московском царстве. Митрополит Игнатий не просто был сторонником данной идеи, но он, несомненно, ее развивал, прежде всего в церковном ключе, и доказывал необходимость освобождения Восточной Церкви.

Отношения «священства» и «царства»

Концепция «византийского (константинопольского) наследия» играла немалую роль во взглядах митрополита Игнатия на церковно-государственные отношения. В литературе уже высказывалось мнение о том, что митрополит был «сторонником сильной церковной власти»[233].

Представление о воззрениях митрополита на отношения Церкви и государства можно получить на основе анализа его

[231] БАН. П. I. А №10. Л. 29 об. – 30.

[232] Там же. Л. 30–30 об.

[233] Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. С. 420.

сочинений и деятельности. Тема «священства» и «царства» не получила самостоятельного звучания в трудах владыки Игнатия, поэтому о его взглядах на эту проблему можно судить лишь по отдельным замечаниями и косвенным данным.

Свое понимание «царства» митрополит изложил в ряде сочинений. В его представлениях «царство Отца и Сына и Святого Духа»[234] разделяется на две части — «видимое же и невидимое»[235]. Последнее является «Царствием Небесным», «уготованным» для праведников. «Видимое же царство Божию милостию соблюдаемое царство христианское: Российское царство». Таким образом, по мнению тобольского архипастыря, Московское государство продолжает традиции христианского царства, т. е. Византии. В панегирическом толковании на икону Софии Премудрости Божией, в иконографии которой преосвященный Игнатий находит аналогии в «видимом царстве», семь столпов, которые поддерживают престол Премудрости, «знаменует крепкое ея (т. е. царевны Софьи Алексеевны. — *свящ. И. Н.*) заступление седми вселенских святых отцев собравшихся, о благочестии собравшихся». Глава же Русской Церкви также занимает важное место, «особо свиток в руце: яко *заступница же и крепкий поборник* (имеется в виду царевна Софья Алексеевна; курсив наш. — *свящ. И. Н.*) о благочестии, по Духу, отцу их великих государей и богомолцу... Иоакиму, патриарху Московскому и всея России...»[236] Интересно, что аналогии для царей Иоанна и Петра расположены уже после обозначения места церковной иерархии. Таким образом, по мнению владыки Игнатия, важным делом государства должно быть охранение Церкви и забота о ней. Патриарх же является «по Духу» отцом великих государей, а уже только затем «богомольцем».

Эти идеи раскрываются в «Слове о Российском царствии» (1690 г.). Кроме охранения Церкви царь должен быть послушен патриарху: «Воинственная же его (Петра I. — *свящ. И. Н.*)

[234] «Свидетельство ко образу святыя неизреченые Софии-Премудрости Слова Божия о Российском благословенном царствии»... С. 233.
[235] Там же.
[236] Там же. С. 235–236.

изъявления и обозрителство и ревность (курсив наш. — *свящ. И. Н.*) о святой Церкви, сие есть любовь ко Господу Богу, в Троице Святей славимому, и к Пречистей Деве Богородице Марии, и по всем святым угодником Божиим, и помощь восточной святей Христове Церкви: Православия же отеческаго преданий тоя хранение. *Почитание же и послушание и заступление* (курсив наш. — *свящ. И. Н.*) во Святем Дусе отцу своему и прилежному богомолцу, а нашему великому господину, всесвятейшему Кир Иоакиму Божиею милостию...»[237].

Христианин должен почитать «царство». В послании в Красноярск митрополит убеждает восставших горожан подчиняться не только царю, но и воеводам. Используя Священное Писание, он подчеркивает обязанность христианина почитать всякую власть, что тоже является служением Богу. Так, он пишет: «Слышасте ли, братия, како святый апостол Павел повелевает почитати всяку власть (еже есть воевод) и каковое велит повиновение к ним имети, и яко в почитании их не токмо государь царь, но и Бог почитается»[238].

Что же выше, «священство» или «царство», в мировоззрении митрополита Игнатия?

В трудах преосвященного Игнатия нет прямого ответа на этот непростой для XVII в. вопрос, но некоторые наблюдения сделать можно. Летом 1695 г. митрополит написал грамоту в Пекин священнику Максиму Леонтиеву. В ней объясняя, как освятить церковь, он предписал находящимся на чужбине русским, после поминовения царского рода, «молить» «о *великом господине* и *государе* (курсив наш. — *свящ. И. Н.*) отце нашем всесвятейшем кир Адриане архиепископе Московском и всея России»[239]. Однако именование патриарха «великим господином и государем» явно выбивается из практики употребления этого титула самим владыкой Игнатием (хотя в грамоте дважды представлен именно такой

[237] БАН. П. I. А №10. Л. 22 об.–23 об.

[238] Игнатий, митрополит Сибирский и Тобольский. Послание в Красноярск. С. 325.

[239] *Никулин И. А.* Грамота в Пекин... С. 218, 220.

титул патриарха). Только два патриарха носили титул «великого господина и государя» — Филарет Никитич и Никон. Причем патриарх Никон в основном с 1653 г. употреблял титул «великий государь», стараясь как бы показать равновеликость светских и духовных властей[240]. Патриарх Филарет (Романов) чаще себя именовал именно «великим господином и государем». Кстати, сам этот титул не был придуман Филаретом, его употребление встречается еще в XVI в.[241] Собор 1675 г. установил титулование патриарха по формуле: «Великий господин святейший кир Иоаким, милостию Божиею патриарх Московский и всея России». По этой формуле и полагалось поминать патриарха во всей Русской Церкви[242]. Впрочем, патриарх Адриан употреблял титул «архиепископ Московский и всея России и всех северных стран патриарх»[243].

Употребление титула «великого господина и государя» после суда над Никоном практически исчезло (есть случаи такого титулования патриарха в обращениях архиееев к Иоакиму, однако они единичны)[244]. Собственно титул «государь» по отношению к патриарху в последней трети XVII в. употреблялся во внутрицерковной переписке, но в отдельности от титула «великий господин».

Сообразуясь с вышесказанным, можно преположить, что формула «великий господин и государь» появилась именно в Грамоте в Пекин не случайно. Митрополит был уверен, что о ее содержании вряд ли узнают в Москве, и мог выражать в ней свои истинные воззрения, тогда как в других своих сочинениях титул «великого господина и государя» по отношению к патриарху митрополит Игнатий не употреблял. Возможно, этим он старался

---

[240] *Страхова О.Б.* Официальная титулатура русских патриархов в изданиях Московского Печатного двора (1589–1700 гг.) // Palaeoslavica. 2007. Vol. XV. Is. 2. P. 170–171.

[241] Ibid. P. 152.

[242] *Полознев Д.Ф.* Московские патриархи Иоасаф II, Питирим, Иоаким и Адриан // Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 7. С. 477–478; *Цыпин В., прот.* «Великий господин» // Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2004. С. 452.

[243] *Страхова О.Б.* Официальная титулатура русских патриархов... P. 186.

[244] Ibid. P. 156.

подчеркнуть высоту власти патриарху. Из этого эпизода следует, что для преосвященного Игнатия «священство» и «царство» — это во многом равновеликие величины или, по крайней мере, сопоставимые.

Такое понимание отношений Церкви и государства не могло не проявиться в деятельности Сибирского архипастыря. Яркой демонстрацией представления митрополита, что власть священноначалия не ниже светской власти, является его конфликт с тобольскими воеводами А.Ф. и А.А. Нарышкиными. В глазах митрополита проблема выглядела как посягательство светских властей на прерогативы Церкви. Сначала воеводы пытались решить проблему бесконтрольности светских архиерейских чиновников — десятильников, подозревавшихся во взяточничестве, вымогательстве и прочих преступлениях. «Последней каплей» терпения Тобольского владыки стало судебное дело над некрещеным татарином, совершившим насилие над новокрещеной. Митрополит вел следствие по этому делу, обвинение заключалось в «поругательстве православные християнские веры и в насильстве блудного беззаконного греха»[245]. В разгар следствия, в дело попытались вмешаться тобольские воеводы, что привело к эскалации конфликта. Летом 1697 г. Тобольский архиерей отлучил обоих тобольских воевод с их семьями и домашними от Церкви. Ситуация была разрешена только в результате вмешательства правительства (царя) и патриарха. Необходимо отметить, что конфликты архиереев с тобольскими воеводами были своеобразной традицией на протяжении всей второй половины XVII в. Так, из четырех архиереев конфликтовало трое[246].

В грамоте илимскому воеводе Б.А. Челищеву владыка Игнатий отстаивал назависимость церковной организации перед светскими властями. Он пишет: «<...> по правилом святых апостол и святых отец, и по изложению благочестивых царей, и святейших

[245] *Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках. С. 156.

[246] См.: *Манькова И.Л.* Сибирский архиепископ Симеон и тобольские воеводы. С. 14–23; Архипастыри Тобольской епархии // Религия и Церковь в Сибири. Сб. научн. ст. и док. мат-лов. Вып. 4. Тюмень, 1992. С. 82.

вселенских патриархов и всего освященнаго собора, монастыри и монастырские всяких чинов люди судом и расправою поручены нам архиереом, и нагим наместником, и закащиком и десятинником» — и отмечает, что «в царствующем граде Москве и во всех российских градех, монастырей и монастырских всяких чинов людей градцкие и посылщиков их судом и росправою ни в чем не ведают, и ни в какие монастырские и земские дела без архиерейскаго повеления не вступают и монастырем и монастырским людем разорения и нападок не чинят»[247]. Автор грамоты явно намекает на решение Большого Московского Собора о закрытии монастырского приказа, окончательной ликвидации которого добился именно патриарх Иоаким.

В целом, владыка старался отстоять на местном уровне любые попытки ограничить судебный иммунитет Церкви. В таком воззрении на церковно-государственные отношения митрополит Игнатий был близок не только (и не столько) патриарху Никону, но и к решениям Большого Московского Собора 1666–1667 гг., реализовать которые старался в своей деятельности патриарх Иоаким.

Но неверно будет трактовать позицию преосвященного Игнатия и как желавшего развивать церковную независимость. Он активно старался просить помощи государя и вполне смиренно принимал его власть как «внешнего» епископа. В челобитной написанной по прибытии владыки Игнатия в Тобольск он пишет: «Аз смиренный богомолец ваш вседушевно желаю и молитствую, но понеже ваше царское величество яко православныя и милостивые монархи повелели мне есте, богомолцу вашему, духовне же и отечески паствити словесные овчата христова в вашей царского величества отчины Сибирского царствия»[248]. Таким образом, митрополит Игнатий признает власть царя в определённых сферах церковной жизни. В этом смысле, представляется, он был весьма традиционным и общепринятая практика не вызывала у него негативной реакции.

[247] Древние церковные грамоты... С. 65.
[248] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1058. Л. 187.

В своем понимании церковно-государственных отношений митрополит был, скорее всего, близок к патриарху Иоакиму и выступал против любых попыток принижения роли Церкви в обществе. Тобольский архиерей был не одинок в таком понимании баланса между светскими и церковными властями. К подобным выводам пришла и Т.В. Панич, изучая воззрения на «священство» и «царство» писателей патриаршего круга, в том числе близкого друга митрополита Игнатия архиепископа Афанасия[249]. Представляется, что подобное понимание (в русле решений Большого Московского Собора и идей патриарха Никона) продолжало бытовать среди великороссийских церковных деятелей и в конце XVII в.

Изучение взглядов на церковно-государственные отношения митрополита Игнатия ставит и вопрос об его отношении к патриарху Никону, который неоднократно упоминается в сочинениях преосвященного. Характерен образ патриарха в повести о «турском салтане»[250], которая входит в состав «Слова о Российском царствии». Будущий тобольский архиерей, зная, что события, которые он описывает, должны были происходить в 1666–1667 гг., говорит о патриархе Никоне как действующем первоиерархе Русской Церкви. В контексте вышеуказанного сочинения весьма странным выглядит суждение А.П. Богданова о том, что владыка Игнатий является «первым русским ученым историком». Повесть о «турском салтане» наглядно показывает, что, возможно, митрополит Игнатий действительно передал в «Слове о Российском царствии» бытовавшую в его время легенду, однако не удосужился ее перепроверить даже на основании тех данных, которые были Игнатию хорошо известны.

Источники не сохранили данных, что делал Игнатий в 1666 г., но уже в 1667 г. он был монахом Крестомаровской пустыни.

---

[249] *Панич Т.В.* Писатели патриаршего круга в богословской полемике 80-х — 90-х гг. XVII в.: дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2007. С. 49–71.

[250] Такое наименование было предложено нами при публикации памятника. В сочинении повесть никак не выделена и содержится в: БАН. П. I. А №10. Л. 15–21 об.

Молодой монах и книжник наверняка интересовался тем, что происходило тогда в Москве, к тому же владыка Игнатий всегда оставался сторонником новых обрядов и греческой образованности, и он не мог забыть о приезде в Москву восточных патриархов и об осуждении патриарха Никона. Несмотря на это, владыка Игнатий изображает его в повести действующим патриархом.

Более того, уже позднее, будучи в Сибири, он сообщает о Большом Московском Соборе в своем «третьем послании на армен и полуармен» (1696 г.) весьма кратко — лишь об осуждении старообрядцев, и ничего не упоминает об осуждении патриарха Никона и избрании нового патриарха[251]. В этом же сочинении владыка Игнатий уделяет значительное место характеристике ранней деятельности Никона, а сам Никон даже именуется «добрым Христова всероссийскаго стада пастырем, и неусыпным стражем»[252]. Даже если будущий митрополит Игнатий не был участником Соборов 1666–1667 г., знать о них он должен был гораздо больше, чем сообщил в «Третьем послании».

Можно предположить, что Сибирский архиерей хорошо относился к патриарху Никону и признавал его осуждение ошибочным. В пользу этого может свидетельствовать не только вышеуказанный факт, но именование Никона патриархом в «Слове о Российском царствии». Как известно, к 1690 г. Никон уже был восстановлен в диптихе русских первоиерархов, хотя с этим и не был согласен патриарх Иоаким. Кроме того, об особом отношении к патриарху Никону свидетельствует и желание митрополита Игнатия построить церковь в Соловецком монастыре «по обету», которая должна была соответствовать «образу церкве творения святейшаго Никона патриарха, что на Истре на лугу у Воскресенского монастыря, его же нарицают царие Новый Иерусалим, в ней же, пустынке, и святейший Никон живяще»[253]. Более того, владыка Игнатий хотел построить храм в честь Вознесения Господня на

[251] Послания блаженнаго Игнатия... С. 137–138.

[252] Там же. С. 107.

[253] Две грамоты Игнатия митрополита Тобольского, о построении церкви на Савватиевой, или на Секирной горе, и о прочем. С. 229.

Секирной горе, явно уподобляя ее Елеонской горе как Нового, так и старого Иерусалимов.

Таким образом, сложно сказать, намеренно ли преосвященный Игнатий допустил такое фактическое несоответствие в повести или просто не обратил на него внимание. Так или иначе, но митрополит Игнатий уважительно относился к памяти патриарха Никона. Кроме того, такое отношение к патриарху Никону показывает самостоятельность мышления тобольского архипастыря по отношению к своему покровителю патриарху Иоакиму, который, как известно, был горячим противником опального предстоятеля Русской Церкви.

Образы царей Петра и Иоанна

В «Слове о Российском царствии» митрополит Игнатий дает молодым царям характеристики. Эти характеристики во многом складывались из представлений Игнатия об идеальном царе, с одной стороны, и концепции «византийского наследия», с другой. Молодой царь Петр предстает в первую очередь «храбрым». Он имеет «возраст высокий и благообразный образ лица его»[254]. Особо подчеркиваются военные таланты будущего императора Петра: «Храбрость же его воинственная и чин устроения по даней ему от Господа Бога царской премудрости, всем явленна. И ничтоже храбрых ополчений благопоступаний же воинов его укрыся от него, но яко высокопарный орел, царственным своим оком вся назирая и премудростным разумом вся управляя, чины убо располагая и храбрственно к делам храбрости научая и скорошественне хитрость храбрства показуя, стреляния же и копие ударения и мужественное острым мечем рыцерство и самодейственне показуя»[255]. В другом месте владыка Игнатий пишет: «Что же явление храбрости сие: возраст высокий и благообразный образ лица его, яко лице аггела Божия, слово его царское, яко глас трубы златокованны»[256].

[254] БАН. П. I. А №10. Л. 22 об.
[255] Там же. Л. 23 об. – 24.
[256] Там же. Л. 22 об.

В совсем ином образе предстает его старший брат — царь Иоанн: «Умиленнаго же являет великаго государя нашего царя и великаго князя Иоанна Алексиевича, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца. Кто бо видев умиление и кроткое благоговеинство, и молчаливое его предстояние в молитве Божии... не удивится и не похвалит. Сам бо Господь Бог таковаго ублажает и похваляет, глаголя: на кого призрю, но на кроткаго и молчаливаго, и трепещуго словес Моих»[257]. Таким образом, характеры двух братьев у автора Слова согласуются с пророчеством преподобного Кирилла Белоезерского: «храбрый» и «умиленный».

Царь Петр и его правление в толковании будущего митрополита Игнатия сравнивается с апокалиптическими событиями: «И видех, егда отверзе Агнец печать вторую, слышах второе животное, глаголющее: гряди и виждь. И изыде другий конь рыж, и седящему на нем дано бысть взяти мир от земли, и да убиет друг друга, и дан бысть ему меч великий»[258]. В событиях конца XVII в. автор видит параллели с приведенным текстом Апокалипсиса: «Седящему бо на рыжем кони, кто признавати ся инако хощет, аще не сему нашему пресветлому и храброму царю и великому князю Петру Алексиевичу, всея России самодержцу. Се бо зрим, яко во время царствования его взят бысть мир от земли, сиречь от земная мудрствующих, глаголю же от нечестивых турков и татаров»[259].

Особое толкование митрополит дает на слова апостола Иоанна Богослова «дан бысть ему меч великий». Подобная тема звучит и в пророчестве преподобного Кирилла (на что и обращает внимание автор), в котором говорится: «и вдаде има Господь оружие на сопротивныя». Это оружие, по мнению автора сочинения, Крест Господень, и является тем апокалиптическим мечем, которым царь Петр должен победить своих врагов.

Врагом, по слову преосвященного, является, прежде всего, «турский бусорман» со своими союзниками (татарами), которого

[257] БАН. П. I. А №10. Л. 14 об. – 15.
[258] Там же. Л. 25. Ср.: Откр 6. 3–4.
[259] Там же. Л. 25 об.

должны братья-цари одолеть. Но условием этой победы должен быть мир между братьями Петром и Иоанном. Именно поэтому, начиная свое сочинение, владыка Игнатий подчеркивает, что в Евангелии и церковной истории огромное значение имело соработничество «Петра» и «Иоанна».

Отношение к грекам

Отношение к грекам строилось на концепции «византийского наследия». Прежде всего, владыка Игнатий желал освобождения христиан Средиземноморья от «нечестиваго Моамефова раба»[260]. Признание чистоты греческой веры, потенциальное вхождение всех православных в единую империю привело митрополита Игнатия к вселенскому восприятию самой Церкви как чего-то целого, не разделенного границами Поместных Церквей. Например, в исповедании, написанном под диктовку митрополита одним из лидеров сибирского старообрядчества, говорится: «И приношу вину свою пред святою соборною и апостолскою церковью и пред святейшими вселенскими православными патриархи, пред Калинником Константинопольским, пред Герасимом Александрийским, пред Афанасием Антиохийским, пред Досифеем Иерусалимским, пред Адрианом Всероссийским и пред преосвященным Игнатием, митрополитом Сибирским и Тобольским, и пред всеми архиереи вселенныя...»[261]. В Грамоте в Пекин на освящение первой в Китае православной церкви владыка Игнатий наказывал молить: «о великом господине и государе отце нашем Всесвятейшем кир Адриане архиепископе Московском и всея России и всех северных стран Патриархе, о Святейших четверопрестольных Вселенских Патриарсех: Каллинике Константинопольском, Герасиме Александрийском, Афанасии Антиохийском, Досифее Иерусалимском, и о *всех архиереех греческих* (выделено нами. — *свящ. И. Н.*) и российских преосвященных митрополитех, архиепископех и епископех, купно ж и о нашем

[260] Так образно именовал Игнатий Османскую империю. «Моамефом» древнерусские книжники называли пророка Мухаммеда.
[261] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1058. Л. 19.

смирении, и о всем освященном соборе»[262]. В обоих приведенных случаях церковный протокол вовсе не требовал моления о восточных патриархах, и уж тем более об «архиереех греческих». Более того, поминовение восточных патриархов на Литургии являлось, как известно, привилегией только предстоятелей Церквей. Тем не менее, с точки зрения митрополита Игнатия, события носили вселенский характер.

Характерно, что новый храм в Пекине должен был быть посвящен «святыя Софии Премудрости Божия»[263]. Конечно, кафедральный собор Сибирской епархии имел такое же посвящение. Но еще до приезда в Сибирь икона Софии Премудрости Божией стала занимать особое место в сочинениях митрополита Игнатия, написанных им в период регентства царевны Софьи. Им было написано «Сказание о Софии Премудрости Слова Божия», в котором он рассматривал икону Софии Премудрости Божией (новгородского канона) как своеобразное пророчество о Российском царствии в конкретный исторический момент. Кроме того, нам представляется, что посвящение храма святой Софии — это явный намек на связь с Константинополем, освободить который так чаял Сибирский архиерей[264]. На наш взгляд, освящение церкви святой Софии в Пекине должно было подчеркнуть важность нового миссионерского начинания, его связь с центром византийского христианства.

«Вселенстии» патриархи упоминаются и в других сочинениях митрополита Игнатия, например, в связи с богослужебными реформами патриарха Никона и Большим Московским Собором 1666–1667 гг.[265] В своих сочинениях митрополит Игнатий нередко обращался к авторитету восточных иерархов, например, одним

[262] *Никулин И. А.* Грамота в Пекин... С. 220.

[263] Там же.

[264] Например, во время прощальной беседы митрополита Антиохийского Макария с царем Алексеем Михайловичем последний сказал: «Молю Бога, прежде, чем умру, видеть его (т. е. Макария) в числе четырех патриархов служащим во св. Софии и нашего патриарха пятым вместе с ним» (*Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. М., 1991. С. 123).

[265] Послания блаженнаго Игнатия... С. 137.

из героев повести «О Турском салтане» является Иерусалимский патриарх.

В личной библиотеке Сибирского архипастыря было две книги на греческом языке: Новый Завет и маленький «часословец греко-латинский»[266]. В связи с этим необходимо поставить вопрос о знакомстве преосвященного Игнатия с греческим языком. В пользу того, что он знал его, хотя бы отчасти, может свидетельствовать дублирование им библейских цитат на греческом и славянском языках. Однако, скорее всего, вставки греческого текста делал другой писец под руководством владыки Игнатия. Также в своих сочинениях он любил «щеголять» греческими словами — например, в Житии праведного Симеона Верхотурского Игнатий назвал посланного им иеромонаха «екзархом» и тут же пояснил, что «еже есть посланником»[267]. В рукописи «Слова о Российском царствии» митрополит Игнатий своей рукой над словом «Златоуст» поставил знаки замены и на полях отметил: «Хрисостом»[268]; в том же сочинении он написал: «Яко же свидетелствует царский хрисовул, еже есть царская жалованная грамота»[269], и т. д.

Вопрос о знании митрополитом Игнатием греческого языка неизбежно подводит нас к вопросу о его связях с православным Востоком. Несомненно, что Тобольский архиерей, еще будучи архимандритом Московского Новоспасского монастыря, был знаком, а возможно и дружил с братьями Иоанникием и Софронием Лихудами, греческими монахами — преподавателями Славяно-греко-латинской академии. Возможно, владыка Игнатий, будучи в период 1685–1692 г. в гуще московской церковной жизни, встречался с греческими иерархами, побывавшими тогда в столице России. По крайней мере, анализ сочинений показывает, что владыка Игнатий был постоянно в курсе взаимоотношений с православным Востоком.

---

[266] Подробнее см.: *Оглоблин Н.Н.* Библиотека сибирского митрополита Игнатия... С. 286–291.

[267] Житие Симеона Верхотурского. С. 220.

[268] БАН. П. I. А №10. Л. 48 об.

[269] Там же. Л. 33.

Истоки грекофильства преосвященного Игнатия коренились, в первую очередь, в официальной идеологии Московского царства; оказывало влияние и вращение в интеллектуальных московских кругах. Увлечение митрополита Игнатия всем греческим могло возникнуть и под влиянием идей патриарха Никона, к памяти которого он относился с большим почтением.

Однако в сочинениях митрополита Игнатия встречаются и негативные по отношению к грекам эпизоды. Показательна в этом плане описываемая им история появления в Москве Константинова креста. В 1652 г. игумен Дамаскин предложил царю Алексею Михайловичу привезти в Москву для поклонения крест царя Константина и главу святителя Иоанна Златоуста, хранящиеся в Ватопедском монастыре, с условием обязательного возврата святынь на Афон. Царь дал такое обещание, но, как позже выяснилось, лишь на бумаге. В 1655 г. игумен Дамаскин доставил святыни в Россию, где их торжественно встретили. «Преемник византийских императоров» не смог избежать искушения оставить крест императора Константина в Москве «лет на двадцать и меньше, на сколько лет доведетца»[270]. На протяжении всей второй половины XVII в. ватопедцы упорно пытались вернуть свои святыни, но безуспешно. Царское правительство лишь откупалось большими пожертвованиями в монастырь[271]. В силу таких отношений с московским правительством, в челобитных, присланных в Москву из Ватопедского монастыря, отсутствовало какое-либо упоминание о «византийском (константинопольском) наследии», хотя для документов греческого происхождения этого периода

[270] *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. С. 67.

[271] Подробнее об истории с крестом Константина Великого см.: *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. С. 65–71; *Яворская С.Л.* Значение креста в иеротопическом замысле Нового Иерусалима. От Константина Великого до царя Алексея Михайловича // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств: сборник статей / под ред. А.М. Лидова. Москва, 2009. С. 784–785; *Чеснокова Н.П.* Реликвии христианского Востока в России в середине XVII в. (по материалам Посольского приказа) // Вестник церковной истории. 2007. № 2(6). С. 97–98.

именование Алексея Михайловича (и его преемников) Новым Константином стало общим местом[272].

Крест императора Константина занимал важное место в концепции «византийского наследия», представленной в сочинениях владыки Игнатия (Римского-Корсакова). Он подробно описал историю появления креста в России, отметив, что «Афонския горы монаси со архимандриты и игумены своими моляху пресветлаго царя, да повелит оный Животворящий Крест, его же на время восприят из Афонския горы в Москву, паки возвратити в гору Афонскую»[273]. При этом автор подчеркнул: «Но прошения их не угодна бяху пресветлому царю, и с великим гневом отсылахуся, овии же гневом царским за многая прошения их, и в далечайшыя обители посылахуся»[274]. Обосновывая пребывание в России Константинова креста, преосвященный Игнатий пришел к выводу: «Тое оружие мира, непобедимая победа», его заключительные слова звучат как пророчество: «Глаголю же: Животворящий Крест Господень, соделанный царем Константином, вдадеся им, пресветлым царем, яко быти ему у них, великих государей, во царствии Всероссийском даже до века»[275]. Из этих цитат очевидно, что свое отношение к грекам митрополит подчинил концепции «константинопольского наследия». Не разделявшие ее греки сразу же потеряли свой авторитет в глазах владыки Игнатия. Их ссылка в дальние монастыри, действительно имевшая место, с его точки зрения была вполне закономерной и оправданной.

Будучи архимандритом Новоспасского монастыря, Игнатий активно боролся с западноевропейским (католическим и лютеранским) влиянием в России. Так, он выступал против строительства каменной немецкой (лютеранской) кирхи в Москве. Кроме того, будущий митрополит был активным борцом с католическим влиянием, проникавшим на Русь через Украину посредством киевских богословов, в частности, в связи с «хлебопоклоннической

[272] *Чеснокова Н. П.* Христианский Восток и Россия. С. 171.
[273] БАН. П. I. А №10. Л. 31–31 об.
[274] Там же. Л. 31 об.
[275] Там же. Л. 33–33 об.

ересью». Вопрос об отношении владыки Игнатия к западному христианству и его влиянию в Московском царстве в определенной мере уже изучен в отечественной науке. Так, Слово на латинов и люторов проанализировано Д. Цветаевым[276], анализу «Возобличения на лютеранский катехизис» посвятил свой труд А. Лебедев[277], А.П. Богданов постарался представить картину в целом, рассматривая оба сочинения[278].

Взгляд на историю старообрядческого раскола

Будучи сторонником концепции «византийского (константинопольского) наследия» митрополит Игнатий, конечно, был последовательным сторонником реформ патриарха Никона. Греческая обрядовая практика для него во многом являлась образцом. Отсюда и весьма критическое отношение к сторонникам старого обряда.

Владыка Игнатий касается критики старообрядчества в «Книге о посылке в Костромской и Кинешемский уезды». Однако систематической критики в данном сочинении нет. Это, скорее, отчет о путешествии. Непосредственно критике «раскола» посвящены «Послания на армен и полуармен», написанные тобольским архиерем в середине 90-х гг. XVII в.

Однако во многих сочинениях, особенно написанных в период его пребывания на Тобольской кафедре, встречаются замечания, касающиеся «старых» обрядов. Например, в Житии праведного Симеона Верхотурского в 5-ом чуде митрополит Игнатий завершил рассказ о том, как во сне ему было явлено имя верхотурского святого, словами: «И сотворив молитву Иисусову, крестився десницею моею во образ Пресвятыя Троицы...», и после этого сделал отступление для объяснения значения троеперстия [279]. В другом месте Жития он отмечает: «Еретицы же овии убо обратишася, инии же постыдившееся и срамляющеся отступити своего стыда,

[276] *Цветаев Д.* Из истории... С 212–236.
[277] *Лебедев А.* Полемические сочинения... С. I–III.
[278] *Богданов А.П.* От летописания к исследованию... С. 102–104; *Он же.* Творческое наследие... С. 168–169.
[279] Житие Симеона Верхотурского. С. 209.

бегству себе вдаша, гоними молитвою праведного Симеона»[280]. Владыка Игнатий напоминает о необходимости быть верным новым обрядам о. Максиму, оказавшемуся в Пекине, указывая, в частности, что «хождение круг церкви со святым антиминсом направо к полудни, а не по арменску к полуночи, еже они творят по солнцу»[281]. Здесь просматривается убеждение владыки Игнатия в армянском происхождении старообрядческих «заблуждений».

Глубинную причину появления раскола преосвященный Игнатий видел в следующем. Он пишет, что Господь о «борющихся с нами не премолча».[282] Христос предупреждает Своих последователей: «Восстанут лжепророцы и лжехристи и дадят знамения велика и чудеса, якоже прелстити аще мощно и избранныя. Се предрекох вам».[283] Христианин, по мысли митрополита, должен знать предречение Господне, он должен быть готов к тому, что «должно быти». Знание есть «сила на демоны», но дьявол старается «поглатить» эту «силу». Те, кто не устоял в этой борьбе «за знания», и в подают в ереси. Отсюда, по мнению автора, и появляются древние еретики, такие, как Маркион и Манихей и последователи старого обряда.

Преосвященный Игнатий одиним из первых попытался представить историю «раскола». Однако его «история» преследовала, прежде всего, полемические цели. Несогласных с новым обрядом он считал продолжателями ересей, бывших в истории христианства. Именно поэтому прежде чем перейти к истории собственно старообрядческого раскола, владыка Игнатий обращает внимание на некоторые ереси, существовавшие как в Древней Церкви, так и в Русской.

Обращение к истории ересей обосновывается митрополитом Игнатием в начале «Третьего послания». Автор рассматривает православное учение о Святой Троице и показывает существующие, на его взгляд, различия у «новообрядцев» и старообрядцев.

---

[280] Житие Симеона Верхотурского. С. 220–221.

[281] Древние церковные грамоты... С. 69.

[282] РНБ. Собр. Соловецкого монастыря. № 663/721. Л. 1 об.

[283] Мф 24. 24.

Главным его аргументом становятся размеры пальцев. В символическом изображении Святой Троицы большим, безымянным и мизинцем он видит умаление достоинства Второго и Третьего Лиц Троицы. «И тако аще хотяще или не хотяще, Сына Божия в четвертом, Духа же Святаго в пятом персте изображати будут. О хулы нестерпимыя!»[284] Таким образом, он находит у своих оппонентов близость к ереси Ария, то есть умаление Божественного достоинства Логоса и Святого Духа. Кроме заблуждений в триадологии, преосвященный Игнатий находит у своих оппонентов и христологическую ересь (кстати, еще более надуманно) — в символическом значении указательного и среднего пальцев как изображения двух природ во Христе владыка Игнатий видит несторианство (!), как разделение двух природ во Христе: «Крест же святый изобразуют обоими персты, великоуказателным и великосредним, и заключати глаголют в тою обою персту, паки Сына Божия божество и человечество: во указательном убо божество, и отделивше от божества в великосреднем человечество»[285]. Интересно, что армянские христиане в глазах владыки Игнатия становятся последователями Нестория, хотя, как известно, они осуждают его учение и принимают III Вселенский Собор, на котором Несторий был осужден. «Доказав» близость последователей старого обряда древним ересям, ариевой, македониевой и несториевой, тобольский архиерей переходит к истории ересей в России. По сути, все внимание митрополита сосредоточено на «ереси жидовствующих», так как остальные (некий «Сент», осужденный митрополитом Петром и известный латинофрон Исидор) просто упомянуты без особых пояснений. Ереси жидовствующих отводится значительное место, но о связи ее со староверием ничего не говорится. Такое внимание легко объяснить и тем, что под рукой у автора был «Просветитель» Иосифа Волоцкого, из которого он вставил обширную цитату. Кстати, преосвященный Игнатий почитал преподобного Иосифа, об этом свидетельствует то, что среди вещей, взятых им в Москву, была икона Иосифа Волоцкого.

[284] Послания блаженнаго Игнатия... С. 54.

[285] Там же. С. 55.

Одним из главных лейтмотивов антистарообрядческой полемики митрополита Игнатия является армянское происхождение заблуждений старообрядчества. Он не был автором этой идеи, она имеет свою собственную довольно продолжительную историю. Сам преосвященный Игнатий, скорее всего, почерпнул ее из Скрижали, изданной в Москве в 1656 г., текст которой он использовал при составлении своих посланий. Интересно, что в его «Книге о посылке...» не упоминается об армянских корнях старообрядческих заблуждений. Вообще, эта идея в сочинениях митрополита появляется только после прибытия в Сибирь, зато встречается почти во всех сочинениях, написанных уже в Тобольске. Возможно, это связано с тем, что именно в Сибири проблема распространения старой веры была особенно сильна. К тому же первый раскольник, с которым ему пришлось столкнуться, по происхождению был армянином. Необходимо отметить, что само мнение об армянском происхождении некоторых заблуждений староверов, в особенности двуперстия, отражено даже в актах Большого Московского Собора[286] и имело распространение среди приверженцев церковной реформы середины XVII в. Известный исследователь А.Т. Шашков считал, что «в действительности эти утверждения (об армянских корнях старообрядчества. — *свящ. И. Н.*) не имеют под собой никаких оснований»[287]. Владыка Игнатий не только активно использовал концепцию «армяноверия» в своей полемике, но и развивал ее. Он полагал, что заблуждения были внесены в Русскую Церковь в середине XVI в. Он пишет: «По том же злейшем от еретиков развращеннем времени, восташа таинственно проклятии Армени: и тако вкрадшеся в православие наше, егда в лета благовернаго царя и великаго князя Иоанна Васильевича, всея России самодержца, и привнесше злобныя своея ереси злосмрадное учение, и ввергоша е в рекомый Стоглав»[288]. Собственно объяснений, как были внесены эти искажения, митрополит Игнатий не приводит.

[286] Материалы для истории раскола за первое время его существования. С. 237.
[287] *Шашков А.Т.* Сибирский митрополит Игнатий... С. 42. Прим. 24.
[288] Послания блаженнаго Игнатия... С. 89–90.

Следующий важный полемический тезис тобольского архипастыря — утверждение об участии в книгопечатании при патриархе Иосифе будущих расколоучителей — Аввакума, Лазаря, Никиты Пустосвята, диакона Феодора, Григория Неронова. По мнению митрополита Игнатия, с ними заодно действовал и царский духовник протопоп Стефан Вонифатьев: «В та же времена печатный двор бяше ведом в приказе царева дворца, правительствуем неким князем, по реклу Львовым. Святейший же патриарх Московский Иосиф, муж престарелый, все оно исправление книг, возложи на совет вышепомянутых протопопов и попов, и ничтоже о сем печашеся, вверишася убо ему»[289]. Таким образом, по мнению преосвященного Игнатия, будущие расколоучители при поддержке князя Львова внесли в напечатанные в то время книги исправления; он подробно перечисляет книги, в которые внесены коррективы (в основном, это вставки о двуперстии), и даже упоминает тиражи этих книг, стараясь показать, что заблуждения вошли в жизнь народных масс совсем недавно.

Следующей важной вехой становится приезд восточных иерархов в Москву при патриархе Никоне. Именно греки, согласно взглядам преосвященного Игнатия, указали Никону, что «двема персты креститися, сие есть предание треклятых арменов»[290]. «Святейший же Никон повеле абие с гостина двора привести купцев арменскаго рода»[291], которые показали, что двуперстие — это их обрядовая традиция, а греки крестятся троеперстно. После этого Никон с помощью печатных книг начал свои реформы — владыка Игнатий сосредотачивается, прежде всего, на крестном знамении. Следствием реформ становится протест «арменоподрожателей» — собственно тех, кто и вносил, по мнению тобольского митрополита, исправления в печатные книги времени патриарха Иосифа: «Тогда восташа проклятии они вышеименованнии протопопы: Аввакум, и Григорий Неронов: и попы: Лазарь, и Никита Пустосвят: и диакон Феодор: к сему же

[289] Послания блаженнаго Игнатия... С. 92.
[290] Там же. С. 103–104.
[291] Там же. С. 104.

и от царева двора неции, навыкшии от вышеписанных со арменским сложением книг»[292].

Упоминает митрополит Игнатий и о боярыне Морозовой, и о челобитной, поданной лидерами старообрядчества, и в ответ на нее написанную книгу «Жезл правления». Большой Московский Собор 1666–1667 гг. рассматривается только в контексте осуждения еретиков. Не пишет он ни о сессиях Собора, ни о других решениях — сообщает лишь общей фразой: «Святейшии трие, Троицы поборницы патриарси: Вселенстии убо два: Кир Паисий Александрийский, и Кир Макарий Антиохийский: и един Всероссийский Господин Иоасаф Московский: и преосвященнии митрополити, и архиепископи, и епископи тогда прилучившиися в царствующем граде Москве и тогда проклятых оных Аввакума, и Лазаря, и Никиту Пустосвята... соборне прокляша и анафиме предаша»[293].

Владыка Игнатий подробно описывает осаду Соловецкого монастыря и связанные с ней события, так как вскоре после захвата монастыря нес в нем послушание и, конечно, был наслышан о событиях, предшествовавших его появлению в обители. Его тезис об участии в Соловецком восстании приспешников Степана Разина и прочих «воров» получил значительное распространение[294]. Важным аргументом против раскольников становятся чудеса святых Зосимы и Савватия Соловецких, произошедшие после захвата монастыря царскими войсками. Наличие чудес подтверждало благодатность новых обрядов. Преосвященный Игнатий приводит одно из чудес в Сибирских посланиях, причем отмечает, что в бытность его уставщиком были и другие случаи. Рассказ о чуде он услышал непосредственно от участника чудесных событий[295]. Подробно сообщается о посещении обители царем Петром. Эти сведения митрополит Игнатий, скорее всего, получил от преосвященного Афанасия, который сопровождал царя в путешествии по Белому морю[296].

---

[292] Послания блаженнаго Игнатия... С. 108.

[293] Там же. С. 137–138.

[294] *Чумичева О.В.* Соловецкое восстание 1667–1676 гг. С. 5.

[295] Послания блаженнаго Игнатия... С. 144–145.

[296] Там же. С. 145–148.

«Послания на армен и полуармен» являются ценным источником для изучения истории спора в Грановитой палате 1682 г. По-видимому, будущий митрополит Игнатий сам был участником событий (он в то время должен был находиться в Москве). Он подробно описывает события, перечисляет участников спора, и т. д.[297] Описание отличается живым, эмоциональным языком, что тоже подтверждает участие будущего митрополита в тех событиях.

Кроме повествования об общероссийских событиях, автор в разных местах «Посланий на армен и полуармен» довольно подробно описывает историю раскола в Сибири. Очень подробно он останавливается на истории сибирских расколоучителей, таких, как Иосиф Астомен[298], Яков Лепихин[299], Авраамий Венгерский[300], Василий Шапошников[301]. Их биографии реконструированы А.Т. Шашковым.

---

[297] Послания блаженнаго Игнатия. С. 148–155.

[298] Монах Иосиф Астомен (так именует его митрополит Игнатий. Возможно, его прозвищем было Истомин). В миру Иоанн Иванисов, происходил из армян, переселившихся в Казань. О нем подробно см.: *Шашков А. Т.* Сибирский митрополит Игнатий... С. 36–49. Интересную, но маловероятную версию о принадлежности Иосифа Астомена к павликианам см.: *Айвазян К. В.* Сподвижник протопопа Аввакума — «арменовер» Иосиф Астомен // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 234–239.

[299] Лепихин Яков Борисович (вторая пол. XVII в.), один из руководителей раннего урало-сибирского старообрядчества. Подробнее о нем см.: *Шашков А. Т.* Яков Борисов сын Лепехин (из истории уральского старообрядчества конца XVII в.) // Культура и быт дореволюционного Урала. Свердловск, 1989. С. 46–58; *Он же.* К истории формирования идеологии антифеодального протеста урало-сибирских старообрядцев во второй половине XVII в. // Книга в культуре Урала XVI–XIX вв. Свердловск, 1991. С. 13–22.

[300] Авраамий (в миру Алексей Иванович Венгерский; † после 1702), инок, один из руководителей раннего урало-сибирского старообрядчества, писатель. Вел полемику о допустимости самосожжений и о сущности антихриста с Яковом Лепихиным. Подробнее о нем см.: *Шашков А. Т.* Авраамий // Православная энциклопедия. Т. I. М., 2000. С. 168–169; *Он же.* Авраамий // СККДР. Вып. 3. Ч. 1. С. 44–47; *Он же.* Авраамий // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 11. *Он же.* Из истории библиотеки старца Авраамия Венгерского (конец XVII — начало XVIII в.) // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 469–478.

[301] Послания блаженнаго Игнатия... С. 131–136.

Эти учителя старой веры, согласно митрополиту Игнатию, учат «Церковь святую пренебрегати и священников законнопосталенных не чтити», а именно:

1) «Не ходите в Церковь святую»;

2) «Не брачитися, сиречь не венчатися, не исповедоватися, не причащатися», то есть не приступать к таинствам Церкви;

3) «Не креститися с треми первыми персты правыя руки, но со двема персты креститися повелевают, по подражанию арменов еретиков»;

4) «Конечное же пагубе огненной, повелеваху учеником своим предаватися, яко диаволское некое крещение умыслили суть» (имеются в виду самосожжения)[302].

Однако последнего пункта, по сведениям митрополита, не придерживался Авраамий Венгерский. В посланиях немало места уделяется обличению «огненного крещения». Самосожжения шокировали современников[303]. На Урале и в Западной Сибири эта форма протеста получила широкое распространение так, в «период с 1679 г. по 1715 г. произошло более 20 самосожжений, в которых погибло, по меньшей мере, четыре с лишним тысячи человек...»[304]. О некоторых из них владыка Игнатий сообщает в своих посланиях[305].

Преосвященный не только обличает в целом старообрядцев, но и вступает в полемику против конкретных сочинений старообрядцев. Так, значительное место в «первом» послании уделено обличению «листа», составленного на старообрядческом соборе (собрании или сходе — сложно судить о количестве его участников), который произошел около города

[302] РНБ. Собр. Соловецкого монастыря. №663/721. Л. 4–4 об.

[303] *Шашков А. Т.* Самосожжения как форма социального протеста крестьян-старообрядцев Урала и Сибири в конце XVII — начале XVIII в. // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 300.

[304] *Шашков А. Т.* Старообрядческие самосожжения на Урале и в Сибири в XVII — начале XVIII в. // Сургут, Сибирь, Россия: Междунар. науч.-практ. конф., посв. 400-летию города Сургута: докл. и сообщ. Екатеринбург, 1995. С. 157.

[305] Послания блаженнаго Игнатия... С. 123–127.

Тюмени, вероятно в 1690 г.[306] По словам митрополита, авторы написали памфлет «исплювающа яд свой на святыя Тайны святаго Тела и Крове Христовы».[307] На близость идей «листа» «Посланию об Антихристе и тайном царстве его»[308] обратил внимание А.Т. Шашков. В свете этого сочинения становится понятным, что имеет в виду митрополит Игнатий. Так, в «Послании об Антихристе и тайном царстве его» говорится, что сатана «избра себе подобен сосуд — человека, волхва и еретика и отметника» (имеется в виду бывший патриарх Никон), который «преложи в Церкви действо по воли его, и смеси ложь со истиною, и нарече такоже Тело Христово и Кровь, а воистину тело сатанино, но и кровь змеина».[309] Автором «листа», скорее всего, был один из лидеров сибирского раскола, Яков Лепихин, именно он придерживался теории «мысленного» антихриста, в отличие от своего соратника Авраамия, который, по-видимому, был сторонником теории «чувственного антихриста». Кроме того, Яков Лепихин был «иконником» и сделал к рукописи иллюстрации. Тобольский архиерей пишет, что «сим листом превращаше окаянный простшыя селныя жители, и покусися злочестивый Лепиха, Церковь святую сим листом своим, во ушесех христиан осквернити».[310]

Вообще обвинение в осквернении Церкви часто используется владыкой Игнатием в полемических интересах. Так, в «первом» послании преосвященный обращается к авторитетному для старообрядцев тексту святого Ипполита («его же они наипаче

[306] Такой даты придерживается А.Т. Шашков. См.: *Шашков А.Т.* Яков Борисов сын Лепехин... С. 50.

[307] РНБ. Собр. Соловецкого монастыря. №663/721. Л. 6.

[308] Подробнее см.: *Шашков А.Т.* «Послание об антихристе и тайном царстве его» в старообрядческой рукописной традиции // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2008. Вып. 7: Источник и его интерпретации. С. 56–91.

[309] Цит. по: *Шашков А.Т.* «Мы же святых отец предание держим неизменно...» (Влияние дониконовских книг на идейные воззрения урало-сибирских старообрядцев 70–80-х гг. XVII в.) // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 36–47.

[310] РНБ. Собр. Соловецкого монастыря. №663/721. Л. 6–6 об.

чтением обезумишася»)[311]. Можно сказать, архиерей пытается «бить своего врага его же оружием». В слове говорится: «Церкви Божия якоже простии храми будут, и развращения церковная всюду будут. Писания не брегоми будут, а вражия песни всюду будут петы...».[312] Возможно, именно подобные мысли были в сочинении и старообрядцев. Эту цитату и использует митрополит Игнатий, говоря «добре рече: божественный и святый священномученик Ипполит. Яко во пришествие сквернаго антихриста или во время предотечев его, сих Арменина, и Лепихина, и жидовина Венгерскаго: *церкви святыя небрегоми будут яко простии храми*, и паки Церковь святую покусится осквернити: се убо ныне сбысться святаго Ипполита слово. Се ныне арменин ему же прозвание Астомен, и Лепихин, и Венгерской учат и заповедают, да никто же входит во святую Церковь, и покушаются, всяко влагая во ушеса и в мысли дабы помышляли Церковь святую скверною»[313]. Более того, в противовес старообрядцам он начинает изображать их слугами антихристовыми. Владыка Игнатий активно использует авторитетные у старообрядцев писания Ипполита Римского и во «Втором» послании.

Пользуется тобольский архиерей и другими аргументами, беря за основу тексты, к которым апеллировали сторонники старой веры. Так, в «первом» послании митрополит разбирает практически всю12 главу Апокалипсиса, перефразируя слова Священного Писания. Здесь он проявляет себя как экзегет. По его мнению, известный сюжет о «жене, облеченной солнцем», нужно

---

[311] В описи книг Тобольского архиерейского дома упоминаются три «Соборника», по одним из которых, по-видимому, митрополит и пользовался, цитируя слово папы Ипполита. См.: От Вятки до Тобольска... С. 89, 91, 129.

[312] Блаженнаго Ипполита Папы Римскаго и мученика, слово в неделю мясопустную о скончании мира и антихристе, и о втором пришествии Господа нашего Исуса Христа // Соборник из 71 слова. М.: Печатный двор, 1647. Л. 123. Еще в XIX в. было доказано, что это слово не принадлежит Ипполиту Римскому, а написано гораздо позднее (см.: Примечание к слову св. Ипполита об антихристе // Апокалипсис святого Иоанна Богослова. Сборник святоотеческих и богословских толкований / *сост. М. Барсов.* Сергиев Посад, 2000. С. 186–188.)

[313] РНБ. Собр. Соловецкого монастыря. № 663/721. Л. 6–7.

понимать следующим образом: «Жена же еже есть святая Церковь, бежа от лица змиина в пустыню, еже есть в терпении укоризн. И тогда испусти змий за женою от уст своих воду многу яко реку, да ю в реце потопит. Река же есть, хуление сих злых еретиков, Арменина, и Лепихина, и Венгерскаго».[314] Интересно, что под «женой» действительно многие церковные писатели понимали Церковь, но владыка Игнатий дополняет это толкование, понимая под «рекой», потопившей «жену», «хуление злых еретиков».

Деятели раскола предстают в сочинениях преосвященного Игнатия «капитонами», «окаянными» и т. д. Он намеренно сгущает краски. Напротив, большинство простых людей предстают лишь заблудшими овцами, к ним он обращается с вниманием. Всю ответственность митрополит Игнатий возлагает на лидеров раскола.

Во всех трех посланиях преосвященный Игнатий сосредотачивает внимание на критике двуперстия. Особенно третье послание напоминает историко-полемический трактат; главным лейтмотивом становится именно доказательство истинности троеперстия и, соответственно, — неправильности двуперстия. О других изменениях практически не говорится, тогда как в «Книге о посылке» предметом диспута со старообрядцами становятся более широкие вопросы, связанные и с другими изменениями обряда. Такое сужение темы полемики, возможно, связано с тем, что в среде простого народа именно перстосложение было «краеугольным камнем» и касалось каждого. В изложении истории раскола преосвященный Игнатий придерживается хронологической последовательности очень условно. Порой события перепутаны. Интересно, что одинаковые библейские цитаты владыка приводит в «Книге о посылке» и посланиях[315].

В полемическом запале митрополит явно теряет чувство объективности по отношению к своим оппонентам. Цель антистарообрядческих сочинений архипастыря — предупредить влияние раскола и поколебать его первые ростки. Главный путь противостояния расколу митрополит видел в усвоении верующими

[314] РНБ. Собр. Соловецкого монастыря. № 663/721. Л. 7 об.

[315] Книга о посылке... С. 219.

основ христианской веры. Именно поэтому он стремился катехизировать население Сибири. С этой целью им была предпринята поездка по «верховым городам». Это подтверждают и просветительские мотивы в некоторых его сочинениях, например, в Житии праведного Симеона Верхотурского.

В целом надо отметить, что взгляды владыки Игнатия на историю раскола, отраженные в «Посланиях на арменов и полуарменов», оказали значительное влияние на развитие историко-полемической мысли XVIII в. и первой половины XIX в. Авторитет сочинения вплоть до середины XIX в. оставался незыблемым. Однако с развитием исторической науки, с ведением в оборот новых источников, некоторые точки зрения митрополита Игнатия, например в вопросе об участии будущих лидеров раскола в книжной справе при патриархе Иосифе, начинают подвергаться критике[316]. Интересно, что заимствовались, в первую очередь, исторические сюжеты, такие, как история Соловецкого бунта, спор в Грановитой палате, история распространения раскола в Сибири. Некоторые авторы включали и некоторые сомнительные сюжеты. Практически невостребованными остались размышления и аргументы митрополита Игнатия против старообрядцев, попытки придать полемике богословскую окраску.

Борьба владыки с расколом в Сибири была, несомненно, самым главным направлением его деятельности. Он повсеместно стремился полностью вытеснить старый обряд из церковной практики. Для этого тобольский архипастырь активно закупал в Москве новые печатные книги. Так, за весь период его пребывания на кафедре было ввезено в Сибирь более 800 книг[317]. Большинство из них было именно богослужебными. Однако среди доставленных книг упоминается и 200 букварей[318]; это говорит

[316] Подробнее см.: *Никулин И.А.* «Послания на арменов и полуарменов» преосвященного Игнатия (Римского-Корсакова) в трудах церковных писателей XVIII–XIX вв.: к постановке проблемы. С. 165–168.

[317] *Покровский Н.Н.* Новые материалы из истории сибирской культуры конца XVII в. С. 241–242.

[318] Там же. С. 242.

о том, что архиерей стремился развивать образование в епархии и тем самым также уменьшить влияние старообрядцев.

Восприятие преосвященным Игнатием своего архипастырского служения

Современная историческая наука активно развивает методы «персональной истории», одной из составляющих которой, по мнению Л.П. Репиной, является внутренняя биография, или история личности. «В фокусе такого исследования оказывается процесс становления личности, ее душевная и мыслительная работа, развитие внутреннего мира человека»[319]. Одним из аспектов «истории личности» может быть изучение восприятия «героем» своей деятельности и самого себя. Такой подход может позволить объяснить те или иные поступки, поведенческие особенности, и т. д.

Изучение понимания архиереем своего служения, восприятия им самого себя очень важно не только для истории идей, но и для оценки их деятельности. Первое изучение восприятия митрополитом Игнатием своего служения предприняла О.Д. Журавель[320], которая на основе анализа Жития праведного Симеона Верхотурского первая высказала мысль, что «Игнатий соотносил собственную деятельность в Сибири с апостольским служением»[321]. В доказательство этого тезиса она привела целый ряд аргументов, базируясь в первую очередь на Житии праведного Симеона. Исследование в данном направлении, на наш взгляд, следует продолжить, используя в качестве источников и другие сочинения тобольского архипастыря.

Понимание митрополитом Игнатием своего служения можно определить, проанализировав сочинения, написанные им на Тобольской кафедре. В первую очередь, это литературные сочинения: «Послания на армен и полуармен» написанные в период

---

[319] *Репина Л.П.* От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С. 60.

[320] *Журавель О.Д.* Житие Симеона Верхотурского... С. 73–93.

[321] Там же. С. 89.

между 1693 и 1696 гг.; Грамота в Пекин (1695 г.), Послание в Красноярск (1697 г.); Житие Симеона Верхотурского (после 1695 г.). Наиболее интересны в этом отношении фрагменты сочинений, где он повествует о себе самом.

Больше всего таких фрагментов содержится в Житии Симеона Верхотурского. Зимой 1694–1695 гг. митрополит совершил «путное шествие», во время которого произошло освидетельствование святых мощей праведного Симеона Верхотурского. Видимо, еще в ходе поездки он вел путевые заметки, которые вскоре были оформлены в так называемое «Житие праведного Симеона Верхотурского», которое, по сути, является повестью об обретении мощей. Главным действующим лицом Жития становится сам автор, митрополит Игнатий, и повествование ведется им от первого лица. Нельзя не согласиться с О.Д. Журавель в том, что «повествование о святом оформлено как слово о распространении Евангелия в Сибирском крае»[322]. «Образ Симеона Верхотурского предстает в Житии в связи с темой просвещения Сибири, а следовательно, деятельности владыки Игнатия как главы Сибирской митрополии»[323]. О.Д. Журавель убедительно доказала, что путешествие, описанное в Житии, перекликается с описанием путешествий апостолов.

Подобные цели архиерей ставил и планируя «путное шествие» по «низовым городам» Сибирской епархии (которое так и не состоялось). Обращаясь в Сибирский приказ, он пишет: «Порученное мне, государи, богомолцу вашему, великое сие дело — святаго Евангелия проповеди. Должно мне сие исправляти и правом правити слово предвечныя истины, наипаче же промышляти добрая пред Богом и вашего пресветлого величества учение здешнему Сибирскому царствию в духовных делех исправлении и во утверждении нашея християнския православной кафолической веры»[324]. И в конце челобитной добавляет «И аз, богомолец ваш, <...> Сибирскую страну, хотя з Божиею помощию

[322] *Журавель О.Д.* Житие Симеона Верхотурского... С. 91.
[323] Там же. С. 88.
[324] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1058. Л. 16.

от той арменоподражателной ереси очистити и чистая веления и догматы святыя соборныя и апостольския Церкви утвердити, вашим царского пресветлого величества повелением, строюся к путному шествию для подтвержения православного соборного и апостольного церкве святых учения и догматов»[325]. В другой отписке в Сибирский приказ он пишет: «<...> писал я, богомолец ваш, к вам, великим государем, <...> о путном моем шествии в вашу великих государей отчину в сибирские низовые городы, во врученную ми паству, <...> в проповедь святаго Евангелия, и для подтвержения святыя православныя христианския веры и истребления арменского прелестнаго учения подражателей, и для основания в неимущих местех, где данное расколие в прибежище, ко спасению православным христианом и к поставлению и освящению святых Божиих церквей»[326]. Таким образом, главной целью планируемого путешествия в «низовые города» Сибири для митрополита была проповедь святого Евангелия, утверждение православной веры и догматов (т. е. церковного вероучения), борьба с расколом и основание новых церквей. Вся эта программа во многом соответствует рассказам Книги Деяний апостольских, повествующей о проповеди учеников Христа.

И кто знает, будь «путное шествие» в «низовые города» Сибири совершено, не получило бы оно от митрополита название «второго путешествия» (как известно у апостола Павла было четыре путешествия)? Напрашивается предположение, что свое последнее путешествие (из Тобольска в Москву) преосвященный Игнатий воспринимал как уподобление последнему путешествию апостола Павла на суд кесаря в Рим. Может быть, поэтому владыка спровоцировал свой арест и дальнейшее удаление на покой? Хотя такое предположение кажется маловероятным.

Анализируя Житие Симеона Верхотурского, можно с некоторой долей условности выявить общую схему посещения населенных пунктов. У въезда в город или слободу чаще всего митрополита встречали местные власти с духовенством и народом.

[325] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1058. Л. 18.
[326] Там же. Л. 15.

Владыка всех благословлял и, возможно, говорил поучение. Часто он поутру совершал Божественную Литургию, после которой обязательно произносил проповедь, которая, если судить по Житию, носила катехизаторскую направленность. Владыка старался поведать своим слушателям основы библейской истории, истории Церкви, церковного вероучения, и т. д. Можно предположить, что такие проповеди были продолжительными.

Таким образом, первое направление своей деятельности митрополит видел в путешествии по епархии, в проповеди Слова Божия. И в этом явно прослеживается его подражание деятельности апостолов, а автор Жития Симеона Верхотурского, как уже было сказано, в изложении событий подражает Книге Деяний апостольских.

Необходимо отметить, что в XVII в. архиереи совершали путешествие по своей епархии в основном для освящения новопостроенных церквей. И объезд епархии выглядел экстраординарным событием, на него требовались патриаршее благословение и царское разрешение. Интересно, что ситуация принципиально меняется в начале XVIII в. В Духовном регламенте говорится: «подобает епископу в год, или в два года единожды объити и посетить епархию свою. И есть сего, кроме многих иных (причин. — *свящ. И. Н.*), великий образ Павла апостола, яко же является в Деяниях...»[327]. Кроме проповеди, конечно, главной целью поездки определялся надзор за епархиальной жизнью.

Поддерживая тезис О.Д. Журавель об особенном восприятии митрополитом своего путешествия, нужно отметить еще одно направление деятельности Тобольского архиерея, которое он также соотносил с деятельностью апостолов, точнее, с их письменным наследием.

Уже в первый год пребывания в Сибири митрополит обратился к своей пастве с «первым посланием на армен и полуармен». Большинство своих посланий автор начинает и заканчивает выдержками из апостольских посланий, зачастую не обозначая их

[327] Духовный регламент. М., 1856. С. 40.

как цитаты, а «вплетая» в начало и конец авторского текста, что добавляет схожести с апостольскими эпистолами. Все послания, кроме «третьего» на «армен и полуармен», по форме хорошо соотносятся с апостольскими посланиями. Все обращены к той или иной Церкви, будь то «Сибирской», «Красноярской» или «всем православным христианам, обитающим в Китайском царствии». Послания хотя и написаны в связи с конкретными историческими обстоятельствами, преследуют более отдаленные цели. В них преосвященный использует характерные для апостольских эпистол обращения «братия», «возлюбленные», «сыне и сослужителе» и т. д. (подробнее см. выше).

Стоит обратить внимание и на то, что в рукописях «посланий на армен и полуармен», созданных в Тобольском архиерейском доме, эпистолы имеют заглавия: «первое послание», «второе послание» и «третье послание»[328]. Эти заголовки явно были написаны по указанию автора, так как рукописи имеют автографы митрополита Игнатия. Такие заголовки перекликаются с порядковыми числами апостольских посланий, например «первое послание апостола Иоанна», «второе послание апостола Иоанна» и т. д. Следовательно, всем своим архиерейским посланиям митрополит преднамеренно придает форму апостольских, таким образом, позиционируя себя апостолом Сибири.

Интересно то, как кротко самого себя именует митрополит Игнатий в своих литературных сочинениях — «егда бывшу смирению моему»[329], «поведа смирению моему»[330], «шествующу моему смирению»[331], «о нашем смирении»[332], «аз смиренный»[333] и т. д. Только несколько раз называет себя «смиренным архиереем»[334]. Иногда архипастырь хотел подчеркнуть свою власть, не прибегая

[328] РНБ. Собр. СПбДА. № 164; РНБ. Собр. Соловецкого монастыря. №663/721.
[329] Житие Симеона Верхотурского. С. 202.
[330] Там же.
[331] Там же.
[332] *Никулин И. А.* Грамота в Пекин... С. 220.
[333] Там же.
[334] Житие Симеона Верхотурского. С. 211.

к официальному титулованию. Так, в «Послании в Красноярск» он называет себя «аз смиренный, стране вашей, чадом моим предзнательною божественною благодатию поставленный пастырь»[335]. Конечно, такое обозначение в тексте самого себя было принято в его время. С другой стороны, в Грамоте в Пекин (как и в других грамотах, которые во многом носили стандартизованное содержание), он несколько раз именует себя «великим господином»[336]; надо сказать что, несмотря на то, что сегодня этот титул употребляется только в отношении патриархов[337], сибирские митрополиты употребляли его как в XVII в., так и в начале XVIII в. По-видимому, к указанию этого титула в тексте преосвященный Игнатий прибегал чаще всего в тех случаях, когда требовалось указать на его власть. Интересное наименование своей кафедры употребляет архиерей в Грамоте в Пекин, называя себя «архиепископом Тобольским и всея Сибири митрополитом»[338]. Невольно напрашивается сравнение с одним из употреблявшихся в то время титулов первоиерарха Русской Церкви, который именовался «архиепископом Московским и всея России и всех северных стран Патриархом»[339]. Сам владыка Игнатий в прочих документах и посланиях употребляет только титулование «митрополит Сибирский и Тобольский».

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. Поддерживая тезис О.Д. Журавель, надо указать, что преосвященный Игнатий очень четко видит себя продолжателем апостольского служения. Это «подражательство» выражается в двух основных направлениях. В первую очередь, это использование опыта путешествий апостолов. Причем цели этих путешествий во многом совпадают с теми, которые ставили апостолы. Именно таким осознанием своего служения можно объяснить настойчивые попытки совершить путешествие на восток Сибири. Кроме

---

[335] Послание в Красноярск... С. 323.
[336] *Никулин И.А.* Грамота в Пекин... С. 217, 219.
[337] *Цыпин В., прот.* «Великий господин»... С. 452.
[338] *Никулин И.А.* Грамота в Пекин... С. 217.
[339] АИ. Т. V. С. 373.

того, такое соотношение выражается в обращении к своей пастве специальными посланиями. Преосвященный намеренно делает свои послания похожими на апостольские эпистолы, намеренно переплетая свои слова и слова апостолов.

Трудно сказать, чем было сформировано такое отношение митрополита Игнатия к своему служению. Возможно, свойствами его характера и убеждением, что ему уготовано особое предназначение. Возможно, его представлениями об особости миссии любого архиерея, оказавшегося на служении в необъятной далекой полиэтничной Сибири. Вряд ли это было продиктовано церковной и государственной регламентацией деятельности сибирских митрополитов. К сожалению, сохранился только наказ Сибирскому архиепископу Макарию в 1625 г., который дает представление о тех обязанностях, которые возлагали московские власти на сибирских архипастырей. В нем довольно лаконично отмечено: «Поучати весь народ, чтоб жили во исправлении закона християнского по заповедем божиим и святых апостол и Святых Отец»[340]. Очевидно, предполагалось, что форму и методы поучений каждый архиерей выбирал сам.

* * *

В целом преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков) оставил после себя целый ряд письменных трудов различных жанров. Наибольший интерес вызывают литературные труды. Семь сочинений им было написано до поставления на кафедру и шесть — в Тобольске. Еще два сочинения («Генеалогия» и «Предисловие к Соловецкому Ирмологию») нельзя с полной уверенностью приписать владыке, неясна степень участия тобольского архипастыря в создании этих сочинений. Также необходимо поставить под сомнение атрибуцию сибирскому архиерею целого ряда сочинений: «Слова к запорожскому воинству», «Слова к православному воинству о помощи Пресвятой Богородицы», Летописного свода, «Довода вкратце», Жития Анны Кашинской.

[340] Тобольский архиерейский дом в XVII веке. С. 213–215.

Эпистолярное наследие митрополита Игнатия также свидетельствует о его литературных дарованиях и мировоззренческих установках. Многие его письма и челобитные написаны живым, эмоциональным языком. Используя традиционные для древнерусской литературы жанры, в определенных случаях он вносил в их структуру особенности, свойственные только его произведениям. Ярким примером являются архиерейские послания, которым владыка Игнатий стремился придать вид апостольских посланий. По-видимому, некоторые его сочинения (Книга о посылке, Житие Симеона Верхотурского) складываются первоначально в пути как некие заметки, а затем уже обрабатываются. На наш взгляд, это достаточно ново для литературы XVII в., в основу произведения ложатся личные впечатления, дополненные присутствием автора в сочинении в первом лице, сочинение персонифицируется. Вообще в сочинениях, написанных на Сибирской кафедре, митрополит Игнатий часто выступает от первого лица. Интересна в этом отношении и сама традиция владыки подписывать свои сочинения. Таким образом, личностное начало присутствует во многих его сочинениях.

Преосвященный Игнатий, несомненно, был человеком своей эпохи — переходной эпохи от Средневековья к Новому времени. По своим мировоззренческим основаниям, как человек, сформировавшийся внутри Русской Православной Церкви, он тяготел к Средневековью, к консервативному восприятию действительности. Основой его мировоззрения была восточно-христианская идеология. Большое влияние на взгляды тобольского архипастыря оказала концепция «византийского (константинопольского) наследия». В ряде трудов преосвященного Игнатия она получила развитие и концептуальное оформление. Особенностью его подхода является трактовка главной цели российского монарха (приемника василевсов) — это «охранение» вселенской Церкви. Таким образом, в творчестве Тобольского архиерея концепция «константинопольского наследия» приобрела религиозно-политическую направленность.

В соответствии с идейными убеждениями того времени, митрополит Игнатий воспринимал светскую власть (власть царя и его администрации) как установленную от Бога, подчинением которой, по его мнению, почитается и Сам Бог. Главная задача царской власти заключается в охранении Церкви, в первую очередь, ее внешних границ, освобождении всей православной «ойкумены». Однако, если светская власть не выполняет своих задач, более того — вмешивается в жизнь церковной организации, ущемляет ее интересы, то по отношению к ней необходимо поступать жестко, вплоть до отлучения от церковного общения. В своем понимании церковно-государственных отношений митрополит был, скорее всего, близок к патриарху Иоакиму и выступал против любых попыток принижения роли Церкви в обществе. Отметим, что расхождение в понимании роли «священства» и «царства» в построении Российского царства начало наблюдаться с середины XVII в. Причем эти тенденции проявлялись не только в центре (конфликт царя Алексея Михайловича и патриарха Никона), но и на местах. К началу XVIII в. среди церковных иерархов были сторонники сильной церковной власти, понимание роли и предназначения «царства» в концепции которых отличалось от представлений представителей самого «царства», что, возможно, заставляло задуматься светскую власть о «целесообразности» избрания нового патриарха после смерти патриарха Адриана в 1700 г.

Согласно господствовавшей в официальной идеологии концепции «константинопольского (византийского) наследия», митрополит Игнатий наделял особым авторитетом греков и греческую веру (обряд) как хранителей неповрежденного православия. А борьба с латинским и протестантским влияниями являлась частью его церковно-политической деятельности. Под влиянием идеологии «византийского наследия» у преосвященного оформилось и негативное отношение к старообрядчеству. Столкнувшись с большим распространением раскола в Сибири, он один из первых попытался выявить корни этого явления и объяснить феномен его появления. «Послания на армен и полуармен» до сих пор

остаются одним из важных источников по истории сибирского старообрядчества.

Анализ сочинений владыки Игнатия позволил оценить его самоидентификацию на посту главы Сибирской епархии. Преосвященный видел себя продолжателем апостольского служения. Это «подражательство» проявилось в двух основных формах. Это подражание путешествиям и посланиям апостолов. Он старался привнести в архиерейское служение что-то новое по сравнению со своими предшественниками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переходные эпохи, чаще всего обладая своими неповторимыми особенностями, имеют ряд общих черт, главной из которых является соединение прошлого и будущего культуры, сосуществование традиций и новаций. На наш взгляд, именно это во многом и определило своеобразие личности сибирского митрополита Игнатия (Римского-Корсакова).

Преосвященный, происходя из элитарного слоя общества, оставил «мир» и стал монахом. Его восхождение по ступеням церковной иерархии происходило постепенно, и было, на наш взгляд, обусловлено как его происхождением, так и его личными дарованиями. Кроме того, большую роль сыграла его близость, в том числе и идеологическая, патриарху Иоакиму. Несомненно, что в период занятия преосвященным Игнатием должности архимандрита Новоспасского монастыря он играл заметную роль в церковно-политической жизни Русской Церкви и Московского царства. С обычными обязанностями настоятеля архимандрит Игнатий совмещал активное участие в церковной и культурной жизни Москвы. Однако эта роль изменилась со смертью Иоакима. В 1692 г. Игнатий был поставлен в митрополиты Сибирские и Тобольские.

Именно в Сибири владыка Игнатий в максимально возможной форме сумел реализовать свой талант архиерея, писателя, просветителя. Отдаленность от центра и социальная специфика Сибирской епархии предоставляли ему больше возможностей для принятия самостоятельных решений и свободы действий.

Преосвященный Игнатий с энтузиазмом начал свою деятельность в Сибири, которая в методах реализации архипастырского служения отчасти была новаторской. Новыми для сибирских архиереев можно считать такие способы общения с паствой, как произнесение устных проповедей, открытая полемика с идейными противниками (старообрядцами). Все это активно практиковалось сибирским архипастырем. Знания, начитанность

позволяли ему свободно высказываться на различные темы. Воспринимая себя в сане митрополита как продолжателя и наследника апостолов, он старался во многом реализовать себя именно в этом «апостольском» ключе. Об этом свидетельствуют его сочинения и «путные шествия», целью которых стала борьба с расколом.

В этом же ключе необходимо понимать его отношение к сибирской пастве. В чем-то весьма резкий, даже жесткий и упрямый, порой вспыльчивый, он относился к своей пастве как к «возлюбленному стаду», обвиняя в расколе и прочих «непорядках» лишь руководителей и зачинщиков. Характерно, что в обращениях к власти митрополит Игнатий в отличие от своих предшественников не жаловался на «нестроения» в сибирском обществе, не обличал его пороки, напротив, демонстрировал полное взаимопонимание с паствой. Тем не менее, в реальности отношения пастыря с пасомыми были сложнее.

Анализ всего выявленного фактического материала о деятельности преосвященного Игнатия во главе Сибирской епархии говорит о том, что он не очень умел разбираться в людях, и в ряде случаев люди, которым он доверял, его подводили. Например, это с очевидностью просматривается в деле о десятильниках. Тем не менее, владыка, несомненно, умел общаться с людьми, поддерживать с ними отношения, дорожить ими. Неформальные отношения у него складывались даже с его подчиненными.

Характерной чертой всего церковного служения митрополита Игнатия является неформальный подход к тому или иному послушанию. Он выполнял его со старанием, энтузиазмом, вкладывая в него все свои силы. Он не довольствовался лишь исполнением минимальных требований, а стремился к максимуму.

Сибирский митрополит оставил после себя значительное литературное наследие, хотя и уступающее по величине его известным современникам — писателям, таким, как Карион Истомин, Сильвестр Медведев и др. Тем не менее, необходимо назвать его оригинальным и самостоятельным писателем, имевшим свой сложившийся стиль и идейную направленность, обусловленную влиянием времени и его собственной образованностью.

В силу ошибочной атрибуции преосвященному Игнатию ряда произведений в современной историографии (во многом благодаря трудам А.П. Богданова) сложилась несколько искаженная оценка его вклада в развитие книжности и даже исторической науки. Владыке Игнатию явно не принадлежит целый ряд приписываемых ему сочинений. Всего с уверенностью можно говорить лишь о тринадцати сочинениях, что, по сравнению с его современниками, относительно немного. Его писательский талант проявился не только в литературных памятниках. Порой он творчески подходил и к написанию своей делопроизводственной корреспонденции.

На наш взгляд, нуждаются в корректировке оценки, которые получило литературное наследие владыки в литературоведческих исследованиях. В первую очередь, это касается утверждения о том, что митрополит Игнатий следует «традиционным жанровым нормам прений, проповеди, панегирика, послания, летописи и жития»[1]. Как показывает наше исследование, очень часто, в традиционный жанр тобольский архиерей привносил нечто новое. В старые привычные формы преосвященный вкладывал новый контекст, выразившийся, в частности, в подражательстве Книгам Нового Завета — апостольским посланиям и деяниям, и это наделяло его сочинения дополнительным подтекстом. Особенно это характерно для таких сочинений, как Житие праведного Симеона Верхотурского, «Послания на армен и полуармен», Грамота в Пекин, Послание в Красноярск и других. Мы полностью разделяем точку зрения авторов статьи в «Словаре книжников и книжности Древней Руси», что «Сочинения Игнатия <...> примечательны живым, эмоциональным языком, яркими и убедительными образами, публицистической остротой, склонностью автора к сильным выразительным средствам в ущерб орнаментальности классического барокко»[2].

Большое значение для истории русской культуры имеют труды владыки Игнатия как мыслителя. Он хорошо знал вероучение

[1] *Белоброва О.А. Богданов А.П.* Игнатий... С. 29.

[2] Там же.

Православной Церкви, ее историю. В своих сочинениях митрополит излагал и православную христологию, и учение о Троице, и толкование Литургии и т. д. Преосвященный имел отличные знания и по истории Российского государства. Судя по произведениям, он был хорошо знаком прежде всего с восточно-христианской письменностью. Чаще всего в своих сочинениях цитировал тексты Нового и Ветхого Завета (в основном Псалтирь), использовал жития святых (в основном из Пролога), Степенную книгу царского родословия, «Просветитель» преподобного Иосифа Волоцкого, труды известных церковных писателей, таких, как свтт. Иоанн Златоуст, Ипполит Римский и др. Вероятно, он был знаком с греческим и латинским языками.

На формирование его мировоззрения оказал влияние целый ряд факторов. Прежде всего, происхождение из московской служилой знати определило его приверженность официальной концепции «византийского (константинопольского) наследия», а посредством ее и церковной реформе середины XVII в. Постепенное восхождение по ступеням церковной иерархии под покровительством известных людей его времени, таких, как Павел (Маровский), архимандрит Соловецкого монастыря Макарий, патриарх Иоаким, также оказало свое воздействие. Возможно, именно под их влиянием будущий сибирский архиерей формировался как писатель и мыслитель, как преемник восточно-христианской традиции. Несомненное значение в формировании его взглядов имели и круг чтения, и круг общения. Из всех знакомых самую большую дружбу владыка Игнатий имел с известным церковным деятелем и писателем преосвященным Афанасием, архиепископом Холмогорским. Их дружба строилась на близости взглядов на многие вопросы современной им жизни, похожести биографий. Определенное влияние на митрополита Игнатия, его взгляды и литературные сочинения, оказывала и политическая обстановка второй половины XVII в.

В своих общественных и церковно-политических взглядах сибирский митрополит во многом является традиционалистом. Тобольский архипастырь, будучи одним из ярких сторонников

официальной концепции «византийского (константинопольского) наследия, в своих сочинениях развивал ее, сосредоточившись главным образом на религиозной составляющей. Отсюда и понимание роли государя в первую очередь как защитника и «охранителя» всей восточной Церкви. Следствием таких взглядов, по нашему мнению, стали обращения к царской власти с панегириками, цель которых, по-видимому, восхваление образа идеального государя, заботящегося обо всей восточной Церкви. Именно в рамках концепции «византийского наследия» преосвященный Игнатий мыслил свое отношение ко многим вопросам своего времени. В том числе традиционным представляется и отношение к вопросу о церковно-государственных отношениях. Он воспринимал их во многом в русле идей Большого Московского Собора, идей патриархов Никона и Иоакима. Он явно выступал за сильную позицию Церкви в общественной жизни. Владыке свойственно во многом средневековое понимание действительности. Он радел о защите феодальных интересов Церкви, ее судебного иммунитета, земельных вотчин и т. д.

Однако при этом в его личности соединилось и старое, и новое. Во второй половине XVII в. усилился интерес к личности человека, что рассматривается многими исследователями как одна из важнейших черт переходной эпохи русской культуры от Средневековья к Новому времени[3]. В этом отношении характерно усиление личного начала в творчестве митрополита Игнатия. Он не только намеренно подписывал свои сочинения, но и порой он выступал актором, главным героем своего произведения, передавал личные впечатления, таким образом возникала как бы живая связь между автором и читателем.

По мнению Л. А. Черной, в переходную эпоху второй половины XVII — начала XVIII в. «продолжали существовать люди, сохранившие способность соединять в себе и своем творчестве

[3] *Черная Л. А.* Русская мысль второй половины XVII — начала XVIII в. о природе человека // Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. М., 1990. С. 202.

средневековый подход и рационалистический»[4]. На наш взгляд, преосвященный Игнатий относился именно к этой категории людей. Он, следуя за многими своими современниками (например, Симеоном Полоцким), полагал, что именно знания — главное оружие против распространявшегося раскола, поэтому и стремился развивать свою проповедническую деятельность. Он прямо писал, что знание — это «сила на демоны». Признавая истинность современного ему греческого Православия (что выразилось и в его симпатиях к грекофильству), владыка Игнатий стал одним из последовательных сторонников церковной реформы середины XVII в. и одним из видных борцов с расколом. В своей антистарообрядческой деятельности тобольский митрополит старался придерживаться больше полемических приемов, нежели обращения к репрессивным методам светской власти. Он считал, что именно проповедь, своеобразная катехизация и увещание могут ослабить влияние деятелей старого обряда. Однако такой выбор средств борьбы с расколом можно объяснить только особенным восприятием митрополитом Игнатием себя как митрополита и пониманием своего служения. В этом смысле определенными новациями были поездки по епархии, определенная трансформация уже привычных жанров жития и архиерейского послания.

Сама личность преосвященного Игнатия, как и его служение, во многом противоречива, соткана из традиционного и чего-то нового. Несомненно, религиозный, весьма принципиальный в вопросах веры, обладавший властным характером, он не был лишен определенной дипломатичности, которую старался использовать в основном в интересах Церкви. Постепенная секуляризация, происходившая в общественном сознании во второй половине XVII в., воспринималась им как личная боль, он старался как можно громче заявить о высшей роли Церкви, оградить ее организацию от постепенного подчинения государственной машине. Митрополит как бы отстаивал ее своеобразную автономию накануне окончательной ее потери.

[4] *Черная Л. А.* Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999. С. 68.

СОКРАЩЕНИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

АИ	Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссиею. СПб., 1841–1842. Т. 1–5.
БАН	Библиотека академии наук (г. Санкт-Петербург)
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации (г. Москва)
ГИМ	Государственный исторический музей (г. Москва).
ДАИ	Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссиею. СПб., 1846–1872. Т. 1–12.
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830–1884. Т. 1–45.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей. СПб. / Пг., 1846–1921. Т. 1–24; М.; Л., 1949–1994. Т. 25–39. М., 1995. Т. 41.
РГАДА	Российский государственный архив древних актов (г. Москва)
РГБ	Российская государственная библиотека (г. Москва)
РГИА	Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург)
РНБ	Российская национальная библиотека (г. Санкт-Петербург)
СККДР	Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1–3. Л.; СПб., 1987–2004.
ТГИАМЗ	Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (г. Тобольск).
ТОДРЛ	Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (РАН). Л. / СПб., 1934—. т. 1—.
ЧОИДР	Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1846–1848, 1858–1918.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. Источники

Опубликованные источники

1. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссиею. Т. V: 1676–1700. — СПб.: тип. II-го отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1842. — 580 с.
2. Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Изданы археографическою комиссиею, под редакцией члена комиссии Николая Калачева. — СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1864. — 872 стб.
3. Архив Юго-западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов высочайше утвержденною при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Ч. I. Т. V: Акты, относящиеся к делу о подчинении Киевской митрополии Московскому патриархату (1620–1694 г.). — Киев: Губернская типография, 1872. — 488 с.
4. Архиерейская граммата [Игнатия (Римского-Корсакова)] в Енисейск о первом Азовском походе // *Туманский Ф.* Собрание разных записок и сочинений, служащий к доставлению полнаго сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого / Ф. Туманский. Ч. 2. — СПб.: Печатано с дозволения Указнаго, у Шнора, 1787. — С. 81–82.
5. *Афанасий Великий, свят.* Творения в 4-х томах. Том III. — М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1994. — 524 с.
6. *Бантыш-Каменский Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Составленное по документам, хранящимся в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел, в 1792–1803 году / изд. В.М. Флоринским. — Казань: тип. Императорского университета, 1882. — 565 с.
7. Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря (последняя четверть XVII — начала XVIII в.): сб. документов / *сост. И.Л. Манькова.* — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1992. — 239 с.
8. Вотчины Тобольского Софийского двора в XVII в. — Тюмень: Издательство Тюмен. гос. ун-та, 2001. — 88 с.
9. Грамота, данная в 7203 (1695) году, от бывшаго Преосвященного Игнатия, архиепископа Тобольского, находящемуся тогда в Пекине православному священнику Максиму Леонтиеву, на освящение данного от тамошнего

Богдыхана храма и на отправление в нем священнослужения // История Российской иерархии. Ч. 2. — М.: Синод. тип., 1810. — С. 491–500.

10. [Грамота преосвященного Игнатия (Римского-Корсакова), митрополита Сибирского и Топольского о построении в Киренском монастыре привратной церкви во имя Св. Пророка и Предтечи Крестителя Иоанна] // Лаврентий (Мордовский), игум. Историческое описание Киренского Свято-Троицкого монастыря, Иркутской епархии. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1856. Прил. № 3. С. 40–42;

11. Две грамоты Игнатия, митрополита Тобольского, о построении церкви на Савватиевой, или на Секирной горе, и о прочем // *Досифей, архим.* Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М.: В унив. тип., 1853. Ч. 3. С. 227–231.

12. *Димитрий (Туптало), свт.* Розыск о раскольнической брынской вере / свт. Димитрий (Туптало). Издание 5-е. — М.: Синодальная тип., 1855. — 660 с.

13. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссиею. Т. XII. — СПб.: Тип. В.В. Пратц, 1872. — 474 с.

14. Древние церковные грамоты Восточно-сибирского края (1653–1726) и сведения о Даурской миссии. Собранные миссионером архим. Мелетием. — Казань: Универ. типогр., 1875. 199 с.

15. Духовный регламент. — М.: Синодальная типография, 1856. — 198 с.

16. *Евфимий, инок.* Остен. Памятник русской духовной письменности XVII века / инок Евфимий. — СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2006. — 160 с.

17. Житие и завещание святейшего патриарха Московского Иоакима / с предисл. Н.П. Барсуков. — СПб.: тип. В.С. Балашева, 1879. — 149 с.

18. Житие и завещание святейшего патриарха Московского Иоакима // Общество любителей древней письменности. — М., 1879. — Т. 47. — С. 45–101.

19. Житие патриарха Иоакима. Опубл. в ст: *Панич Т.В.* Житие патриарха Иоакима (вопросы атрибуции, истории текста и литературной специфики памятника) // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV–XXI вв. / отв. ред. Е.К. Ромодановская. — Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2010. — С. 41–94.

20. Житие Симеона Верхотурского // Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / *сост. Е.К. Ромодановская, О.Д. Журавель.* — Новосибрск: Сибирский хронограф, 2001. — С. 196–272, 377–386 (комментарии).

21. *Игнатий (Римский-Корсаков), митр.* «Слово о Российском царствии». Опубл. в ст.: *Никулин И. А.* «Слово о Российском царствии» митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) / И. А. Никулин // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2012. — № 2 (4). — С. 185–214.

22. *Игнатий (Римский-Корсаков), митр.* Генеалогия явленной от сотворения мира фамилии... Корсаков-Римских / митр. Игнатий (Римский-Корсаков). — М.: Рос. университет. издат-во «Ангстрем», 1994. — 250 с.

23. *Игнатий (Римский-Корсаков), митр.* Грамота в Пекин священнику Максиму Леонтиеву. Опубл. в ст.: *Никулин И. А.* Грамота в Пекин священнику Максиму Леонтиеву митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) как памятник литературы конца XVII в. / И. А. Никулин // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2011. — Вып. 2. — С. 206–221.

24. *Игнатий, митрополит Сибирский и Тобольский.* Послание в Красноярск / митр. Сибирский и Тобольский Игнатий // Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / сост. Е. К. Ромодановская, О. Д. Журавель. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. — С. 322–330, 420–421 (комментарии).

25. *Идес Избрант, Бранд Адам.* Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / вступ. ст., пер. и коммент. М. И. Казанина. — М.: Главная редакция восточной литературы, 1967. — 403 с.

26. Изъяснение иконы св. Софии Премудрости Божии, поднесенное государыне царевне Софии Алексеевне Игнатием, архимандритом Новоспасского монастыря // *Брюсова В. Г.* София Премудрость Божия в древнерусской литературе и искусстве. — М.: Белый город, 2006. — С. 157–159.

27. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Т. I: Княжеские и царские грамоты / сост. И. А. Вахрамеев. — М.: Синодальная типография, 1896. — 225 с.

28. Книга о посылке Новоспаского монастыря архимандрита в Костромской и Кинешемский уезды во 195 году к раскольником, о увещевании их ко истинной вере // Бонч-Бруевич В. Д. Материалы к истории и изучению русских сект и раскола. Вып. I. — СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1908. — С. 217–227

29. Кормовая книга Московского ставропигиального Новоспасского монастыря. — М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон., 1903. — 38 с.

30. *Лебедев А.* Полемические сочинения XVII века против латинян / А. Лебедев // ЧОИДР. — 1884. — Кн. 3. — С. I–IV, 1–32.

31. *Леонид, архим.* Столовый обиходник Спаса, что на Новом (Новоспасского) монастыря) / архим. Леонид // ЧОИДР. — 1880. — Кн. 3. — С. 1–4, 24–113.

32. *Лихачев Н.П.* «Генеалогия» дворян Корсаковых // Сборник статей в честь Дмитрия Фомича Кобеко от сослуживцев по императорской публичной библиотеке. — СПб., 1913. — С. 91–114.

33. *Лызлов А.* Скифская история / отв. ред. Е.В. Чистякова, подгот. текста и коммент. А.П. Богданов. — М.: Наука, 1990. — 520 с.

34. Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. II.: Документы содержащие известия о лицах и событиях из истории раскола за первое время его существования. Ч. 2.: Акты относящиеся к Собору 1666–1667 года. — М.: Тип. Т. Рис, 1876. — 430 с.

35. Окружное послание 1696 г. // Странник. — 1866. — Окт. — С. 23–42;

36. Окружное послание 1697 г. // Архангельские епархиальные ведомости. — 1900. — № 18. — С. 484–485.

37. [Окружное послание патриарха Адриана] // *Есипов Г.В.* Раскольничьи дела XVIII века. Т. II. — М.: Тип. Тварищества «Общественная польза», 1863. — Приложение. — С. 64–72.

38. Описание церкви великого чудотворца Николы что у красных колокол, что в посольской улице у красных колокол // Материалы для истории археологии и статистики города Москвы по определению Московской городской думы собранные и изданные руководством и трудами Ивана Забелина. Ч. I. — М.: Московская городская типография, 1884. — С. 371–375.

39. Остен: памятник русской духовной письменности XVII в. — Казань: Университетская тип., 1865. — 210 с.

40. *Панич Т.В.* Окружное послание 1696 года Афанасия Холмогорского / Т.В. Панич // Исторические источники и литературные памятники XVI–XX вв.: Развитие традиций. Новосибирск, 2004. С. 241–249 (исследование), 249–264 (публикация текста).

41. Подробное сказание о жизни и чудесах святаго праведного Симеона, Верхотурского чудотворца и о чествовании святых мощей его. — 7-е изд. — Пермь: Издание Верхотурского монастыря, 1886. — 247 с.

42. Подробное сказание о жизни и чудесах святого праведного Симеона, верхотурского чудотворца и о чествовании святых мощей его. — Издание Верхотурского мон-ря 5-е. — Киев: Типография Киево-Печерской лавры, 1879. — 244 с.

43. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. I. 1649–1675. — СПб., 1830.

44. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. III. 1689–1699. — СПб.: Тип. II Отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. — 694 с.

45. Полное собрание русских летописей. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. — М.: Наука, 1968. — 263 с.

46. Полное собрание русских летописей. Т. 36. Ч. 1.Сибирские летописи: группа Есиповской летописи / *предисл. Н.Н. Покровского, Е.К. Ромодановской.* — М.: Наука, 1987. — 381 с.

47. Послание митрополита Игнатия в Красноярск 1697 г. Опубл. в ст.: *Дворецкая Н.А.* Послание митрополита Игнатия в Красноярск 1697 г. // Археография и источниковедение в Сибири. — Новосибирск: Издательство «Наука», Сибирское отделение, 1975. — С. 167–173.

48. Послания блаженнаго Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского. — Казань: Типография губернского правления, 1855. — 176 с.

49. Предисловие к Ирмологу Соловецкого монастыря, составленному в 1678 г. при архимандрите Макарии // *Ундольский В.* Замечания для истории церковного пения в России. — М.: Университетская тип, 1846. — С. 34–39.

50. Пролог (декабрь — февраль). — М.: Печатный двор, 29.08.1641. — 850 л.

51. Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово / изд. подг. Т.И. Орнатская. — Л.: «Наука». Ленинградское отделение, 1989. — 481 с. — (Серия «Литературные памятники»).

52. *Ремезов С.У.* Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Том I. Факсимильное издание / С.У. Ремезов. — М.: Федер. служба геодезии и картографии России; Рос. гос. б-ка, 2003. — 50 л.

53. Русские и Греко-Российская Церковь в Китае в XVII–XIX вв. Письмо иеромонаха Гурия скончавшегося архиепископом Таврическим к Саратовскому епископу Иакову, скончавшемуся в С.-Петербурге архиепископом Нижегородским. 1844 г. // Русская старина. 1884. — Сентябрь. — С. 655–662.

54. Сибирские летописи. — СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1907. — 418 с.

55. Сибирские послания (1696 г.) Тобольского митрополита Игнатия Римского-Корсакова. Извлечения // Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья. Т. I. Вып. 2. / *сост. А.Т. Шашков, В.И. Байдин.* — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1991. — С. 22–31.

56. *Симеон Полоцкий.* Вертоград многоцветный. Т. 1: «Аарон», «Детям благословение» / подг. текста, ст. и коммент. А. Хипписли и Л.И. Сазоновой. — Köln, 1996. — 356 с.

57. *Симеон Полоцкий.* Вечеря душевная. — М.: Тип. Верхняя, 1683. — 716 л.

58. *Симеон Полоцкий.* Избранные сочинения / подг. текста, ст. и коммент. И.П. Еремина. — М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1953. — 281 с.

59. *Симеон Полоцкий.* Обед душевный. — М.: Тип. Верхняя, 1681. — 687 л.

60. «Свидетельство... о Российском благословенном царствии» // Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики / подг. текста, пред. и коммент. А.П. Богданова. — М.: Ин-т истории СССР, 1983. — Ч. 2. — С. 233–241.

61. «Слово благочестивому и христолюбивому воинству» // Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики / подг. текста, пред. и комм. А.П. Богданова. — М.: Ин-т истории СССР, 1983. — Ч. 1. — С. 135–173.

62. «Слово к православному воинству о помощи Пресвятой Богородицы» // Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики / подг. текста, пред. и комм. А.П. Богданова. — М.: Ин-т истории СССР, 1983. — Ч. 1. — С. 174–182.

63. *Смирнов П.С.* Из истории противораскольнической миссии XVII века // Христианское чтение. — 1903. — Т. 216. — Ч. 2. — С. 652–666, 855–880.

64. Соборник из 71 слова. — М.: Печатный двор, 1647. — 879 л.

65. Соборное изложение преосвященнаго Ионы архиепископа Вятскаго и Великопермскаго о празднестве пятой недели Великаго поста // Труды Вятской ученой архивной комиссии. — 1905. — Вып. II. Отд. III. — С. 31–35.

66. Список лиц рода Корсаковых, Римских-Корсаковых и князей Дондуковых-Корсаковых с краткими биографическими сведениями. — СПб: Типо-Литография Н. Евстифьева, 1893. — 77 с.

67. Тобольск: материалы для истории города XVII и XVIII столетий. — М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1885. — 144 с.

68. Тобольский архиерейский дом в XVII веке. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1994. — 294 с.

69. Тюмень в XVII столетии: собрание материалов для истории города с «Введением» и заключительной статьей прив. доц. П.М. Головачева: «Состав населения и экономический быт Тюмени в XVII в.», с приложением плана старинной Тюмени и 2 видов Благовещенского собора начала XVIII в. / сост. Ю.Л. Мандрика. — Тюмень: Мандр и К, 2004. — 200 с.

70. Челобитная Спаса Нового монастыря архимандрита Игнатия и с братиею о высылке в тот монастырь из города Суздаля иконописцев Гурья Никитина с товарищами для писания в том монастыре стенного письма.

1689 г. // *Брюсова В.Г.* Гурий Никитин. — М.: «Изобразительное искусство», 1982. — С. 257–260.

71. *Gordon P.* Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, wahrend seiner Knegsdienste unter den Schweden und Polen vom Jahre 1655 bis 1661 und seines Ausenthaltes in Rufiland vom Jahre 1661 bis 1699. Zu ersten Male vollstandig veroffentlichtdurch M.A. Obolenski und M.G. Posselt. Bd. 2. Th. 3 [1684–1692]-4 [1693–1695]. — St. Petersburg: Commiffion bei R.F. Röbler, 1851. — 760 s.

Неопубликованные источники

1. Библиотека академии наук (г. Санкт-Петербург).

Собр. Архангельской семинарии. №202.
Собр. рукописей из библиотеки Петра I. А. 10; А. 80.

2. Государственный архив Российской Федерации (г. Москва).

Ф. 728 (Собр. Зимнего дворца). Оп. 1. Кн. 1. № 27.

3. Государственный исторический музей (г. Москва).

Собр. Забелина. № 263.
Собр. Чудовского монастыря. № 301.

4. Российская государственная библиотека (г. Москва).

Ф. 205 (Собр. Общества истории и древностей российских). № 241. Отд. I.
Ф. 310 (Собр. Ундольского). № 1383.

5. Российский государственный архив древних актов (г. Москва).

Ф. 196 (рукописное собрание Ф.Ф. Мазурина). Оп. 1. Д. 1543.
Ф. 214 (Сибирский приказ).
Оп. 1. Кн. 1559.
Оп. 3. Ст. 596; 1058; 1136; 1277; 1317. Ч. 1; 1363.
Оп. 5. Д. 561.
Ф. 357 (собр. Саровской пустыни). Оп. 1. Кн. 56 (237).

6. Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург).

Ф. 796 (Канцелярия Синода). Оп. 91. Д. 86.
Ф. 815 (Александро-Невская лавра). Оп. 15. Д. 488.

7. Российская национальная библиотека (г. Санкт-Петербург).

Собр. Соловецкого монастыря. №663/721; № 1055/1164.
Собр. СПбДА. № 164.

8. Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (г. Тобольск).

Кп. 12865.
Кп. 12866.

II. Литература

1. *А. М.* Сказание о жизни и чудесах святого праведного Симеона, верхотурского чудотворца. — СПб.: Типография Я. Ионсона, 1857. — 44 с.
2. *Абрамов Н. А.* Город Тюмень: из истории Тобольской епархии / Н. А. Абрамов. — Тюмень: СофтДизайн, 1998. — 576 с.
3. *Абрамов Н. А.* Игнатий (Римский-Корсаков), митр. Сибирский и Тобольский / Н. А. Абрамов. // Странник. —1862. — Апрель. — С. 157–167.
4. *Аверинцев С. С.* Истоки и развитие раннехристианской литературы / С. С. Аверинцев // История всемирной литературы: в 9 т. Т. I. — М.: Наука, 1983. — С. 512–515.
5. Азиатская Россия. Т. I. Люди и порядки за Уралом. — СПб.: Издание переселенческого управления главного управления землеустройства и земледелия, 1914. — 578 с.
6. *Айвазян К. В.* Сподвижник протопопа Аввакума — «арменовер» Иосиф Астомен / К. В. Айвазян // Исследования по древней и новой литературе. — Л.: Наука, 1987. — С. 234–239.
7. *Александров В. А.* Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.) / В. А. Александров. — М.: Хабаровское книжное издательство, 1984. — 271 с.
8. *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край) / В. А. Александров. — М.: Наука, 1964.

9. *Алексеев А.И.*, *Флоря Б.Н.* Архиерейский дом / А.И. Алексеев, Б.Н. Флоря // Православная энциклопедия / под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. III. Анфимий — Афанасий. — М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2001. — С. 532–536.

10. *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. Вып. I: XVII век / А.И. Андреев. — М., Л.: АН СССР, 1960. — 446 с.

11. *Андриевич В.К.* История Сибири. Ч. 2: период с 1660 года до воцарения императрицы Елизаветы Петровны / В.К. Андриевич. — СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1889. 487 с.

12. Архипастыри Тобольской епархии // Религия и Церковь в Сибири. Сб. научн. ст. и док. мат-лов. Вып. 4. — Тюмень: МИ «Рутра», 1992. — С. 76–89.

13. *Баландин С.Н.* Начало русского каменного строительства в Сибири / С.Н. Баландин // Сибирские города XVII — начала XX века. — Новосибирск: Наука, 1981. — С. 174–196.

14. *Барсуков А.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам / А. Барсуков. — СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. — 611 с.

15. *Белоброва О.А.*, *Богданов А.П.* Игнатий / О.А. Белоброва, А.П. Богданов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.) Ч. 2. И–О. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. — С. 26–31.

16. *Белоброва О.А.* Житие Анны Кашинской / О.А. Белоброва // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.) Ч. 1. А–З. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. — С. 351–355.

17. Библиотека Петра I. Описание рукописных книг / *авт.-сост. И.Н. Лебедева.* — СПб.: Библиотека Академии наук, 2003. — 431 с.

18. *Богданов А.П.* «Генеалогия» и ее автор (Игнатий Римский-Корсаков) / А.П. Богданов // Чистякова Е.В., Богданов А.П. «Да будет потомкам явлено...» Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. — М.: Университет дружбы народов, 1988. — С. 86–102.

19. *Богданов А.П.* Европейский историк в России XVII века / А.П. Богданов // Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия / под ред. А.В. Голубева; РАН. Ин-т рос. истории. — М.: Институт российской истории РАН, 2000. Вып. 1. — С. 69–86.

20. *Богданов А.П.* Игнатий (Илья Александрович Корсаков) / А. П. Богданов // Большая Российская энциклопедия. Т. 10. Железное дерево – излучения. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2008. – С. 677–678.

21. *Богданов А.П.* Московская публицистика последней четверти XVII века / А.П. Богданов. — М.: Институт российской истории РАН, 2001. – 492 с.

22. *Богданов А.П.* Начало исторической науки в России: Неизвестный труд Игнатия Римского-Корсакова / А.П. Богданов // Вестник РАН. — 1999. — Т. 69. — № 3. — С. 256–267.

23. *Богданов А.П.* Общерусский летописный свод конца XVII в. в собрании И.Е. Забелина / А.П. Богданов // Русская книжность в XV–XIX вв. — М.: Государственный исторический музей, 1989. — С. 183–209.

24. *Богданов А.П.* От летописания к исследованию. Русские историки последней четверти XVII века / А.П. Богданов. Ч. I. — М.: RISC. 1995. — 568 с.

25. *Богданов А.П.* Россия накануне империи: политические концепции и реальность последней четверти XVII в. / А.П. Богданов // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика: Мат-лы IX Междунар. семинара истор. исслед. «От Рима к Третьему Риму», Москва, 29–31 мая 1989 г. — М.: Институт Российской истории РАН, 1995. — С. 333–352.

26. *Богданов А.П.* Русские патриархи. 1589–1700. В 2х тт. / А.П. Богданов. — М.: Терра; Республика, 1999. — 416 с.

27. *Богданов А.П.* София-Премудрость Божия и царевна Софья Алексеевна: Из истории русской духовной литературы и искусства XVII века / А.П. Богданов // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 7. Ч. 2. — М.: Б. и., 1994. — С. 399–428.

28. *Богданов А.П.* Творческое наследие Игнатия Римского-Корсакова / А.П. Богданов // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 6. Ч. 1. — М.: Б. и., 1993. — С. 165–248.

29. *Богословский М.М.* Петр I. Т. IV. 1699–1701 / М.М. Богословский. — Л.: ОГИЗ Госполитиздат, 1948. — 514 с.

30. *Боцяновский В.Ф.* Игнатий / В.Ф. Боцяновский // Энциклопедический словарь. Т. 24. — Б. м.: Терра, 1991. — С. 783.

31. *Браиловский С.Н.* Один из «пестрых» XVII столетия / С.Н. Браиловский. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1902. — 493 с.

32. *Брюсова В.Г.* Гурий Никитин / В.Г. Брюсова. — М.: «Изобразительное искусство», 1982. — 270 с.

33. *Брюсова В.Г.* София Премудрость Божия в древнерусской литературе и искусстве / В.Г. Брюсова. – М.: Белый город, 2006. — 207 с.

34. *Брюсова В.Г.* Федор Зубов / В.Г. Брюсова. – М.: «Изобразительное искусство», 1985. — 207 с.

35. *Буланин Д.М.* Иона Сысоевич / Д.М. Буланин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.) Ч. 2: И–О. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. — С.93–98.

36. *Булатов В.Н.* Муж слова и разума. Афанасий — первый архиепископ Холмогорский и Важский / В.Н. Булатов; Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. — Архангельск: Изд. центр ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2002. — 247 с.

37. *Буцинский П.К.* Истории Сибири / П.К. Буцинский. — Тюмень: Мандрика, 2003. – 368 с.

38. *Бычкова М.Е.* Польские традиции в русской генеалогии XVII в. / М.Е. Бычкова // Советское славяноведение. — 1981. — №5. — С. 39–50.

39. *Бычкова М.Е.* Римская тема в русских генеалогических сочинениях XVI–XVII вв. / М.Е. Бычкова // Рим, Константинополь, Москва: Сравнительно-историческое исследования центров идеологии и культуры до XVII в.: VI междунар. семинар истор. исслед. «От Рима к Третьему Риму», Москва, 28–30 мая 1986 г. — М.: Институт российской истории, 1997. — С. 268–273.

40. *Венгеров С.* Источники словаря русских писателей. Т. II. Гогоцкая — Карамзин / С. Венгеров. — СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1908. — 598 с.

41. *Венгеров С.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Т. I. Вып. 1–3. Предварительный список русских писателей и ученых и первыя о них справки (Аарон – Куликов) / С. Венгеров. — 2-е перераб. — СПб.: Товарищество художественной печати, 1915. — 224 с.

42. *Верюжский В.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ея существования и вообще Русской Церкви в конце XVII века. Церковно-исторический очерк / В. Верюжский. — СПб.: Типография И.В. Леонтьева, 1908. — 683 с.

43. *Виденеева А.Е.* Ростовский архиерейский дом и система епархиального управления в России XVIII века / А.Е. Виденеева. — М.: Наука, 2004. — 435 с.

44. *Викторов А.Е.* Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России / А.Е. Викторов. — СПб.: Типография Императорской академии наук, 1890. — 378 с.

45. *Викторов А.Е.* Собрание славяно-русских рукописей В.М. Ундольскаго / А.Е. Викторов. — М.: Университетская типография, 1870. — 64 с.

46. *Водарский Я.Е.* Численность русского населения Сибири в XVII–XVIII в. / Я.Е. Водарский // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма): сб. ст. памяти В.И. Шункова. — М.: Наука, 1973. — С. 194–213.

47. *Воронова Л.Б.* Археографический обзор списков сочинений Игнатия Римского-Корсакова / Л.Б. Воронова // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. — Новосибирск: Наука, 1984. — С. 185–201.

48. *Георгиевский В.* Флорищева пустынь: историко-археологическое описание с рисунками / В. Георгиевский. — Вязники, 1896. — с.

49. *Горский А.В., прот.*, *Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки. Отд. 2. Писания святых отцов. Ч. 3. Разные богословские сочинения / прот. А.В. Горский, К.И. Невоструев. — М.: Синодальная типография, 1862. — 844 с.

50. *Греков Б.Д.* Новгородский дом Святой Софии (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины). Ч. I / Б.Д. Греков. — СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1914. — 544 с., прил. 129 с.

51. *Дворецкая Н.А.* Послание митрополита Игнатия в Красноярск 1697 г. / Н.А. Дворецкая // Археография и источниковедение в Сибири. — Новосибирск: Наука, 1975. — С. 167–173.

52. *Дворецкая Н.А.* Сибирский летописный свод: (2-я пол. XVII в.) / Н.А. Дворецкая. — Новосибирск: Наука, 1984. — 135 с.

53. *Денисов Л.И.* Православные монастыри Российской империи / Л.И. Денисов. — М.: Изд. А.Д. Ступина, 1908. — 984 с.

54. *Димитрий (Туптало), свт.* Поучение ко иереем / свят. Димитрий (Туптало) // Сочинения святого Димитрия, митрополита Ростовского. Т. 1. — М.: Синодальная тип., 1839. — С. 159–168.

55. *Дмитриев А.* Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. VII. Верхотурский край в XVII веке / А. Дмитриев. — Пермь: Тип. П.Ф. Каменского, 1897. — 242 с.

56. *Дмитриев И.Д.* Московский Новоспасский ставропигиальный монастырь в его прошлом и настоящем. Историко-археологический очерк / И.Д. Дмитриев. — Репр. — М.: Новоспасский монастырь, 2003. — 122 с.

57. *Дмитрук А., прот.* Патерик Сибирских святых и подвижников благочестия / прот. А. Дмитрук. — Б. м.: Единецко-Бричанская епархия, 2006. — 606 с.

58. *Досифей, архим.* Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря / архим. Досифей. — М.: В унив. тип., 1853. — 3 ч.

59. *Досифей, архим.* Летописец Соловецкий на четыре столетия, от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени с 1429 по 1833 г. / архим. Досифей. — изд. 3-е. — М.: В унив. тип., 1833. — 175 с.

60. Древнерусские рукописи Пушкинского дома: обзор фондов / *сост. В.И. Малышев*. — М.; Л.: Наука, 1965. — 229 с.

61. *Дулов А.В.*, *Санников А.П.* Православная церковь в восточной Сибири в XVII — начале XX веков / А.В. Дулов, А.П. Санников. — Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета, 2006. — 2 ч.

62. *Евгений (Болховитинов), митр.* Игнатий / митр. Евгений (Болховитинов) // Евгений (Болховитинов), митр. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. — М.: Русский Двор, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. — С. 114–115.

63. *Евстафий, архим.* Московский мужеский ставропигиальный Симонов монастырь / архим. Евстафий. — М.: Тип. Н. Кудрякова, 1867. — 26 с.

64. *Жалсараев А.Д.* Православная Церковь в Бурятии / А.Д. Жалсараев // Исторический вестник. — 2001. — № 1 (12). — С. 80–114.

65. Житие Симеона Верхотурского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.) Ч. 4: Т–Я. Дополнения. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 709.

66. *Журавель О.Д.* Житие Симеона Верхотурского (к изучению литературного творчества Игнатия Римского-Корсакова) / О.Д. Журавель // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. — Новосибирск: СО РАН, 2000. — С. 73–93.

67. *Зауральский.* Игнатий митрополит Сибирский и Тобольский / Зауральский // Монастырь. — 1908. — № 11. — С. 72–76, № 12. — С. 86–90.

68. *Зиборов В.К.* Иоаким / В.К. Зиборов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.) Ч. 2: И–О. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. — С. 53–57.

69. *Зиборов В.К.* Павел (Маровский) / В.К. Зиборов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.) Ч. 3: П–С. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. — С. 4.

70. *Зольникова Н.Д.* Сибирская приходская община в XVIII веке / Н.Д. Зольникова. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. — 291 с.

71. Игнатий (в миру Иван Степанович Римский-Корсаков) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.) Ч. 4: Т–Я. Дополнения. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 715–716.

72. Игнатий // Русский биографический словарь. Т.: Ибак – Ключарев. — Репр. — М.: Аспект пресс, 1994. — С. 47–48.

73. Игнатий // Христианство: энциклопедический словарь в 2 тт. Т. I / *под ред. С.С. Аверинцева.* — М: Большая Российская энциклопедия, 1993. — С. 568.

74. Издания кирилловского шрифта второй половины XVI в.: свод. кат. / *сост. А.А. Гусева.* — М.: Индрик, 2003. — Кн. 1. — 648с.

75. История Екатеринбургской епархии / *Главацкая Е.М. и др.* — Екатеринбург: Сократ, 2010. — 552 с.

76. История казачества азиатской России. В 3 т. Т. I. XVI — первая половина XIX века. — Екатеринбург: УрО РАН, 1995. — 316 с.

77. История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в. / *глав. ред. В.В. Блажес, Е.К. Созина.* — М.: Языки славянских культур, 2012. — 608 с.

78. История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. — СПб.: Тип. СПб. акц. общ. печатного дела в России Е. Евдокимов, 1899. — 225 с.

79. История Российской духовной миссии в Китае. Сб. ст. — М.: Издательство Свято-Владимирского Братства, 1997. — 413 с.

80. История Сибири. Т. II. Сибирь в составе феодальной России. — Л.: Наука, 1968. — 535 с.

81. История через личность: историческая биография сегодня / *под ред. Л.П. Репиной.* — М.: Кругъ, 2005. — 715 с.

82. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / *И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева.* — М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. — 702 с.

83. *Каган М.Д.* Житие Иоакима патриарха / М.Д. Каган // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.) Ч. 1: А –З. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. — С. 351–355.

84. *Каптерев Н.Ф.* Светские архиерейские чиновники в Древней Руси / Н.Ф. Каптерев. — М.: Типография «Современ. Извест.», 1874. — 237 с.

85. *Каптерев Н.Ф.* Сношения Иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVII столетия / Н.Ф. Каптерев. — СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1895. — 509 с. — (Православный Палестинский сборник. Т. 15. Вып. 1).

86. *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях / Н.Ф. Каптерев. — М.: Тип. Л.Ф. Снегирева, 1885. — 573 с.

87. *Карбасова Т.Б.* Кирилл Новозерский: История почитания / Т.Б. Карбасова. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. — 560 с.

88. *Карбасова Т.Б.* О пророчестве преподобного Кирилла Новоезерского / Т.Б. Карбасова // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст. Вып. 3. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. — С. 76–95.

89. *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви в 2-х тт. / А.В. Карташев. — М.: Терра, 1991. — Т. II. — 568 с.

90. *Каштанов С.М.* Акты / С.М. Каштанов // Православная энциклопедия / под ред. патриарха Алексия II. — М.: ЦНЦ «Православная энкиплопедия», 2001. — Т. I. — С. 424–425.

91. *Клочков М.* Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т. I. Переписи дворов и населения (1678–1721) / М. Клочков. — СПб.: сенатская типография, 1911. — 435 с.

92. *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник / В.О. Ключевский. — М.: «Наука», 1988. — 465 с.

93. Книга Белоруссии: 1517–1917: Сводный каталог / *сост. Г.Я. Голенченко, Т.В. Непорожная, Т.К. Радзевич.* — Минск: Издательство «Белорусская советская энциклопедия», 1986. — 616 с.

94. Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря / *отв. ред. Семячко.* — СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. — 494 с.

95. *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко. — Изд. 2-е. — М.: Наука, 2003. — 486 с.

96. *Коновалов В.В.* Игнатий / В.В. Коновалов // Большая Тюменская энциклопедия / гл. ред. Г.Ф. Шафранов-Куцев. Т. II: И–П. — Тюмень: НИИ региональных энциклопедий ТюмГУ; ИД «Сократ», 2004. — С. 10–11.

97. *Коновалов В.В.* Нарышкин Андрей Федорович / В.В. Коновалов // Большая Тюменская энциклопедия / гл. ред. Г.Ф. Шафранов-Куцев. Т. II: И–П. — Тюмень: НИИ региональных энциклопедий ТюмГУ; ИД «Сократ», 2004. — С. 320.

98. *Кузнецов Е.В.* Сибирский летописец / Е.В. Кузнецов; под ред. С.Г. Пархимовича, сост. Ю.Л. Мандрика. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. — 368 с.

99. *Лукичев М.П.* К вопросу о происхождении митрополита Игнатия – историка и публициста XVII века / М.П. Лукичев // Лукичев М.П. Боярские книги XVII века: труды по истории и источниковедению. — М.: Древлехранилище, 2004. — С. 333–335.

100. *Луппов С.П.* Книга в России в XVII веке / С.П. Луппов. — Л.: Наука, 1970. — 224 с.

101. *Макарий (Булгаков), митр.* Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. 6 / митр. Макарий (Булгаков). — М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского мон-ря, 1996. — 797 с.

102. *Макарий (Булгаков), митр.* Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. 7 / митр. Макарий (Булгаков). — М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского мон-ря, 1996. — 670 с.

103. *Макарий (Миролюбов), архим.* Описание Новгородского архиерейского дома / архим. Макарий. — СПб.: Тип. Э. Веймара, 1857. — 148 с.

104. *Мангилев П.И., прот.* Житие, прославление и почитание святого праведного Симеона Верхотурского в трудах церковных и светских исследователей / прот. П.И. Мангилев // Четыре века православного монашества на Восточном Урале: Мат-лы церк.-истор. конф., посвященной 400-летию Верхотурского Николаевского монастыря, 360-летию Далматовского Успенского монастыря, 300-летию переноса мощей св. праведного Симеона Верхотурского (Екатеринбург — Меркушино, 17–20 сентября 2004 г.). — Екатеринбург, 2004. — С. 162–170.

105. *Мангилев П.И., прот.* К истории текста жития Симеона Верхотурского / прот. П.И. Мангилев // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье: сб. науч. тр. — Екатеринбург: НПМП «Волот», 2001. — С. 293–301.

106. *Мануил (Лемешевский), митр.* Игнатий, митрополит Сибирский и Тобольский (Римский-Корсаков) / митр. Мануил (Лемешевский) // Русские православные иерархи 992–1892. Т. I: Аарон – Иоаким. — М.: Сретенский монастырь, 2002. — С. 470–471.

107. *Манькова И.Л.* Государственная политика в отношении землевладения Урало-Сибирских монастырей в XVII — начале XVIII вв. / И.Л. Манькова // Религия и Церковь в Сибири. Сб. научн. ст. и док. мат-лов. Вып. 4. — Тюмень: МИ «Рутра», 1992. — С. 12–24.

108. *Манькова И.Л.* Приходское духовенство в Сибири XVII в.: проблемы формирования и обеспечения / И.Л. Манькова // Образы аграрной истории IX–XVIII в. Памяти Натальи Александровны Горской. — М.: Индрик, 2013. — С. 197–198.

109. *Манькова И.Л.* Сибирский архиепископ Симеон и Тобольские воеводы: опыт эмпирического исследования в свете теории конфликта / И.Л. Манькова // Уральский исторический вестник. — 2012. — № 3 (36). — С. 14–23.

110. *Манькова И.Л.*, *Шашков А.Т.* Исаак / И.Л. Манькова, А.Т. Шашков // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2: И–О. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. — С. 26–31.

111. Маркелл // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4: Т–Я. Дополнения. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 745–746.

112. Материалы для истории Российской Духовной миссии в Пекине / *под ред. Н.И. Веселовского.* Вып. 1. – СПб.: Типография главного управления уделов, 1905. — 97 с.

113. *Медик Х.* Микроистория / Х. Медик // Thesis: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. — 1994. — Т. 4. — Вып. 4. — С. 193–202.

114. *Мелетий (Якимов), еп.* Православие и устройство церковных дел в Даурии (Забайкалье), Монголии и Китае в XVII и XVIII столетиях / еп. Мелетий (Якимов). — Рязань: тип. Братства св. Василия, 1901. — 219 с.

115. *Мелетий, архим.* Историческое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря / архим. Мелетий. — М.: Тип. М.Н. Лаврова, 1881. — 317 с.

116. *Михайловский И.Н.* Важнейшие труды Николая Спафария (1672–1677) / И.Н. Михайловский. — Киев: Тип. Ун-та св. Владимира, 1897. — 56 с.

117. *Михайловский И.Н.* О некоторых анонимных произведениях русской литературы конца XVII и начала XVIII ст. / И.Н. Михайловский // Сб. Ист.-филол. общества при Ин-те кн. Безбородко в Нежине. Т. 3. Отд. 3. — Нежин: Типо-литогр. М.В. Глевера, 1900. — С. 1–6.

118. *Мончева Л.Н.* Апостолическое письмо в становлении художественно-эстетической традиции средневековой литературы / Л.Н. Мончева // Труды отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. Д.С. Лихачев. — Л.: Наука, 1989. — Т. 42. — С. 188–199.

119. Московский некрополь. Т. I (А–I). — СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1907. — 517 с.

120. *Н. П.* Толкование образа Софии Премудрости Божией / П. Н. // Христианское чтение. — 1891. — Ч. 1. — С. 523–526.

121. *Нечаева М.Ю.* Уральское монашество XVIII века: Нормы и практика пострига / М.Ю. Нечаева // Религия и Церковь в Сибири. Сб. научн. ст. и док. мат-лов. Вып. 8. – Тюмень: МИ «Рутра», 1994. — С. 21–35.

122. *Николай (Адоратский), иером.* Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования: опыт церковно-исторического исследования / иером. Николай (Адоратский). — Казань: Типография Императорского университета, 1887. — Вып. I. История Пекинской Духовной миссии в первый период ее деятельности (1685–1745). — 373 с.

123. *Никулин И.А.* «Первое послание» «на армен и полуармен» сибирского митрополита Игнатия как памятник вероучительной литературы конца XVII в. / И.А. Никулин // Историк, текст, эпоха: тез. IV междунар. научн.-практ. конф. Уральского отделения Российского общества интеллектуальной истории, 16–18 марта 2012 г. — Екатеринбург: Изд-во «Волот», 2012. — С. 143–145.

124. *Никулин И.А.* «Послания на арменов и полуарменов» преосвященного Игнатия (Римского-Корсакова) в трудах церковных писателей XVIII – XIX вв.: к постановке проблемы / И.А. Никулин // Современные проблемы изучения истории Церкви. Междунар. научн. конф: Тезисы докладов. — М.: МГУ, 2011. — С. 165–168.

125. *Никулин И.А.* «Путное шествие» по «верховым городам» сибирской епархии в контексте деятельности митрополита Игнатия / И.А. Никулин // Православие на Урале: вехи истории: Мат-лы межрегион. научн.-практ. конф. / Уральское церковно-историческое общество. — Екатеринбург: Б.и., 2012. — С. 125–130.

126. *Никулин И.А.* «Слово о Российском царствии» митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) / И.А. Никулин // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2012. — № 2 (4). — С. 185–214.

127. *Никулин И.А.* Вопрос о «священстве» и «царстве» в мировоззрении митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) / И.А. Никулин // Церковь и общество в России на переломных этапах истории: сб. тез. всерос. научн. конф. Московской духовной академии. — Сергиев Посад: Кафедра церковной истории МДА, 2012. — С. 77–82.

128. *Никулин И.А.* Игнатий (Римский-Корсаков), митр. / И.А. Никулин // Православная энциклопедия / под. ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. XXI. Иверская икона Божией Матери — Икиматарий. — М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2009. — С. 125–127.

129. *Никулин И.А.* К вопросу о времени создания «Посланий на арменов и полуарменов» митрополита Сибирского Игнатия (Римского-Корсакова) / И.А. Никулин // Сибирь на перекрестье мировых религий: Мат-лы V Межрегион. научн.-практ. конф. / Новосибирский государственный университет. — Новосибирск: Б.и., 2011. — С. 99–103.

130. *Никулин И.А.* К вопросу о жанровых особенностях архиерейских посланий митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) / И.А. Никулин // Проблемы истории и культуры средневекового общества: Тез. докл. XXXI Всеросс. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». — СПб.: Журнал «Нева», 2012. — С. 100–102.

131. *Никулин И.А.* К вопросу о круге общения митрополита Сибирского и Тобольского Игнатия (Римского-Корсакова) / И.А. Никулин // Личность в истории: теоретико-методологические и методические аспекты: сб. научн. ст. / ГОУ «Урал. гос. пед. ун-т», Ин-т истории и археологии УрО РАН. — Екатеринбург: Уральский гос. педагогический ун-т, 2011. — Ч. I. — С. 247–252.

132. *Никулин И.А.* К вопросу о направлениях православной миссии в Сибири в конце XVII — начале XVIII в. // Современная православная миссия: мат-лы докл. и сообщ. Всеросс. научн. конф. / отв. ред. Н.А. Дьячкова. — Екатеринбург: Ново-Тихвинский женский монастырь, 2012. — С. 213–221.

133. *Никулин И.А.* Митрополит Тобольский и Сибирский Игнатий (Римский-Корсаков): Восприятие своего служения архиереем конца XVII в. / И.А. Никулин // Уральский исторический вестник. — 2012. — № 3 (36). — С. 24–30.

134. *Никулин И.А.* Обзор жизни и деятельности митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) до поставления на Тобольскую кафедру / И.А. Никулин // Сб. студ. научн. работ / под ред. А.К. Светозарского; Кафедра церковной истории МПДА. — Сергиев Посад: Б.и., 2010. — С. 23–59.

135. *Никулин И.А.* Обзор жизни и деятельности митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) / И.А. Никулин // Русское богословие. XVII век. Ч. II. Богословие в лицах. — СПб.: Аксион эстин, 2011. — 53 с. — (Сер. «Памятники богословской мысли». Вып. 3). — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

136. *Никулин И.А.* Образ царей-соправителей Петра I и Иоанна V в Слове о Российском царстве Сибирского митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) / И.А. Никулин // Православие на Урале: вехи истории: Мат-лы II Межрегион. научн.-практ. конф. / отв. ред. А.В. Печерин. — Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2013. — С. 173–176.

137. *Никулин И.А.* Последние годы жизни митрополита Игнатия (Римского-Корсакова): личная драма в контексте эпохи / И.А. Никулин // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2011. — Вып. 1. — С. 102–114.

138. *Никулин И.А.* Тобольский архиерейский дом в конце XVII – начале XVIII вв.: структура и управление / И.А. Никулин // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: Мат-лы Всеросс. научн.-прак. конф. (г. Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г.) — Екатеринбург: ИИА УрО РАН; Изд-во Екатеринбургской епархии, 2010. — С. 80–85.

139. *Никулин И.А.* Сибирский митрополит Игнатий (Римский-Корсаков) и его отношение к грекам / И.А. Никулин // Elpis. — 2013. — Rocznik XV (XXVI). Zeszyt 27 (40). — S. 153–157.

140. *Никулин И.А.* Концепция «константинопольского наследия» в трудах сибирского митрополита Игнатия (Римского-Корсакова): основные моменты // Церковь. Богословие. История: мат-лы Всеросс. научн.-богосл. конф. (Екатеринбург, 12 февраля 2013 г.). Екатеринбург, 2014. С. 133–138.

141. *Никулин И.А., свящ.* К вопросу об атрибуции митрополиту Игнатию (Римскому-Корсакову) ряда литературных памятников // Церковь. Богословие. История: мат-лы II Всеросс. научн.-богосл. конф. (Екатеринбург, 12 февраля 2014 г.). Екатеринбург, 2014. С. 178–187.

142. *Никулин И.А.* «Священство» и «царство» в мировоззрении архиерея переходной эпохи на примере митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) // Церковь и общество в России на переломных этапах истории. Сергиев Посад, 2014. С. 144–150.

143. *Новиков Н.И.* Опыт исторического словаря о российских писателях. Факсимильное воспроизведение книги изданной в 1772 г. / Н.И. Новиков. — М.: Книга, 1987. — 2 кн.

144. *Новиков Н.И.* Опыт исторического словаря о российских писателях / Н.И. Новиков. — СПб.: Императорской Академии наук, 1772. — 278 с.

145. *Оглоблин Н.Н.* Библиотека сибирского митрополита Игнатия, 1700 г. / Н.Н. Оглоблин // Библиограф. — 1892. — №8–9., отд. 1. — С. 286–291.

146. *Оглоблин Н.Н.* Бытовые черты начала XVIII века. XIV. Дело об «Истории Скифийской» / Н.Н. Оглоблин // ЧОИДР. — 1904. — Кн. 1. — Отд. III. — С. 11–14.

147. *Оглоблин Н.Н.* Из архивных мелочей начала XVIII в. Челобитная о двух книгах, 1702 г. / Н.Н. Оглоблин // Библиограф. — 1892. — №10–11. — Отд. 1. — С. 335–336.

148. *Оглоблин Н.Н.* Красноярский бунт 1695–1698 гг. / Н.Н. Оглоблин // Журнал министерства народного просвещения. Ч. CCCXXXV. — СПб., 1901. — Май. — С. 25–69.

149. Описание документов и дел хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода. Т. I. (1542–1721 г.). — СПб.: Синодальная типография, 1868. — 702 с.

150. Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Ч. I. — Казань: Типография Императорского университета, 1881. — 824 с.

151. Описание рукописей Чудовского собрания / *сост. Т.Н. Протасьева.* — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1980. — 232 с.

152. Описание рукописей, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующаго Синода. Т. II. Вып. I. — СПб.: Синодальная Типография, 1906. — 568 с.

153. От Вятки до Тобольска: церковно-монастырские библиотеки Российской провинции XVI–XVIII веков. — Екатеринбург: УрО РАН, 1994. — 152 с.

154. Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края: (К 400-летию Верхотурья). — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. — 288 с.

155. *Павлов А.С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян / А.С. Павлов. — СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1878. — 210 с.

156. *Панич Т.В.* Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века / Т.В. Панич. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. — 332 с.

157. *Панич Т.В.* «Книга о пресуществлении» Афанасия Холмогорского в контексте полемики «грекофилов» и «латинствующих» / Т.В. Панич // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. — Новосибирск: Наука, 1998. — С. 56–68.

158. *Панич Т.В.* Афанасий / Т.В. Панич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.) Ч. 1: А–З. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. — С. 117–125.

159. *Панич Т.В.* Литературное творчество Афанасия Холмогорского. «Естественнонаучные» сочинения / Т.В. Панич. — Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1996. — 209 с.

160. *Панич Т.В.* Традиции учительной литературы в «Окружном послании» 1696 г. Афанасия Холмогорского / Т.В. Панич // Сургут, Сибирь, Россия: Междунар. научн.-практ. конф., посв. 400-летию города Сургута: Докл. и сообщ. — Екатеринбург: НПМП «Волот», 1995. — С. 266–276.

161. Пермская летопись 1263–1881 гг. Т. 5. Пятый период. Ч. 1.: с 1682–1694 г. / *сост. В. Шишонко.* — Пермь: Типография губернской земской управы, 1885. — 642 с.

162. Пермская летопись 1263–1881 гг. Т. 5. Пятый период. Ч. 2.: с 1695–1701 г. / *сост. В. Шишонко.* — Пермь: Типография губернской земской управы, 1887. — 659 с.

163. *Петров В.П.* Российская Духовная миссия в Китае. Издание русского книжного дела в США / В.П. Петров. — Вашингтон: Издание Русского книжного дела в США, 1968. — 96 с.

164. *Плотников Г.С.* Описание мужского Далматовскаго Успенского общежительного третьекласного монастыря и бывшаго приписным к нему женского Введенского монастыря / Г.С. Плотников. — Екатеринбург: Тип. газеты «Урал», 1906. — 100 с.

165. *Покровский И.М.* Казанский архиерейский дом, его средства и штаты преимущественно до 1764 г. / И.М. Покровский. — Казань: Центральная типография, 1906. — 264 с.

166. *Покровский И.М.* Русския епархии вXVI – XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического изследования. Т. I (в XVI – XVII вв.) / И.М. Покровский — Казань: Типо-литография Императорского университета, 1897. — 534, XLVIII с.

167. *Покровский И.М.* Средства и штаты великорусских архиерейских домов со времени Петра I до учреждения духовных штатов 1764 г. / И.М. Покровский. — Казань: Типо-литография Императорского университета, 1907. — 76 с.

168. *Покровский Н.Н.* Новые материалы из истории сибирской культуры конца XVII в. / Н.Н. Покровский // Проблемы изучения культурного наследия / отв. ред. Г.В. Степанов. — М.: Наука, 1985. — С. 241–242.

169. *Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках / Н.Н. Покровский // Покровский Н.Н. Российская власть и общество: XVII–XVIII вв. — Новосибирск: Наука, 2005. — С. 375–413.

170. *Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках / Н.Н. Покровский // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. — Новосибирск: Наука, 1986. — С. 146–189.

171. *Полознев Д.Ф.* Московские патриархи Иоасаф II, Питирим, Иоаким и Адриан / Д.Ф. Полознев // Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 7. — М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монря, 1996. — С. 440–495.

172. *Понырко И.В.* Апокрифы о Иакове брате Господнем / И.В. Понырко // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (втор. пол. XIV–XVI в.). Ч. I: А–К. — Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1988. — С. 59–60.

173. *Попов Е., прот.* Великопермская и пермская епархия (1379 – 1879). Пятистолетие проповеди св. Стефана Пермскаго, почти столетие Перми и почти трехстолетие покорения Сибири / прот. Е. Попов. — Пермь, Типография Никифоровой, 1879. — 353 с.

174. *Попов И.М.* Россия и Китай: 300 лет на грани войны / И.М. Попов. — М.: Аристель; Аст; Ермак, 2004. — 511 с.

175. *Попов М.С., свящ.* Святитель Димитрий Ростовский и его труды / свящ. М.С. Попов. — СПб.: Типо-литография М.П. Флоровой, 1910. — 350 с.

176. *Попов Н.П.* О поездке в Смоленск к митроп. Симеону «для великих духовных дел» / Н.П. Попов // ЧОИДР. — 1907. — Кн. 2. — Отд. V. — С. 38–44.

177. *Попов Н.П.* Соборы патриарха Иоакима на митрополита Смоленского Симеона / Н.П. Попов // Смоленская старина. — 1909. — Вып. 1. — С. 313–343.

178. *Постников С.* Афанасий, первый архиепископ Холмогорский и Важеский / С. Постников // Странник. — 1866. — Октябрь. — С. 5–42.

179. Примечание к слову св. Ипполита об антихристе // Апокалипсис святого Иоанна Богослова. Сборник святоотеческих и богословских толкований / *сост. М. Барсов.* — Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2000. — С. 186–188.

180. *Прозоровский А.* Сильвестр Медведев (его жизнь и деятельность). Опыт церковно-исторического исследования / А. Прозоровский. — М.: Университетская типография, 1896. — 606 с.

181. *Прохоров Г.М., Ромодановская Е.К.* Житие Симеона Верхотурского / Г.М. Прохоров, Е.К. Ромодановская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1: А–З. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. — С. 381–383.

182. *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и социологическая практика / Л.П. Репина. — М.: «Кругъ», 2011. — 560 с.

183. *Робинсон А.Н.* Борьба идей в русской литературе XVII веке / А.Н. Робинсон. — М.: Наука, 1974. — 407 с.

184. *Ромодановская Е.К.* Сибирь и литература. XVII век / Е.К. Ромодановская. — Новосибирск: Наука, 2002. — 390 с.

185. *Сапожников Д.И.* Самосожжение в русском расколе (со второй половины XVII в. до конца XVIII в.). Исторический очерк по архивным документам / Д.И. Сапожников. — М.: Университетская типография, 1891. — 170 с.

186. Сибирская советская энциклопедия в 4-х тт. — Новосибирск: Западно-сибирское ОГИЗ, 1931. — Т. II: З–К. — 1152 стб.

187. *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.) / Н.В. Синицына. — М.: Индрик, 1998. — 416 с.

188. *Скворцов Г.А.* Патриарх Адриан. Его жизнь и труды в связи с состоянием Русской Церкви в последнее десятилетие XVII века / Г.А. Скворцов — Казань: Центральная типография, 1913. — 369 с.

189. *Словцов П.* Историческое обозрение Сибири. Кн. I: с 1585 до 1742 года / П. Словцов. — М.: Тип. А. Семена, 1838. — 589 с.

190. *Сменцовский М.Н.* Братья Лихуды. Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII в начала XVIII веков / М.Н. Сменцовский. — СПб.: Типо-литография М.П. Флоровой, 1899. — 481 с.

191. *Сметанин В.А.* Византийское общество XIII–XV по данным эпистолографии / В.А. Сметанин. — Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1987. — 289 с.

192. *Смирнов П., свящ.* Иоаким патриарх Московский / свящ. П. Смирнов. — М.: Типография Л.О. Снегирева, 1881. — 248 с.

193. *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1 / И.К. Смолич. — М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского мон-ря, 1996. — 798 с.

194. *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 2 / И.К. Смолич. — М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского мон-ря, 1996. — 799 с.

195. *Снегирев И.М.* Новоспасский монастырь / И.М. Снегирев. – М.: Тип. А. Семена, 1843. — 142 с.

196. *Соловьев С.М.* Сочинения в 18-ти книгах / С.М. Соловьев. — М.: Мысль, 1991. — Кн. VII. История России с древнейших времен. Т. 13–14. —

197. *Солодкин Я.Г.* Иван Слободской / Я.Г. Солодкин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2: И–О. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. — С. 10–12.

198. Сотворение истории. Человек. Память. Текст: Цикл лекций / *научн. ред. Л.П. Репина; отв. ред. Е.А. Вишленкова.* — Казань: Мастер Лайн, 2001. — 454 с.

199. *Софонов В.* Митрополит Сибирский и Тобольский Игнатий (Римский-Корсаков) и Симеон Верхотурский / В. Софонов // Сибирская православная газета. — 2002. — Март – Апрель. — №2(54). — С. 5.

200. *Софонов В.* Светочи земли Сибирской: биографии архипастырей Тобольских и Сибирских (1620–1918 гг.) / В. Софонов; под ред. архим. Макария (Веретенникова). — Екатеринбург: ИПП «Уральский рабочий», 1998. — 263 с.

201. *Срезневский В.* Павел, митрополит Рязанский / В. Срезневский // Русский биографический словарь. Т.: Павел, преп. — Петр (Илейка). — репр. — М.: Аспект пресс, 1998. — С. 69.

202. *Страхова О.Б.* Официальная титулатура русских патриархов в изданиях Московского Печатного двора (1589–1700 гг.) / О.Б. Страхова // Palaeoslavica. — 2007. — Vol. XV. Is. 2. — P. 117–206.

203. *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския Церкви / П.М. Строев. — СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1877. — 725 стб.

204. *Строев П.М.* Библиологический словарь и черновые к нему материалы / П.М. Строев; под ред. А.Ф. Бычкова. — СПб.: Типография Императорской академии наук, 1882. — 531 с.

205. *Сулоцкий А.И., прот.* Сочинения в 3 т. Т. 2. О сибирском духовенстве / прот. А.И. Сулоцкий; под ред. В.А. Чупина. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. — 416 с.

206. *Сулоцкий А.И., прот.* Встреча в Тобольске в старину вновь прибывших преосвященных / прот. А.И. Сулоцкий // ЧОИДР. — 1864. — Кн. 3. — Ч. V. Смесь. — С. 52–61.

207. *Сулоцкий А.И., прот.* Димитрий Ростовский, как архипастырь Сибирский / прот. А.И. Сулоцкий // Странник. — 1866. — Ноябрь. — С. 51–66.

208. Тобольск — ангел Сибири. — Тюмень: изд-во «ИПЦ «Экспересс», 2011. — 120 с.

209. *Токмаков И.Ф.* Историческое и археологическое описание Московского ставропигиального первоклассnаго Симонова монастыря. Вып. I. / И.Ф. Токмаков. — Изд. испр. и доп. — М.: Тип. Общества распространения полезных книг, 1892. — 126 с.

210. *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого / Н. Устрялов. — СПб.: Тип. II Отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1858. — 1–3 т.

211. Усыпальница прародителей царского Дома Романовых в Московском ставропигиальном Новоспасском монастыре. Церковно-археологический очерк / *сост. Т.В. Пасхалова, А.К. Станюкович.* — М.: Новоспасский монастырь, 1997. — 67 с.

212. *Федотов А.А.* Методологический аспект изучения истории Русской Православной Церкви XX века / А.А. Федотов // Интеллигенция и мир. — 2004. — № 3/4. — С. 123–125.

213. *Филарет (Гумилевский), архиеп.* История Русской Церкви в пяти периодах / архиеп. Филарет. — М.: Изд-во Сретенского мон-ря, 2001. — 838 с.

214. *Фонкич Б.Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке / Б.Л. Фонкич; отв. редактор Д.Н. Рамазанова. — М.: Языки славянских культур, 2009. — 296 с. — (Россия и христианский Восток. Библиотека; Вып. 7).

215. *Фонкич Б.Л.* Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв.: Греческие рукописи в России / Б.Л. Фонкич. — М.: Наука, 1977. — 247с.

216. *Фонкич Б.Л.* Чудотворные иконы и реликвии христианского Востока в Москве в середине XVII в. / Б.Л. Фонкич // Очерки феодальной России. — М.: Едиториал УРСС. 2001. — Вып. 5. — С. 70–97;

217. *Харина Н.С.* Социальная структура вотчин Тобольского архиерейского дома на основе материала дозорных и переписных книг XVII – начала XVIII в. / Н.С. Харина // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы : сб. мат-лов II Регион. молодежн. научн. конф. — Новосибирск: Параллель, 2008. — С.85–91.

218. *Харина Н.С.* Начало землевладения тобольского архиерейского дома: формирование трех крупных земельных владений / Н.С. Харина // Наука и инновации XXI века: мат-лы VII Окр. конф. молодых ученых, Сургут, 23–24 нояб. 2006 г.: в 2 т. — Сургут: Изд-во СурГУ, 2007. — Т. 1. — С. 85–87.

219. *Харина Н.С.* Система управления Тобольского архиерейского дома в XVII в. / Н.С. Харина // В мире научных открытий. — 2011. — № 11.3 (23) (Гуманитарные и общественные науки). — С. 857–873.

220. *Хондзинский П., прот.* «Ныне все мы болеем теологией»: Из истории русского богословия предсинодальной эпохи. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. — 482 с.

221. Христианские реликвии в Московском Кремле. Сб. ст. / *ред.-сост. А.М. Лидов*. — М.: Радуница, 2000. — 305 с.

222. *Хьюз Л.* Царевна Софья / Л. Хьюз; пер. с англ. и науч. ред. С.В. Лобачев. — СПб.: Гранд, 2001. — 416 с.

223. *Цветаев Д.* Литературная борьба с протестантством в Московском государстве / Д. Цветаев. — М.: Универ. тип., 1887. — 344 с.

224. *Цветаев Д.* Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках / Д. Цветаев. — М.: Универ. тип., 1886. — 530 с

225. *Цветаев Д.* Построение первой каменной протестантской церкви в Москве / Д. Цветаев. — М.: Универ. тип., 1885. — 19 с.

226. *Цветаев Д.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований / Д. Цветаев. — М.: Универ. тип., 1890. — 784 с.

227. *Цыпин В., прот.* «Великий господин» / прот. В. Цыпин // Православная энциклопедия / под. ред. патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. VII. — М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2004. — С. 452.

228. *Червинский Е.* Смоленские митрополиты: Симеон IV Милюков, Сильвестр II Черницкий, Сильвестр III Крайский и Дорофей Короткевич (1676–1718). Их жизнь и деятельность / Е. Червинский // Смоленские епархиальные ведомости. — 1995. — № 9. — С. 19–27; 1996. — № 1(10). — С. 12–21.

229. *Червинский Е.* Смоленские митрополиты: Симеон IV Милюков, Сильвестр II Черницкий, Сильвестр III Крайский и Дорофей Короткевич

(1676–1718). Их жизнь и деятельность / Е. Червинский // Смоленские епархиальные ведомости. — 1899. — № 1. — С. 34–42; № 2. — С. 96–105; № 3. — С. 159–166; № 5. — С. 272–276; № 7. — С. 383–391; № 8. — С. 437–441; № 9. — С. 489–501.

230. *Черная Л.А.* Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени / Л.А. Черная. — М.: «Языки русской культуры», 1999. — 288 с.

231. *Черная Л.А.* Русская мысль второй половины XVII — начала XVIII в. о природе человека / Л.А. Черная // Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. М.: Наука, 1990. — С. 192–203.

232. *Черторицкая Т.В.* Маргарит / Т.В. Черторицкая // Словарь книжности и книжников Древней Руси. Вып. 2.: 1-я пол. XIV–XVI в. Ч. II.: Л–Я. — Л.: Наука, 1989. — С. 100–102.

233. *Чеснокова Н.П.* Реликвии христианского Востока в России в середине XVII в. (по материалам Посольского приказа) / Н.П. Чеснокова // Вестник церковной истории. — 2007. — № 2(6). — С. 97–98.

234. *Чеснокова Н.П.* Святыня и политика: к идее византийского наследия в России сер. XVII в. / Н.П. Чеснокова // Средние века. — 2008. — Вып. 69(4). — С. 27–42.

235. *Чеснокова Н.П.* Христианский Восток и Россия: политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века (по документам Российского государственного архива древних актов) / Н.П. Чеснокова. — М.: Индрик, 2011. — 288 с.

236. *Чумичева О.В.* Соловецкое восстание 1667 – 1676 гг. / О.В. Чумичева. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, Научно-издательский центр ОИГГМ 1998. — 196 с.

237. *Флоровский А.В.* Чудовский инок Евфимий: Один из последних поборников «греческого учения» в Москве в конце XVII в. / А.В. Флоровский // Slavia. — 1949. — Vol. 19(3). — S. 100–152.

238. *Шашков А.Т.* «Послание об антихристе и тайном царстве его» в старообрядческой рукописной традиции / А.Т. Шашков // Проблемы истории России. — Екатеринбург: НПМП «Волот», 2008. — Вып. 7: Источник и его интерпретации. — С. 56–91.

239. *Шашков А.Т.* «Путное шествие» митрополита Игнатия Римского-Корсакова по Сибирской епархии в конце XVII в.: планы и реальность / А.Т. Шашков // Русские старожилы: материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. — С. 337–339.

240. *Шашков А. Т.* Авраамий / А.Т. Шашков // Православная энциклопедия / под. ред. патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. I. — М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2000. — С. 168–169.

241. *Шашков А. Т.* Авраамий / А.Т. Шашков // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.) Ч. 1: А–З. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. — С. 44–47.

242. *Шашков А. Т.* Авраамий / А.Т. Шашков // Уральская историческая энциклопедия. — 2-е изд., перераб. и доп. — Екатеринбург: Академкнига; УрО РАН, 1998. —С. 11.

243. *Шашков А. Т.* Игнатий / А.Т. Шашков // Уральская историческая энциклопедия. — 2-е изд., перераб. и доп. — Екатеринбург: Академкнига; УрО РАН, 2000. — С. 222–223.

244. *Шашков А. Т.* Из истории библиотеки старца Авраамия Венгерского (конец XVII — начало XVIII в.) / А.Т. Шашков // Традиция и литературный процесс. — Новосибирск: СО РАН, 1999. — С. 469–478.

245. *Шашков А. Т.* К истории Воскресенского монастыря и церквей города Березова / А.Т. Шашков // Известия Уральского государственного университета. — 2004. — № 33. — С. 187–203.

246. *Шашков А. Т.* К истории формирования идеологии антифеодального протеста урало-сибирских старообрядцев во второй половине XVII в. / А.Т. Шашков // Книга в культуре Урала XVI–XIX вв. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. — С. 13–22.

247. *Шашков А. Т.* Самосожжения как форма социального протеста крестьян-старообрядцев Урала и Сибири в конце XVII – начале XVIII в. / А.Т. Шашков // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки: сб. научн. тр. — Новосибирск: Наука, 1992. — С. 294–300.

248. *Шашков А. Т.* Сибирский митрополит Игнатий и «дело» Иосифа Астомена / А.Т. Шашков // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма: сб. научн. тр. — Свердловск: УрО АН СССР, 1991. — С. 36–49.

249. *Шашков А. Т.* Старообрядческие самосожжения на Урале и в Сибири в XVII – начале XVIII в. / А.Т. Шашков // Сургут, Сибирь, Россия: Междунар. научн.-практ. конф., посв. 400-летию города Сургута: Докл. и сообщ. Екатеринбург: НПМП «Волот», 1995. — С. 135–167.

250. *Шашков А. Т.* Яков Борисов сын Лепехин (из истории уральского старообрядчества конца XVII в.) / А.Т. Шашков // Культура и быт дореволюционного Урала. — Свердловск: Изд-во Урал, ун-та, 1989. — С. 46–58.

251. *Шашков А.Т.* «Мы же святых отец предание держим неизменно...» (Влияние дониконовских книг на идейные воззрения урало-сибирских старообрядцев 70–80-х гг. XVII в.) / А.Т. Шашков // Известия Уральского государственного университета. — 2005. — № 39. — С. 36–47.

252. *Шляпкин И.А.* Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709 г.) / И.А. Шляпкин. — СПб.: Типография и Хромолитография А. Траншель, 1891. — 584 с.

253. *Шунков В.И.* Очерки истории земледелия Сибири (XVII в.) / В.И. Шунков. — М.: Издательство АН СССР, 1956. — 432 с.

254. *Щеглов И.В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032–1882 гг. / И.В. Щеглов. — Сургут: «Северный дом», 1993. — 460 с.

255. *Щербич С.Н.* Источники формирования земельного фонда Тобольского архиерейского дома в XVII в. / С.Н. Щербич // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2009. — № 9. — С. 81–85.

256. *Щербич С.Н.* Воскресенская вотчина Тобольского софийского дома в конце XVII — XVIII в. / С.Н. Щербич // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2013. — № 1 (20). — С. 104–111.

257. *Юркин И.Н.* Андрей Андреевич Виниус 1641–1716 / И.Н. Юркин; отв. ред. В.Н. Захаров. — М.: Наука, 2007. — 557 с.

258. *Яворская С.Л.* Значение креста в иеротопическом замысле Нового Иерусалима. От Константина Великого до царя Алексея Михайловича / С.Л. Яворская // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств: сб. ст. / под. ред. А.М. Лидова. — М.: Индрик, 2009. — С. 774–803.

259. *Nikulin Iwan, ks.* Biskup jako następca apostołów: spojrzenie metropolity Syberyjskiego Ignacego (Rimskiego-Korsakowa) // Elpis. 2014. T. XVI. S. 95–98 [на польском языке; Архиерей как приемник апостолов: взгляд сибирского митрополита Игнатия (Римского-Корсакова)].

III. Диссертации и авторефераты диссертаций

1. *Алгави Л.* Русское барокко конца XVII века: На материале литературы и публицистики: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Лейла Алгави. — М., 1996. — 223 с.

2. *Борисов В.Е.* Ирбитская слобода в XVII веке: социальная структура и повседневные отношения в локальном сообществе: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Виктор Евгеньевич Борисов. — М., 2010. — 257 с.

3. *Воробьева Н.В.* Историко-канонические и богословские воззрения патриарха Никона: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Наталия Владимировна Воробьева. — Омск, 2009. — 464 с.

4. *Дергачева-Скоп Е.И.* Сибирское летописание в общерусском литературном контексте конца XVI — середины XVIII вв.: автореферат дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Елена Ивановна Дергачева-Скоп. — Екатеринбург, 2000. — 49 с.

5. *Круглик А., свящ.* История Московского Новоспасского монастыря: дис. ... канд. богословия / свящ. А. Круглик. — Сергиев Посад, 1999. — 302 с.

6. *Панич Т.В.* Писатели патриаршего круга в богословской полемике 80-х — 90-х гг. XVII в.: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Тамара Васильевна Панич. — Новосибирск, 2007. — 436 с.

7. *Софронов В.Ю.* Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в Западной Сибири в конце XVII — начале XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Вячеслав Юрьевич Софронов. — Барнаул, 2007. — 446 с.

8. *Харина Н.С.* Тобольский архиерейский дом в XVII — 60-е гг. XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Наталья Сергеевна Харина. — Барнаул, 2012. — 25 с.

IV. Электронные ресурсы

1. Знаменский монастырь в Иркутске // Сайт «Православные храмы России, церкви России». URL: http://russian-temples.ru/articles/znamenskiy-monastyr-v-irkutske.html (дата обращения: 15.12.2009)

2. *Маркелов А.В.* Прошлое и будущее городского крестного хода в 4-е воскресенье Великого поста / А.В. Маркелов // Православие на Вятской земле: Мат-лы научн. конф. к 375-летию св. блж. Прокопия Вятского. — Вятка (Киров), 2003. URL: http://www.vstrana.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=254&Itemid=250 (дата обращения: 18.03.2012).

3. *Мельник А.Г.* Ростовский митрополичий двор в XVII в. / А.Г. Мельник // Сообщения Ростовского музея. — Ростов, 1990. — Вып. I. — С. 132–144. URL: http://rostmuseum.median.ru/publication/srm/001/melnik02.html (дата обращения: 29.10.2009).

4. *Никулин И.А.* «Жити во исправлении закона християнского по заповедем Божиим» (из истории просветительской деятельности сибирского митрополита Игнатия) / И.А. Никулин // Сайт кафедры церковной истории МДА. — [Сергиев Посад, 2010]. URL: http://history-mpda.orthodoxy.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=75:l-r-&catid=8:2010-08-17-13-24-35&Itemid=4 (дата обращения: 17.01.2011)

5. *Охотникова В.И.* Макарий, книжник второй половины XVII в., архимандрит Соловецкий, Хутынский и Тихвинский / В.И. Охотникова // Тез. докл. научн. конф. «Книжное наследие Соловецкого монастыря XV–XVII вв.» (Соловки, 5–11 сентября 2005 г.). URL: http://www.solovki-science.ru/conf1/okhotnikova.htm (дата обращения: 20.12.2012)

6. Послание // Сайт «Ваш онлайн гид по христианству». URL: http://fxweek.info/p/2810-poslanie (дата обращения: 18.03.2012).

7. *Синельников С.П.* О методологии и междисциплинарности в исследованиях истории церковно-государственных отношений / С.П. Синельников // Сайт «Богослов.ру». URL: http://www.bogoslov.ru/text/1610787.html (дата обращения: 19.09.2012).

8. *Соколовский И.Р.* Почтовые службы XVII века на окраинах: сравнительный аспект // История Сибири, 1583–2006. Проблемы и перспективы: сб. мат-лов регион. молодёжн. научн. конф. — Новосибирск, 2006. URL: http://history.nsc.ru/snm/4.htm (дата обращения: 19.09.2012).

9. *Харина Н.С.* Тобольский архиерейский дом в XVIII веке: взаимоотношения государства и епархии. Докл. на конф. «Исторические исследования в Сибири и на Дальнем Востоке: проблемы и перспективы» // Сайт «Совет Научной молодежи ИИ СО РАН». URL: http://history.nsc.ru/snm/harina.htm (дата обращения: 13.10.2008).

10. *Чудинова И.А.* День соловецкого клирошанина («клиросское житие» и «житие монашеское» по архивным документам и рукописям Соловецкого монастыря XVII–XVIII вв.) // Наследие монастырское культуры: ремесло, художество, искусство: статьи, рефераты, публикации. Вып. 3. — СПб., 1998. — С. 123–131. URL: http://www.solovki-monastyr.ru/biblioteka015.htm (дата обращения: 14.10.2008).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абрамов Н. А. 9, 11, 124, 129, 268

Аввакум, протопоп 86, 236, 237, 238, 268

Аверинцев С. С. 191, 268, 274

Авраамий Венгерский, инок, один из руководителей раннего уралосибирского старообрядчества, писатель 238, 239, 240, 288

Аврамьев Василий, тобольский митрополичий сын боярский 79

Адриан, архимандрит Чудова монастыря, митрополит Казанский, патриарх Московский 13, 30, 31, 54, 58–60, 61, 64, 87, 95, 97, 110, 137, 142–144, 146, 147, 150–151, 158, 191, 219, 227, 252

Айвазян К. В. 86, 238, 268

Алгави Л. 215, 289

Александров В. А. 119, 122, 268

Алексеев А. И. 67, 72, 269

Алексей Михайлович, царь 8, 29, 36, 178, 180, 181, 190, 214, 215, 217, 230, 252, 289

Алексий, святитель, митрополит Московский 37, 66, 94, 175, 177

Анахарсис, греческий философ 52

Андреев А. И. 198, 269

Андрей Первозванный, апостол 214

Андриевич В. К. 67, 69, 70, 135, 269

Анна, византийская принцесса, супруга князя Владимира I 51

Аристотель, греческий философ 52

Астомен Иосиф. *См.:* Иосиф Астомен

Афанасий Великий, святитель, архиепископ Александрийский 191, 261

Афанасий (Любимов), архиепископ Холмогорский и Важеский 13, 14, 22, 27, 45, 53, 54–55, 59, 60, 63, 91, 101, 136, 140, 149, 150, 151–153, 154, 156, 163, 165, 167, 179, 183–184, 191, 195, 208, 223, 237, 257, 264, 271, 281, 283

Афанасий, патриарх Антиохийский 227

Б

Байдин В. И. 28, 265

Баландин С. Н. 71, 269

Бантыш-Каменский Н. 120, 121, 261

Барсов М. 241, 283

Барсуков А. 269

Барсуков Н. П. 27, 262

Барчиха Матрена, вдова 115

Белоброва О. А. 15, 23, 24, 46, 59, 174, 183, 190, 256, 269

Блажес В. В. 21, 274

Богданов А. П. 14, 15–16, 17, 22, 23, 24, 24–25, 35–36, 36, 37, 41, 45, 47, 49, 50, 53, 55, 59, 60, 61, 141, 143, 146, 150, 151, 164, 165, 166, 167, 168, 174–175, 178, 179–180, 181, 182–183, 183, 186–187, 187, 188, 190, 198, 212–213, 223, 232, 256, 264, 266, 269, 269–270

Богословский М. М. 140, 146, 270

Борисов В. Е. 19, 135, 290

Боцяновский В. Ф. 12, 270

Браиловский С. Н. 13, 59, 144, 150, 175, 176, 270

Бранд Адам, иностранец, участник посольства в Китай 64, 121, 263

Брюсова В. Г. 17, 26, 33, 51, 52, 167, 263, 267, 270

Бубнов Василий, винный откупщик 115

Будный Симон. *См.:* Симон Будный

Буланин Д. М. 42, 181, 207, 271

Булатов В. Н. 271

Буцинский П. К. 67, 271

Бычкова М. Е. 187, 271

В

Варлаам, игумен 124, 126

Василид, иеродиакон Далматовского Успенского монастыря 91, 153

Васильев Иоанн (Иван), священник, ключарь Тобольского Софийского собора 75

Вахрамеев И. А. 31, 263

Венгеров С. 12, 271

Венгерский Авраамий. *См.:* Авраамий Венгерский

Верюжский В. 13, 60, 150, 184, 195, 271

Веселовский Н. И. 120, 277

Виденеева А. Е. 271

Викентий, архимандрит Троице-Сергиева монастыря 60

Викторов А. Е. 179, 182, 271

Виниюс Андрей Андреевич, судья Сибирского приказа 100

Витезев Михаил, дьяк судного приказа Тобольского архиерейского дома 79, 107, 140, 209

Владимир I Святославович, святой равноапостольный, киевский князь, Креститель Руси 51, 214

Владимир Всеволодович Мономах, великий князь 214

Водарский Я. Е. 69, 271

Воробьева Н. В. 290

Воронова Л. Б. 18, 20, 37, 38, 101, 141, 152, 154, 162, 164, 166, 167, 173, 179, 181, 182, 183, 185, 192, 272

Г

Гавриил, архимандрит Новоспасского монастыря, архиепископ Вологодский 43, 54, 139, 149

Георгиев Никита, иподиакон патриарха Иоакима 41

Георгиевский В. 179, 272

Герасим, архимандрит 104

Герасимов Афанасий, тобольский дьяк 105, 106, 107, 108

Герасим, патриарх Александрийский 227

Главацкая Е. М. 6

Главин Косьма, тобольский митрополичий сын боярский 79, 147

Глебов Михаил Иванович, окольничий 110

Голенченко Г. Я. 164, 275

Голицын Василий Васильевич, князь 48, 54, 164, 165

Головин Федор Алексеевич, генерал-адмирал, один из ближайших сподвижников Петра I 120, 145

Гордон Патрик, контр-адмирал 30, 58, 267

Горский А. В., протоиерей 54, 59, 272

Греков Б. Д. 67, 71, 272

Григорий, слуга верхотурского воеводы Ивана Цыклера 96

Григорий (Тушин), иеромонах, строитель Усть-Киренского Троицкого монастыря 112, 113

Груздев Василий, тобольский митрополичий сын боярский 79

Гурий (Карпов), святитель, иеромонах, впоследствии архиепископ Таврический и Саратовский 120, 265

Гусева А. А. 163, 274

Д

Далмат Исетский, преподобный 91, 153

Дамаскин, игумен 230

Данилов Михаил, священник 80, 128

Дворецкая Н. А. 14, 18, 21, 28, 29, 35, 69, 75, 117, 185, 198, 199, 265, 272

Дедерев Федор, тобольский митрополичий сын боярский 79

Денисов А., тобольский воеводский сын боярский 109

Денисов Л. И. 272

Дергачева-Скоп Е. И. 29, 290

Димитрий (Туптало), святитель, митрополит Сибирский и Тобольский, митрополит Ростовский и Ярославский 146, 148, 157, 192, 262, 272

Дмитриев А. А. 67, 272

Дмитриев И. Д. 44, 45, 52, 53, 54, 151, 272

Дмитриев Иоанн, диакон 127

Дмитриев Т., тюменский стрелецкий атаман 110

Дмитрий Донской, великий князь 177

Дмитрий Иванович, царевич, сын царя Ивана IV Васильевича Грозного 52

Дмитрук А., протоиерей 272

Досифей, архимандрит 32, 38, 40, 42, 262, 272–273

Досифей, патриарх Иерусалимский 59, 227

Дулов А. В. 68, 72, 83, 84, 85, 273

Дурново Семен Иванович, стольник, красноярский воевода 99, 116

Е

Евгений (Болховитинов), митрополит 8, 273

Евстафий, архимандрит 148, 273

Евфимий, митрополит Сарский и Подонский 61

Евфимий Чудовский, монах, церковный писатель 54, 87, 150, 174, 262, 287

Еремин И. П. 178, 266

Ермий, христианский философ-апологет 52

Есипов Г. В. 191, 264

Ж

Жалсараев А. Д. 273

Журавель О. Д. 6, 18, 21, 91, 94, 185, 208, 244, 245, 247, 249, 262, 263, 273

З

Забелин И. Е. 15, 189, 190, 264, 267, 270

Зауральский 11, 64, 273

Захаров Василий, албазинец 120

Захаров Иван, тюменский десятильник 104, 112

Зиборов В. К. 37, 273

Зольникова Н. Д. 6, 113, 132, 273

Зубов Федор, иконописец 17, 51, 52, 270

И

Иаков, дьячок Соловецкого монастыря 10, 173

Иван IV Васильевич Грозный, московский царь и великий князь 52, 88

Иванов Феодор, диакон, один из лидеров старообрядчества 236

Игнатий (Груздев), архимандрит Тобольского Знаменского монастыря 73, 74, 79

Идес Избрант, русский посланник в Китай 64, 121, 263

Избрант Идес. *См.:* Идес Избрант

Израиль, крестовый иеромонах Тобольского архиерейского дома 75, 76, 79, 100, 107, 138, 140, 147, 152, 154, 197

Иоаким (Савелов), патриарх Московский 10, 11, 13, 21, 22, 27–26, 29, 38, 41, 42, 45–46, 47, 48, 49, 53, 54–57, 58–60, 62, 104, 149–150, 151, 155, 157, 158, 174, 176, 179, 181, 183, 183–184, 190, 191, 218, 220, 222, 223, 224–225, 252, 254, 257, 262, 273, 274, 282, 283, 284

Иоанн V Алексеевич, царь 23, 44, 57, 61, 64, 66, 95, 97, 98, 100, 134, 165, 169, 170–171, 180, 216, 218, 225, 226, 227

Иоанн Богослов, апостол 170, 226, 241, 248

Иоанн Златоуст, святитель, архиепископ Константинопольский 156, 170, 230, 257

Иоаннов Иоанн, протопоп московского собора Черниговских чудотворцев 27, 49, 182

Иоанн, Христа ради юродивый 78

Иоасаф (Милюков), монах, казначей Тобольского архиерейского дома 74, 140, 209

Иоасаф, митрополит Ростовский и Ярославский 61

Иоасаф, патриарх Московский 42, 44, 190, 220, 237, 282

Иона, архиепископ Вятский и Великопермский 191, 266

Иона (Сысоевич), митрополит Ростовский и Ярославский 42, 61, 94, 271

Иосиф Астомен, ссыльный монах Тобольского Знаменского монастыря 18, 86–87, 88–89, 90, 95, 160, 194–195, 197, 209, 238, 241, 268, 288

Иосиф Знаменский, иеромонах 74

Иосиф, монах 124, 126

Иосиф, патриарх Московский 236, 243

Иосиф, священник Тобольского Софийского собора 75

Ипполит Римский, священномученик 240, 257

Ирина Михайловна, царевна 44

Иродион, апостол от семидесяти 52

Иродионов Димитрий, священник 132

Исаак, игумен, впоследствии архимандрит Далматовского Успенского монастыря 91, 93, 125, 153, 276

Исаакий, иеродиакон 76, 138, 147

Исаия, строитель Иркутского Вознесенского монастыря 126, 128

Исидор, митрополит Киевский, кардинал Сабинский 234

К

Каган М. Д. 183, 274

Казанин М. И. 65, 263

Калинник, патриарх Константинопольский 227

Каптерев Н. Ф. 84, 213, 230, 274

Карбасова Т. Б. 171, 216, 275

Карион Истомин, иеродиакон, церковный писатель 9, 13, 14, 27, 45–46, 59, 150, 174, 175, 182, 255

Карташев А. В. 228, 275

Карташев Василий, десятильник 112

Каштанов С. М. 207–206, 275

Киликея, монахиня 127

Киприан, архиепископ Сибирский и Тобольский 67, 136

Киприан, архимандрит 73

Кирилл Новоезерский, преподобный 169, 170, 171, 216–217, 226, 275

Клавдий Птолемей, позднеэллинистический ученый, II в. 52

Климов Никита, приказчик купцов Филатовых 128

Клочков М. 70, 130, 275

Ключевский В. О. 185, 190, 275

Козмин Василий, иконописец 50

Кондратьев Тарас, вкладчик Усть-Киренского монастыря 124

Коновалов В. В. 24, 275

Корнилий, архиепископ Сибирский и Тобольский 136

Корнилий, митрополит Новгородский и Великолуцкий 53, 151

Коробовский Алексей 11, 141, 145

Корсаков Иван Степанович. *См.:* Римский-Корсаков Иван Степанович

Корсаков Илья Александрович. *См.:* Римский-Корсаков Илья Александрович

Круглик А., священник 17, 290

Кузнецов Е. В. 28, 91, 92, 93, 275

Л

Лаврентий, диакон Тобольского Софийского собора 75, 122

Лаврентий (Мордовский), игумен 32, 262

Лазарь, священник, лидер старообрядцев 236–237

Лебедев А. 9, 26, 48, 49, 163, 164, 164–165, 232, 263

Лебедева И. Н. 50, 183, 269

Лебедев Стефан, приказной патриаршего разряда 110

Лебедев Тихон, стряпчий архиепископа Афанасия 140, 152

Леонид (Каверин), архимандрит 45, 263

Леонтиев Максим, священник православной церкви в Пекине 23, 32, 120, 122, 200, 201, 202, 206, 219, 261, 263

Лепихин Яков Борисович, лидер урало-сибирского старообрядчества 238, 240–241

Лидов А. М. 214, 230, 286, 289

Лихачев Н. П. 12, 17, 21, 36, 186, 264

Лихуды Иоанникий и Софроний, иеромонахи, основатели Славяно-греко-латинской академии 13, 14, 54, 149, 151, 229, 284

Лобанов Василий, приказчик гостей Василия и Алексея Филатьевых 121

Лобачев С. В. 16, 286

Лукичев М. П. 17, 36, 187, 275

Луппов С. П. 156, 275

Лутовинов Василий Елисеевич, туринский воевода 103, 108

Лызлов Андрей Иванович, стольник, писатель 141, 264

Львов, князь, управляющий печатным двором 236

М

Макарий, архиепископ Сибирский и Тобольский 67, 159, 250

Макарий, архимандрит Соловецкого монастыря 8, 38, 173, 174, 257, 265, 291

Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский 42, 44, 61, 220, 276, 282

Макарий (Миролюбов), архимандрит 276

Макарий, патриарх Антиохийский 228, 237

Малышев В. И. 273

Мангилев П. И., протоиерей 6, 18, 19, 90, 91, 94, 96, 185, 276

Мандрика Ю. Л. 67, 266, 271, 275

Мануил (Лемешевский), митрополит 190, 276

Манькова И. Л. 6, 69, 91, 131, 221, 261, 276

Маркелл, митрополит Псковский, митрополит Казанский 58, 60, 277

Маркелов А. В. 191, 290

Матвеев Димитрий, протопоп Красноярской соборной церкви 116

Матфей, священник 197

Мелетий (Якимов), архимандрит, епископ 32, 33, 38, 123, 139, 201, 210, 262, 277

Мельник А. Г. 71, 74, 77, 290

Мисаил, игумен Селенгинского монастыря 32, 85, 114

Михайловский И. Н. 141, 181, 277
Михаил Федорович, царь 34
Михаил (Харзеев), иеромонах 19, 129
Моисей, экклесиарх 56
Мончева Л. Н. 191, 277
Морозова Феодосия Прокофьевна, верховная дворцовая боярыня, деятельница раннего старообрядчества 184, 237

Н

Нарышкина Наталия Алексеевна, царевна, дочь царя Алексея Михайловича 107
Нарышкина Наталия Кирилловна, царица, мать Петра I 14, 58, 62
Нарышкин Андрей Андреевич, тобольский воевода 106, 108, 111, 221
Нарышкин Андрей Федорович, тобольский воевода 54, 81, 90, 98, 99, 100, 101, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 111, 116, 221, 275
Невоструев К. И. 54, 59, 272
Немчинов Иаков, приказной Тобольского архиерейского дома 73
Немчинов Осип (Иосиф) Семенович, приказной Тобольского архиерейского дома 73, 107, 112, 114
Неофит, митрополит Ефесский 215
Непорожная Т. В. 164, 275
Неронов Григорий, архимандрит, один из лидеров старообрядчества 236
Несторий, архиепископ Константинопольский, ересиарх, V век 234
Нечаева М. Ю. 277
Никита, архиепископ Коломенский 61
Никита Пустосвят, суздальский священник, один из лидеров старообрядчества 236, 236–237
Никитин Гурий, иконописец 17, 33, 50–51, 209, 266, 270
Никифор (Амвросиев), иеродиакон Тобольского Софийского собора 75, 76, 100, 197
Николай (Адоратский), иеромонах 120, 121, 200, 277
Никон, патриарх Московский 51, 155, 172, 189, 211, 220, 222, 223–225, 228, 230, 232, 236, 240, 252, 258, 290
Никулин И. А., священник 7, 20, 23, 168, 213, 219, 228, 243, 248, 249, 263, 278–280, 289, 291
Новиков Н. И. 8, 168, 280
Новицкий Григорий, верхотурский священник 123

О

Оглоблин Н. Н. 10, 33, 76, 116, 118, 137, 138, 139, 141, 145, 147, 149, 154, 155, 157, 169, 172, 229, 280
Ольга, святая равноапостольная, княгиня 51
Омир (Гомер), древнегреческий писатель 52
Орнатская Т. И. 30, 265
Орфей, в древнегреческой мифологии легендарный певец и музыкант 52

Осипов Василий, иконописец 50
Охотникова В. И. 174, 291

П

Павел (Маровский), игумен Крестомаровского монастыря, митрополит Рязанский 37, 56, 149, 257, 273, 284
Павел, митрополит Сибирский и Тобольский 61, 64, 74, 102, 108, 126, 129, 132, 136
Павлов А. С. 156, 281
Паисий, патриарх Александрийский 237
Панич Т. В. 18, 22, 55, 59, 156, 183, 191, 223, 262, 264, 281, 290
Пасхалова Т. В. 45, 285
Петр Алексеевич, царь, император 23, 31, 32, 44, 50, 53–54, 55, 57–58, 61, 64, 66, 67, 70, 95, 97, 98, 100, 109, 120, 122, 130, 133–134, 140, 141, 142, 144, 145–146, 147, 157, 165, 168, 170, 171, 180, 182, 183, 195, 216, 218, 225, 226, 237, 261, 267, 269, 270, 275, 279, 282, 285
Петр, апостол 169, 170, 200, 227
Петров В. П. 281
Петров Савва, священник Покровской церкви Красноярска 117
Петр, святитель, митрополит Московский 170, 234
Питирим, патриарх Московский 176, 220, 282
Платон, древнегреческий философ 52
Плотников Г. С. 125, 282
Плутарх, древнегреческий философ, I — начало II в. 52
Покровский И. М. 12, 67, 74, 76, 79, 80, 114, 143, 282
Покровский Н. Н. 18, 25, 61, 68, 73, 80, 82, 84, 103, 104, 105, 106, 107, 109, 110, 111, 112, 114, 119, 135, 221, 243, 265, 282
Полознев Д. Ф. 220, 282
Понырко И. В. 156, 282
Попов Е., протоиерей 282
Попов И. М. 120, 282
Попов М. С., священник 137, 283
Попов Н. П. 11, 26, 46, 47, 48, 283
Постников Дмитрий, тобольский митрополичий сын боярский 90, 95
Постников С. 13, 140, 152, 283
Прозоровский А. 13, 60, 283
Протасьева Т. Н. 176, 280
Протодьяконов Михаил, писарь Тобольского архиерейского дома 74
Протопопов Алексей, тобольский дьяк 105, 106, 111
Прохоров Г. М. 185, 283
Птолемей. *См.:* Клавдий Птолемей

Р

Радзевич Т. К. 164, 275
Раевский Тит, тюменский воевода 104, 110
Ребриков Л., тобольский сын боярский 109, 111
Ремезов Семен Ульянович, тобольский сын боярский, составитель карт Сибири 71, 265

Репина Л. П. 148, 244, 274, 283, 284

Римский-Корсаков Иван Степанович 12, 17, 36, 186, 273

Римский-Корсаков Илья Александрович 16, 17, 35, 36, 186–187, 269

Робинсон А. Н. 283

Ромодановская Е. К. 22, 24, 29, 185, 207, 262, 263, 265, 283

С

Савва Долгий, иеромонах, сподвижник Сильвестра Медведева 54

Савватий, крестовый иеромонах Тобольского архиерейского дома 76, 138, 147

Савин В., конный казак 110

Савин Сила, иконописец 50

Сазонова Л. И. 178, 265

Саминский Василий, десятильник 32, 125

Санников А. П. 68, 72, 83, 84, 85, 273

Сапожников Д. И. 209, 283

Сент, русский средневековый еретик, XIV в. 234

Сергеев Григорий, новокрещеный татарин 104

Сергий, архимандрит Абалакского Знаменского монастыря 90

Сергий, игумен, справщик Печатного двора 150

Сергий Радонежский, преподобный XIV в. 94, 177

Сидоров Влас, купец 127, 129

Сильвестр Медведев, духовный писатель, придворный поэт, ученик Симеона Полоцкого 10, 13, 14, 54, 60, 87, 150, 175, 255, 283

Симеон Верхотурский, праведный 5, 6, 8, 19, 20, 21, 27, 29, 75, 76, 91–92, 93, 94, 96, 100, 138, 153, 163, 185, 196, 197, 229, 232, 243, 244–245, 246–247, 248, 251, 256, 262, 264, 268, 273, 276, 283, 284

Симеон, митрополит Смоленский 9, 11, 13, 26, 46–47, 47, 48, 283

Симеон Полоцкий, иеромонах, духовный писатель, богослов 55, 175, 178, 180, 181, 259, 265–266

Симон Будный, известный протестантский проповедник, XVI в. 164

Синицына Н. В. 22, 166, 177, 211, 213, 216, 283

Скворцов Г. А. 58, 60, 283

Скорняков Афанасий, тобольский митрополичий сын боярский 79

Словцов П. 283

Сменцовский М. Н. 13, 54, 149, 151, 284

Сметанин В. А. 284

Смирнов П. С. 27, 50, 182, 266

Смирнов П., священник 55, 56, 284

Смолич И. К. 14, 62, 146, 284

Снегирев И. М. 284

Созина Е. К. 21

Соколовский И. Р. 196, 291

Соловьев С. М. 284

Солодкин Я. Г. 284

Солон, древнегреческий политик и мыслитель, VII в. до РХ 52

Софроний (Грибовский), архимандрит 200
Софронов В. Ю. 290
Софья Алексеевна, царевна 16, 19, 26, 44, 48, 49, 50, 52, 53, 54, 120, 158, 165, 166, 180, 182, 218, 228, 263, 270, 286
Спафарий Николай, переводчик Посольского приказа, писатель 141, 181, 212, 277
Срезневский В. 284
Станюкович А. К. 45, 285
Старков Федор, тобольский митрополичий сын боярский 79
Страхова О. Б. 220, 284
Строев П. М. 9, 37, 43, 151, 284
Сулоцкий А. И., протоиерей 11, 12, 64, 65, 66, 109, 123, 138, 285

Т

Тимашкин Григорий, ясачный 95, 134
Тихон, архимандрит Невьянского монастыря 107
Тихон Макарьевский, архимандрит, келарь Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде, церковный писатель 10, 41
Токмаков И. Ф. 285
Толбузин А. Л., албазинский воевода 119
Толбузин Федор, казачий голова 106
Толстоухов Василий, туринский десятильник 103, 109, 112
Туманский Ф. 31, 32, 261
Тутолмин Федор Степанович, дворянин, красноярский воевода 116

У

Ундольский В. М. 8, 39, 182, 265, 267, 271
Устрялов Н. 31, 55, 57, 120, 123, 142, 144, 145, 169, 285

Ф

Федор Иванович, царь 52
Федоров Димитрий, священник 131, 133
Феодор Алексеевич, царь 38, 44, 47
Феодосий, архиепископ Черниговский 31, 64
Филарет (Гумилевский), архиепископ 13, 14, 285
Филарет, патриарх Московский 34, 220
Филарет (Ушатый Жерябин), келарь Спасо-Ярославского монастыря 43
Филипп, игумен Красноярского Введенского монастыря 116
Филиппов Андрей, священник 132
Филофей (Лещинский), митрополит Сибирский и Тобольский 84, 157
Фирс (Шарапов), архимандрит Соловецкого монастыря 152, 153–154, 208
Флоровский А. В. 181, 287
Флоря Б. Н. 67, 72, 269
Фонкич Б. Л. 151, 181, 214, 285

Х

Хавов Осип, тобольский митрополичий сын боярский 79
Харина Н. С. 68, 80, 81, 286, 290, 291

Хипписли А. 178, 265
Хмелев Прокофий, тобольский подьячий 106
Хондзинский П., протоиерей 286
Хьюз Л. 16, 286

Ц

Цветаев Д. 10, 48, 165, 232, 286
Цыклер Иван, верхотурский воевода 96
Цыпин В., протоиерей 220, 249, 286

Ч

Челищев Богдан, илимский воевода 32, 124, 221
Червинский Е. 46, 286
Черкасский Михаил Яковлевич, тобольский воевода 111, 112, 118
Черкасский Петр Михайлович, тобольский воевода 111, 112
Черная Л. А. 258, 287
Черторицкая Т. В. 156, 287
Чеснокова Н. П. 177, 213, 230, 287
Чингалин Бекбакмас, некрещеный татарин 105–104
Чистякова Е. В. 15, 141, 264, 269
Чудинова И. А. 17, 38, 39, 40, 172, 173, 291
Чумичева О. В. 38, 237, 287

Ш

Шапошников Василий, старообрядец 238
Шашков А. Т. 6, 18, 19, 24, 28, 86, 88, 90, 95, 99, 100, 102, 129, 195, 210, 235, 238, 240, 265, 276, 287–289
Шишонко В. 12, 91, 281
Шляпкин И. А. 10, 11, 14, 21, 41, 60, 143, 146, 148, 183, 190, 289
Шунков В. И. 69, 82, 124, 271, 289

Щ

Щеглов И. В. 130, 289
Щербич С. Н. 68, 289

Ю

Юркин И. Н. 19, 145, 289

Я

Яворская С. Л. 214, 230, 289
Яковлев Григорий, дьяк казенного приказа Тобольского архиерейского дома 74, 138, 140, 147, 148
Яконович Михаил, иезуит 60
Янькова Е. П. 30

G

Gordon Patrick. *См.:* Гордон Патрик

N

Nikulin Iwan, ks. *См.:* Никулин И. А.

SUMMARY

Nikulin I., priest. **Right Reverend Bishop Ignatius (Rimsky-Korsakov), Metropolitan of Tobolsk and Siberia. Ekaterinburg: Ekaterinburg theological seminary, 2015.**

The present monograph is based on the wide range of sources, including unpublished ones. The author attempts to reconstruct the biography of a famous Church leader, writer and thinker of the last third of the 17th century, the very Reverend Ignatius (Rimsky-Korsakov), Metropolitan of Tobolsk and Siberia, as well as the author's list of works and his world outlook. Vladyka Ignatius left a significant mark on the life of the Church of Moscow state in the 80-es — early 90-es of the 17th century. He also stood out as one of the prominent hierarchs of the Tobolsk diocese of the 17th c.

The Metropolitan's secular name is still unknown; the hypotheses offered by some historians (N. Likhachev, A. Bogdanov) were refuted by M. Lukichev. The year of his birth is disputable too; the most likely version (1639) is given by N. Dvoretskaya. There is no exact evidence where he was educated. It is likely that the future bishop became a monk in the Krestomarovskaya desert. It was there that he began to develop as a writer. Soon (in 1673) he became the Father Superior of the monastery, and in 1676 he became the ecclesiarch in Solovetsky Monastery. There he took part in the creation of the Solovetsky Irmologion. In 1680 hieromonk Ignatius started building Moscow coaching inn of the Solovetsky Monastery. This is how he began to play a significant role in the life of the upper classes in Moscow, performing so far the first orders of Patriarch Joachim. In this position he advocated for the development of the Church material resources, which could strengthen the economic position of the Solovetsky monastery. The protectors of the future Metropolitan Ignatius did their best to have him back in Moscow so he did not stay in Spassky-Yaroslavl monastery (St. Saviour monastery in Yaroslavl) for a long time. During the time when he was the Father Superior of Novospassky Monastery (1684–1692) he dis-

tinguished himself both as the Archimandrite who ran the day-to-day life of the monastery and as Patriarch Joachim's closest associate. The Moscow period was the time of his literary talent manifestation. From the ideological point of view his writings were meant to protect the Church interests. While praising the monarchs, he portrayed the image of the ideal monarch who took care of the Church, struggled with the religious influence of the West and with the Old Believers. Archimandrite Ignatius was an active member of many historical events, including the election of the Patriarch in 1692.

In our opinion, his becoming the Metropolitan of the Tobolsk diocese cannot be considered either as promotion or demotion. Due to his appointment to Siberia he moved away from the center of the political, cultural and ecclesiastical life, but at the same time he continued to enjoy the confidence of the highest ecclesiastical and secular authorities. The Siberian diocese needed a credible and reliable leader because of its regional specific features. When Metropolitan Ignatius arrived in Siberia in 1693, he began taking active steps aimed at running the diocese, fighting against violations of the Christian life norms, improving supplies and utilities of the Tobolsk Cathedral.

The Metropolitan's everyday life and activities were supported by the Tobolsk Archbishop establishment (Archbishop's dom), which had the same structure as other Archbishops' establishments but had a very small staff of about 70 people. The Metropolitan's domestic life was typical for that period. At that time each Archbishop had considerable property, but when they left their post they lost most part of it. Metropolitan Ignatius was able to collect a big library (almost 80 books), which can testify for his broad world outlook, as well as for the scope of reading and interests. It is probable that he knew Greek and Latin to some extent.

Very Reverend Ignatius' priority was the struggle with the Old Believers, which was innovative for that time thanks to its methods of struggle. Vladyka Ignatius held a public "persuasion" of one of the Old Believers leaders, Joseph Astomen, who resisted the new practice. While taking journeys on foot to some places in the Western Siberia, he paid a great attention to catechization of the population in order to re-

duce the Schism influence. He also preached a lot, talked to his congregation, took care of it, inspected the relics of St. Simeon of Verkhoturye. Very Reverend Ignatius hoped to go around the Eastern part of his Metropolitan area but he met resistance of the Tobolsk military governors. His three "Epistles against armen and semiarmen" (Poslaniya na armen i poluarmen) were written to polemize with the Old Believers.

The Metropolitan had difficult relationships with the Tobolsk military governors, the Naryshkins, which became even worse due to "desyatilniks case", a fuzzy distinction between secular and Church court spheres, their different understanding of relations between the Church and the Government. The conflict resulted in temporary excommunication of the military governors and a junior clerk. The author believes that Vladyka Ignatius' point of view can be explained by his desire to protect the Church immunity. Sibirsky prikaz (the central authority body in Siberia) took the side of the governors and Vladyka's activities were considered inappropriate. His attempts to expand the land plots of the Tobolsk Archbishop's dom also failed.

The Metropolitan's management techniques were typical for that time. The main means of his fighting for the people's moral standards was raising Church fines. His relations with monasteries, parishes and people of different walks of life were also mostly traditional. The Metropolitan took active care of the congregation but paid very little attention to the natives.

At the end of 1696 Metropolitan Ignatius started seeking the tsar's permission to go to Moscow in order to let the tsar know about the Church dogmas and the most important things for the Archbishop's dom. However, he got this permission only in 1699. When he arrived in Moscow in 1700, he behaved as it was appropriate for the Bishop who came to Moscow but on March 16 there occurred a conflict with Patriarch Adrian. The reason for this conflict seems to be a row between the Metropolitan and a Patriarch's singer, which took place in the Chamber of the Chrism. Adrian sided with the singer and wrote numerous letters to the tsar and his circle of close associates and got their support. The Metropolitan appealed to the secular authorities too. In the end, the Metropolitan was sent to Chudovo, — where he was kept under

control before being transferred to Simonov Monastery (where he enjoyed certain freedom). He died a natural death in 1701 and was buried in accordance with his rank.

During his life Vladyka Ignatius had contacts with prominent clergymen and scribes, e.g. Carion Istomin and Gavriil, the Archbishop of Vologda. But his closest friend was Athanasius, the Archbishop of Kholmogory. They seemed to exchange letters for many years. Vladyka Ignatius also stayed in touch with the Solovetsky Monastery. He carried on extensive correspondence. The inventory of his belongings made in 1700 testifies for that. It lists 21 letters addressed to people of different ranks. It is obvious that his social circle developed on the basis of common views and Church practice while he lived in Moscow. The Archbishop was a sociable man who stayed in touch with his friends. Studying his contacts, we can draw the conclusion that he was one of the most educated men of his time in Muscovy. It is clear that his friends made an essential part of his life and that the friendship met his spiritual needs. His library's inventory testifies for his interests and scope of reading.

In the second chapter all the writings by the Tobolsk Archbishop were divided by us into several groups according to their genre and content characteristics. Within these groups his writings were divided into subgroups according to the authorship probability degree. The first group includes those works written by Bishop Ignatius which provoke no doubt concerning their authorship. The works of the second group, i. e., the dubious ones, need further studying so that his authorship may be proven or dismissed, and the works of the third group are just attributed to Vladyka.

We can also distinguish 3 groups of writings according to their genre and content characteristics.

1. The theological and didactic works, which were mostly written by very Reverend Ignatius during his Moscow period. These are polemic treatises and panegyrics on topical news. They express the author's view on different aspects of the Moscow tsardom life at that time. Such works as "The Unmasking of the Lutheran catechism" and "The word against Latins and Lutherans" are devoted to the criticism of the Western confessions and Tsarina Sophia's government policy towards

those people who practiced those confessions. Then, "The word to the troops" before the Crimean campaign was written by Ignatius as a sermon in front of the troops, and as such it encapsulated the concept of "the Byzantine heritage". In his panegyrics addressed to the Imperial power ("The epic of Sophia, the Wisdom of God's Word", "The word about the Russian tsardom") Vladyka Ignatius portrayed the image of the ideal sovereign and formulated his ideas in the framework of the "Byzantine heritage" concept.

2. The historical writings and the Lives, written by him both in Moscow and in Tobolsk. "The Book about the journeys to the Kostroma and Kineshma Districts" is a kind of report devoted to the Tsar's order implementation. At the same time it represents the first known experience of our Metropolitan's polemics with the Old Believers. The second part of the Life of Joachim, namely the "Epistle to the God-loving Athanasius", is sure to be penned by Vladyka Ignatius. It gives the details of the events of 1690. The Life of Simeon of Verkhoturye is the best studied writing of his, but we perceive it like a glorification, rather than the actual scenes from his life. Apparently, "The book about the journeys" and The Life of Simeon of Verkhoturye originated as certain notes that were being taken during Vladyka's journeys, and then these were literally elaborated by the author. In our opinion, it is a rather new phenomenon in the 17th-century Russian literature, to wit, when someone's personal impressions form the basis of a literary work, whereas a part of the work is written in the first person.

3. The Archbishop's epistles (the first, the second and the epistle "Poslaniya na armen i poluarmen"), his charter to Beijing and his epistles to Krasnoyarsk are united by a number of common features: in his epistles very Reverend Ignatius positions himself as such a Bishop who has the right to teach and instruct his congregation. All of these epistles had a good reason to be written. Their target audience was not a specific person but a community of people, i. e., the Orthodox Christians of Siberia and its regions. The epistles have a similar structure and the author used the stylistic techniques typical of the Apostles' Epistles.

We can be absolutely sure that Vladyka Ignatius wrote seven

works before being ordained the Archbishop of Tobolsk, and from then on he penned the six ones more, while in Tobolsk. The other two writings (The Genealogy and the Introduction to the Solovetsky Irmologion) may be presumably attributed to his pen, but we do not know the exact extent of his authorship. Some works usually attributed to very Reverend Ignatius (Rimsky-Korsakov), such as "Slova k Zaporozhskomu voinstvu", "Slova k pravoslavnomu voinstvu", "Letopisny svod", "Dovoda vkratse" and The Life of Ann Kashinskaya do not belong to Vladyka. This fact was proven by A. P. Bogdanov. The epistolary heritage also testifies for our Metropolitan's literary talent and the width of his world outlook. Many of his letters and petitions were written in a highly emotional language.

Vladyka Ignatius used those genres which were traditional for the Old Russian literature, but in several works he introduced some structural characteristics typical only for his writings, e.g., in some works written in Tobolsk he often wrote from the first person singular.

In our study we tried to reconstruct the views of very Reverend Ignatius on the pressing problems of the political, social and ecclesiastical life of his time. The Metropolitan, undoubtedly, was the person typical for the transition period from the Middle Ages to the Modern times. If we take into consideration his world outlook we will be able to say that he was closer to the Middle Ages and its conservative perception of reality because of his personality having been formed within the Russian Orthodox Church. The basis of his outlook was the ascetical and spiritual tradition of the Eastern Christianity. The concept of "Byzantine (Constantinople) heritage" had a great influence on the pastor's views. The concept gained development and conceptual registration in some of very Reverend Ignatius' works. A peculiar feature of this approach is Ignatius' vision of the main goal of the Russian monarch (the basileus' successor) as the "protection" of the universal Church. The concept of the "Constantinople heritage" has got a religious and political orientation in the works of the Tobolsk archbishop.

According to the traditions of that time, Metropolitan Ignatius

perceived the secular power (the power of the tsar and his administration) as being established by God; so, to his mind, if you obeyed its power, it meant that you obeyed God, too. In his opinion, the main task of the imperial power was to protect the Church, that is, first of all, its external borders, and then to cleanse the Orthodox "oecumene" from the power of non-Christians. However, if the secular power does not carry out these tasks and, moreover, interferes with the Church life and infringes upon its interests, then severe actions should be taken towards it, including even excommunication. In his understanding of the relations between the Church and the State the Metropolitan was, probably, close to Patriarch Joachim and opposed any attempts of belittling the Church role in the society life. We can say that the difference in understanding of the role of the clergymen and the tsar and his administration in the creation of «the Russian tsardom» only appeared in the middle of the 17th century. And these trends became evident not only in the center (the most graphic example of this being the conflict between Tsar Alexey Mikhaylovich and Patriarch Nikon), but also in other parts of the country. In the early 18th century there appeared Church hierarchs who supported strong Church power. Their understanding of the role and the mission of "the stardom" differed from that of "the tsardom" representatives. It is quite possible that this fact made the secular power think about a "reasonability» of the election of a new Patriarch after Patriarch Adrian's death in 1700.

In accordance with the concept of the "Constantinople (Byzantine) heritage", which dominated in the court, very Reverend Ignatius considered the Greeks and Greek rites as the keepers of the unspoiled Orthodoxy. His struggle against the Latin and Protestant influences was a considerable part of his ecclesiastical and political activity. His negative attitude to the Old Believers shaped under the influence of the "Byzantine heritage" ideology. Having faced the Schism in Siberia at large, Ignatius tried to reveal the roots of this phenomenon and to explain its emergence. "Poslaniye na armen and poluarmen" still remains one of the most valuable sources on the History of the Old Believers in Siberia.

The analysis of the Metropolitan's writings allowed us to assess

his self-identification as the Siberian diocese head. Very Reverend Ignatius considered himself a successor to the apostolic service, and it became evident in the two main forms. First, he copied the apostles' journeys, and his purposes in traveling in many ways coincided with those set by the apostles. The perception of his service as apostolic can explain his persistent urge to travel to the East of Siberia. Second, this self-perception was expressed in addressing his congregation with special epistles. Very reverend Ignatius intentionally made them similar to the Apostles' epistles, combining his own words and the quotations from the Apostles. If we compare Venerable Ignatius with his predecessors, we can say that he tried to introduce something new into his hierarchal service, but he also relied on the remote past experience, borrowing the Apostles' types of activities.

Though transition periods most often possess unique features, they also have a number of common characteristics. The main common feature is a connection of a culture's past with its future, a certain coexistence of traditions and innovations. In our opinion, it shaped the individuality of Siberian metropolitan Ignatius (Rimsky-Korsakov) in many ways.

The characteristic feature of all Church ministry of the Tobolsk bishop is his informal approach to this or that obedience. He performed obedience with diligence and enthusiasm, putting all his efforts in it. He was not satisfied with meeting only minimal requirements, and tried to do his best in what he did. It is in Siberia that he was able to demonstrate his talent of the archbishop, writer and educator. Remoteness from the center and the social specific characters of the Siberian diocese gave him more opportunities to take independent decisions and provided him with more freedom of action.

The medieval understanding of reality is inherent in metropolitan Ignatius in many ways. He protects feudal interests of the Church, its judicial immunity, property, etc. However, at the same time his personality combines both old and new characteristics. The second half of the 17th century witnesses a bigger interest in a human personality. Many scientists define this phenomenon as one of the most important features of the transitional period of the Russian culture from the Mid-

dle Ages to the Modern times. Thus we can see the strengthening of the personal principles in the works of the Tobolsk bishop. In his writings very Reverend Ignatius sometimes acted as the author, the main hero of his works, shared his personal impressions and that is why there was an effect in those of a live communication between the author and his readers.

The Siberian metropolitan, like many of his contemporaries (for example, Simeon Polotsky), believed that knowledge is the main weapon against the spreading split. Therefore he tried to develop his evangelical activity and believed knowledge to be «the force against demons». Recognizing the genuine nature of the Greek Orthodoxy of that time (it was expressed in his affection for Graecophiles), the Metropolitan became one of the consistent supporters of the ecclesiastical reform of the mid-17th century, together with being one of the prominent fighters against the Schism. In his struggle against the Old Believers the Tobolsk Metropolitan tried to use polemical methods rather than repressive ones, typical for the secular power. He considered those to be the sermon, catechization and admonition that can weaken the influence of the old rites supporters. However, this choice of methods of fighting with the Schism can be explained to some extent by Vladyka's specific self-perception as the metropolitan and by his understanding of his own ministry. His trips around the diocese as well as some transformation of the existing genres of Lives and Archbishop's epistles were innovative (in comparison with his predecessors) and can be considered as a certain manifestation of the transitional period. It is necessary to understand his attitude to the Siberian congregation in the same way. Though Vladyka could be rather harsh, even tough and stubborn, sometimes quick-tempered, he treated his congregation as his "beloved flock", accusing of split and other "mess" only the leaders and instigators of such things. It is true that in his appeals to the powers the Metropolitan, unlike his predecessors, neither complained of "disorders" in the Siberian society, nor revealed its vices. On the contrary, he showed the full extent of mutual understanding with his flock. However, in reality the pastor's relationships with the flock were more complicated.

The Siberian Metropolitan left behind himself the considerable

literary heritage, though it was not as big as that of some of his famous contemporaries. Nevertheless, we have every right to call him the original and independent writer who had his own mature style and ideological orientation influenced by his time and his education.

The Metropolitan's social, ecclesiastical and political views were mostly traditional. He was one of the strongest supporters of the "Byzantine heritage" official concept, and while developing it, he concentrated, mainly, on its religious component. Hence he first and foremost perceived the tsar as the defender of all the Eastern Church. In our opinion, this resulted in very Reverend Ignatius' appeals to the imperial power with panegyrics the purpose of which was the praising of the image of the ideal sovereign who cares about all the Orthodox Church. It is within the concept of "the Byzantine heritage" that the Metropolitan Ignatius formulated his attitude to many issues of that time. His attitude to the Church and State relations is also traditional. He perceived them in many respects in line with the ideas of the Great Moscow Council, with the ideas of Patriarchs Nikon and Joaquim, obviously supporting the Church's strong position in public life, and this is also closer to the Middle Ages than to the Modern times.

Vladyka Ignatius stuck rigidly to his principles concerning the Faith issues and he also had a domineering character, but at the same time he showed certain diplomacy which he generally tried to use in the Church interests. He perceived the gradual secularization occurring in the social consciousness in the second half of the 17th century as his personal pain and therefore did his best to assert the highest role of the Church, to protect it from gradual submission to the state machine. He defended the specific Church autonomy just before it was finally lost.

Научное издание

священник *Иван Александрович Никулин*

Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский

Монография

Оригинал-макет подготовлен
информационно-издательским отделом ЕДС

Технический редактор: С.Ю. Акишин
Корректор: Е.Ю. Алексеева
Перевод на английский язык: С.С. Андриевских
Обложка: иером. Аркадий (Логинов)
Верстка: А.И. Подвысоцкий

Подписано в печать: 08.01.2015 г.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Minion Pro. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20
Тираж 200 экз. Заказ №

Православная религиозная организация — учреждение высшего
профессионального религиозного образования Русской Православной Церкви
«Екатеринбургская духовная семинария»

Информационно-издательский отдел
620026, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 57
vestnik@epds.ru

Отпечатано в типографии ООО «Издательство УМЦ УПИ»
г. Екатеринбург, ул. Гагарина, 35 а, оф. 2.
Тел: (343) 362-91-16, 362-91-17

Никулин Иоанн, священник — настоятель прихода Собора святой великомученицы Екатерины (г. Екатеринбург), кандидат богословия (2010 г.), кандидат исторических наук (2013 г.), преподаватель и заведующий информационно-издательским отделом Екатеринбургской духовной семинарии, ответственный секретарь Вестника Екатеринбургской духовной семинарии. Член редакции научного журнала «Elpis» (Польша), доцент кафедры истории Миссионерского института, докторант Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. свв. Кирилла и Мефодия. Автор публикаций и участник целого ряда всероссийских и международных конференций. Женат. Воспитывает двух сыновей.

